

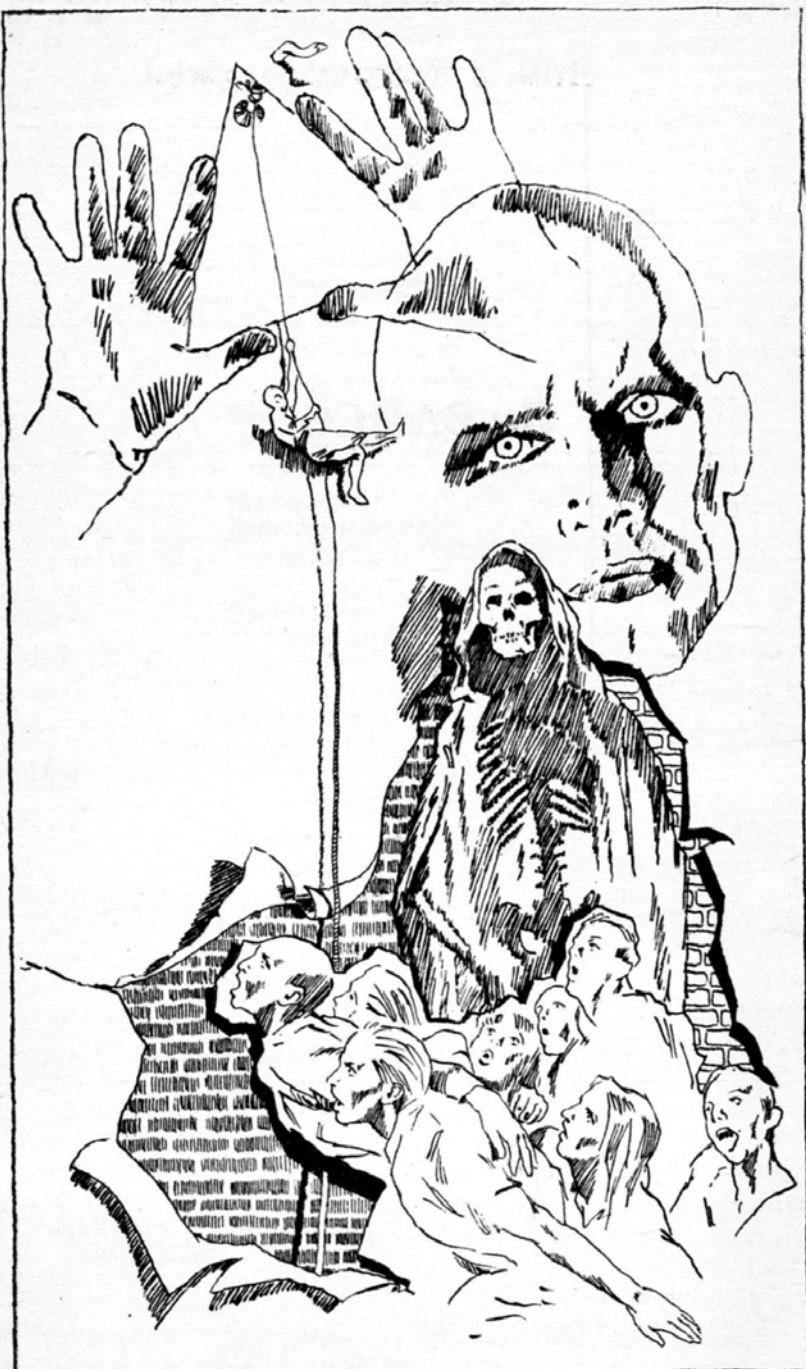

Мир приключений

Фантастика чехословацких писателей

Ян Вайсс

ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ

Роман Яна Вайсса «Дом в тысячу этажей» впервые был опубликован в Праге в 1929 году издательством «Мелантрих». На русском языке издан в 1966 году издательством «Мир». Для настоящего тома взят исправленный текст этого перевода. Он выполнен и сверен по книге: Jan Weiss. Dum o tisi'ci patrech. Praha, 1964.

I

Сначала – сон. Человек на лестнице. Багровый ковер. Кто я?

Сон был жуткий. Полый череп. Внутри крошечная тьма, лишь посередине желтый огонек. Под ним играют в карты, но от лютого холода карты покрылись изморозью, и мастей различить невозможно. А дальше – широкая, как бы висящая в воздухе площадка, на ней ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу, лежат люди. Все на левом боку, согревая один о другого замерзшие колени и стынувшие бедра. Стоит шевельнуться одному – и тотчас вся цепочка приходит в движение, ее плотно пригнанные зигзаги-звенья, как по команде, разъединяются, и вереница тел разом переворачивается на другой бок. И снова люди жмутся друг к другу, колено к колену, бедро к бедру. Но им уже не согреться. Мало-помалу они стынут, будто напизанные на длинную иглу ледяной стужи...

И вдруг чья-то исполинская рука хватает заледенелый череп вместе со всеми этими адскими видениями и швыряет его в огонь. Череп лопается! Жуткая, невыносимая боль – и пробуждение!

Человек очнулся от тяжелого сна. Взгляд его скользнул по наклонной плоскости потолка. Первая мысль была: где я?

Лестница! Нижняя ступенька, с которой сбегает багровая дорожка ковра, служила ему во время сна подушкой. Вместо перил вдоль стены был натянут красный канат, а с противоположного края поднимался уходящий ввысь ряд конических мраморных столбиков.

Где я?

Человек вскочил. Куда идти? Вверх или вниз?

Вверх!

Он спешит, прыгая сразу через три-четыре ступеньки. Пустая лестничная площадка между этажами – без окон, без дверей. И снова лестница, покрытая багровым ковром. Затем опять этаж, слепой, глухой, с белой лампочкой под потолком... Багровый ковер! Вверх! Бесконечной змеей ползет с правой стороны красный канат, а слева все убегают ввысь мраморные конусы.

Когда же это кончится? Где тут двери? Человек бежит вверх. Мысли у него путаются, багровый ручей ковра, точно поток лавы, вливается в мозг.

Внезапно он останавливается.

А может... может, было бы лучше бежать вниз?! Назад! Нет, поздно! Я уже слишком высоко. Вверх!

Еще этаж! И еще! Больше не могу... Еще один, последний. Бездна! снова этаж с глумливо высунутым багровым языком ковра.

Сердце сдает, ноги подкашиваются. Выше уже не могу, не могу... Куда я попал?.. Кто?.. Я?.. Кто это – я? Кто я? Дикая мысль! Человек попытался сосредоточиться.

Кто я?

Но память молчит... Мыслей нет.

Как меня зовут? Как я выгляжу? Откуда пришел? Господи, ведь должно же у меня быть какое-то имя... Но какое... какое?

О, как болят виски, когда я пытаю себя этими вопросами! Только бы вспомнить, все сразу прояснится, и эта лестница сама собою исчезнет... Что же, что же случилось?

Все новые и новые этажи громоздятся один над другим, этажи слепые и глухие, и у каждого свое солнце на потолке – электрическое солнце под матовым стеклом.

II

Ужасное открытие. Руки. Лицо? Что было написано в блокноте. Возможность стать сыщиком. Принцесса Тамара

И опять человек замер в своем безумном беге вверх. Ужас! В углу лестничной клетки белеет грудa костей. Змеится сведенный судорогой позвоночник. Рядом – лопнувший, почти рассыпавшийся человеческий череп. Над этими скорбными останками, на стене, на высоте, до которой человек может дотянуться, стоя на коленях, нацарапаны буквы «С. М.». Под ними пять горизонтальных черточек.

Что это значит? Кто-то еще до меня тоже стремглав бежал вверх по лестнице... «С. М.» добрался до этого места и, обессиленный, упал. Он умирал на коленях и перед смертью сумел процарапать ногтем эпитафию над своей могилой. Пять черточек... Пять дней он здесь блуждал? Пять часов умирал?

От ледящего ужаса человек содрогнулся. Прочь! Прочь отсюда! Но куда? Есть два пути: вверх либо вниз. Куда же? Вверх! Ступени, ступени... Багрянец ковра раскаленным прутом буравит мозг. Когда же это кончится? О, если б знать, кто я! Превозмочь боль, от которой раскалывается голова, и все вспомнить! Память! Что случилось с моей памятью? Прошлое! Воспоминания! Адская боль! Кто я?

И вдруг – руки! Да, это мои руки... Может, я все вспомню, когда увижу свое лицо? Белые руки с длинными тонкими пальцами, узкие ладони. Белые рукава пиджака, шелковая рубашка, белые брюки, белые парусиновые полуботинки... А лицо? Как я себя узнаю?

Человек спрятал лицо в ладонях. Легкими прикосновениями пальцев он пытался «увидеть» свое лицо, выяснить, каков он с виду – красив или безобразен, молод или стар... Какой у него нос, какие губы. А волосы – черные они или тоже белые?

Неожиданно правая рука нащупала в нагрудном кармане пиджака что-то твердое. Маленький блокнот. На первых же страницах незнакомым почерком было написано:

1. Пройти в Муллер-дом. Обследовать все этажи. Проникнуть в запретные помещения.

2. Экспортно-импортный концерт «Вселенная», перепродажа на звезды – не мошенничество ли это?

3. Чудо-металл солиум, из которого строят аппараты для межзвездных полетов. Насколько это соответствует действительности?

4. Кто такой Огисфер Муллер? Благодетель человечества или изверг? Почему он от всех прячется?

5. Загадочные похищения прекрасных женщин. Принцесса Тамара. Где они теперь?..

Разве я сыщик? – удивился человек. Может быть, это задания, которые я должен выполнить? Главные задания? Но как работать, если я ничего не помню?

Он полистал блокнот. И вдруг оттуда выпали три маленькие газетные вырезки. В первой из них было следующее сообщение:

ПОБЕГ ИЛИ ПОХИЩЕНИЕ?

Сегодня ночью из своей спальни исчезли принцесса Тамара и ее подруга Эли. Есть предположение, что её увезли на Остров Гордыни, где находится знаменитый Муллер-дом. Не исключено, однако, что принцесса Тама-

ра не похищена, а убежала сама, так как в последнее время ее охватила «звездная лихорадка». Вместе с Ее Высочеством исчезли и все драгоценности общей стоимостью в пять миллионов.

Во второй вырезке говорилось:

Визит сыщиков в Муллер-дом закончился безрезультатно. Согласно информации, полученной в секретариате концерна «Вселенная», принцесса вместе со своей по-

другой улетела на звезду Л-4 в созвездии Лебеда. Интересно отметить, что доставка одного путешественника на эту счастливую звезду стоит 250 мулلدоров, то есть 796 000 наших крон.

И еще один листок с очень коротким сообщением:

ЗНАМЕНИТОМУ СЫЩИКУ ПЕТРУ БРОКУ ПОРУЧЕНО РАЗЫСКАТЬ ПРИНЦЕССУ.

А на последних страничках черного блокнота карандашом был накарябан вот такой список:

1. *Анна Мартон, прима-балерина Национальной оперы, 24.III;*
2. *Ева Сарат, манекеница, исчезла в разгар бала, около полуночи, после того как ее провозгласили королевой бала, 7.IV;*
3. *Луна Кори, дочь банкира, исчезла из дворца Мориа в Венеции 30. VII;*
4. *Сула Мая, кинозвезда, похищена из своей виллы 8.IX;*
5. *Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа, исчезла вместе со своим автомобилем в Булонском лесу 24.X;*
6. *Коя Барардо, актриса Королевской драмы, исчезла после первого акта оперы «Конец мира» 3.XII.*

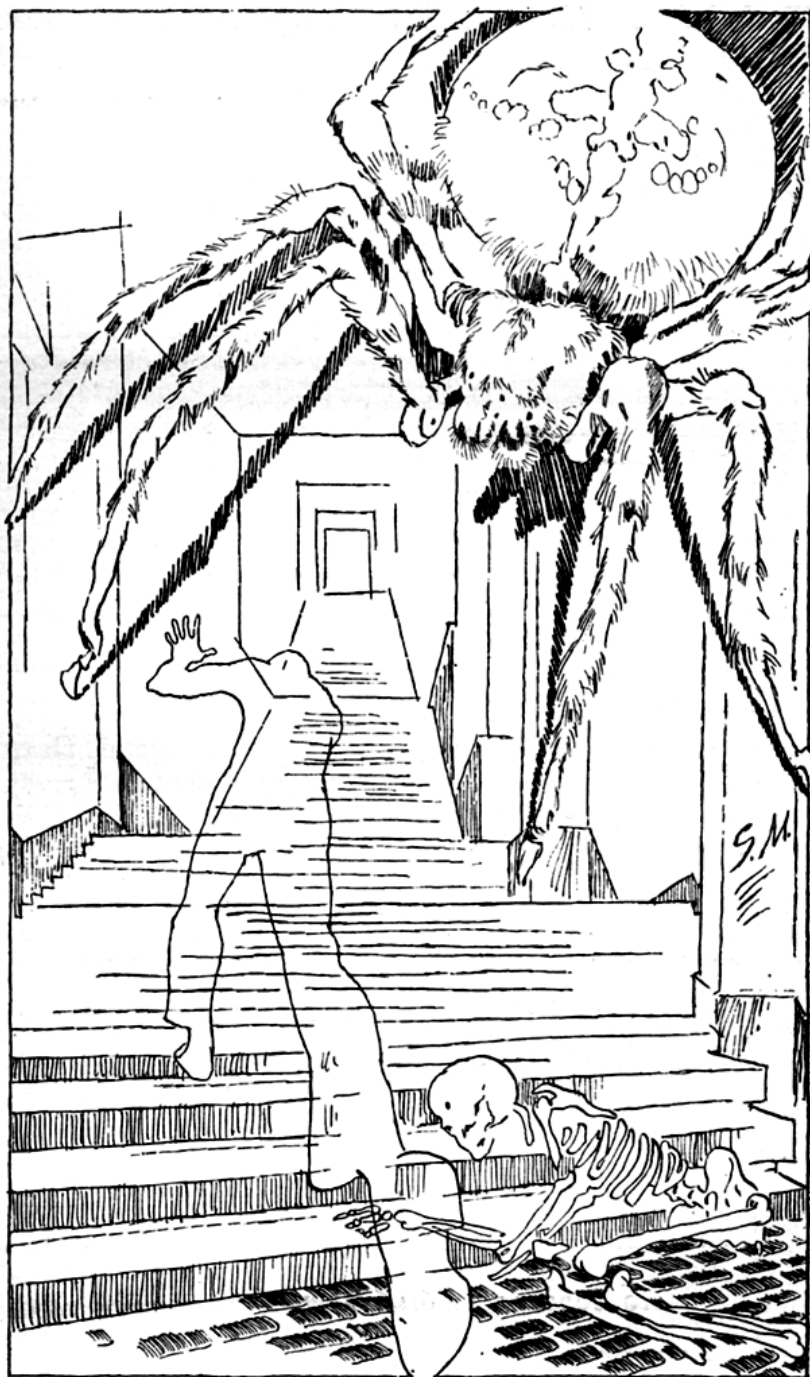
III

Тайна первого зеркала. Дом в тысячу этажей. Человек, потерявший память. Наконец-то: дверца в мраморной стене. Новые сведения о Муллере.

И еще кое-что нашел человек в нагрудном кармане пиджака — запечатанный конверт, адресованный Петру Броку.

Он хотел было сломать печать, но вовремя заметил на обороте конверта красную надпись-предупреждение:

Внимание! Внимание! Не вскрывать! Распечатать лишь перед первым зеркалом!

Что такое? Уж не я ли этот самый сыщик Петр Брок? Но в памяти пустота, провал, спрашивай – не ответит... Как будто моя жизнь началась с момента пробуждения на лестнице. Пытаешься вспомнить – и в тот же миг голову пронзает адская боль, она пульсирует в недрах мозга, как зреющий нарыв. Может, в запечатанном конверте меня ждет разгадка? Может, там прячется волшебное слово, которое вернет мне память, прошлое, воспоминания, себя, мое «я»... Но где оно, это зеркало? Пока его найдешь, умрешь от усталости, от голода, от изнеможения, от разрыва сердца!

А пока что волей-неволей придется стать сыщиком! Может, я и правда был им когда-то! Но раз я человек, мне необходимо какое-то имя! Без имени жить нельзя. Мозг противится этой мысли, отбивается от воспоминаний, как безумец от смирительной рубашки. Решено! Отныне и пока не вернется память я – Петр Брок, сыщик. Буду разыскивать принцессу! И раз уж остался без прошлого, обрету хотя бы будущее! Но в одном из карманов лежало еще кое-что, вначале не замеченное Броком. Большой лист бумаги, сложенный в восемь раз. Петр Брок воспрянул: это был чертеж, план Муллер-дома – дома в тысячу этажей!.. Но ведь это же не дом! Это гигантский город под одной крышей! И я должен пройти в этот лабиринт? Найти Муллера, хозяина этого города, и на одном из тысячи этажей отыскать принцессу? Ведь я человек без прошлого. А вдруг меня потому и лишили памяти, чтобы я безоглядно, всем своим существом, каждой мыслью своей, каждым порывом стремился выполнить эту высокую миссию?! Но как туда проникнуть? Ответа на этот вопрос в записях не было.

Петр Брок продолжил свой изнурительный путь. Он поднимался все выше и выше, упрямо, без отдыха. И снова мелькали этажи, без конца и края, без надежды. Неужели этот колосс вздымается до самого неба?.. И нет ни окон, ни дверей, которые избавили бы его наконец от невыносимого багрового ковра.

И вдруг Брока осенило: а что, если в стене скрыта потайная дверь? Он остановился и начал проверять, ощупывать и простукивать стену. Но гладкие, плотно пригнанные плиты всюду отзывались одинаково холодным, глухим звуком. Брок взбежал еще на один этаж и снова принялся методично исследовать плиты стены. Теперь он продвигался вперед значительно медленнее, считая этажи. Конечно, давно пора было начать их подсчет, с той самой минуты, как он пришел в себя. Почему же он этого не сделал? А вот почему: он не знал еще, что является сыщиком и прислан сюда, чтобы разгадать великую тайну Муллер-дома. До сих пор его гнал вперед ужас, безоглядный, панический ужас. Но теперь, теперь необходимо обдумывать каждый шаг! Считать этажи! Сколько ж он их прошел? Тридцать? Пятьдесят? Назад ведь не вернешься! Значит, начнем отсюда! Попробуем измерить Муллер-дом хотя бы с середины. Итак: первый, второй, третий...

Когда Брок осматривал двадцать седьмой этаж, изучая тонкие швы между плитами, он, к своей радости, обнаружил на гладком мраморе маленькую, едва заметную блестящую кнопку. Нажал – никакого результата. Тогда он подцепил ее ногтями и что есть силы потянул. Наконец-то! Из плиты показался длинный серебристый стержень. Как только Петр выдвинул его целиком, мраморная плита

подалась в сторону, и в стене образовался проход, ведущий в темноту. Петр Брок осторожно втиснулся в него. И задвинул за собой плиту.

Он очутился в темном низком коридоре. Голова его почти упиралась в потолок; касаясь руками стен, он ощупью, медленно двинулся вперед. Несколько шагов – и в темной глубине вспыхнула тонкая светящаяся нить. Подойдя ближе, он обнаружил, что это узкая щелка в деревянной перегородке, которой кончался коридор. Брок заглянул в щель – перед ним была полутемная каморка без окон. Стул, кувшин, стол, лампочка, железная койка. На ней сидел старик, глаза его неподвижно смотрели на лампочку.

Прижимаясь лбом к деревянной стенке, Петр Брок долго наблюдал за ним. Но старик даже не пошевелился. Невзначай Брок слишком сильно надавил на стенку, щелкнул замок, и стена открылась – дверь была без ручки. Сыщик оказался в комнате.

Старик испуганно вскочил и с криком повернулся к Броку.

– Простите за беспокойство, – извинился Брок. – Здравствуйте!

– Как ты сюда попал? – пролепетал старик, подбородок у него трясся от страха.

– По лестнице! Слава богу, хоть до вас дошел.

– По лестнице! – удивился старик. – Ты человек?

– А то кто же! Ну, как я вам нравлюсь?

– Я не вижу тебя. – Кончиками пальцев старик коснулся своих век. – Я слеп...

Только сейчас Брок обратил внимание, что глаза у ста-

рика мутные, подернутые голубоватой пленкой, точно лягушачьи икринки.

— Бедняга... — вздохнул он и неожиданно, без всякого перехода, спросил: — А что делает господин Муллер?

Старик съежился, и лицо его исказил ужас.

— Щедрый наш благодетель, кормилец наш. Господь и Владыка Земли и звезд... — невнятно забормотал он какую-то молитву.

— За что он заточил тебя сюда? — спросил Брок.

— Тише, тише, — в страхе зашептал старик, прикрыв ладонью рот. — Он всеведущ и вездесущ! Он все слышит!

— Ничего, мы еще до него доберемся! А собственно, чего ты, старик, боишься? Смерти? Так ведь хуже тебе уже не будет! Ну а если мне повезет, ты по крайней мере умрешь на свободе!

— Дай мне твою руку, — сказал старик. И вдруг воскликнул голосом, полным ненависти и злобы: — Если сможешь, сделай так, чтобы этот проклятый дом рассыпался в прах, обратился в пепел!

Петр Брок в нетерпенье забросал старика вопросами:

— Говори! Расскажи мне все! Для чего здесь построен этот сумасшедший небоскреб в тысячу этажей? Что в нем происходит? Кто такой Муллер?

— Как? Этого не знаешь даже ты? Выходит, ты не столь всемогущ, как Он? Ты, который пришел по лестнице! Ты, которого мы так ждем! Кто ты?

— Не спрашивай меня! Не надо! Я сам ничего не знаю. Лишь одно мне ясно: передо мной стоит задача, которую я выполняю. Я буду говорить с хозяином этого дома, хотя пока я его еще не знаю и искать его придется долго. Расскажи мне, кто такой Муллер.

IV

*Кто такой Муллер? Металл легче воздуха. Человек номер 794.
Чем питаются люди в Муллер-доме.*

Старик покачал головой:

— Не знаю... И никто не знает. Никто не знал его подлинного лица. Одни твердят, что он дряхлый еврей, грязный, засаленный, с рыжими пейсами. Другие видели круглую лысую голову с двойным подбородком, словно приклеенную к уродливой туше, бесформенной, заплывшей жиром; не человек, а раздутый мешок, который самостоятельно передвигаться не может, и слуги переносят его с места на место... Дипломаты и банкиры знают совсем другого Муллера — бледного аристократа тридцати пяти лет, с моноклем и оттопыренной, чуть вывернутой нижней губой — признак непомерной, воспитанной веками спеси. А иные готовы поклясться, что это седовласый, согбенный старец, с лицом морщинистым, как печеное яблоко. Говорят еще, что маленькие серые глазки глядят из этих складок и морщин с младенческой доверчивостью. Но подпись его всегда одинакова, она ошеломляет и внушает ужас. Тонкая, будто выведенная иглой, она молнией падает вниз. Эта подпись знаменует собой его волю, его приказ, окончательный приговор, не подлежащий обжалованию. Сколько раз Огисфера Муллера убивали! Сколько пуль дырявило его череп! Сколько раз его топили, травили, сколько раз линчевали взбунтовавшиеся толпы! И всегда это был не Он! В конце концов всегда оказывалось, что это или его секретарь, или провокатор, или пешка какая-нибудь, или двойник, которого он подставляет вместо се-

бя...

— А что такое солиум? — спросил Петр Брок, вспомнив записи в блокноте. Его память, не обремененная прошлым, работала просто замечательно. Он сам поражался, с какой легкостью вспоминает любую подробность событий после своего пробуждения. Каждое слово записей четко запечатлелось в его мозгу.

— Так называется вещество, которое обнаружено на этом острове глубоко под выработанным угольным пластом. Оно образует прежде неизвестный слой земной коры, примыкающий непосредственно к огненному сердцу Земли. Видимо, это последняя оболочка раскаленного ядра планеты. Солиум легче воздуха. Очищенный от примесей, он взлетает к Солнцу, чтоб никогда уже не вернуться.

Никто в мире не знает, сколько солиума добывает Муллер в своих рудниках. Больше, чем железа! Больше, чем угля! Мир бы преобразился, жизнь на нашей планете стала бы совершенно другой, если б солиум использовался на благо человечества.

Но Муллер ревниво стережет свои рудники. Сверху они засыпаны, попасть в них только через подземелья Муллер-дома. Поэтому никто в мире знать не знает о невероятных запасах солиума. И Муллер с видом благодетеля продает его крупницами по неслыханной цене. Так, ничтожное количество солиума — не больше пылинки, танцующей в солнечном луче, — он продает университетам и богатым клиникам, а взамен получает золото, сумасшедшие, невообразимые деньги... Для себя же он солиум не экономит. Изготавливает из него бетон тверже стали, но легкий, как воздух. Из этого материала и построен его дворец

в тысячу этажей – его гордость, его триумф, его победа. С высоты тысячи этажей он взирает на мир, а гордыня его возносится еще выше!

Нет у Муллер-дома ни окон, ни дверей. В него трудно проникнуть и еще труднее выбраться. Он ничем не связан с окружающим миром, в котором находится. Так Муллер хранит свою преступную тайну...

Старик умолк.

– А теперь скажи мне, кто ты? Почему тебя держат взаперти? Ведь ты и так уже пленник вечного мрака – разве этого мало?.. Как тебя зовут? – допытывался Брок.

Старик раскрыл ладонь. На ней был выжжен номер – 794.

– У меня нет имени, только этот номер... Я из восьмого набора рабочих, которые завершили постройку восьмой сотни этажей Муллер-дома. Все, кто строил эту окаянную башню, через пять лет теряли зрение. Бетон из солиума сверкает в солнечных лучах, выжигает глаза. Вся наша колония, занимающая сто этажей, населена слепыми. Это бывшие каменщики и штукатуры Муллер-дома!

– Чем же вас тут кормят?

Старик показал на стол. Возле кувшина с водой лежал кубик, запечатанный в целлулоид с рекламой фирмы «Ок-ка». Размером он был не больше кусочка сахара. Брок снял обертку, лизнул кубик кончиком языка. Что это – зола, дерево, камень? Он был совершенно безвкусный.

– Это наш завтрак, обед и ужин. Концентрат питательных веществ, необходимых человеческому организму на одни сутки. Но в эти кубики по приказу Муллера вносят еще какую-то добавку, чтобы подавить наше естество. Он

стремится высушить в нас те живительные соки, что зажигают пламя в глазах мужчин и женщин, что превращают человеческое тело в остров блаженства, где сбывается греза о потерянном рае... Мы не знаем любви, поэтому дни наши долги и унылы, и впереди у нас только смерть. Мы не чувствуем ни жажды, ни голода, нет у нас ни мечты, ни желаний, кроме одного, яростного, мучительного, которого не отнимет даже Господь Муллер! И желаем мы – смерти! Каждое пробуждение для нас – пытка, весь день мы помышляем лишь об одном – лечь, уснуть, умереть! Об этом мечтают тысячи и тысячи людей – о тихой ночи без сновидений, которой не будет конца...

– А уйти отсюда вы не можете?

– Куда? – спросил старик. – Всюду тьма. И даже будь я зрячим, мне все равно бы не убежать. На лестнице ждет голодная смерть...

– А куда ведет эта дверь? – поинтересовался Брок, внимательно осмотрев комнату.

– В коридор. В конце его железная клеть. Отсюда попасть в пятую зону.

– А там что?

V

Вест-Вестер, город авантюристов. Гедония, город блаженства. Индустрия наслаждений в Гедонии

– Вест-Вестер. Там кишмя кишат авантюристы со всего света. Торгаши, продавцы и перекупщики всевозможных вещей – старого тряпья, и свечей, и человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия –

все они ринулись туда за счастьем. Шпики, соглядатаи, лодыри, преступники, шулера, провокаторы, штрейк-брехеры, предатели, психопаты, убийцы – целая армия темных личностей наперебой предлагает свои услуги. Здесь место жительства зависит от капитала. Чем ниже этаж, тем выше благосостояние. Чем выше поднимаешься, тем труднее жизнь. Своим этажом никто не доволен. Смотря по тому, хиреет их дело или процветает, они то поднимаются, то опускаются, но только в пределах отведенных им ста этажей. Вот таков он и есть, Вест-Вестер. Здесь можно за неделю пропить те полмуллдора пенсии, которые нам щедро отвалил Муллер. Да-а, в этих краях даже зрячему туго приходится, а о слепом и говорить нечего! Нашего брата вечно обманывают...

Брок тотчас подумал о своем чертеже-плане. И об этом городе, занимающем пятую сотню этажей. Ведь там, среди искателей приключений, он, пожалуй, найдет смелого и надежного товарища, который покажет ему дорогу к Муллеру. Но больше всего он заинтересовался нижней частью здания, против которой было написано «Гедония». Он спросил о ней старика, и тот с готовностью рассказал:

– Гедония – это хрустальный город, расположенный во второй сотне этажей Муллер-дома. Именно здесь чаще всего бывает Он в окружении целой камарилы дипломатов, банкиров и генералов. Говорят, тут испытать вечное блаженство еще на этом свете. Все эти райские уголки искусно укрыты и доступны лишь горстке его любимчиков и подхалимов.

Там существует огромная химико-механическая инду-

стрия духовных и плотских наслаждений и разработана целая шкала состояний блаженства тела и души. Пяти человеческих чувств стало недостаточно, и, чтобы вкусить новых усад, были, говорят, открыты еще пять видов чувств. Любострастие возбуждается с помощью всевозможных бальзамов и лекарств, пилюль и мазей, посредством различных массажей, инъекций и операций, во время которых частично удаляют отдельные органы и железы, перевязывают сосуды, укорачивают нервные волокна... Говорят, какую-то новую утеху обнаружили в чиханье, определенные хирургические манипуляции придают ему колоссальную интенсивность и даруют блаженную смерть. После особых душей и ванн у человека упоительно зудит кожа – там есть культ зевоты и щекотки, до того изощренной, что вытерпеть ее уже нет мочи...

Когда же все эти средства иссякнут, когда тело падает в полнейшем изнеможении – гаснет свет и наступает черед отдыха. Муллер сам решает, когда в Гедонии должна быть ночь, а когда – день, ибо солнце не властно над Муллер-домом.

Строитель, создавший эти райские кущи, навеки заточен Муллером в застенках. И только Муллер знает план своего неприступного рая. Ему известны все потайные ходы и выходы, все невидимые дверцы, все секретные замки. Они ведут в театры, дворцы, храмы и опочивальни. Звезда на потолке, откуда свисает люстра, распятие в алтаре храма, сдвинутая паркетная дощечка на полу в спальне – вот для Муллера небесные врата. Через них он может подслу-

шивать, подглядывать и, повергнув всех в ужас, в нужный момент внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть без следа...

— А что находится над вами? — спросил Брок. В его плане против этих этажей стояли вопросительные знаки.

— Больницы, богадельни, приюты для престарелых, куда приходят умирать...

— А выше?

— Сумасшедшие дома, тюрьмы, камеры обреченных на пытки и голодную смерть...

— А еще выше?

— Крематории...

— А на самом верху?

— Там, говорят, идет строительство, вечное строительство, этаж лепится к этажу, и нет этому ни конца, ни края. Город растет лишь ввысь, к небу. Необходимы все новые и новые помещения, и нас мало-помалу, словно поршнем, теснят наверх... Во время переселения Муллер-дом напоминает растревоженный муравейник. Это дни безумной суеты и ужаса. Администрация, занимающая пятьдесят этажей сразу над Гедонией, не в силах справиться с паникой, которая обурекает всех обитателей дома...

VI

Молодой старик. О чем рассказало Броку зеркало в конце коридора. Распыленный

Брок коснулся руки старика и вдруг вспомнил про свой конверт.

— Нет ли здесь случайно зеркала?

Старик невесело покачал головой.

— На что слепому зеркало? Уж десять лет, как я смотрю во мрак.

— А сколько вам лет, дедушка?

— Тридцать три.

Пораженный, Брок воззрился на молодого старика. Не тридцать три, а все восемьдесят лет нужды и отчаяния избороздили морщинами его лицо.

— Так выглядят все, кто питается таблетками Огисфера Муллера.

Тут Петр Брок впервые почувствовал уверенность в своих силах. И решительно воскликнул:

— Ну, хватит! Уж я сумею найти способ встретиться с вашим Господом лицом к лицу!

Из глаз старика потекли слезы.

— Ты силен, ибо поднялся по лестнице! Десять лет я ждал, когда откроется эта дверь! Ведь лишь таким путем может прийти некто более сильный, чем Муллер! О господин, сделай меня и братьев моих снова людьми! Верни нам имена вместо номеров, дай пищу вместо таблеток, возврати любовь, желания и мечты! Выпусти нас из этой тюрьмы, дай солнце тем, кто потерял его навсегда!

— Клянусь! — сказал Брок.

Их руки соединились в пожатии. И внезапно Брок осознал всю трудность своей задачи. Вправду ли он настолько силен, чтобы тягаться с Муллером? Как проникнуть на заповедные этажи и не выдать себя?

И вновь мелькнула мысль: конверт! Да, в конверте скрыта сила, которую он в себе ощутит, едва посмотрится в первое же зеркало.

– Где найти зеркало? – вновь спросил он старика, когда тот повел его длинным коридором, по обе стороны которого виднелись двери.

– В конце коридора, – сказал старик, – находится железная клеть. Это скоростной подъемник, на нем ты спустишься в Вест-Вестер. За клетью есть ниша, там висит на стене отполированная плита, холодная и гладкая, как змея. Не знаю, зеркало ли это, но, когда я стою перед ней, мне чудится, будто на меня смотрит моя слепота... Не знаю. Может быть, это просто стекло!

До лифта было уже рукой подать. Брок весь дрожал от возбуждения. Вот и клеть, а за нею под тусклой лампочкой действительно блестела широкая гладкая зеркальная поверхность,

Брок с конвертом в руке обогнал старика, бросился к стене и глянул на себя.

Крик изумления сорвался с его губ!

Он стоял перед зеркалом. Махал руками. Подпрыгивал. В общем, всячески показывал, что он здесь, что перед зеркалом стоит человек. Все напрасно. Зеркало его не видело, не замечало...

Он не отражался в зеркале!

Противоположная стена отражалась в мельчайших подробностях, но человек, стоявший между ней и зеркалом, себя не видел. Какое же это, к черту, зеркало, раз оно не отражает? Внезапно Брок увидел в этом странном омуте старика, который ковылял к нему. Уму непостижимо! Старик был виден в отполированном квадрате со всеми своими морщинами – но рядом с ним никого не было!

Вот тут-то Петра Брока и осенило. Он торопливо сло-

мал красную печать, развернул сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

По собственному желанию, на свой страх и риск я предоставил Оскару Эрилу свое тело для опыта по так называемому распылению (асприд), чтобы таким способом и в таком состоянии (т. е. будучи невидимым) проникнуть во все уголки Муллер-дома, раскрыть его тайны и, если подтвердятся страшные предположения, убить человека по имени Огисфер Муллер, на что мне даны полномочия решением секретного заседания судебной коллегии СШМ (Соединенных Штатов Мира) на острове Последней Надежды. Эту жертву я приношу бескорыстно, не боясь последствий, о которых я был предупрежден, горя стремлением узнать истину, ради торжества справедливости и спасения человечества.

Собственноручная подпись:

Петр Брок

Ниже другой рукой было приписано:

*Клянусь своим честным именем, что
состояние так называемого распыления (асприд)
прекратится ровно через тридцать дней*

Подпись.

Оскар Эрил

Наконец-то Петр Брок понял, в чем его сила! В порыве радости он подхватил старика и закружился с ним в бешеном танце.

Старик тронул пальцем поверхность зеркала и тотчас в испуге отдернул руку.

— О, я боюсь зеркала под своими ладонями! Оно отвечает и незрячему... Зеркало никогда не ослепнет.

— Бросьте, старина! — вскричал Брок. — Ведь меня вы бы не увидели, даже будь у вас тысяча глаз! Никто меня не увидит...

Брок упивался своей невидимостью. Он приплясывал перед зеркалом, стучал, дышал на него, кокетничал с ним – все тщетно! Зеркало устало принимать и возвращать человеческие образы! Вернее, оно вдруг взбунтовалось и перестало действовать: отказалось отражать Петра Брока! Но Брок не сердился: я могуществен, как бог! Я могу все! Я сотворю чудеса, какие даже Христу не снились. Перетряхну проклятый мир этого высоченного домища! Ну, Муллер-дом, держись!

Он быстро простился с молодым стариком и вошел в клеть. Как только захлопнулась железная решетка, он почувствовал дрожь. Пол как бы начал проваливаться – Броку почудилось, что он летит в пропасть. Он зажмурился. От резкого падения голова закружилась, едва не лопааясь от боли. Петр Брок потерял сознание.

VII

И снова снится желтый огонек. Окна и люди. Трактир «На краю света». Продавец снов

Падая, он вновь увидел тот же тягостный, жуткий сон. Желтый огонек в черепе мерцает неверным светом. Освещает огонек только себя да золотистый ореол пыли вокруг. Броку мерещится, будто он, сверявшись клубком, спрятав голову в коленях, лежит в сыром, промозглом бараке. Он откидывает с лица серый балахон, глаза привыкают к темноте: словно сквозь дымку видны перекрещивающиеся над головой, покрытые трещинами балки. А на висячей площадке, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, на правом боку лежат люди. Но он – уже не

звено этой цепи, он лежит напротив, у разбитого окна, подернутого бельмом инея. Ему холодно. Поэтому он снова натягивает балахон, снова сворачивается клубком, кутаясь в темноту, которая может означать и ночь, и день...

Петр Брок очнулся от резкого толчка, открыл глаза – и в ту же секунду мучительное видение исчезло. Как долго он спал? Он встал с пола и, сразу же вспомнил вчерашний день, судорожно ухватился за железную решетку клетки словно желая в этой реальности спастись от страшного сна с желтым огоньком в пустом черепе. Будущее – вот что отчаянно его влекло, он еще раз поздравил себя с тем, что невидим, и выскочил из клетки.

Пройдя коридор, Брок поднялся по лестнице, открыл железную калитку и... очутился на улице. Два ряда домов, магазины, тротуары. Недоставало лишь одной весьма существенной детали, даром что на нее, как правило, не обращают внимания, – неба. Вместо неба высоко над головой виднелся романский свод, отлитый из цельного стекла. Под ним, как солнце в зените, ослепительно снял огромный белый шар.

Окна и люди. Бесконечные вереницы окон и людей... Окна безмолвные и орущие, перепуганные и плачущие, таинственные и зевающие от скуки – окна, окна, окна. Они подмигивают, манят, хохочут, грустят. А под ними толпа. Яркая, бурлящая, суматошная толпа. Все племена и народы смешались в этом круговороте, меняются цвета одежды, лиц, глаз, волос, тысячеустый гомон гулко разносится вокруг, словно разом играют все трубы органа.

Броку мнится, что эти суетливые и кричащие люди, как фальшивое небо и солнце над головой, неправдопо-

добны, нереальны, призрачны. Щеки мужчин либо гладко выбриты, либо украшены бородами самых причудливых форм, но Брок не может отделаться от впечатления, что бороды большей частью не настоящие, а приклеенные. Одни слишком уж нарочито веселятся и бессмысленно хохочут. Другие куда-то торопятся, озабоченные и испуганные. Вон китаец крадется под окнами, кого-то выслеживая. Чуть дальше мелькает физиономия преступника с черной повязкой на глазу. За прикрытой дверью прозвучал выстрел, но никто даже не обернулся. Пошатываясь, бредет матрос в черно-желтой безрукавке, с лицом, изъеденным оспой, горланит пьяную песню. Три полуголых типа в черных масках и с ножами за поясом нагло вышагивают посередине улицы. Прохожие шарахаются в стороны, уступая им дорогу. Тянется гуськом процессия фиолетовых балахонов с круглыми дырами в капюшонах. Щерятся в ухмылке желтые окна дансинга. «Ля-ла-ло-лу», – рассуждает о чем-то японка. Волосы ее сколоты шпилькой в виде пронзенного кинжалом черного сердца. Она семенит рядом с апашем и смеется, когда он подставляет ножку слепым старикам. Губы у нее ярко накрашены. Вот ее дружок пнул безногого нищего, и тот свалился в канаву.

Черная реклама кричит:

**продажа алмазов
и угля**

Сипло надрывается торгаш:

Таблетки «ОВА» – лучшие в мире!

Черно-зеленый вымпел:

Открывается окошко:

**ОТЧАЯВШИЕСЯ!
Покупайте «Коку»!
Окрашиваем серые дни в розовый цвет!
Трус станет героем!
Побежденный — победителем!**

Сизые маски пудры на женских лицах. Белый высверк зубов, черные квадраты окон. На углу, под кровавой каплей-лампочкой, женщина вкрадчивыми словами и бесстыдными жестами дает понять, что она и продавец, и лавка, и товар в одном лице:

*Спешите, юноши и старцы!
Прежде чем пройти мимо,
Бросьте взгляд на мое лицо!
Обратите внимание на мои волосы,
Оцените цвет моих глаз!
Попробуйте, как упруги мои груди, –
за это я денег не беру...
Коснитесь моих ног
– они тверды, как рельсы,
по которым мчится страсть!
Я вся горю,
За восемь аргентов*

я замучаю вас своей любовью!

А напротив, возле шаткого столика с массой коробочек, крикун с раздвоенной рыжей бородкой надсаживается перед зеваками:

Купите сны – полная гарантия на всю ночь!

Золотые сны. На одну ночь вы станете миллионером!

Купите мой «Златосон», он охраняется законом!

Один порошок «АГА» перед сном гарантирует ночь любви с поцелуями и объятиями. Способ употребления...

Фирменный товар – розовые сны. Однажды попробуете – придете снова! Безвредность гарантируется.

Хотите побывать в заморских краях? Увидеть пальмы, караваны, дикарей, тигров и обезьян?

Купите порошок «Экзотик»!

Если уснете с таблеткой «Аро» на языке – аэроплан помчит вас к Солнцу.

Хотите изведать, что такое ураган?

Одна пилюлька «ОРА» – и ночью вы в безопасности переживете его в постели.

Вы боитесь лететь к звездам?

Или у вас – нет средств?

Сны о звездах заменят вам это приключение. Купите мой «Звездосон», всего пять аргентов, и он ваш!

Не забудьте обратить внимание на фирменную марку!

Гигантские вывески, скачущие неоновые картинки, способные довести до безумия, реклама на флагах, на стенах, на окнах, на дверях, на спинах и лицах людей. Ото-

всюду на Брока обрушивались эти вопли-призывы из бумаги и красок, из стекла и человеческих голосов. Он уже довольно долго шел вперед, никому не уступая дороги, и искренне забавлялся, когда ничего не подозревающие пешеходы налетали на него и отскакивали в сторону с гримасой испуга и удивления на лице. Улица, уводя Брока за собой, постепенно заворачивала направо.

Как-то вдруг он сообразил, что движется по кругу и вышел на то же место, откуда начал свой путь. Только теперь он заметил, что от этой главной кольцевой магистрали внутрь круга отходят кривые, узкие улочки, куда капля по капле стекает толпа. Жестяные стены здешних домов изъедены ржавчиной от вечной сырости, окна забраны выпуклыми решетками. Некоторые улочки настолько тесны, что, расставив руки, ладонями коснуться противоположных домов. Металлические стены зданий в этих улочках-ущельях иногда почти смыкаются, так что пройти лишь боком, втянув живот.

VIII

Коммерция на Тигровой улице. Гостиница «Эльдорадо». Избранное общество в сборе. Революция в Муллер-доме

Петр Брок свернул в одну из таких боковых улочек. Стекланную мостовую покрывала высохшая короста грязи. Некоторые плитки не то потрескались, не то были разбиты, и сквозь них пробивался свет. В одно из таких окошек в полу Брок увидел, что внизу, под ним, тоже шумит толпа, сверкают-переливаются краски и зазывно кричат торговцы.

Улочка, по которой он шагал, сплошь пестрела дико-

винными надписями, правда не столь яркими и навязчивыми. Чем меньше и скромнее вывеска, тем известнее и солиднее фирма. Замызганная визитная карточка, припиленная к двери, эмалированная, величиной с ладонь, табличка в окне. Это были не громогласные призывы, а скорее таинственное нашептывание...

ОПИУМ — ЛУЧШИЙ СОРТ!

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ГИПНОТИЗЕР!

Арпаг Мерль — алхимик

ИММА — СМЕРТЬ БЕЗ БОЛИ!

Эликсир Р-А продлит вашу жизнь
насколько пожелаете!

Фр. ИПС — фальшивые векселя. Подписи

ПОДДЕЛКА БАНКНОТОВ

**МАГИЯ
ЧУДЕСА
ШАНДОР, ШАБАТИ**

Джо Мина — мелкое воровство, карманные кражи
и проч.— незаметно!!

КАПЛИ ВЕЧНОГО ЗАБВЕНИЯ!

**ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!
ПОКУПАЙТЕ ТОЛЬКО ЛУЧИ Г!**

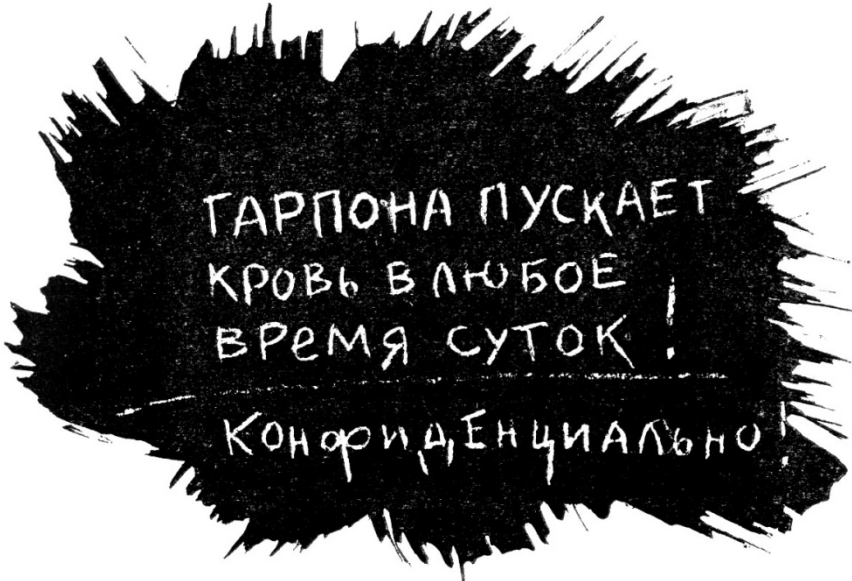
Шварц и К°
производим уууууу

**КО-СОН-МА
ПОХИЩЕНИЯ!**

За стеклом среди пузырьков и флаконов мелькает объ-
явление:

Продавец Ядов

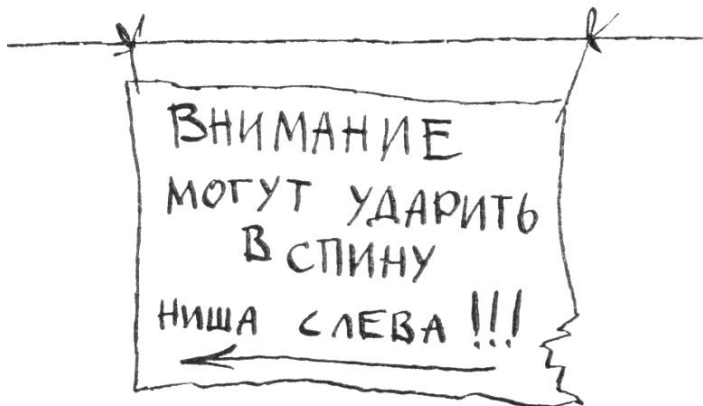
На ржавой стене надпись мелом:

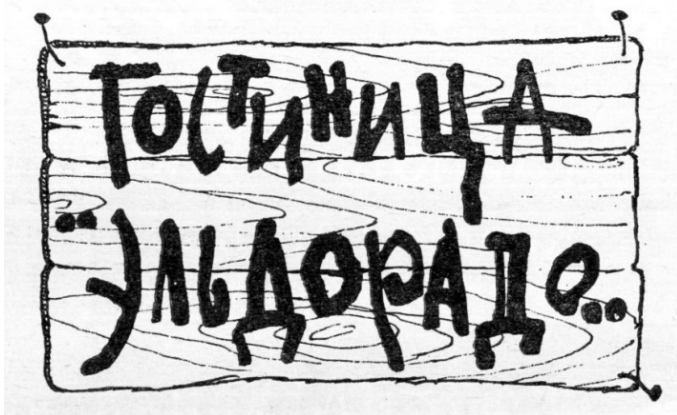
Дальше, на обломке доски, кривятся неуклюжие каракули:

В темном переулке от стены к стене протянута проволока, на ней — табличка с нарисованным кинжалом и надписью:

Чуть поодаль висит над дверью покоробленный щит. Буквы на нем корявые, будто писал пьяный, окунув пальцы в грязную жижу:

Брок решил заглянуть в эту сомнительную гостиницу. Во-первых, он устал, во-вторых, хотел поближе рассмотреть весь этот сброд, который тут бывает. Он вошел в темный вестибюль. Пахло мышами, грязным бельем и еще чем-то тошнотворным. Из вестибюля дверь вела в просторное, крикливо и пестро покрашенное помещение вроде бара. В потолке виднелась выпуклая стеклянная линза, назначения которой Брок понять не сумел.

За круглым столом посреди комнаты — ни одного свободного места. Однако разглядывать сидящих было недосуг, ибо кто-то из них произнес слово «революция», а слово это бьет по нервам не меньше, чем по глазам — вид крови!

— Революция! — выкрикнул человек с раздвоенной черной бородой. — В производственной зоне взбунтовались рабы! Восстанием охвачены уже восемьдесят этажей! Началось все на фабрике, выпускающей таблетки «Омега». Предводитель рабов, некий Витек из Витковиц, предал нашего Великого Муллера. Он втайне подготовил мятеж и объявил теперь, что освободит наш мир от Муллера.

Он хочет отдать власть рабам, а аристократов из нижних зон заставить работать у станков и в шахтах. К фабрике «Омега» присоединились химический завод — тысяча девятьсот восемьдесят человек, монетный двор — двести шестьдесят, литейная — четыреста, завод по переработке газа — пять тысяч триста восемьдесят, ликерный завод — двести пятьдесят человек. Они уже пробились к Городу Мрака и привлекли его население на свою сторону лозунгом Республики, где слепые будут иметь якобы равные со всеми права. Они намерены сформировать из слепых передовые отряды, устрашающие и несокрушимые, как скала. Если мятежники войдут в Город Мрака, то существует опасность, что они распахнут двери тюрем верхней зоны. Но еще хуже, что они проникают и вниз, уничтожая машины и оборудование. На этажах с семисотого по шестьсот девяностый они разгромили конторские помещения и теперь приближаются к шестьсот восьмидесятому этажу, где расположены склады. Таким образом, от основных

хранилищ их пока отделяют шестьдесят этажей. Конечно, им нелегко пробиваться сквозь твердые потолки из солиевого бетона. Лифты, к счастью, не работают: электростанции находятся в первой зоне, и ток был отключен. Главная лестница перекрыта баррикадами, которых рабам с их примитивным вооружением не взять и за полгода,

Наш великий Муллер не желает обагрять руки их кровью, хотя мог бы разом всех уничтожить. Считает, что уладить дело без кровопролития. Потому и послал меня к вам, в Вест-Вестер, нанять специалистов. Речь вот о чем: надо незаметно вкрасься в ряды бунтовщиков и нанести удар революции в спину – сломить их единство и прежде всего убрать Витека из Витковиц, сердце и мозг восстания. Попытка подкупить его потерпела неудачу...

IX

Гарпона. Мастер Перкер – яды. Сыворотка КАВАЙ. Газ СИО. Линзы на висках слепого

– Может быть, ножом? – спросил неуклюжий детина, которого звали Гарпоной. Рук у него не было, и он все делал ногами.

– Я же сказал, благородный Муллер не желает кровопролития!

– У меня припасены надежные яды... – забормотал человек с массивным багровым носом, который занимал больше чем пол-лица и, как показалось Броку, еще продолжал зреть и набухать. – Товар надежный, испытанный, не подкачает. Операцию проведу лично, успех гарантирую. Хотите – он умрет от сердечного приступа. Капля яда

«У» парализует его мозг. Одно ваше слово – и он погибнет от рака, вызванного ядом «И». Есть у меня и сигары «О»! А миллиграмм яда «Е» в стакане молока...

– Я берусь только за крупные дела, – низким басом перебил носатого слепец. У него были защиты веки, отчего лицо казалось до жути спокойным, а на висках были прикреплены металлические коробочки, в которых искрились две мощные линзы, словно глаза хищной птицы. – Если уж душить революцию, то с помощью моих бацилл... Кстати, Великий Муллер знает меня...

– До рабов тоже дойдет черед, – ответил посланец, – но сначала нужно убрать Витека! Без убийства, понятно? Телом пусть живет, а вот душой... Душу надо истребить! Душу либо рассудок!

– Впрыснуть ему в мозг сыворотку КАВАИ – мигом сойдет с ума... – посоветовал низенький с двумя горбами на спине.

– А если вдохнет газ СИО, то за одну ночь состарится, – вступил в разговор дряхлый, трясущийся, совершенно лысый старикашка, – и остаток дней будет медленно угасать от маразма. Баллончик незаметно подбросить в спальню – это ведь игрушка, резиновый мячик, закатится куда-нибудь и...

– Лучший нож, лучший яд, лучшая сыворотка и лучший газ – это глаза! – негромко, но внушительно произнес желтолицый человек, глаза у него были круглые, черные, с белыми, словно раскаленными квадратиками зрачков.

– Ладно, – вербовщик вынул блокнот, – я вас запишу, Гарпона – нож. Перкер – яды. Шварц – СИО. Орсар – бациллы. Мак Досс – гипноз. Чулков – КАВАЙ! Придете

завтра на Оранжевую улицу, дом восемь, этаж двести семьдесят четыре. Аэролифт доставит вас на вершину Муллер-дома, а оттуда вам нетрудно будет пробраться к самому сердцу революции, в гущу этого сброда, и смешаться с ним... Добьетесь успеха, и Великий Муллер вас наградит.

– Черт подери! – взревел после ухода вербовщика безрукий убийца. – Еще чего не хватало! Чтоб я совал свой нож в навозную кучу!

Он беспрестанно шевелил ногами под столом, потом вдруг вскинул их на стол, ступней вытер со лба пот и звучно щелкнул пальцами.

– От тебя, браток, за версту кровью несет, – буркнул отравитель и со смаком высморкался на пол. Лишь после этого он вытер свой омерзительный нос красным платком. – Вот мы чисто работаем... рук не мараем...

– А я что, разве только ножом работаю? – огрызнулся убийца. – Набавь еще двадцать мулльдоров, и я любого удавлю, руки-то у меня как у невесты...

Он сбросил под столом тапочки и в доказательство пошевелил длинными белыми пальцами ног.

– Оба мы, браток, мелюзга, – вздохнул продавец ядов, – а вот мастеру Орсагу есть что сказать! Он своими бацциллами целую армию шахтеров накормил...

Слепой не счел нужным ответить. Но когда повернулся к носатому, линзы на его висках зловеще блеснули.

– А вы, мастер Шварц, – теперь отравитель донимал дряхлого, лысого старикашку, – много ли вы уже народу состарили?

– Я работаю внизу, среди тех, у кого водятся денежки,

– прошамкал голыми деснами беззубый Шварц. – Вот только что пристроил одно приспособленье на восьмом этаже второй зоны – в спальне молодого Герела, сына того самого знаменитого ростовщика. Ну, который продал Муллеру Аляску и африканские колонии. Адрия, его племянница, хочет поскорее получить наследство. Через недельку молодой Герел будет старше своего папаши. Сэр Мору, крупнейший держатель акций концерна «Вселенная», стареет с каждым днем.

– Это тоже твоих рук дело? – удивился носатый. – Говорят, он сильно обеспокоен.

– Еще бы... Его акции перейдут к человеку, имени которого я не открою. По-моему, я больше всех сделал для благодетеля и повелителя нашего...

– Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря «больше всех», дорогой мой Шварц, – отозвался горбун и повернулся к человеку с горящими глазами. – Мак Досс, наш профессор-гипнотизер, – новичок в этом обществе и еще не слышал моей истории... Ме-е-е... Не будь меня, сидеть бы сегодня нашему добрейшему Отцу и Повелителю на мели!

Х

*Астроном Галио, властелин звезд. Первый космический корабль.
Звездный голод Муллера. Как Галио стал гигантским нулем. Сударь
Чулков, король 50 000 звезд*

Горбун поднял два пальца вверх, к выпуклому иллюминатору в потолке.

– Пусть Он подтвердит, что я говорю правду, если в

этот миг изволит наблюдать за своими смиренными слугами. Я избавил Его от недруга, который бы до последней капли выкачал тот дивный сок, что струится под Муллердомом и питает его... Теперь об этом может узнать каждый! Ко-ко-ко-ко... Звали недруга Галио, старик был продавцом звезд. Его сын, который сейчас занимает три этажа в третьей зоне, — жалкое ничтожество по сравнению со своим отцом. С милостивого позволения Муллера он продает ничего не стоящие, бросовые звезды — либо слишком горячие, либо покрытые вечными льдами, либо кометы, которые раз промелькнут и больше никогда не вернутся, — кого они могут интересовать?! Никудышный товар... Пипи-пи-пи-пи... Да, вот старый Галио — это был гений! Ме-е-е! На одном из островков в Полинезии он построил обсерваторию и творил чудеса с единственной крупинкой солиума. Туземцы провозгласили его царем, и он объединил под своим владычеством десяток островов. В то время Великий Муллер как раз плавал по морям, скупая остатки мира. Он пришел к старому Галио в обсерваторию, которая одновременно служила ему королевской резиденцией. Когда Муллер спросил, чего он желает за свои островки, эта старая, хитрая лиса скромно ответила: «Ночной небосвод!»

Даже песчинки золота не попросил! Ме-е-е! Добряк Муллер решил, что это прихоть старого чудака, до беспмятства влюбленного в свои небесные миры. Ему казалось, он получает острова даром. Ведь звезды не принадлежат никому, даже Муллеру, но, раз уж старику неймется, почему бы не продать? Раз уж ему охота остаться в дураках, пусть остается! Они подписали договор: Муллер

стал владельцем десяти Полинезийских островков, Галио – властелином звезд. У одного была синица в руке, у другого – журавль в небе... Мяу! Не один – мириады журавлей слетались к нему звездными ночами, всегда одна и та же стая...

Правда, тогда Муллер еще не знал, что построит из солиума космические корабли, которые будут бороздить Вселенную. Он давным-давно забыл о том договоре... Первая ласточка вылетела из гнезда и вернулась через пять месяцев с баснословными сокровищами девяти звезд! Был создан концерн звездных перевозок «Вселенная», а тем самым открыт неисчерпаемый источник невиданного обогащения. Тут-то и появился старик Галио со своим договором! Оказалось, что все обнаруженные «Вселенной» звезды изначально принадлежат Галио, так как договор был подписан самим Муллером! Вот когда только понял наш Господь, какую цену заплатил за десяток островков... Галио фактически стал владельцем всех звезд, а Муллер – лишь той единственной планеты, на которой он жил. Лили-лили-ли-ме-е-е! Сказочные сокровища, диковинные плоды, новые металлы, драгоценные камни – все это, согласно проклятому договору, принадлежало старику Галио! Пи-пи-пи-пи...

И нашему Великому Благодетелю волей-неволей пришлось выкупать у Галио одну за другой покоренные звезды... Он просто не мог допустить, чтобы вновь открытыми звездами владел кто-то другой, чтобы кто-то другой, а не Он давал им имена, и точно так же не мог нарушить договор, который скрепил собственной подписью. А пока все шло своим порядком: открывались новые и новые звезды,

Галио их продавал, а Муллер покупал. Но запасы у Галио были неисчерпаемые. Ме-е-е! Муллер платил и платил. Дошло до того, что всемогущий владыка принужден был начать распродажу своего мира – кусок за куском, только бы утолить свой звездный голод... Самое же странное было вот что: старый Галио наотрез отказывался брать в уплату сокровища, добытые в иных мирах, сколь бы ценными и редкими они ни были. Он признавал и принимал лишь то, что родилось в недрах нашей старушки планеты... И как вы думаете, что он делал со своим добром? Он стал раздавать золото Муллера оборванцам. Города, острова, шахты, промышленные предприятия, которые Муллеру пришлось остановить, он отдал рабочим и голытьбе... Его называли Освободителем!

О, это был тонко продуманный план уничтожения Огисфера Муллера! Ведь посрамленный и полунищий владыка мира собирался уже покинуть эту планету и перебраться на одну из своих звезд...

Вот в это самое время – пи-пи-пи-пи-пи-пи! – в последнюю минуту, когда Муллер находился буквально на краю гибели (речь уже шла о продаже Муллер-дома, который Галио хотел ни много ни мало как взорвать!!!), в это самое время я стал лечить старика Галио от ревматизма. Ко-ко-ко-ко! Однажды вечером, как сейчас помню, боль в суставах отпустила, и он был в бодром настроении. Я возьми да и спроси его, сколько он продал Муллеру звезд и сколько их у него осталось.

«Столько же, сколько было вначале, – загадочно улыбнулся Галио. – Если бы я продавал каждый день по миллиону звезд, то, даже проживи Муллер миллион лет, он бы только-только выкупил одну миллионную их часть».

Ме-е-е!.. И в ту же ночь, когда старик Галио заснул, я впрыснул ему три капли сыворотки КАВАЙ. Пи-пи-пи! Утром, едва проснувшись, Галио закричал: «Карандаш и бумагу! Ну-ка, сколько же у меня денег?» Он вывел цифру девять и стал приписывать к ней нули. За первый день он исписал нулями десять листов. С тех пор мозг его стал машиной по производству нулей. Все его мысли свелись к нулю... Мяю!

После этого я легко завладел проклятым договором и отдал его Огису Муллеру. Сейчас Галио находится в камере для умалишенных номер девятьсот семьдесят, извергает нули. Да и сам стал огромным нулем! Так я спас Господа Муллера! А ему по сей день приходится возмещать причиненный ущерб, собирать воедино все то, что Галио растранижил. Меня Муллер хотел сделать императором Брадьерры! Ме-е-е! Я отказался. Тогда он предложил мне на выбор любую из держав и любую должность — кем захочу, тем и буду: королем, военачальником, дипломатом. Я ответил, что мне ничего не нужно, лишь бы жить до конца дней моих в Муллер-доме, рядом с Ним, и греться в лучах Его милости. Ли-ли-ли-ли!

В конце концов он таки всучил мне пятьдесят тысяч звезд и провозгласил меня властелином этих миров. Надо бы там побывать — ко-ко-ко, познакомиться с подданными и хоть на одной из звезд возложить на себя царский венец. На всех-то, ясное дело, не выйдет... Ведь если даже тратить на коронацию по одному только дню, и то, чтобы взойти на престол в каждом из своих королевств, мне пришлось бы прожить как минимум сто тридцать семь лет!.. Ме-е-е! Вдобавок Муллер не хочет меня отпускать, просит в случае чего быть под рукой...

XI

*Любопытство Петра Брока, и к чему оно привело. Нос отравителя.
Схватка в трактире. Больше всех бесновался безрукий Гарпона*

Горбун замолчал, а его глазки с любопытством оглядели сидящих за столом. Носатый, уткнувшись в свой красный платок, протрубил протяжную мелодию весеннего насморка. Голова слепца была недвижна, словно изваянная из мрамора. Но стеклышки на висках весело поблескивали, будто хохоча. Так по крайней мере казалось Петру Броку. Безрукий убийца, похоже, вовсе не слушал горбуна. С ловкостью обезьяны он безостановочно выделывал ногами какие-то пируэты: сперва перебирал ими под столом, потом вскинул вверх, левой выхватил нож и сноровисто, так, что тот завертелся волчком, подбросил его к потолку. Пока нож падал, он успел опорожнить стакан. Поймав правой ступней нож, он вытащил из жилетного кармана табакерку, насыпал на щиколотку зеленоватого порошку, втянул его носом и оглушительно чихнул, разбудив старика Шварца, который меж тем задремал.

И в этот миг, когда все в замешательстве умолкли, заговорил Петр Брок. Разумеется, не затем, чтобы себя раскрыть. Просто хотел шепнуть на ухо горбуну вопрос, который не давал ему, Броку, покоя, причем так, чтобы горбун решил, будто обращается к нему кто-то из присутствующих. Вот когда Брок с досадой ощутил и отрицательные стороны своей незримости: он одинок, не может втереться к ним в доверие, принужден выслушивать долгие, никчемные споры... Сначала он хотел задать свой вопрос в полный голос, но все остальные сидели наострив уши,

точно сторожевые псы. Поэтому он приблизил губы к уху горбуна и спросил без всякого выражения, тихо, как бы невзначай:

— А каков он из себя, этот божественный Огисфер Муллер?

Горбун вздрогнул, вытаращил глаза, разинул рот — на лице его отразилось крайнее изумление. Брокку даже почудилось, будто на миг лицо растянулось от стены до стены. Но это, конечно, был обман зрения. Бледная вытянутая физиономия горбуна торчала между плечами, как клин из бревна. Горбун поднялся и сразу же стал меньше на целую голову, так как ножки стула были длиннее его ног.

— Кто из вас задал этот вопрос? — яростно гаркнул он. — Кто — я спрашиваю!

Все удивленно уставились на него. Ведь с тех пор, как он замолчал, никто не проронил ни слова!

— Я слышал голос. Могу поклясться! Клянусь самым Муллером, — горбун поднял правую руку к круглому окну, — клянусь, я не лгу! Тут кто-то есть!

— Может быть, лично Великий Муллер соблаговолил... — почтительно заметил отравитель, с ужасом глядя на потолок.

— Нет! Нет! Кто-то спрашивал о самом Муллере!

— Кто?

— Голос! В ухо мне прошептал!

— Не голос ли это КАВАЯ, воспалившего твой мозг? Может, и ты подхватил бациллу сумасшествия...

— Вы сами тут все с ума посходили! Клянусь! Бьюсь об заклад на все пятьдесят тысяч моих звезд!

Старикашка Шварц сочувственно покрутил пальцем

возле виска и принялся толковать о том, что вот ведь он сам страдает от маразма, хотя, казалось бы, обращается со своим газом уж так осторожно, что дальше ехать некуда.

Между тем Петр Брок спокойно расположился на том стуле, где раньше сидел вербовщик. Он чувствовал, что эти уроды целиком и полностью в его власти, что он может сделать с ними все, что заблагорассудится. Брок думал о революции на рабочих этажах, о Витеке из Витковиц, о том, что замыслили против него собравшиеся здесь негодяи, и прикидывал, как бы их половчее убрать и при этом не замарать кровью свои невидимые руки... Прямо перед ним торчал набухший багровый нос продавца ядов. Этот мерзкий нарост с самого начала раздражал Брока, вызывая чуть ли не болезненную гадливость. И теперь Петр не сдержался, схватил стакан и со всей силы запустил им в эту пакость. Брызнула кровь, продавец ядов пошатнулся, остальные в ужасе повскакали с мест, хватаясь за свои носы.

Но паника длилась лишь несколько мгновений. Бандиты быстро опомнились и заняли круговую оборону. В руках у всех, откуда ни возьмись, появились револьверы. Черные, выпученные глазки дул заметались по комнате. Тотчас же началась бешеная пальба. Гремели выстрелы, свистели пули, сыпались стекла, пыль стояла столбом.

Больше всех бесновался безрукий Гарпона. Он распластался на столе и, отталкиваясь одной ногой, кружился на спине, а другой ногой тыкал во все стороны ножом, напоминая скорее гарпию, чем человека.

Предательские стекляшки на висках слепого. Петр Брок в западне. Побег. Лифт – и опять сон

Внезапно Петра Брока охватила дрожь. Толстые линзы на висках слепого неожиданно уставились на него! Неподвижное гипсовое лицо с зашитыми веками бесстрастно, как сфинкс. Но линзы смотрят прямо в лицо Брока. И в них словно бы горит...

Что это – игра воображения? Или его увидели? Но разве слепой может его увидеть?

Брок встал. И тут же стекляшки дернулись вверх, за ним. Слепой поднес руку к виску и начал вращать колесико, вроде того, каким фокусируют резкость микроскопа. Эти линзы как бы ловят каждое движение Брока.

Безмерный ужас пронизал Брока ледящим холодом. Ноги стали ватными. Он снова сел, пригнувшись к самой поверхности стола и с отчаянием глядя вверх, на два черных огонька в линзах. И в этот миг каменное лицо скривилось в уродливой гримасе, слепой поднял руку, и указательный палец, как ствол револьвера, нацелился Броку между глаз.

– Вот он! Перекройте выходы! И не стреляйте! Надо взять его живым!

Безрукий Гарпона прыгнул к одной двери, Перкер стал у второй. А слепой Орсаг следил за каждым движением Брока. Он приближался очень медленно, по спирали, точно зверь, готовый к прыжку.

Брок был в ловушке. Но он должен вырваться, иначе он погиб! Одну дверь сторожит окровавленный нос, вторую – Гарпона. Стоит на одной ноге, а другой пытается запереть замок. Брок метнулся туда! Орсак с криком устремился наперерез. Но Брок свалил его ударом в живот, сбил с ног Гарпону, распахнул дверь и, выскочив наружу, мгновенно ее захлопнул. В следующий миг он уже мчался по темной улочке, сам не зная куда...

Господи, сколько же здесь всяческих лестниц и лесенок, то вверх, то вниз, сколько коридоров, то просторных и высоких, то тесных и низких. Сколько комнат он оставил позади, сколько огромных залов, темных дыр и крохотных каморок, предназначенных бог знает для чего, встретилось ему на пути! В какое-то мгновение он очутился на галерее, опоясывающей пустой пыльный зал. Потом пробежал по крытому мостику, висящему над бездной вентиляционной шахты. А за спиной – топот, как барабанная дробь, все громче, все быстрее. И снова улочки, лестницы, снова аркады, переходы, залы...

Неожиданно Брок вбежал в гладкую, блестящую трубу. Это сточный канал. Нет, орудийное жерло. Нет! Это телескоп, ведь труба становится все уже и уже... Вот он карабкается на четвереньках, а теперь ползет, как гусеница. Все, дальше не пройти, это конец... Брок уткнулся в металлическую решетку и в отчаянии потрянул ее. О чудо! Маленькое ржавое ситечко легко подалось. Брок протиснулся в отверстие и закрыл за собой решетку. И в ту же секунду пол под ногами пошел вниз. Он успел еще заметить за решеткой разбитый нос. Уф-ф, пронесло...

Но пока лифт неудержимо падал в бездну, Броку опять

стало не по себе. Голову словно стиснули чудовищные клещи, он начал терять сознание. И опять ему привиделся тот же кошмарный сон. Нечеловеческим усилием он отгонял ночные призраки – только бы они не завладели им, только бы не провалиться опять в вонючее подземелье, к жутким серым балахонам.

Брок страшился этих снов. В них он как бы утрачивал чудесное свойство и опять ощущал свое тело со всеми его ранами и болью. Он боялся умереть в одном из таких снов, прежде чем выполнит свою миссию где-то там, высоко–высоко, на одном из тысячи этажей Муллер-дома.

XIII

Глава о звездах. Звездная торговля и промышленность. Реклама. Раковина-талисман

Когда Петр Брок очнулся, лифт давным-давно стоял. Еще не вполне отряхнув с себя тяжкий сон, Петр вышел на широкую улицу, сверкающую красками и огнями.

Где он?

На каком этаже?

Сколько же еще пробираться вниз, к Муллеру? Может, это вавилонская башня?

По обеим сторонам улицы – роскошные, похожие на алтари витрины; на них, засунув руки в карманы, глазят зеваки. Рядом с богатыми застекленными витринами – лотки и киоски цветочниц, парфюмеров, фотографов, мелочных торговцев, антикваров, громко расхваливающих свой диковинный товар. Гастрономические магазины – символы изобилия, гимн симметрии! Их витрины спесиво

разукрашены башнями, пирамидами, гирляндами удивительных плодов и зверушек, разнообразнейших коробок и консервных банок. Все это – дары звезд! Брок пробежал взглядом названия.

ЦЕЛЕБНАЯ ВОДА СО ЗВЕЗДЫ М-14 ИЗ ОЗЕРА АЛЬФА

Съедобный мох
девственного леса
звезды Ц-71

*ПУДРА НА-ХА
ИЗ ПТИЧЬИХ
КРЫЛЬЕВ С ЗЕТ-176*

**ДУХИ ИЗ СЛЕЗ АНГЕЛОВ
ЗВЕЗДЫ Д-55**

*Кровь эльфинских гномов (Х-70) против
обезьяньей болезни!*

ПОЛОВЫЕ ЖЕЛЕЗЫ
УРСКИХ ВОДОЛЮБОВ –
ДЕЛИКАТЕС НА Б-11

Обувь из кожи оригонов с Ф-99 не снашивается!

**МАННА СО ЗВЕЗДЫ Б-64 НАПОМИНАЕТ
ВКУСОМ МИНДАЛЫ**

Была тут и реклама, предлагавшая переселенцам на другие звезды товары родной планеты.

Колонисты на Л-20!
Отменные семена!
Одно семя дает урожай сам-сто!

**ПОРОШОК АХА — НАИЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
ОТ РОЗОВОГО ГНУСА НА Ц-71 НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!!!**

Астрономические часы АЗЕТ показывают время
на любой звезде!!!

**ОТ ГИПЕРТОНИИ
В СОЗВЕЗДИИ СПИРАЛИ
ПОМОГАЕТ ТОЛЬКО БАЛЬЗАМ «СПИРАЛЬ»!!!**

Бляшки, бусы, зеркальца,
фольга — для туземцев на К-5!
Они будут преданы вам!!!

Непромокаемые зонты,
плащи, палатки!
На К-86 ночью
идет дождь!

**ЭРОЛАМ НА ЗЕТ-2 БРОСАЙТЕ ШОКОЛАД «ЛАНА»!
ОНИ ОТДАДУТ ВАМ ВСЕ!!!**

**НА С-34 — ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ!
КУПИТЕ ТЕМНЫЕ ОЧКИ —
ИНАЧЕ ВАМ НЕ УСНУТЬ!**

**Перед отлетом в новые миры
застрахуйте свою жизнь!!!**

**ВЫ НЕ УДЕРЖИТЕСЬ ОТ СМЕХА
В ПАНОПТИКУМЕ «ОМЕГА»,
ГЛЯДЯ НА ЖИВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ Г-51**

Под полосатым желто-красным тентом продают раковины, похожие и на звезды, и на цветы, и на живые суще-

ства, и вообще ни на что не похожие. Торговец одну за другой поднимает их, прикладывает к уху, что-то им нашептывает, а затем хриплым голосом кричит в толпу:

– Раковина ИЗА со звезды Б-55! Как пресс-папье на вашем столе она внушит вам добрые мысли при составлении писем!.. Раковина О-РА из Черного озера со звезды Ф-39 подобна черному лебедю! Подложите ее тайно своему врагу – и на каждом шагу его будут преследовать неудачи!.. Раковина А-КА с ледяной звезды, похожая на водяную лилию, – залог успеха в любви!.. Раковина У-ВА напоминает окаменевшую бабочку. Ее родина – звезда Альбатрос! Спрячьте ее под подушку – и вам будут сниться звезды!.. Раковина НЕ-0 со звезды П-44 шумит, как бушующий океан. Десять лет она будет оберегать вас в путешествиях по Муллер-дому!

Напротив продавца раковин бойко идет торговля фантастическими звездными пейзажами. Чуть дальше – еще зазывала, за ним – еще один. И, словно соревнуясь с ними, вопят и мечутся рекламы, рассекая темноту огненными знаками.

XIV

Ужас темноты. Экспортно-импортный концерт «Вселенная» – переправа на звезды. Петр Брок не может вспомнить. Голландская колония на Луне

Вдруг все лампы погасли, как будто под стеклянным куполом взорвалась тьма.

– Катастрофа!

Может, рабочие на электростанции взбунтовались и

примкнули к революции? Может, свет погас на всех этажах и наступила ночь – страшная, бесконечная, полная кошмаров и крови?!

В МУЛЛЕР-ДОМЕ НЕТ ОКОН!

Петр Брок не успел еще осмыслить всего ужаса, который ожидал этот безумный муравейник высотой в тысячу этажей – плод гордыни Муллера, – как его снова ослепил яркий свет. Ну конечно же, Муллер-дом – это мир в себе, и череду его дней и ночей устанавливает сам Муллер! Но то было уже не солнце, то горели огненные буквы, написанные невидимой рукой на черной доске тьмы:

ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ НА ЗВЕЗДАХ ПРОДАЕМ ПО УМЕРЕННОЙ ЦЕНЕ КОНЦЕРН «ВСЕЛЕННАЯ»

И дальше:

**Вечная весна царит на звезде Е-4
Сказка ждет вас в голубых долинах звезды М-21
Вы станете ангелом на звезде Р-25
Небесные красавицы ИКИ-ЛА тоскуют по вас
Вы будете царем на звезде Й-25
Желаете невесту на одну свадебную ночь!
Рекомендуем У-55
До тысячи лет вы доживете на звезде П-7
Божественный напиток на IV спутнике звезды ЗЕТ-22
Бессмертие подарит вам звезда П-5**

Затем купол вновь осветился, и надписи исчезли. Осталась только одна, ярче солнца:

ВСЕЛЕННАЯ

Она блистала над входом в прозрачный дворец, чьи грани и карнизы переливались всеми цветами радуги.

Брок проскользнул в дверь и очутился в просторном помещении, которое встретило его сумятицей кричащих красок. Картины и карты сплошь покрывали стены от пола до потолка.

Орбиты солнц и планет, вытянутые, почти параболические пути комет, виды разных галактик с названиями звезд и туманностей. Маршруты, проложенные от звезды к звезде, перекрестки орбит с трассами космических кораблей. Диаграммы, тарифы, прейскуранты, расписания рейсов. Модели планетных систем из стекла и металла. Рельефные изображения фантастических уголков, поросших невероятной, буйной растительностью.

Да полно, растительность ли это? Или кристаллы звездных минералов? А может, это обитатели звезд? Древние исполины или колония пигмеев?

Брок замер. Среди удивительных ландшафтов, которые, пожалуй, настораживали, его вдруг словно ласково погладили по голове. Вот так чудо – пейзаж родной Земли!

Знакомые квадраты возделанных полей. А на заднем плане – лесистые холмы, подернутые голубой дымкой... Часовенка с карминно-красной крышей и круглыми глазками-окошками в дверях.

Боже мой, боже мой, до чего же знакомо! Когда-то,

давным-давно, став на цыпочки, я заглядывал в круглые глаза часовенки! Ветхостью и печалью веет изнутри, а в тихом сумраке стоит в алтаре фигура святого. Какого святого? И кто заглядывал в часовенку? Когда? И как же так вышло? Где взаимосвязь? Что было между той часовенкой и проклятой лестницей, на которой я однажды проснулся, без памяти, без прошлого?..

Увиденная некогда часовня покоится далеко в глубинах памяти. Если бы вспомнить, если бы только вспомнить – тогда бы все сразу... Но почему в небе плывут целых три огромных луны – красная, зеленая и оранжевая? Брок прочитал надпись:

***Голландская колония на Луне-111 звезды С-1!
Не надо работать, природа трудится за вас!
Местные гномы будут вам прислуживать!***

Но ведь кому-кому, а Броку нетрудно узнать правду. Все двери Муллер-дома перед ним распахнуты. Любая тайна откроется его глазу. Любой обман растает, как снег в пламени.

XV

Переселенцы. Обедневший миллионер. Сладострастный донжуан. Миссионер Альва. Аббат Лир. Франциск Фарани

Стеклянная перегородка, толпы людей, ряд окошек. Надо только встать возле одного из них и прислушаться.

– Я был миллионером, – рассказывает рыжий оборванец. – Лас Абела, может, слышали? Я владел заводами по производству моторов для автомобилей и самолетов. И

черт меня дернул соперничать с нашим Повелителем. Два года я боролся, поставил на карту все свои миллионы – и прогорел. В трубу вылетел, и поделом! Вот и пришлось перебраться в Муллер-дом, а не то одна дорога – просить подавание. Благословен будь Огисфер Муллер, благодетель! Он сжалился над своими врагами и предоставил им бесплатный кров и пищу!

– Короче, милостивый государь, короче! У нас нет времени, – оборвал его человек за барьером. – Куда вы хотели бы отправиться и сколько у вас денег?

– Я хочу разбогатеть. Здесь, на планете нашего благодетеля, я уже не рискну взяться за что-нибудь серьезное. Но в Вест-Вестере я убил одного трактирщика, так что наскреб достаточно мулلدоров и хочу начать все сначала в другом мире. Говорят, на Р-25 есть для этого все условия.

– Конечно, конечно, там вы станете вторым Муллером. Звезда молодая, спокойная, с симпатичным, безобидным населением. За доставку на Р-25 с вас причитается двести пятьдесят мулلدоров.

– Но таких денег у меня нет! – простонал оборванец.

– Тогда выберите звезду подешевле. За восемьдесят мулلدоров переселиться на С-6, только не забудьте прихватить с собой шубу.

– Туда я не хочу!

– Тогда на Ф-1! Плодороднейшая планета, там выращивают виноград, ягоды – с вашу голову величиной. Правда, тамошние обитатели странно пахнут, но к этому вы привыкнете...

– Скиньте хоть пяток мулلدоров!

– Это вам торговец раковинами скинет! А мы тут скидок не делаем!

Лас Абела исчез, а его место занял напудренный селадон в белом цилиндре и светло-сером фраке. В синий со звездочками галстук был воткнут золотой колокольчик – видимо, по последней муллердомовской моде. Лицо у вновь прибывшего было подозрительно молодое и красивое, но говорил он скрипучим старческим голосом.

– Я пресытился женщинами! – сетовал он. – Мне опротивели их тела. Вечно одно и то же, только цвет меняется. Я ищу чего-нибудь новенького!

Его пальцы вдруг алчно скрючились, будто когти хищника, а сиплый голос дрогнул от вожделения.

Лицо в окошке приветливо заулыбалось:

– Взгляните, вот образцы! Но это, конечно, не все. У многих существ тела чересчур своеобразны, у них и ткани другие, и формы, и инстинкты, и отношения между полами. На Ф-9 оплодотворение происходит через губы, на Б-11 – через взгляд, на К-12 – касанием крыльев. На ИКС-6 во время полового акта умирают. Обитатели У-12 прозрачные, а на Б-3 тверды как алмаз. На Г-4 аборигены текучи, на С-22 горят, на Л-7 совершенно невидимы. А как вам нравится эта самочка? Очень похожа на человека, но холоднокровная. А это красотки иного рода. У них, правда, одна-единственная грудь, притом острая как нож, ну да ее накрыть каким-нибудь колпаком, зато лица! Стоит к ним привыкнуть, и они кажутся прекрасными! Сношение возможно, хотя потомства не будет. Обительницы Т-42 густо покрыты шелковистыми белыми ворсинками. Они прекрасно готовят, не прочь выпить, любят белых, боятся негров. Эти, с М-14, весьма чувственны и обожают мужчин-землян. Роста они небольшого, напоминают наших школьниц.

– Туда! Мне – туда! – воскликнул «юнец», захлебываясь от страсти. – Прежде всего туда.

– М-14 – пятьсот мулладоров.

– Стоимость меня не интересует. Но когда я вернусь назад?

– Через двенадцать месяцев. А может, вам и не захочется возвращаться.

– Мне скоро наскучат девочки, и тогда я займусь этими, с белыми ворсинками...

Он получил синий билет и скрылся за лиловой портьерой.

К окошку протолкался человек в черной рясе, подпоясанной красным шнуром.

– Я, Ричард Альва, понесу на звезды свет Евангелия, – проговорил он глухим голосом аскета.

– Пожалуйста, – холодно отозвался чиновник. – Только хватит ли у вас денег? Вы, миссионеры, горазды торговаться.

– Так ведь речь идет о спасении невинных душ. Ангел господень возвестил мне, чтобы я немедленно отправился на звезду Л-100 в созвездии Копретины. Несчастные, они поклоняются треснувшей фарфоровой трубке, которую бросил там первый человек.

– Нет, туда мы вас не пустим. На Л-100 недель раньше отправился мулла, а два петуха в одном курятнике...

– Подумайте только, – воскликнул Альва, – эти несчастные будут одурманены лжепророком! Они поверят ему и навеки погубят себя! Пока не поздно, скорее отправьте меня туда!

Миссионер буквально влез в окошко, хорошо хоть за

барьер не свалился, и замахал кулаками перед носом служащего, а тот хладнокровно заметил:

– Мусульманская вера – тоже вера!

– Но мы несем крест!

– Что верно, то верно. И мы тоже, по вашей милости, – вздохнул служащий. – Там вас ждут не дождутся! А почему вы для спасения душ избрали именно Л-100? Вы несете свет? Так отправляйтесь на Ц-6. Там темно как в могиле! Ее обитатели слепы и поклоняются тьме. Вас они не увидят, зато прекрасно услышат, и вы легко сотворите все ваши чудеса. Рекомендую также Е-19. Аборигены – существа овецки, всему поверят, что ни наговори. Можете немедля стать мессией. На К-5 аббат Лар восстал из мертвых, и все сразу приняли христианство. Франциск Фарани полетел с цирком на Н-22. И после первого же представления стал верховным божеством, а вся труппа была причислена к лику святых. Цирк превратился в храм, а спектакли – в религиозные обряды. Чего вам еще надо?

Следующим на очереди был художник-пейзажист с мечтательными глазами, грезивший о хрустальных мостах и розовых водопадах звезды В-4.

За ним – суетливый полнеющий парикмахер, чья рыжая напомаженная борода служит своеобразной рекламой его искусства. Он летит на Ф-88 к волосатикам, чтобы словом и делом насаждать там культуру расчесок, гребней, помад и одеколонов. Сыщик с трубкой отправляется по следу убийцы на К-54.

Стареющая кинозвезда хочет взойти на новом небосклоне. Она вернет себе молодость на К-7.

Наследница миллионов бежит с бедным поэтом на Л-11, звезду любви...

Златокудрая красавица ищет возлюбленного, который скрылся среди звезд...

Профессор ботаники с пестрой сумкой через плечо и его прелестная грустноокая супруга будут изучать растительность на Ф-34.

Свергнутый с престола горемыка король снарядился в новое королевство...

Один за другим они скрываются за лиловой портьерой, судорожно сжимая в руках разноцветные билетки, узлы и чемоданы мешают им идти. Они переступают последний порог этого мира, чтобы никогда больше сюда не вернуться, простосердечные переселенцы с родной планеты...

XVI

Дама в черном. Предательское ожерелье. «Зря вы прячете лицо...» Брок наблюдает с близкого расстояния. «Стану принцессой гномов...»

Последней к окошку подошла дама в глубоком трауре. Вся в черном, словно окутанная беззвездной ночью. Лицо под густой вуалью, черные перчатки, грудь надежно укрыта платьем, будто два созревающих орешка в мягкой еще скорлупе. Хрупкие плечи, гибкая талия, стройные ноги в черных чулках, точеные колени под черным кружевом юбки – все это навевало мысль о чарующе прекрасной юности.

Дама пугливо оглянулась – она последняя, больше никого нет. Молча протянула чиновнику свой паспорт. Тот заглянул в документ, затем от фотографии поднял глаза к оригиналу. И ослабилась, неожиданно упершись взглядом в траурный флер.

– Будьте добры, приподнимите вуаль. Я ведь должен видеть ваше лицо...

– Это обязательно? – спросила она тихо, почти не раскрывая губ, и как бы невзначай уронила на барьер тяжелое жемчужное ожерелье. Чиновник быстро схватил его. Надел очки и стал внимательно, зерно за зерном, рассматривать драгоценность. Потом вдруг захохотал, оскалив белые клыки. – Зря вы прячете лицо, принцесса Тамара! Ожерелье выдало вас! Вы удираете из Гедонии!

– Неправда! – испуганно крикнула черная дама. Но голос ее внезапно дрогнул и надломился, как ветка.

А человек за барьером будто и не слышал ее:

– У нас есть ордер на ваш арест! Ваш паспорт – поддельный. Это работа мастера Ворка с Тигровой улицы!

Принцесса стояла неподвижно, черная, как облако мрака.

Густая вуаль не позволяла увидеть ее лицо. Только слышны были негромкие рыдания. Внезапно она шагнула к окошку, прижала к груди черные руки в черных перчатках и горячо зашептала:

– Прошу вас, пожалуйста, не выдавайте меня! Я вам все отдам, все, что захотите! Там, внизу, такое задумали со мной сделать – ужас! Сжальтесь! Отпустите меня на Л-7! Что вы хотите за это? Все, что у меня есть...

Принцесса высыпала на барьер содержимое своей черной сумочки. Среди драгоценностей сверкнула маленькая корона в форме звезды, на кончиках лучей которой виднелись крупные бриллианты.

– Этого хватит? – прошептала она и, словно боясь, что не хватит, откинула вуаль и улыбнулась. Чисто женский

поступок... Попытка добавить к драгоценностям еще одну, самую дорогую...

Невидимый Петр Брок воспользовался случаем и рассмотрел принцессу. Она была прекрасна. Огромные, затененные длинными ресницами темно-синие, как вечернее небо, глаза какого-то необыкновенного разреза и формы подчеркивали удивительную красоту чужестранки. Губы, не слишком полные, пленительно страстные, открывались в улыбке, точно спелый пунцовый стручок, обнажая ряд блестящих белых зернышек. Возможно, весь секрет был в принцессиной молодости, которая и делала ее неправильное личико столь прекрасным, а большой рот – столь соблазнительным.

Человек в окошке сгреб драгоценности и криво усмехнулся:

– Ладно, идите! Но от Господа Муллера вам не сбежать! Он будет гнаться за вами от звезды к звезде...

– Отправьте меня на самую далекую, на самую последнюю...

– Последние наши станции – на звездах-карликах в туманности ЗЕТ-Б. Там не так уж и плохо... Солнечная система совсем как наша, только в карманном издании... Солнышко в миллион раз меньше нашего. А планетки, что кружатся вокруг него, – точная копия нашей Земли. На ЗЕТБ-1 живут человечки, как две капли воды похожие на землян. Правда, ростом пониже... Каждый туземец легко помещается в дамской сумочке. Но они еще гиганты по сравнению с крошками, населяющими соседний шарик ЗЕТБ-II. Такие же люди, как мы, они не больше муравьев. А на ЗЕТБ-III люди были обнаружены в пыли под микроскопом... Ну, выбирайте любую...

- Давайте первую, раз ничего другого не остается...
- Это послушные, умненькие куколки... Заживете там словно в сказке.
- Но как мне скрыться, если он все же меня настигнет?
- А вдруг вы еще рады будете, если кто-нибудь вызовет вас с этой лилипутской звезды. Ведь со временем они вам опротивеют. Вот, пожалуйста, ваш билет.
- Итак, стану принцессой гномов, – вздохнула она и исчезла в лиловых складках портьеры.
- Брок двинулся за ней по пятам, сгорая от любопытства, – даже в горле запершило.

XVII

Зал ожидания на пороге вселенной. Бесплезные споры, «...всюду земля господня...» Бархатный зал. Брок пытается спасти принцессу

Он очутился по ту сторону занавеса и тотчас смекнул, что от разгадки тайны его отделяет еще длинный белый коридор; только пройдя его до конца, будет скинуть бремя любопытства.

Белые лампочки льют молочный свет, глухо звучат шаги, перебивают друг друга голоса. Чемоданы и рюкзаки с каждым шагом становятся все тяжелее, оттягивают руки переселенцев. Наконец и этот путь пройден. Долгое, бесконечное ожидание. И вот медленно, как крышка гроба, открываются массивные железные ворота. Гудящая толпа людей, которые буквально падают от усталости, поспешно устремляется к зияющему проему. Последней в него проскальзывает принцесса, а за ней Петр Брок. Ворота за ними мягко, неумолимо закрываются.

Просторный зал заполнился людьми. Все как по команде уселись на свои узлы и чемоданы.

— Я представлял себе это несколько иначе... — заметил художник, разочарованно оглядывая голые стены, словно отыскивая на них картины.

— Хоть бы скамейки поставили... — вздохнул миссионер, который побоялся сесть на свой жалкий баул. — У меня там дароносица, чаши и кресты, завернутые в церковные облачения. Не дай бог, сломаются, — сообщил он сыщику.

А тот в недоумении посасывал трубку.

— Черт побери! И это зал ожидания на пороге вселенной? Скорее напоминает приемную богадельни!

— Вот так всегда получается, — язвительно проскрипел напудренный юнец, — когда не выделяют тех, кто богат. Я путешествую только первым классом — и на подводных, и на обычных, и на воздушных кораблях. Я могу себе это позволить. — Он нервно передернул плечами и стряхнул пыль с рукава своего фрака, который задела старушка, пробиравшаяся в другой конец зала. — И куда ты, старая, лезешь?

Беззубая старушенция гордо вскинула седую голову. Ее волосы, спереди расчесанные на пробор, походили на серебристые крылья летящего жука. На макушке у нее была смешная шляпка, завязанная под подбородком черной лентой.

— Я графиня Кокочин! — спесиво заявила она и навела на дерзкого юнца золотой лорнет.

— О, простите, ваша светлость, я не предполагал... — Молодой человек отвесил преувеличенно низкий поклон и с насмешливой галантностью снял белый цилиндр.

– Старость доставляет мне столько хлопот, – уже спокойно сказала графиня.

– И куда же вы изволите направляться?

– Я? На Л-70!

– Черт возьми! Звезда любви...

Старуха кокетливо стукнула его лорнетом.

– Ах, проказник! Звезда молодости, а не любви... Я лечу за молодостью. Далеко это?

– Двадцать муллеренов... Не знаю, доживете ли вы до конца путешествия! – злорадно сообщил Лас Абела, бывший миллионер.

– Но ведь мне сказали, что путешествие продлится лишь трое суток...

– Может быть, – согласился Лас Абела, – но не забывайте, что в других галактиках время другое и люди стареют не так, как под нашим солнцем...

– Всюду земля господня! – включился в разговор миссионер. – Если будет на то его воля, вы умрете. Похристиански, с крестом! Я везу его с собой. У меня и освященный елей есть для соборования. Так что не беспокойтесь, – добавил он.

– А я вас в гробу надушу... – Парикмахер нажал на грушу пульверизатора. От терпкого непривычного запаха запершило в горле.

– И меня, и меня, – закричала розовая куколка, которой очень захотелось благоухать в объятиях своего возлюбленного поэта.

В эту минуту над отдыхающими возникла матросская шапка, лицо, изъеденное глубокими оспинами, и черная, с желтыми полумесяцами, безрукавка. Брок сразу его узнал

– это был тот самый пьяница, который распевал похабную песню на кольцевой улице Вест-Вестера.

– Подъем, господа, за мной! – закричал матрос, прикуривая от факела. В глубоком вырезе на его груди виднелась яркая татуировка: космический корабль, плывущий среди звезд. Руки у него тоже были покрыты татуировкой – неуклюжими изображениями чудовищных неземных растений.

Матрос отпер маленькую дверцу, ведущую в темноту, и все повалили за ним. Началась давка. Узкий коридор не спеша проглатывал одного путешественника за другим. Он был сырой, длинный, словно пищевод гигантской змеи, и вел то вверх, то вниз. Все шли гуськом, склонив головы, локтями касаясь влажных стен. Далеко впереди чадил факел матроса.

Наконец там появился светлый прямоугольник, и люди воспрянули духом. Факел исчез в нише, но его желтоватый огонь высвечивал движущуюся вереницу тел. Когда принцесса, а следом за нею и Брок шагнули в светлый прямоугольник, сзади захлопнулась дверь.

Бархатисто-черный круглый зал, высоко под потолком сверкает раскаленный фиолетовый шар. Со всех сторон слышатся крики отчаяния, плач, люди заламывают руки.

– Измена, измена, мы все здесь погибнем!

В первую минуту Брок ничего не мог понять. Но потом вдруг почувствовал странный одуряюще приторный запах, от которого кружилась голова. Перед глазами у него расцвел неземной красоты цветок с алыми листьями и черным венчиком. Брок задержал дыхание – цветок исчез. Он увидел, что все показывают вверх на металлическую труб-

ку в стене, из которой валил и быстро таял в воздухе белый дым. Началась паника.

Первая мысль была – спасти принцессу. Брок рванулся к стене, где, как он помнил, была захлопнувшаяся дверь. Но двери как не бывало.

К тому же принцесса затерялась в этом безумном столпотворении. Все стонут, кричат, плачут, стараются заткнуть чем-нибудь рты и носы.

Бывший фабрикант в отчаянии мечется по залу, словно зверь в клетке.

Миссионер Ричард Альва, охваченный мистическим ужасом, стал посреди зала на колени, бьется головой об пол и богохульствует, проклиная своего бога и насмехаясь над ним.

Поэт с дочерью миллионера, забыв обо всем перед лицом смерти, слились в страстном объятии, чтоб погибнуть в упоении любви.

Художник с мечтательными глазами умирает в слезах.

Парикмахер рвет свою нафабренную бороду.

Пресыщенный юнец полной грудью вдыхает губительный запах.

Концентрация газа быстро растет, да и дыхание навек не удержишь, в конце концов каждый напьется смерти, глоток за глотком.

Люди падают друг на друга, кучи тел громоздятся на черном мраморе.

В середине зала Брок нашел наконец свою принцессу. Когда он подбежал к ней, она уже готова была упасть. Он подхватил ее и мягко опустил на камень. В ее глазах мелькнуло удивление.

– Принцесса! Принцесса! – закричал Брок, в отчаянье прижимая губы к ее виску. – Ради бога, задержите дыхание!

Но сам он от этого крика лишился последнего глотка чистого воздуха. Он выпрямился и волей-неволей опять глотнул смертоносный газ. Голова у него закружилась, в ушах зашумело, а перед глазами снова вырос алый, как кровь, цветок. Это конец, конец!

Итак, в борьбе с Огисфером Муллером он потерпел поражение! Проиграл, еще не вступив в борьбу. Даже не видел его – и проиграл. Шум в ушах все тише и тише. Черный цветок быстро растет, раскрывается, поглощает его... Ноги подкашиваются, человек падает, умирая... Петр Брок упал. Ослепительная вспышка, и все погасло. Тьма, и даже тьмы уже нет... Ничего нет.

XVIII

Сон. Старик с доброй улыбкой. Судьба переселенцев. Паришувый материал. «А как же дворник?»

И все-таки желтый огонек мигает и мигает. Трехэтажный помост теряется где-то в темноте. К его доскам прилепились серые куколки-балахоны. Кажется, будто они усохли, потому что сморщились и опали. И все же внутри что-то шевелится, пахнет – то ли рождается, то ли уже гниет... Здесь их немало, этих куколок. Время от времени они вздрагивают, как бы показывая, что по-прежнему живы, что, может быть, однажды ночью из них вылупятся мрачные бархатные бабочки «мертвая голова»...

Но что это? Желтый огонек, светящий лунным светом,

неожиданно вспыхнул ослепительно ярким пламенем. Петр Брок открыл глаза.

Что произошло?

Сон исчез.

Над головой вновь горит фиолетовый шар, только дно бархатной чаши опустело. А круглая стена в одном месте словно треснула – сквозь узкое отверстие пробивается свет, и что-то в нем движется... Брок бесшумно скользнул в эту щель и очутился в стальной камере без мебели, с заклепками на стенах. Под потолком – прозрачный человеческий череп, из глазниц и из носа бьют лучи света.

В углу толпа полураздетых переселенцев, их руки скованы тонкой цепью. Женщин среди них нет. Больше всего Брока поразило, что они молчат. Жуткой тишиной веяло от этих сломленных, напуганных людей. Лишь подойдя ближе, он увидел, что у всех во рту металлические кляпы. Концы цепей держат в руках два краснорожих молодчика с плетками. Кроме них и матроса здесь были еще двое. Заглянув им в глаза, Брок понял, что именно они будут решать судьбу обманутых переселенцев.

Первый – седовласый старичок в черных очках и с на удивление доброй улыбкой – то горбится, то снова выпрямляется. Одет в мундир с золотыми эполетами. На груди сверкают орденские звезды, расположенные в виде созвездия Кассиопеи. На голове офицерская морская фуражка с надписью «Адмирал Шурхэнд». Бородка у адмирала раздвоенная.

Второй – полная противоположность первого. Одутловатая, красная физиономия, грубая, как у мясника, так и пышет примитивной жестокостью. Безукоризненный тем-

ный костюм. На пальцах, на манишке и в манжетах сверкают искорки бриллиантов. Лоб узкий, скошенный, в левом глазу монокль – для придания грубым чертам аристократического лоска.

– Сколько? – спросил у татуированного матроса добрый старичок.

– Сорок пять из девяноста, – почтительно доложил матрос, – в том числе пятнадцать женщин. Остальные уже в печи...

– Паршивый материал! – брезгливо бросил человек с моноклем. – Всех в ад!

– Слишком вы торопитесь, милорд! – возразил старичок. – Что-нибудь среди них да найдется.

Он подошел к бывшему миллионеру и похлопал его по заросшей рыжей щетиной груди.

– Взгляните-ка, милорд, на этот экземпляр. Рыжие – народ выносливый и живут долго. Он будет хорошим рукопом!

– Ладно, адмирал, – ответил милорд, – в шахту его.

Матрос что-то пометил в своем блокноте, и двое молодчиков отвели рыжего в другой конец зала.

– Одного отправить на склад! – вспомнил милорд и подошел к парикмахеру, который дрожал, как басовая струна. Милорд словно бы ненароком щелкнул его по носу и сухо сказал: – Пятьсот шестьдесят седьмой этаж!

Матрос записал, и парикмахер очутился в противоположном углу.

Затем адмирал обратил внимание на влюбленного, в отчаянии простирающего руки к железным дверям, которые хранили тяжелое молчание.

– Сэру Марко нужен молодой раб, – сказал он, будто утешая, – вам повезло...

– Семьсот тридцать третий! – процедил милорд и двинулся дальше.

– На улице Эсмеральды Кран требуется дворник, – забормотал бойкий старичок, подбегая то к одному, то к другому, и наконец остановился перед бывшим монархом.

– Метлу удержишь? – сочувственно спросил он.

Пухлый экс-король онемел и оскорбленно завертел головой.

– Это король Арамис Двенадцатый, – сказал матрос, заглянув в свой блокнот.

– Который? – переспросил милорд, словно не расслышал, который час. Потом вдруг зловеще гаркнул: – В ад его!

– На небо, на небо, – успокоил старичок. – Мы только тряпье сжигаем, а из костей делаем пудру для Вест-Вестерских красоток. А души улетают на звезды, ха-ха-ха! – Он так рассмеялся, что даже черные очки запотели. И когда он их снял, то оказалось, что глаза у него ядовито-зеленые, злющие и жесткие, а добрые морщинки – это всего лишь маска.

– Ну хватит! – решил милорд. – Все остальное брак. Мусор! В печку их!

– А как же дворник? – Адмирал вновь нацепил очки и углядел напудренного юнца. Лицо у того было перекошено от страха и застрявших в горле рыданий. Матрос записал номер этажа и перевел молодого человека в группу напротив.

XIX

«А теперь – девочек...» Принцесса, потерявшаяся и найденная вновь. Галантность Муллера. «...пожалуйста, улыбку...»

– А теперь – девочек! – похотливо просюсюкал старичок и поправил на груди отклеившуюся звезду. Милорд, входя в соседнюю комнату, вытянул манжеты, чтоб заметнее были бриллиантовые запонки. Брок потихоньку прошел за ними.

Там на полу сплетался и расплетался клубок женских тел, а ведь всего несколько минут назад Брок видел, как эти женщины шагали в колонне. Любовницы и подруги, провожающие, провожаемые, одинокие гордые путницы, влекомые своей мечтой. Кляпов у них не было.

Сначала – принцесса! – мелькнуло в голове у Брока, когда он подбежал к толпе плачущих женщин. Но принцессы среди них не было. Она стояла поодаль, прижавшись к стене, гордая, вся в черном, и ждала своей участи без единой слезинки в глазах.

О, у него прямо руки чесались сейчас же на месте расправиться с этими двумя мерзавцами и освободить обманутых переселенцев! Но внутренний голос, безотказный инстинкт говорил ему, что надо выждать и отложить мщение до той великой минуты, когда будет рассчитаться разом со всеми. Он бесшумно приблизился к принцессе, наклонился к ней и зашептал:

– Не бойтесь! Я с вами.

А когда она повернула к нему изумленное лицо и губы ее затрепетали, собираясь задать вопрос, Брок поспешно предупредил:

– Тише, тише, не надо спрашивать! Не шевелитесь! Они не должны ничего знать! Я все время рядом с вами. Но вы меня не ищите! – Он легко коснулся ее левой руки и прошептал: – Вот я! Это будет означать, что я рядом. Вы не возражаете?

– Нет! – Принцесса кивнула и едва заметно улыбнулась.

Между тем старый обманщик с лживой маской добряка пытался ласковыми речами остановить потоки слез, причитаний, проклятий, которые низвергались на него.

– Дамы! Милые дамы! К чему эти слезы и причитания! Фу, какими некрасивыми становятся от плача ваши носики!

– Верните мне моего Яничка! Отдайте мне его! – рыдала розовая девочка, все еще ничего не понимая. – Я же не могу лететь без него!

– Похищение, похищение! – истерично выкрикивала кинозвезда. – Бандиты! Воздушные пираты!

Дочь миллионера, забыв о поэте, горько оплакивала свои чемоданы.

– А ну, замолчите, – разозлился человек с моноклем, – не то придется отведать наших груш! А они у нас жесткие...

– Улыбки, улыбки, дорогие дамы, нам нужны ваши улыбки, – затараторил старый адмирал. – Улыбнитесь, пока не поздно!

Но стоны, плач и ропот не утихали. Громче всех шумела старая графиня. Она звала на помощь, требовала полицию, ругалась, сыпала угрозами:

– Негодяи! Подлецы! Только попробуйте поднять руку

на беззащитную аристократку! Где же ваши звезды? На небе? Вам бы лишь грабить, водить дураков за нос! Пираты! Отдайте, бандиты, мой чемодан, верните мои деньги!

Тут подал голос милорд:

– Безгранична галантность нашего благородного Муллера (он благочестиво поклонился), но всему есть предел, особенно когда речь идет о явном браке! Грушу! – командовал он, и не успела графиня глазом моргнуть, как один из молодчиков загнал ей в рот стальной кляп. Остальные тотчас умолкли.

– Вот видите, дорогие дамы. А теперь, пожалуйста, улыбку! Эта девочка, милорд, не слишком красива, но вряд ли ей больше семнадцати.

– Еще бы, – усмехнулся монокль, – в самый раз для кабаре дона Эремиса...

За розовой девочкой последовали дочь миллионера, грустноокая супруга профессора ботаники, потом две бледные хорошенькие сестры-двойняшки, совершенно на одно лицо, в коротких юбочках и детских гольфах. Они держались за руки и ничегошеньки не понимая, звали отца. Молодчики с плетью отвели их всех в угол комнаты, где, подвешенный к потолку, колыхался роскошный турецкий шатер, устланный плюшем, с красными кругами пуфов.

XX

Первое упоминание об Ачоргене. Пурпурный шатер-лифт. Старый сводник утешает принцессу. Мадам Верони

Наконец настал черед принцессы. Брок насторожился.

Старик адмирал, поправив безупречную складку на брюках с желтыми лампасами, учтиво, в наигранном удивлении, подошел к ней.

— Принцесса Тамара! — воскликнул он. — Какая неожиданность! Черный бриллиант, потерянный и найденный вновь... Бархатная бабочка хотела упорхнуть от нас к небесам... Сколько ж мы вас искали по всем этажам!

— Никто не искал, и никто не терялся, — оборвал его милорд, — в Муллер-доме никогда ничто не терялось и не потеряется!

Но запавший старческий рот все бубнил:

— Принц Ачорген, третий секретарь нашего благодетеля и Повелителя, полюбил вас с первого взгляда... Ему первому вы станцуете хрустальное фуэте, или второму, если пожелает Сам... Говорят, наш благодетель и Повелитель уже справлялся о вас и ваших успехах в танцах. Беда, если вместо симпатии вам придется испытать Его гнев!

Принцессу отвели в шатер. Брок метнулся за ней. Старичок тоже устроился в шатре и подал знак рукой. Внезапно шатер окружили металлические стены. Под куполом вспыхнула лампочка, и упакованный в металлический футляр шатер начал падать вниз.

В герметически закрытой кабине Броку трудно было определить скорость падения, вдобавок ничто не шелохнулось и падение проходило без малейшего шума и тряски. Кабина словно и не двигалась, но он чувствовал, что они с бешеной скоростью летят в пропасть. На мгновение перед глазами у него вспыхнул знакомый желтый огонек, но он сразу отогнал видение.

Старый сводник внимательно разглядывал заплакан-

ные лица. Кое-кто еще всхлипывал, по чьей-то щечке еще текла слезинка, но рыдания стихли. Они устали отчаиваться, да и в глаза рвутся новые, любопытные картины – вон они, так и мелькают. Адмирал в этом мчащемся вниз колоколе вел себя с дамами на удивление корректно. Он сидел в сторонке, подтянув брюки и зажав ладони между колен, видимо, чтобы не возникло подозрения, будто он намерен приставать к своим соседкам. Фуражку он сдвинул на затылок и заговорил с притворным добродушием:

– Как видите, дорогие дамы, ничего страшного с вами не случилось, да и не случится. Вы испугались, что не попадете на свои планетки? Клянусь Муллером, мы сейчас летим на одну премиленькую звездочку... Это звезда танцев... Танцы и любовь... Мадам Верони вас научит в своих салонах и тому и другому. Она-то, конечно, уже не танцует, по причине изрядной полноты, но возглавляет танцевальный университет, где преподают знаменитости старого мира... Не бойтесь, мы выбрали вас не только за смазливые мордашки – ваши фигурки, ваши ножки победили в тайном состязании спящих красавиц... Вон тех двух пупсиков тоже я отыскал, – при этих словах морщины старого сводника изобразили нежную улыбку, – я сжалился над образцом столь совершенной симметрии... И папочек для вас, сиротинки мои, тоже найдем – каждой по одному. Но сначала вы пойдете в школу. Мадам Верони обучит вас азбуке любви. А вы, принцесса, вернетесь на виллу «Тамара». Искренне вам советую: разучите хрустальное фуэте. Без танца в Гедонии карьеры не сделать... Ублажите принца Ачоргена. Неужто не понимаете, что все женщины там, внизу, без ума от него, а среди них есть и принцес-

сы... Это великий человек – правая рука гениального, божественного Муллера. А какой кавалер! Целый этаж Гедонии занимает, три тысячи комнат. Он покровитель художников, артистов, музыкантов Муллер-дома. Если вы ему угодите, он возьмет вас в жены! Клянусь Муллером, он сумеет вас обеспечить, даром что уже содержит в гаремах около полусотни жен...

Принцесса смотрела в потолок и молчала. Гордая, не сломленная, она будто светилась изнутри холодным как лед светом. Зато Брок ловил и впитывал каждое слово адмирала, как иссохшая земля – влагу.

Неожиданно кабина-шатер мягко, без толчка остановилась. Складные металлические стены поднялись, лампа погасла, и шатер очутился посередине огромного розового зала. Броку показалось, будто здесь только что стихла музыка. Со всех сторон бежали разгоряченные, потные люди. В мгновение ока шатер окружило жаркое кольцо человеческих тел. Прекрасные лица женщин – ярко накрашенные губы, влажные, блестящие глаза, устало прикрытые тяжелыми длинными ресницами. И лица мужчин – с виду молодые, гладкие от жидкой пудры, но что самое странное – почти у всех бородки: черные, белокурые, рыжие и непременно раздвоенные. Брок вспомнил обитателей города авантюристов, да и старый сводник носил бороду той же странной формы. Брок смекнул, что таков, вероятно, последний крик моды в Муллер-доме. Однако задумываться над подобными пустяками было недосуг. Адмирал первым выскочил из шатра и тщательно расправил брюки, чтобы заглаженная стрелка приобрела изначальный вид.

– Мадам Верони, мадам Верони! – позвал он.

Из толпы вынырнула грудастая толстуха в роскошном платье из какой-то зеленой чешуи. Прелести ее давным-давно утонули в складках жира, а рот, подпертый чуть не десятком подбородков, находился куда выше адмиральской макушки.

— Ну вот, привез вам новых ангелочков, — скороговоркой забубнил сводник, — правда, отрастить им крылышки — это уж ваша забота. Думаю, выбор удачен...

Мадам Верони сверкнула золотым лорнетом в сторону грустных пленниц и от удовольствия заколыхала подбородками.

— Замечательно, адмирал, — сказала она сладким голосом. — «Вселенная» никогда не подводит. Эти розовые куколочки прелестны — даже на Венере не было бы стыдно за нашу старушку планету. Приходите завтра, я с вами рассчитаюсь! — Неожиданно мадам Верони всплеснула руками. — Клянусь солнцами! Это же наша Тамара! Адмирал, вы что, ослепли от звездной пыли?

Сводник под прикрытием темных очков тихонько хихикнул.

— Вы действительно думаете, что в мои сети ловится только мелкая рыбешка, мадам?

— Идите сюда, моя дорогая, — защелбетала мадам Верони, обращаясь к принцессе, — до чего ж вы бледная! Я отведу вас в вашу виллу. Там все осталось как раньше, сами увидите, идемте, дитя мое!

Но старый сводник не отдал добычи.

— Побудьте-ка лучше со своими ангелочками, мадам, они тоже устали! Дайте им теплой воды для ног, а принцессу предоставьте мне! Я сам отведу ее куда нужно...

Пойдемте, принцесса!

– Идите, – шепнул Брок.

Принцесса чуть заметно улыбнулась. Так они и вышли из зала – принцесса, адмирал и Брок.

XXI

Улица Эльвиры Карп. Вилла «Тамара». Петр Брок решает идти за адмиралом. «Я покидаю вас на время...» Улица Берты Бретар. Проспект Анны Димер

Площадь. Стеклянные дворцы вокруг – точно стены гигантского бассейна, на дне которого копошится людская толпа. Невероятно широкие проспекты разбегаются отсюда звездными лучами, теряясь в необозримой дали. Театры, рестораны, кинозалы, музеи, игорные дома, храмы – все из стекла, полуматового, полупрозрачного. Аллея фонтанов и хрустальных статуй, словно бы созданных из воды, – блеснут на мгновение в луче света и вновь исчезнут, как их и не было. А надо всем этим – лазурный стеклянный свод с незаходящим солнцем...

улица Эльвиры Карп

**Донна Эльвира была четвертой возлюбленной
Великого Муллера**

Эти слова, багровой кляксой расплывшиеся по стандартной серебристой табличке на угловом здании, ударили в глаза Броку. Брок запомнил название улицы на всякий случай: вдруг он заблудится в невероятном лабиринте

Муллер-дома? Но нет, он не вправе заблудиться! Не спуская глаз с принцессы, он шел за ней по пятам, шаг за шагом. Смотрел на ее стройные ноги в траурном шелке и внезапно ощутил страстное желание коснуться их рукою. Увидел их нагими и рядом, совсем рядом – себя, прозрачного как стекло. Увидел свои невидимые, жадные руки, ласкающие сонное тело... И тут же его охватило презрение к себе. Ведь он же поклялся ей помочь! Да, он к ней прикоснется, но затем только, чтобы она знала о его присутствии! Так он обещал!

Между тем позади оставались проспекты, перекрестки, дворцы. Аллея гигантских кактусов и пальм, цветочные ковры, оранжереи, озерца, особняки, обвеваемые веерами финиковых пальм, – все говорило о том, что они очутились в богатых аристократических кварталах.

Вот наконец и коттедж, на фронтоне которого красуется надпись:

ВИЛЛА
ТАМАРА

Старый адмирал поклонился принцессе.

– До свидания, гордая грешница! Я пошел к Муллеру! Молитесь ему, чтоб он был милостив к вам в своем гневе! Его доброта бесконечна...

Брок стоит на пороге, принцесса, не оборачиваясь, поднимается по прозрачным ступеням. Дверь захлопывается, но фигура принцессы еще видна за стеклом. Постепенно очертания ее расплываются и наконец исчезают со всем.

Что делать? – заколебался Петр Брок. Идти за прин-

цессой? Нет! Ей пока опасность не грозит! А этот мерзкий негодяй направляется к Муллеру! Итак, за ним!

Брок быстро вырвал из блокнота листок и написал:

*Принцесса! Я покидаю Вас
на время. Никого к себе, не
пускайте. Держитесь! Меш!
Вы узнаете по нашему Зна-
ку*
Ваш друг.

Он взбежал по лестнице, опустил листок в прозрачный почтовый ящик и устремился за адмиралом. Догнал его на перекрестке и вдруг испугался: а сможет ли он потом найти эту тенистую улицу? Как она называется?

улица Берты Бретар

**Актриса Берта Бретар
бросилась с вершины Муллер-дома
от несчастной любви к Великому Муллеру**

— было написано на серебряной табличке.

Муллер! Всюду Муллер! Неужели все улицы на этом этаже носят имена его несчастных любовниц? Неужели этот бог так чванлив и мелочен? Но как бы там ни было, надо хорошенько запомнить это название, чтобы не потеряться... Затем они свернули на

проспект Анны Димер,

которая, судя по надписи на табличке, была сожжена за то, что из ревности к Муллеру убила королеву Гертруду.

Проспект заканчивался дворцом на хрустальных столбах. Широкая лестница, ведущая к нему, казалась черной от множества людей в цилиндрах. На фронтоне горели красные как кровь неоновые буквы:

БИРЖА

XXII

Золотой муравейник. Жирный идол под балдахином. Хрустальные уста динамика. Техника биржи. Петр Брок узнает кое-что о себе. «...скажите еще – социалист...»

Старый сводник остановился у подножия лестницы. Снова расправил складки на брюках, пересчитал звезды на груди и осторожно двинулся вверх по ступенькам. Брок следовал за ним по пятам.

Они вошли в огромный стеклянный зал. Под золотой гроздью матовых шаров кишела черная толпа. Изящная парадная лестница вела на обнесенную балюстрадой галерею. В углу под золотым балдахином в ярко-алом кресле – золотая фигура невероятно толстого, с двойным подбородком, божества. В потолке над ним – выпуклая линза. От нее, как от солнечного диска, расходятся золотые лучи.

Может, в это огромное увеличительное стекло чей-то гигантский глаз, как микробов под микроскопом, рассматривает людей.

Толстые ковры гасят звуки шагов, слышен только шорох шелковых фраков, трущихся друг о друга. Лица — как тусклые пятна, лишь поблескивают глаза да белые квадраты манишек, похожие на дверцы, открывающие доступ к механизмам этих черных манекенов, которые начинают двигаться, стоит завести пружину, спрятанную где-то под фалдами. Правые руки взлетают на определенную высоту, тянутся друг к другу и смыкаются, как противоположные полюса магнитов. Толстые пальцы этих рук унизаны золотыми перстнями.

Все кругом в непрестанном движении — однако же пути их никуда не ведут. Люди пробираются в тесноте мимо друг друга, снуют по запутанным кривым, возвращаются, собираются в группки и тут же расходятся.

Доносятся бессвязные слова, гортанный смех, выкрики.

Петр Брок совершенно заблудился в этой сутолоке. И адмирала своего потерял... Он словно попал в муравейник и сам превратился в муравья. Перебегал с места на место, пролезал, подлезал, слушал, наклоняясь к черным клочьям бород и ловя несущиеся со всех сторон восклицания.

Лишь немного погодя, когда Брок стал разбирать целые фразы, он понял, что главные сообщения шли из хрустальной трубы, установленной на возвышении напротив входа в углу зала, а на фасадной стене, на белом экране, мельтешили надписи, лозунги, цифры и какие-то странные знаки, которые сквозь хрусталики глаз проникали челове-

ку в сознание, запечатлевались в мозгу.

Только теперь Брок начал догадываться, что собой представляет Огисфер Муллер! Сколь чудовищной силой и властью наделен этот таинственный человек, который находится всюду и нигде! Здесь шел неравный бой муллеровских мулльдоров с нищенскими валютами других стран. Здесь имя его произносилось тысячу раз на дню, тысячью уст. Оно звучало как заклинание, как победный клич, как мольба о пощаде, как хруст костей под кованым сапогом. Линза в потолке была его оком! Микрофон в стене – его ухом! Хрустальный динамик – его устами! Его рука может вдруг высунуться из потолка, сам он может вдруг возникнуть в зеркале...

Как знать, не присутствует ли он здесь в эту минуту – в образе биржевого игрока, маклера или лакея... Никто его не видел, никто не ведаёт...

Постепенно Петр Брок сориентировался. Напрягая зрение и слух, различил в неистовых выкриках, несшихся из динамика, слова и цифры, которые толпа подхватывала на лету и повторяла, как эхо.

ДИНАМИК. *Куплю пятьдесят черных акций...*

ЭКРАН. Курс: 29, 30, 31, 32, 33...

ГОЛОСА. Слышите, Муллеру нужен уголь...

ЭКРАН. Курс: 35,36...

ГОЛОСА. Солиум улетучивается...

Рудокопы бунтуют...

Дело пахнет революцией... Они разрушили лестницу Р...

Заминировали шахту Б...

Я предлагаю пятьдесят...

Держись...

ЭКРАН. Курс: 38,39...

ГОЛОСА. Витек из Витковиц лезет из берлоги...

Голова еще не вылезла...

Как вылезет, так и слетит...

Предлагаю сорок...

ДИНАМИК. *Куплено...*

ГОЛОСА. Муха проглотила слона...

Сегодня я миллионер...

Подождем еще...

Он с нами играет...

Стать богаче он уже не в состоянии...

ДИНАМИК. *Куплю двадцать тысяч пар рабочих рук...*

На экране пляшут цифры биржевых курсов, но Брока это уже не интересует. Он переходит от группы к группе, прислушиваясь к разговорам:

— Черные по два муллдора!

— Муллер берет только белых!

— Я купил желтых, они лучше работают!

— Но быстро изнашиваются!

— Предлагаю белых по пяти муллдоров. Товар из Испании!

— Они тупы и ленивы...

— Французы сноровистее, я выброшу их на рынок, когда поднимется франк...

ДИНАМИК. *Куплено...*

— Продам пятьдесят вагонов таблеток «ОККА «...

— Товар двести пятьдесят шесть!

— Не требуется! Старые запасы!

— Склады ломятся.

- Неделю назад купил полвагона. Для тысячи ртов на пять лет хватит!
- Да, мсье, таблетки дешевы, зато рты дороги!
- В три месяца вместо завода – лазарет...
- Специфический недуг – высыхание крови...
- Тс-с-с!
- А Индия – кому она говорит спасибо? А? Наши таблетки спасли в голодный год миллионы людей!
- В конце концов любая машина иной раз портится, а людей изготавливать нет нужды!
- Сама природа обеспечивает их перепроизводство!
- Без таблеток, Великий Визирь, в наши дни конкуренции не выдержишь!
- Таблетка – это не пища, это смазка для механизма!
- Голодный, алчный, ленивый, а вдобавок чувствительный механизм! Неужто он себя окупит?
- Строго между нами, Ференц, дикари и те их не жрут, не говоря уж о собаках!
- Я семь лет кормил ими своих патагонцев. Ни один не выжил...
- Тс-с-с!
- С позволения сказать, пан не понимает сути дела...
Надо уметь смазывать механизмы... двести пятьдесят – пся крев!
- Господа, они еще упадут в цене!
- Все мы сыты по горло этими таблетками!
- Добрый Муллер еще сбавит цену... для нас, нищих...
ДИНАМИК. Куплю полкилограмма радия...
- Слушайте, слушайте!
- Джентльмены, кто может нынче продать его?

– А зачем он ему нужен, мсье Франк?

– Ему лучи нужны, синьор, хе-хе-хе... (шепотом на ухо) для лечения рака – тс-с-с!..

– Ему лично?

–Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. *Продам трон персидского шаха...*

– Снова?

– Не удивляйтесь. Кто этого не пробовал...

– Аллану Горру там было весьма не по себе...

– ...народ – он как мокрая тряпка, милорд: чем больше жмешь, тем меньше капает...

– ...я, мистер, просидел в Египте тридцать пять дней за пятнадцать муллдоров... дорогое удовольствие... Поцарствовать мне захотелось. И царем хорошим быть, и денег заработать. Только царь из меня никудышный, а бизнесмен – и того хуже... господи боже...

ДИНАМИК. *Сдам в аренду пятьсот шестьдесят четвертый этаж Муллер-дома...*

– Ха! За сколько?

– Хоть сейчас беру!

– За сколько?

– Семьсот пятьдесят!

– Нужны помещения для канцелярий...

– Хочу устроить пансионат.

– Нужен склад!

– Начиная с девятой сотни и выше – поверьте, господа!
– виден Гаурисанкар!

– Почему бы не поверить, ведь там психушки, ха-ха-ха!

– Тс-с-с!!!

– На вершине Муллер-дома находится огромная подзорная труба. Если Ваше Высочество взглянет в нее на горизонт, то увидит там опять-таки Муллер-дом и себя на его вершине, правда со спины – хи-хи-хи-хи...

– Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. *Продам звезду К-99 вместе с нынешним урожаем...*

– А что за урожай? Огурцы, бананы или, может, помидоры?

– Ишь, заинтересовались, герр Серафин! Неужто думают, что Он соберет урожай, привезет сюда и сунет им под нос?

– Я отведал яблоко со звезды К-84! Их было всего два: одно съел сам Великий Муллер, а второе – я. Этот каприз обошелся мне в триста мулلدоров... Слов нет, чтобы описать его изумительный вкус! Райское наслаждение, Ваша Солнечная Светлость!

– А я. Ваше Высочество, пробовал кинесы со звезды К-74... Они слегка пьянят, словно шампанское, в них есть какой-то звездный алкоголь...

– Кто полетит на эту К-99? Ну, допустим, скуплю я весь урожай. А кому мне потом его сбыть? Самому, что ли, все съесть?

– Я отведаю ядовитого огурчика и пойду, синьор, ладно?

– Тс-с-с!!!

– Еще бы, теперь модно иметь собственную звезду! Представьте себе, дон Ортего-и-Коста, маркиза де ла Рошфуко тоже обзавелась звездой, хи-хи-хи-хи...

– Для нас это мертвый капитал!

- Ну кто рискнет туда полететь, герр Апфельбаум?
- У меня сын на ЗЕТ-19, уже пять лет...
- Еще никто не возвращался...
- Тс-с-с!!!
- Надо быть сумасшедшим, чтобы из рая возвращаться

в ад...

- Я всем в Муллер-доме доволен, барон!
- Наш благодетель, наш Великий Отец и Господь...
- Ну конечно, все мы в руце божией, раз Он есть над

нами...

- И Он простит нам, грешникам, наши заблуждения...

ДИНАМИК. *Один мулдор – девятьсот тридцать два дуката...*

- Гляньте, Ваша милость, мулдор упал!
- Упал!
- Впервые!
- Да, впервые!
- Уж не думаете ли вы?..
- Сохрани меня великое М!
- А что вам известно. Ваша милость?
- Ничего, ничего...
- Ну зачем же ломать комедию?
- Между нами, Ваша милость, может, происшествие в этом притоне, в «Эльдорадо»...
- Значит, по-вашему...
- Нет! Ни в коем случае! Вздор! Разве что-нибудь может угрожать Муллер-дому?..
- Конечно же, нет, но...
- Но?
- Муллеру лично доложили о том, что там произошло!

Что-то невероятное, немыслимое...

- Если верить слепому Орсагу...
- Все в один голос твердят...
- Я сам ничего не понимаю!
- Чулков слышал голос!
- Орсаг его видел!
- Кого?
- Стекланный сосуд в виде человека!
- Существо из фарфора!
- Дьявола!
- Бога!
- Призрака!
- Чулков – старый обманщик!
- Орсаг накурился опиума! Тот человек был не из стекла и не из фарфора, а из паров опиума!
- А как же перестрелка с Незнакомцем?
- Бред пьяниц!
- А то, что Орсага вызвал сам Муллер?
- Тс-с-с-с!

ДИНАМИК. *Продам Муллер-дом...*

- Слушайте! Слушайте!
- Муллер продает Муллер-дом!
- Возможно ли?
- Что происходит?
- А вы что, пан, не знаете? Он часто с нами, со своими подданными, этак шутит. Как говорится, шалости великих мира сего...

– Поистине Он прозорлив и великодушен! Поймите, сэр, Муллер не придает значения созданному им миру, даже пренебрегает им, более того, он готов в любую ми-

нуту разогнать всю здешнюю барахолку! Захочет – и Муллер-дом продаст, Ваше превосходительство... Хоть это и чудо из чудес...

– Продаст...

– Продаст...

– Продаст...

– Только для этого нужен еще и покупатель...

– И все-таки. Ваше Величество, с Его стороны благо-
родно...

– Муллер – демократ!

– Филантроп!

– Скажите еще – социалист...

XXIII

«Покупаю!» Два голоса вступили в единоборство! Петр Брок представляется Муллеру. Свидание на улице Алисы Мур

Меж тем как по залу шелестели такие вот разговоры, динамик объявил второй раз:

– Продам Муллер-дом!

– Покупаю!!!

Этот голос грянул где-то посреди зала и вмиг разорвал завесу тайных намеков, перешептываний, перемигиваний. Это был камень, брошенный в зеркало, в котором до сих пор задумчиво и покорно отражался зал.

– «Покупаю»! Он покупает Муллер-дом!

– Возможно ли такое?

– Ведь всем известно, что это знаменитая шутка Муллера!

– Неужели здесь присутствует кто-то еще более могу-

щественный, чем сам Муллер?

— Ведь что такое Муллер-дом? Золотой столб, одним концом вбитый в ад, а другим вознесшийся к небу!

Казалось, что даже голос, несущийся из хрустального хобота трубы, поперхнулся от неожиданности и умолк. На миг все сковала жуткая тишина. Потом оцепенение прошло, и хрустальная труба снова заговорила. Но теперь голос был совсем другой: твердый и жесткий. Не голос, а скрежет пыточных орудий:

— Пусть человек, который покупает Муллер-дом, выйдет вперед!

— Я здесь!

Петр Брок в этот момент действительно находился посреди зала. Он влез на гигантского прозрачного Атланта, держащего на плечах золотой шар. Статуя как бы таяла в воздухе, и шар парил в пространстве, словно гаснущее солнце.

Вот на этот шар Брок и уселся. Отсюда он мог безбоязненно задавать свои вопросы и выслушивать ответы. Брок отважился на этот ход в игре, инстинктивно ощущая близость Огисфера Муллера. Человека, который тем загадочнее, чем больше пытаешься его разгадать. И тем отдаленнее, чем ближе к нему подходишь.

Наконец-то я нашел место, где с ним поговорить. Если из хрустального горла действительно звучит его голос, тем лучше! Победив его голос, который узнаешь среди миллионов других голосов, я наполовину справлюсь и с ним самим! Найти бы теперь губы, его рождающие! Ту изложницу, где он стынет и твердеет, как железо, — чтоб вонзиться в тела мучеников!

Динамик прохрипел:

– *Кто ты?*

Ого, как любопытен господин Муллер! Разве Он не всеведущ? Брок и сам толком не знает, кто он такой. А думать об этом – все равно что клещами сдавить виски, до хруста в костях... И потом, все это как-то связано с желтыми огоньками, возникающими в его снах! Нет! Думать об этом нельзя! Надо верить документам, которые лежат в бумажнике. Поэтому он должен бродить по Муллер-дому призраком, человеком без тела, голосом, который обязан совершить убийство во имя искупления!

Динамик снова захрипел:

– *Кто ты?*

И сыщик ответил:

– Петр Брок!

– Петр Брок? – презрительно повторил голос. – А я Огисфер Муллер!

– Твое имя меня не интересует!

Черные цилиндры у подножия статуи прямо-таки забушевали. На лицах застыло изумление. Чего добивается этот голос над их головами? Что это за Петр Брок, которого не интересует имя Огисфера Муллера?

Человека, которому принадлежит вселенная?

Человека, могущественного как бог?

Неужели он еще более могуществен, этот второй голос, который идет откуда-то из пространства и насмехается над самим Муллером?

Петр Брок!

Чье это имя – человека или нового бога?

Одно бесспорно – два голоса вступили сейчас в единоборство! Прощупывают друг друга, пробуют силы перед

будущей схваткой. Это чуял каждый. Но кто победит?

– Господин Муллер! Я хочу с вами встретиться!

– Пусть Петр Брок зайдет к Бону Арабу, агенту номер сто девяносто девять!

– Мне не нужен агент! Я требую встречи с Муллером!

– Что задумал голос, который покупает Муллер-дом?

– Сначала я хочу задать вопрос! Маленький вопрос на ухо! Почему это вы решили продать свой домишко, да еще так внезапно?

– Здесь вопросы задаю я!

– Только после меня, господин Муллер! Я знаю ваши дороги к звездам! Я проник в ваши кошмарные тайны! Звездный концерт «Вселенная»... Чем не крематорий? Сколько у вас акций, господин Муллер?

И как ни странно, уже другой, куда более старый голос задумчиво ответил Броку:

– Хорошо, пусть Петр Брок придет сегодня вечером на улицу Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, комната номер девяносто девять.

– С кем он там встретится ?

– С Огисом Муллером!

XXIV

Святылище Огисфера Муллера. Вино «Вознесение на небо». Петр Брок снова искушает бога Муллера. Три выстрела в ковер

Представившись таким образом всемогущему Муллеру, Петр Брок, однако, не решился сразу спуститься с золотого шара Атланта. Он дождался, когда толпа внизу поредеет и начнут гаснуть матовые гроздья на потолке. Лампы потухли неожиданно и все разом. Тьма, беспросветная,

черная, варварская, заживо похоронила Брока!

Вот ужас! Как он отсюда выберется? Как найдет выход? Как вернется к принцессе, которую покинул на улице Берты Бретар?

Теперь он уже раскаивался в своем легкомыслии: а вдруг ей сейчас грозит опасность? Вдруг ему не удастся найти дорогу назад?..

Брок слез с шара на ковер и медленно двинулся вперед.

Внезапно его рука коснулась чего-то холодного. Ура! Это стена, которая выведет его к свету! Скорее вперед! Он зашагал, скользя ладонью по гладкому мрамору.

Наконец-то! Низкая дверь. Узкий коридор и снова дверь. Брок открыл ее. И увидел свет.

Что это – храм, варьете, музей, кофейня или, может, паноптикум? Черт его знает! На ярком цветастом ковре стоят круглые столики, а вокруг них – глубокие лиловые кресла на колесах. Над спинками торчат головы людей, которые курят или потягивают из серебряных бокалов какой-то горячий красный напиток. Аллея светящихся колонн ведет к возвышению, на котором под синим звездным куполом находится нечто вроде алтаря. Видимо, это и в самом деле алтарь, судя по симметричному расположению электрических свечей, цветов и пальм. Над алтарем в овальной раме из лампочек изображение толстого, одетого в пурпур человека. Он сидит на троне, в монаршем венце; борода у него окладистая, раздвоенная. В одной руке он, словно царскую державу, сжимает глобус, а в другой, вместо скипетра, – дом в тысячу этажей. Голову его окружает нимб из золотых звезд.

Это все тот же бодрый толстяк, чье изваяние Брок уже встречал на бирже. А здесь, над этим образом, полукругом горят фиолетовые буквы:

ГОСПОДУ МУЛЛЕРУ

Но больше всего Брока поразило то, что он увидел в нефах святилища, если, конечно, это был храм. В меньших по размеру алтарях стоят восковые фигуры святых и мучеников, которые качают головами, молитвенно складывают руки, шевелят губами, вращают глазами и неуклюже передвигают какие-то непонятные предметы.

В одном из алтарей стоит под стеклом восковая женщина в русом парике, белых ризах, с блаженной улыбкой на лице. Она глубоко и ровно дышит, грудь ее мерно подымается и опускается, а вот голова поворачивается трогательно и забавно, по-кукольному. У ног женщины тянет вверх руки коленопреклоненная девочка. Ее жесты совпадают с поворотами головы у девы в белом — вверх-вниз, вверх-вниз.

Что-то в этом зрелище поразило Брока до глубины души. Вначале он никак не мог понять, что именно. Только потом сообразил. Нечто подобное он уже видел. Когда-то давно, очень давно... он будто возвратился туда, где побывал много тысяч лет назад... Цепочка стеклянных гробов, а в них восковые фигуры героев прошлого, чье неспешное дыхание регулирует часовой механизм. Вот лежит полная белотелая женщина, скрестив ладони на белом холме груди, колышущейся в такт дыханию. Вот атаман разбой-

ничьей шайки, вот убитый император, а рядом – знаменитый его убийца...

Где, где все это было?... И когда?

Брок напрягся, вспоминая, и почувствовал, как виски сдавило клещами. Не обращая внимания на боль, он зажмурил глаза и снова стал рыться в памяти. И вдруг увидел желтый огонек лампочки под балкой, изъеденные древоточцем столбы и серые нары, на которых что-то шевелится... Прочь! Прочь, кошмарный призрак! Ведь я же сейчас в храме, возведенном в честь всемогущего, вездесущего, двубородого господа бога Муллера! Здесь полно верующих, они лениво развалились в светло-лиловых креслах и в ожидании чего-то потягивают красный напиток. Чуть дальше высится кафедра в виде золотой лилии. И словно огромный, чудовищный пестик, торчит из нее жирное брюхо в лиловом облачении и голова в стеклянной девятирусной тиаре, в которой светится лампочка.

Брок заметил, что на мясистом лице двигаются губы. И только теперь обратил внимание на чей-то голос, который не мешало бы послушать.

Это молился жрец:

*– О повелитель, владыка и монарх наш,
Ты, чье имя Огисфер Муллер,
что значит «Вечный странник на пути к высотам»,
Ты, сотворивший дивное диво,
коему изумляться будут
все грядущие поколения, – «Муллер-дом»,
мост, ведущий в небеса...
Повелитель, монарх наш, Огис Муллер,*

*заполняющий собою все пространство мира,
дай услышать глас Твой, укрепи усомнившихся...*

Жрец откашлялся и возвел глаза к потолку, словно и впрямь ожидал, что сейчас прозвучит глас небесный. Но, так как никто на его призыв не откликнулся, он продолжил молитву:

*— Да свершится воля Твоя
как на Земле, так и на звездах.
Услышь молитву нашу, Великий Муллер,
единственный и вечный!
Узри, как смиренно молим Тебя!
Молви одно лишь слово,
и вином радости наполнятся наши души...*

Жрец глубоко вздохнул и в третий раз начал:

*Всевидящий, вездесущий,
всеслышащий Огис Муллер,
Странник на пути к высотам,
бог всех богов,
повелитель и владыка всех звезд!
Средь миллионов выбрал Ты планету сию,
дабы пребывать на ней.
Небо Твое Ты создал здесь, у нас,
и планету нашу сделал
звездой-избранницей,
звездой божественной... Повелитель Огис Муллер,
Странник на пути к высотам,*

услышь молитвы наши!

– Слышу! – раскатился под куполом могучий голос.

Жрец зашелся в религиозном экстазе, зазвонили колокола, грянул орган, послышалось пение. Верующие встали и поднимали бокалы. Было ясно, что этот ритуал – часть храмовой службы и повторяется изо дня в день.

Жрец продолжал:

– Господи боже, создатель Муллер-дома, царь Земли, властелин звезд! Все тайны вселенной и душ человеческих раскрываются пред Тобою, ибо сам Ты – величайшая из тайн мироздания. Ты зришь в глубины бесконечности и улыбаешься, ибо видишь там самого себя. Ибо беспрдельно зеркало Твое. Ты зришь в глубины душ человеческих и плачешь, ибо видишь на дне их глыбы грехов наших и считаешь удары вероломных сердец... Ты, создавший Муллер-дом, мост, ведущий в небеса, отпусти нам грехи наши!

– Отпускаю! – ответил глас божий.

Затем началась проповедь, длинная и утомительная, во время которой имя Муллера склонялось во всех падежах с тысячью различных эпитетов.

Наконец верховный жрец сошел с кафедры и, подойдя к главному алтарю, принялся взывать к обрамленному лампочками господу богу Муллеру, умоляя его сотворить в это великое мгновение какое-нибудь чудо.

И сверху раздался голос:

– Я сделал эту звезду сердцем вселенной
и вошел в тело человеческое на тысячу лет.

Пройдет время, и я снова уйду на другую звезду,
чтобы строить Муллер-дом –
дом в тысячу этажей.

Но вы, что поклоняетесь мне,
вкушая горячее вино

«Вознесение на небо» –
воплощение мое на этой планете, –
вы все будете жить на звездах
прекраснее и счастливее этой!

Для грешников, поносителей и врагов моих
я уготовил огонь и адские муки

в девяти мирах. Но вам, дети мои,
я уготовлю райские кущи на звездах,
кои вы сами выберете еще при жизни своей.

Поэтому говорю вам: не жалейте этой планеты!
Не мешкайте, присмотритесь к звездам,
выберите себе блаженнейшие небеса!

Малoverные!

Ведь затем и вложил я солиум
в недра этой земли, затем и создал корабли,
бороздящие океаны вселенной,
дабы приблизить к вам свод небесный
и повергнуть звезды к ногам вашим!

Тех, что веруют в меня, ждет вечное
блаженство на звездах, кои они сами выберут.

Аминь, аминь, говорю я вам,
собирайтесь в дальний путь,
не бойтесь расставаний!

Доверьте жизни свои
«ВСЕЛЕННОЙ»,

товариществу небесных перевозчиков.

– Своре работорговцев и сжигателей трупов! Не верьте Муллеру!

Это закричал Петр Брок. Решил еще раз спровоцировать этого фальшивого господ бога! Ему было безразлично, кто там говорит – сам ли Муллер или какое-нибудь подставное лицо; его возмутила бессовестная реклама, которую мнимый глас божий делает концерну сводников и работорговцев.

Безмерный ужас обуял верующих. Молния страха ударила в воспаленный мозг, пронзила громоотводы нервов. Падали бокалы, падали люди, теряя от ужаса сознание. А сверху неся голос:

– Явился дьявол, дабы искушать бога!

– Не дьявол и не бог, явился человек, чтоб встретиться с негодяем, развратником и убийцей тысяч людей! Весь Муллер-дом сплошной обман, сплошное мошенничество!

Ба-бах!

Выстрел!

Пуля свистнула над ухом Брока, словно бесстыжий уличный босьяк.

Еще выстрел!

Теперь перед носом, чтоб понюхал, чем пахнет. И ударила в ковер рядом с первой.

Берегись!

Стеляют сверху!

Голос Брока – вот мишень для кого-то там, наверху! Да-да, смотрите, из окошка высовывается рука с браунин-

гом!

Может, там Орсаг, который видит его своими височными линзами?..

Ба-бах!!!

Снова выстрел. Пуля снова угодила в ковер, рядом с двумя предыдущими.

Четвертого выстрела Брок ждать не стал. Он бросился к выходу, запруженному ошалелой от страха толпой. Брок вспрыгнул на этот клубок тел и прямо по спинам и головам миновал бурлящее ущелье портала, спустился по лестнице и первым выбежал на улицу.

Ну и ну! Перед ним опять был проспект Анны Димер, тот, в конце которого раньше стояла биржа на стеклянных столбах. Брок помнил, как из биржевого зала темным коридором проник в святилище Муллера, но совершенно не мог уразуметь, как они взаимосвязаны. Теперь вместо биржи в конце улицы высился храм со сверкающей надписью:

ГОСПОДУ МУЛЛЕРУ

Вот загадка так загадка, но Броку было сейчас не до нее, потому что его тревожил другой, более важный вопрос: что с принцессой, которую он так легкомысленно оставил на вилле «Тамара»? Не грозит ли ей опасность?

XXV

Лицо принца Ачоргена. Глаз Муллера в спальне принцессы. Лифт в Гедонию. Снова желтый огонек

Когда Брок прибежал к принцессиной вилле и стал сквозь прозрачные стены заглядывать в комнаты, оказалось, что все они занавешены изнутри шелковыми шторами, ниспадающими с золотых карнизов до пола. Из одной комнаты с лазурно-голубыми гардинами доносились два голоса – мужской и женский. В узкую щелку между занавесями Брок увидел сидящую принцессу, а напротив нее, на турецком диване, – мужчину.

Подкрасться к этой комнате, неслышно приоткрыть стеклянную дверь, скользнуть между складками шторы прямо на глазах у незнакомца – все это Брок проделал ловчее и проворнее, чем сам ожидал. Очутился он в бу-
дуаре.

Лицо, которое он увидел на голубом фоне занавеси, по меньшей мере вызывало удивление. И формой, и пропорциями оно отличалось от человеческого лица и могло появиться на свет разве что на какой-нибудь иной планете.

Само по себе оно, может, и было прекрасно, как прекрасна голова лошади, но в соседстве с привычным человеческим лицом повергало в изумление.

Это была физиономия необычайно узкая и длинная. Нос в профиль круто горбатился, словно клюв попугая. Глубоко посаженные глаза переливались желтым, зеленым, коричневым и синим, как бы обладая способностью по желанию менять цвет. Гладкая верхняя губа прямо-таки поражала своей непомерной длиной. Два седых клинышка элегантно подстриженной бородки были явно приклеены. Этот человек головы на две возвышался над принцессой; ноги у него были длинные и тонкие. Одежда на незнакомце – из белого шелка, как у теннисиста.

– Все зависит от вас, – говорил он, – ведь обо всем еще забыть. Ваш побег, принцесса, был смешон, но вызвал у Великого Муллера уважение к вам...

– А как он узнал о моем побеге?

Принц Ачорген сочувственно усмехнулся:

– Разве он не всеведущ? Неужели вы всерьез думаете, что ускользнете от его всевидящего ока? Он наблюдал ваш побег, следил за каждым вашим шагом точно так же, как сейчас наблюдает за нами со своего неба...

Ачорген с лицемерным благочестием указал на потолок, на круглую стеклянную линзу.

– Это и есть его око? – ужаснулась принцесса.

– А как же! На всех этажах, во всех комнатах он смотрит на свой народ, днем и ночью...

– Но ведь и у меня в спальне есть такой же глазок в потолке! – вскричала принцесса. – Какое бесстыдство!

– Но разве бог может быть бесстыдным, он же всевидящ. Конечно, он заглядывает и в вашу спальню, так же как во все спальни Муллер-дома! Вы не должны его стесняться именно потому, что он знает вас так же хорошо, как муж жену, хотя он ни разу еще к вам не прикасался. Но теперь ему захотелось это сделать. Вы снискали его расположение! Идемте! Я поведу вас к нему!

– Никогда! – воскликнула принцесса, растерянно, словно в поисках спасения, озираясь по сторонам.

– Вы горды, – сказал Ачорген, и его глаза потемнели. – Таких женщин в Муллер-доме немного! А Муллеру как раз они и нужны. Танцевать вам больше не придется. Он предлагает вам полную свободу передвижения по всем этажам! Вы будете блаженствовать в райских уголках Ге-

донию, лишь обещайте ему одну-единственную ночь!

– Лучше смерть, – мрачно ответила принцесса.

– Именно такого ответа и ждет Муллер! Если б вы бросились к нему в объятия, он отшвырнул бы вас! Он обожает сопротивление, мятежи, измены, и не только у мужчин, но и у женщин! Он будет добиваться вас, пока вы будете упорствовать. А когда получит свое, то в лучшем случае посвятит вам одну из улиц...

Принц Ачорген поставил на стол, прямо под параболической линзой в потолке, маленький бронзовый светильник, поднес к нему спичку, и тотчас из светильника вырвалось пламя, а круглое окошко подернулось сизой пеленой.

Неожиданно принц, подняв голову к потолку, разразился злорадным хохотом. В глазах его блеснул зеленый огонь.

– Итак, моя милая, прекрасная Тамара! Огисфер Муллер на десять минут оглох и ослеп! Мы можем делать все, что нам заблагорассудится, – он не увидит... Не бойтесь Муллера, пока я с вами! Лишь я могу вырвать вас из его когтей! Видите? Ради одной вашей ослепительной, царственной улыбки я готов предать своего Повелителя!

Он хотел схватить ее за руки, но принцесса в ужасе отдернула их.

Принц сразу помрачнел.

– Не бойтесь меня! Я не обижу вас... Мне только хотелось показать вам мою силу! Но прежде я хочу заслужить вашу любовь! Пойдемте со мной! Я покажу вам изнанку Муллер-дома, все механизмы, благодаря которым совершаются чудеса, раскрою секреты Его невидимости, вездесущности и всеведения. Об этих премудростях знаем лишь

мы двое, Муллер и я! Хотите идти со мной?

– Идите! Я с вами! – прошептал Брок и легонько погладил локоть принцессы.

А она вдруг схватила его руку и крепко ее сжала. Брок поспешил освободиться, но жуткая образина принца Ачоргена даже не дрогнула.

– Пойдете? – спросил он почти умоляюще.

Принцесса боязливо огляделась и тихо ответила:

– Пойду!

Когда в устланном мягкими коврами лифте они падали куда-то в пропасть, Брок почувствовал, что с его глазами опять творится что-то странное: стоило опустить веки, как ему виделся вокруг совершенно иной мир. И до того реальный, будто все это никакой не сон! Снова и снова являлась перед ним проклятая пещера пустого черепа, которая снилась ему еще тогда, в первый раз. Снова желтый огонек лампочки... Всевидящее стеклянное око Муллера обернулось в этом черепе дырой от истлевшего глазного яблока.

А вообще, эта дыра – окно в бараке, за которым воеет дикая снежная буря... Вместо тысячи этажей – три серых яруса нар, и на них, скорчившись, лежат люди. Подбородки уткнулись в колени, дыхание согревает стынущую грудь... Но видение это возникает, лишь когда закроешь глаза. Достаточно их открыть, как сразу оказываешься в Муллер-доме. Падаешь в пропасть, стоя рядом с принцессой, и видишь перед собой птичью физиономию принца Ачоргена, который предал господа бога Муллера!

Сколько мы уже летим?

Осторожно!

Ни в коем случае не закрывать глаз!

Сон подкарауливает...

А чтобы убедиться, что твоя принцесса не сон, надо коснуться ее локтя, и она улыбнется в ответ...

Итак, мы летим в Гедонию...

XXVI

Монте-карло в Гедонии. Балерина на пуантах. «Не верю я в ваши звезды...» Император Марлок, бог Великого Солнца. Принцесса выигрывает. «Это на дороге!»

Красный зал, выстроенный в форме безукоризненного конуса, тонет в море света. Посредине – круглый стол, а на нем кружится на пуантах балерина из слоновой кости. Подойдя ближе, Брок видит гладко отполированную мозаику из драгоценных камней, металлов и дорогих пород дерева. Это карта мира. По ней скользит балерина на бриллиантовых пуантах. Игроки делают ставки на цвет государств, империй и островов. Выигрывает тот, на чьей территории замрет в своем танце балерина. Если на воде, то выигрыш забирает владелец игорного дома. Чем меньше территория, тем больше выигрыш.

Стремительная балерина скользит на бриллиантовых пуантах через континенты, моря, острова. Витки спирали, по которой она кружится, становятся все уже, вот она пересекает Урал, танцует по Сибири. Затем сворачивает к югу, покачиваясь уже, одолевает пустыню Гоби и, обессилив, падает в Индокитае.

– Цвет лунного камня. Сингапур. Выигрывает двадцать

девятый...

Все усталились на худощавое желтое лицо, зашептались:

– Маньчжурский наместник Ша-Ра...

На лице у того не дрогнул ни один мускул. Лишь черные искры раскосых глаз алчно следят за стекающим к нему золотом.

А балерина снова танцует, звенит золото, столбики золотых мулльдоров растут и снова рушатся...

Брок, стоя у стола, кладет руку на высокую грудь монет: захочу – и все это будет мое! Оказывается, могущество руки оценить, положив ее на кучу золотых! Не текучие ли это горы, о которых там, наверху, упоминал старик? Труд одного рабочего в течение года ценится в один мулльдор! Немыслимый курс!..

– Один мулльдор равен шести миллиардам лир, – слышится за решеткой оконца, над которым написано:

ОБМЕН ДЕНЕГ

Брок взял из ближайшей кучи монету. На одной стороне ее было изображено солнце, на другой – звезды.

Но кто эти люди с раздвоенными бородками, которые щедрой рукой, словно зерна птицам, швыряют золото на пестрое поле карты мира?

– Смотрите, принцесса, – Ачорген склоняется к своей даме, – новый король Сицилии Малькольм Брукс-паша! А рядом – одноглазый, с золотым воротником, – это хан Ламартен, арендатор Сахары. Он до сих пор всюду побеждал, лишь тут терпит поражение, в «Балеринке»... А вон тот в лиловом костюме, с треугольником на груди, – Сикстус, святой епископ бога Муллера, в прошлом барышник.

Кто этот негр? Боксер Кайман. Он как раз беседует с адмиралом Д'Артуа, который приобрел на время титул «императора всех морей и распорядителя океанов». А толстяк рядом – Дар-Густ, сезонный инспектор африканского побережья, ему эта игра по карману, ведь он управляет казной Муллера. За ним стоит лорд Эверс, негласный главный редактор всех газет старого континента. Вон тот сморчок с зеленой бородкой? У него на Марсе пароходная компания...

– Не верю я в ваши звезды! – вскричала принцесса, да так громко, что несколько бород испуганно повернулись к ним.

– Замолчите, ради бога, – злобно прошипел принц Ачорген, стиснув ее запястье, потом добавил уже спокойнее: – Услышь вас этот зеленобородый мозгляк, и вам была бы крышка!

– Разве они не знают, что это обман?

– Тихо, тихо! Все знают и тем не менее делают вид, что верят... Такова воля нашего благодетеля! – неожиданно выкрикнул принц и с опаской глянул на круглое окно в потолке.

В этот момент к нему подошел красивый величественный старик. Его совершенно голый череп блестел от пота, отражая хрустальную люстру, подвешенную к вершине конуса. Руки мужчин слились в пожатии.

– Слава Муллеру, цезарь! – сердечно воскликнул Ачорген. – Что нового на вашем солнце?

– Спасибо за внимание, принц, – ответил старик, и кожа его от лба чуть не до макушки собралась в морщины, – с ним одни заботы... Я был там неделю назад... И честно

скажу, ох и трудно же быть справедливым богом! Я прекрасно понимаю Великого Муллера, когда он жалуется мне на бремя своих божественных деяний...

– Это принцесса Тамара, – представил Ачорген. – Император Марлок, бог Великого Солнца А-111.

– Слышал, слышал о вас, принцесса, – усмехнулся череп. – Вы, говорят, побывали на ЗЕТБ-I... в созвездии Гномов.

Принцесса хотела было возразить, но Ачорген опять стиснул ей руку и поспешно сказал:

– Неудивительно, принцессе захотелось маленьких живых куколок, решила привезти в детскую живые игрушки. Она ведь еще ребенок... – И тотчас спросил, меняя тему: – Ну а вы? Везет вам в «Балеринке»?

– Я неизменно ставлю на черную территорию Индостана, – ответил голый череп, – один раз выиграл, и этих денег мне хватит еще на четыреста шестьдесят восемь проигрышей. Страна-то маленькая, принц.

– А вы хотите сыграть? – спросил Ачорген у принцессы.

– Что же, пожалуй, сыграю, – принцесса улыбнулась как во сне, – и поставлю на свою страну! Она лежит на берегу Балтийского моря, там правит мой старый отец...

– Я бы вам не советовал, – сказал принц. – Смотрите, какую ничтожную часть карты мира занимает ваша страна. Словно комар на теле мамонта...

– И все же я поставлю на королевство, которое проиграла... Быть может, сбудется моя заветная мечта...

– Если выиграете, – усмехнулся Ачорген, – к золоту, которое вы получите, я добавлю эту вашу «империю»!

– И я вернусь домой? – наивно спросила она, прижав к груди руки.

– Ну конечно! Я сам вас туда отвезу на своей ласточке, – шепнул принц ей на ушко.

Принцесса сделала ставку на красное, едва заметное пятнышко, на которое еще никто никогда не ставил. Поэтому и выигрыш должен был быть немислимо крупным.

Балерина вновь закружилась, начав свой танец с Острова Гордыни, из сердца мира. Бриллиантовая туфелька скользит по морям и по суше, а за ней неотступно следят лихорадочно блестящие глаза. Она проносится по лазури океанов, чуть замедлив стремительный бег, оставляет позади серое поле Балкан, преодолевает в танце горы и реки, уходит все дальше на север, и никто не видит руки, что направляет ее бег...

Но вот будто внезапная судорога сводит ее тело, предвещая близкое окончание танца. Последние нетвердые движения, и балерина падает, уткнувшись пуантами в красное пятнышко на берегах Балтики.

Это дело рук Брока.

Принцесса забирает целую гору золота и отходит от стола, провожаемая восхищенными взглядами.

– Это на дорогу! – радуется Тамара, меж тем как Ачорген обменивает золото на крупинки солиума, прячет их в мешочек и поспешно тянет принцессу к двери.

Следующий зал напоминает шестиконечную звезду, лучи которой удлиняются, отражаясь в зеркалах. Стол посредине повторяет форму зала, и на нем тоже кружится белая балерина.

Брок присматривается: здесь уже нет карты мира, здесь

черное небо, усеянное звездами. И игра идет на звезды. Брок не прочь вникнуть, но времени нет. Принц Ачорген быстро пересекает зал, увлекая за собой принцессу.

XXVII

Опочивальня блаженных снов. Культ наслаждений. Небожители под прозрачным потолком беспокоятся. Откушенный палец

Перед ними новое, не менее удивительное помещение, одновременно и спальня и киностудия.

На роскошных диванах в полной прострации лежат спящие люди. Их открытые глаза наполовину вылезли из орбит, зрачки чернеют, точно кляксы на промокашке. Над ними корячатся на штативах кинокамеры, вертятся катушки с пленкой, объективы направлены прямо в глаза спящих.

— Это опочивальня блаженных снов, — пояснил Ачорген, — сонные порошки, которые сюда контрабандой завозят из Вест-Вестера, странным способом воздействуют на человеческий глаз. В зрачках людей, одурманенных такими порошками, увидеть их волшебные, причудливые, невероятные сны. Кинокомпания «СОНФИЛЬМ» нанимает этих несчастных, которые уже умом повредились от беспрерывного употребления губительных пилюль и порошков. Снятые в их зрачках сны-кинокартины демонстрируются затем на шелковых экранах гедонийских кинотеатров.

Ачорген наклонился к принцессе и доверительно сказал:

— Я покажу вам фильм, снятый со зрачков одного наркомана (он принимает исключительно таблетки «Фока»), и

вы будете поражены, сколь изобретательна любовь в своих фантазиях! Вам одной я могу открыть тайну, что «СОНФИЛЬМ» использует эти цветные объемные ленты, чтобы демонстрировать переселенцам эротику на несуществующих звездах...

Потом они очутились в огромном помещении, так ярко освещенном, что на мгновение Брок ослеп. Когда же он наконец освоился, то лавина впечатлений буквально ошеломила его.

Во-первых, сверху падали розы. Собственно, даже не розы, а розовые снежинки, которые устилали высокие яркие холмы и гнезда всевозможных форм, размеров и оттенков, сооруженные из резиновых подушек.

И тотчас же в ушах Брока сладко запела приглушенная, словно доносящаяся из подземелья, музыка, трогательная в своей обманчивой отдаленности – то ли скрипка играет на вершине высокой горы, то ли виолончель плачет на дне пропасти...

Он подставил ладонь под розовые хлопья, которые разбрасывал хрустальный фонтан в центре зала, и почувствовал упоительно-жгучий холод; это было как огонь в лютый мороз, как прохлада среди зноя. Его словно пытали жаждой и в то же время эту жажду утоляли...

Вокруг, утопая в подушках, возлежали мужчины и женщины. Жемчужные ожерелья да повязки на бедрах были единственной их одеждой. Они хватали розовые хлопья губами, подставляли им тела. Нагие рабыни приносили на головах золотые блюда с дивными лакомствами и плодами.

Все взгляды были прикованы к потолку. Что же их ув-

лекло? Вместо потолка – прозрачная плита, а на ней танцуют обнаженные мужчины и женщины. Бедра колышутся в ритме музыки, веки сомкнуты в ожидании любви и вожделений, ноги гнутся так, словно в них нет суставов.

– Это жрецы культа наслаждений, – объясняет Ачорген принцессе, которая прячет лицо в ладонях. – Отведайте этих хлопьев, снег любви со звезды Андрадия. Он растает на кончике языка, и вы даруете прощение всем, кто поклоняется богине Андрадии.

Он сжал локоть принцессы и поднес ее руку к струе фонтана. А принцесса, затрепетав, подставила под розовые хлопья лицо. Словно в дремоте, она закрыла глаза и разомкнула губы. Ачорген победно улыбнулся.

– А теперь, моя девочка, взгляните вверх! Там вы должны были танцевать – на ваши бедра глазели бы эти бесполое хлюпики! Теперь же вы сами можете всем этим насладиться. Вы узнаете блаженства иные, более утонченные, ведь мы только начали свой путь по небесам!

Принц Ачорген обнял принцессу за талию и мягко прижал ее к себе. Она не сопротивлялась. Если бы в это мгновение Брок посмотрел в ее глаза, то увидел бы, как веки ее трепещут от желания, как с ее губ, разомкнутых страстью и жадно ловящих розовые хлопья, срываются хриплые вздохи...

Но Брок этого не видел. Среди запорошенных розовым снегом сибаритов он узнал лживую маску добряка адмирала в темных очках. Тот с упоением потягивался, по пояс утопая в мягчайших подушках, а на голой груди лежала серебряная звезда. Броку очень важно было знать, о чем он разговаривает с окружающими его «голышами». Все

они лежали навзничь, лениво глядя вверх и изредка стряхивая с себя капли растаявших снежинок.

— Вы верите в чудеса, адмирал?

— Чепуха!

— А как вы объясните все то, что происходит сейчас в нашем Муллер-доме?

— У нашего Великого Муллера и враги великие! Он может ими гордиться...

— До сих пор он уничтожал каждого, кто вставал на его пути!

— Но на этот раз опасность грозит с другой стороны...

— Вы хотите сказать — сверху? Да, синьор?

— Пока что над нами — чудесные картины... Революция стройных ножек, волнение крутых бедер...

— Смотрите, кардинал, вон те прелестные ножки я бы узнал среди миллионов...

— Сула Мая... даже танцевать научилась...

— А вон те девичьи икры...

— Хе-хе-хе! Разве вы их еще не целовали?

— Муллер не боится даже дьявола...

— Не сомневаюсь. Но, прежде чем уничтожить этого дьявола, он должен его увидеть!

— Смотрите! Танцует Анна Мартон! Неземное зрелище!

— Восставшие рабы спустились на шестьдесят этажей!

— Каждый день по этажу!

— Ну, значит, их отделяют от небес еще два года! Говорят, Витек из Витковиц сошел с ума...

— Ничего подобного. Он убит!

— Отравлен!

– Я слышал, что он за одну ночь на пятьдесят лет постарел!

– Смотрите! Кая Барардо танцует в «Балеринке» на карте мира!

– Она обошлась мне в шестьдесят тысяч... Я сто раз ставил на Сирию – и каждый раз проигрывал!

– Как по-вашему, адмирал, кто ж это отважился?..

– Слышен голос...

– Но тело-то где?.. Тело, из которого брызжет кровь, которое свалить на землю?

– Человек без тела!

– Вздор!

– Это бог!

– Он могуществен!

– Загробный голос!

– Зов космоса!

– Враждебная сила звезд!

– Метафизика тут ни при чем, сэр! Это опасность куда более страшная, чем все голоса и силы звезд и земных недр! Это человек!

– Человек? Вы сошли с ума!

– Не один человек, а группа людей, которые проникли в наши ряды, ряды служителей Муллера! Они ходят среди нас, вместе с нами поклоняются Муллеру и чтят его, посещают наши клубы, у них хватит золота, чтобы раскрыть все тайны Муллер-дома! Да, джентльмены, среди нас находятся предатели!

– А схватка в «Эльдорадо»?

– А словесная дуэль на бирже?

– А позор в святилище Муллера?

- В «Эльдорадо» стреляли!
- В храме тоже!
- Тайна «Вселенной» раскрыта!
- Ее акции упали с сорока тысяч до двадцати!
- У меня сотня акций!
- Если мы не уничтожим эту силу, она уничтожит нас!
- Чего вы боитесь? С нами Муллер!
- С нами он и падет!
- Тс-с-с!
- Господа, я знаю, как зовется эта чудовищная энергия, которая способна нас погубить!
- Как?!
- Петр Брок!
- Ну еще бы, ведь он сам себя так назвал, когда Великий Муллер на бирже спросил, с кем имеет честь!
- А сегодня, сегодня они якобы встретятся на улице Алисы Мур в номере девяносто девять!
- Муллер и Брок!
- Девяносто девять – это зал пустых зеркал!
- Электрический пол с провалами люков-западной!
- Там сошел с ума Вернер, вожак первого мятежа...
- Там исчез Андре, непокорный редактор «Верхних этажей»!
- Оттуда так и не вышел предатель Олим!
- А если голос не придет в номер девяносто девять?
- Придет!
- А вдруг он не найдет дорогу?
- Но он же всюду!
- Значит, он вездесущ?
- Как господь бог Муллер!

- Стало быть, это новый бог!
- Стало быть, он находится и в этих стенах – среди нас!
- Попробуйте позвать его. Вот увидите, он откликнется!
- Нет! Зачем? Стоит ли играть с дьяволом!
- Муллер над нами. Чего вы боитесь?
- Танцует Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа!
- Труссы! Ненормальные! Я позову его!
- Тише! Ради всех звезд, тише!
- Петр Брок!
- Остановитесь!
- Петр Брок! Если ты, чучело гороховое, находишься среди нас – явись!
- Молчите! Молчите!
- Если можешь, сотвори чудо, и я поверю в тебя!
- Хватит!
- Петр Брок! Я – банкир Салмон, вот моя рука. Если ты так могуществен (банкир поднял руку вверх), укуси меня за средний палец!

Тотчас же банкир заорал нечеловеческим голосом. Мгновенная острая боль – оборван нерв, фонтан крови, и средний палец с широким черным перстнем падает на блюдо, окропив белый салат из съедобных гиацинтов.

Все обмерли от ужаса.

Бледные щеки покрылись красными пятнами, красные посинели, синие от страха стали черными.

Но что Броку до гримас этого похотливого сброда под прозрачной плитой? Среди смятения и паники, обуявших

поклонников богини Андрадии, он увидел принцессу: Ачорген подхватил ее на руки и устремился в направлении, противоположном тому, куда бежали остальные.

Петр Брок бросился вдогонку.

Принцесса исчезла в углу за тяжелой коралловой портьерой. Брок откинул ее и натолкнулся на белую дверь.

Он открыл дверь, но ничего не увидел.

XXVIII

*Белая тьма. Запахи и воспоминания. Снова огонек лампочки.
«Это мое прошлое!»*

Молочно-белый, с опаловым отливом туман преградил ему дорогу. Брок в нерешительности остановился, протер глаза и начал ощупывать руками пространство вокруг себя.

В трех шагах от него растворились две фигуры – черная и белая, Ачорген и принцесса. Брок прыгнул в туман, вытянув вперед руки, но поймал пустоту. Белая тьма ослепила его. Опаловая тишина оглушила.

Он ринулся в ту сторону, где исчезла принцесса. Он кричал и размахивал руками, как птица сломанными крыльями. Туман начал душить его, звенел в ушах странным напевом. Нет, это не туман! Это клокочет кровь в его жилах!

С каждым шагом страх все сильнее овладевал им. Ноги подгибались, отказываясь идти; кругом, везде и всюду, ему чудились жуткие опасности. А он все шел вперед, долго-долго, и конца не было его дороге...

Внезапно Брок остановился. И вперед шагнуть боязно, и назад повернуть – тоже! Он тонул, тонул в трясине белой тьмы, один, покинутый всеми, растворялся в беспре-

дельности тумана. Он уже погиб, белая тьма пожирает его, пропитывает, заполняет. Его труп будет лежать здесь долго-долго, пока не исчезнет наконец это белое ничто и сюда не явятся люди, которые, не видя его, пройдут по его останкам.

Мочи нет идти дальше. Ноги увязли в тяжелой густой мгле. Брок упал наземь и заплакал.

И вдруг – что это? Станный запах щекочет ноздри. Запах так силен, что дурманит Брокку сознание, действует на мозг, как алкоголь. Навевает дремоту и будит воспоминания, рисуя удивительные картины. Но откуда такой аромат – еле слышный и сладкий? Это скошенная трава на лесной опушке. Запах от копен поднимается к солнцу, как дым из жертвенников.

Я тоже лежу на этой опушке, под головой сено, в волосах сено, и весь я усыпан сохнувшими горными травами, тимьяном, шалфеем, ромашкой.

Но стоит открыть глаза, и я вижу туман, густой, как сметана. Вспоминаю... Принцесса убежала, и музыка играет где-то в центре вселенной... Но этот запах, откуда он и что означает? Дивная мелодия запаха, которая дразнит и мучает еще сильнее, чем далекие, грустные звуки виолончели и скрипки...

В лицо веет лесными испарениями – мхом и хвоей, ягодами и древесной смолой. Я вижу родник в зеленом кружеве папоротника. Лесные птицы да олени пьют здесь воду...

Но вот и лесные запахи растворились в белом тумане. И откуда-то уже пахнуло другим запахом.словно подул ветер, захлопал парусами. Свежее дыхание моря. Запах

соли, рыбьей чешуи, тающего в теплых водах ледника. Загадочный аромат неведомого острова, мимо которого плывет корабль. Остров обитаем, ибо до меня доносится запах пота и дыма очагов. Но и это ощущение исчезает.

Теперь я вдыхаю совершенно иной запах, который будит странные, давно забытые грезы. Жар кухонной печи, душистый пар, поднимающийся от горшков и возвещающий близость обеда... И вдруг – сквозняк из распахнутой двери. Чей-то голос кричит: «Война!» И опять все исчезает, без возврата.

А вот сейчас – цветут ландыши... нет, это не ландыши, это духи любимой, которыми она окропила грудь. Она склоняется ко мне, и я зарываюсь лицом в ее волосы, чтоб ощутить новые запахи...

Ну а это – аромат ночи. Аромат луны, боже мой, ведь это – расставание... это зеленый аромат озера, нет, слез! Это плачет любимая...

Запахи быстро сменяют друг друга.

Дымный смрад пытящего паровоза.

Тяжелый дух из теплушек – шесть лошадей, тридцать человек...

Убийственное зловоние – грязь, водка, пот, отхожие ямы.

Даль.

Свежеразрытая земля.

Порох.

Пожарища.

Кровь.

Гнилостный дух отбросов, консервных банок, гноящихся ран, карболки, вонь раздавленных клопов, запах

тлена, черные пятна обморожений, гниющие под грязными повязками. Под потолком смердит желтая керосиновая лампа...

Брок вскочил. Это... это же мое прошлое! Воспоминания, которые я утратил. Скорее! Скорее! Он взмахнул руками. Ничего! Белый туман. Черная принцесса...

Нет иного прошлого, кроме Муллер-дома...

Брок воспрянул духом и устремился вперед, вперед... и вдруг – вытянутая рука натывается на мягкую шелковую ткань. Резкий взмах – и Петр Брок замирает в изумлении.

XXIX

О звезде Ачоргенетеррамолистерген. Принцесса Тамара готова полюбить принца Ачоргена. «...наше ложе ждет...» Петр Брок снова пользуется своей невидимостью

Он стоял на пороге голубого будуара принцессы. Круглое око Муллера, глядящее с потолка, снова подернуто сизой пеленой. Но светильник на столе давно угас. На синем диване сидит принцесса. Она переделалась в голубое платье, под цвет штор на стенах. В руке у нее сигарета, к губам, раскрытым в дерзкой, вызывающей улыбке, она подносит высокий бокал с вином. Огонек сигареты описывает широкую дугу. Хрустальный бокал и горло принцессы – теперь это один прекрасный сосуд.

Но самое ужасное, что ее тонкую талию обнимает длинная рука принца Ачоргена! А принцесса смеется! Хочет над чем-то, запрокинув голову. Рука Ачоргена обвиняет стан принцессы, точно удав, который душит свою жертву. Он целует ее волосы и шепчет:

– Моя звездочка, мой серебряный колокольчик, выпей еще, это напиток из хмельного ледника моей родной планеты. Ты все это уже знаешь... Я родился на звезде Ачоргенетеррамолистерген, запомни хорошенько, ты должна это помнить, такова моя воля! Может быть, ты не веришь?

– Нет, верю...

– Теперь ты веришь в звезды?

– Я верю всему, что ты говоришь!

– На дне бокала – образ моей звезды. Ты будешь видеть ее каждый раз, как допьешь до дна. Пей!

Принцесса послушно выпила и снова засмеялась.

– Хватит, хватит смеяться! Уйми свой звонкий смех! Дорогая моя, я буду любить тебя так, как любят на звезде Ачоргенетеррамолистерген. Я научу тебя любви, и ты явишь мне свою любовь...

Рука-удав ползет по груди принцессы вверх, к шее.

– Хочешь?

– Хочу!

– Дай мне свою ручку, я покрою ее поцелуями... может статься, ты будешь из-за меня страдать, но твоя любовь излечит тебя. Самочка моя земная, ты любишь меня, в самом деле любишь?

Принцесса, ласкаясь, кладет голову ему на плечо.

– Целуй меня, Тамара! Прикоснись к моим губам, ведь так начинается любовь на этой звездочке!

Она страстно обвила руками шею Ачоргена.

Брок закрыл ладонями лицо и в ужасе отвернулся. Возможно ли это? Принцесса Тамара, его принцесса, томлящаяся в этой вавилонской башне, ждущая освобождения, бесстыдно целует это чудовище своими чистыми, не-

винными устами!

– Смотри, милая, наше ложе ждет нас!

Принцесса встает...

Еще бы, он принц, а кто такой я? Ничто, незримое ничто! Но ведь я для того и проник в Муллер-дом, для того и согласился на эту метаморфозу, чтобы найти, защитить и вызволить ее! Разве я не обещал, что буду ее охранять? Ведь она чувствовала мое прикосновение! А ее загадочная улыбка – разве это не был ответ на мои слова?

О бесстыжая предательница!

Единственный мой светлый луч в Муллер-доме погас! Ах! Как я мог мечтать о ее любви?.. Кого, кого ей любить, я же невидим!!

Прочь! Прочь отсюда!

Еще один, прощальный взгляд на принцессу. Закинув тонкие руки за голову, она стоит перед зеркалом и смеется... Господи, но что же случилось с глазами принцессы? Они прикрыты тяжелыми веками! Принцесса смеется, закрыв глаза! Губы звонко хохочут, а глаза – спят...

Теперь только Брок понял, в чем дело!

Гипноз!

Он увидел в зеркале, как жгучий взгляд Ачоргена сверлит принцессу.

Тут уж Брок не стерпел, в ярости бросился к Ачоргену и со всей силы двинул прямо по длинной верхней губе. Кулак сам собой выбрал для удара наиболее чувствительное место. Чудище беззвучно рухнуло на пол. Брок разорвал ближайшую занавесь и связал Ачоргена по рукам и ногам. Потом куском той же занавеси заткнул ему рот, запихнул безвольное тело под кровать и только после этого

повернулся к принцессе.

А принцесса ничего не видела и не слышала. Машинально она продолжала исполнять гипнотические приказы того, кто мешком валялся сейчас под кроватью. В шелковых складках трепещут ее пальчики, будто в них зажаты ключи от потайных дверей, скрытых в облаках белизны. Принцесса раздевается... Брок хочет крикнуть, предупредить ее, разбудить, но тут...

XXX

Принцесса Тамара думает, что она одна. Осторожнее, Петр Брок! Руки схватить руками

...Тут он увидел в зеркале, что она открыла глаза. Принцесса тоже увидела в зеркале странное свое пробуждение и в замешательстве вглядывалась в серебряную гладь стекла. Она словно очнулась от тяжелого сна. Растерянно посмотрела по сторонам, протерла глаза. И окончательно смахнула сон, который хотела удержать. Белые подушки под голубым балдахином манят ее... Брок с напряженным вниманием наблюдает за ней, а она медленно, бездумно раздевается, считая, что в комнате, кроме нее и зеркала, никого нет.

Что же делать? Нет, теперь уже себя не раскроешь... Поздно!.. Но я буду зорко охранять ее сон. Ведь она даже не догадывается, что под кроватью у нее лежит с кляпом во рту это чудовище, Ачорген. А вдруг он очнется и вырвется на волю?

Я должен остаться здесь, на страже!

Он притулился в углу, стиснув зубы и затаив дыхание. И вдруг от безумной мысли у него потемнело в глазах.

Розовая ленточка бежит по кружеву сладостным обе-

щением... Нет, гони ее прочь, эту мысль! Только приблизиться к ее устам – о блаженство...

Ее волосы, губы, глаза – какой дивный цветок расцвел на стебле белой шеи! Лицо – это самое прекрасное, самое драгоценное, что есть у женщины, ее глаза волнуют и влекут... Но вот она улыбается и становится еще краше, ибо ко всем оттенкам добавляется еще один, до сих пор спрятанный в бутоне, – белоснежный, фарфоровый!

Туфельки уже качаются на кончиках пальцев и падают. Сверкнули колени, икры, и тончайшие чулки сброшенной змеиной кожей легли на пол. Гладкое зеркало отражает прелестные руки принцессы и грудь, едва прикрытую пеной кружев.

Затаив дыхание, Брок следит за этой шаловливой игрой.

Принцесса потягивается с ленивой улыбкой в своем победном одиночестве. словно она устала от долгого притворства и с наслаждением сбросила маску, чтобы дать отдохнуть лицу и опять ненадолго стать самой собой!

Ласковый лепет, трепеща точно мотылек, слетает с ее губ:

– Я принцесса... нет, не принцесса...

На холодной поверхности зеркала слова превращаются в туманное облачко. Она стирает его ладонью и смотрит на себя, будто впервые в жизни.

В рок едва владеет собой, кровь глухо стучит в висках. Но комок страха подступил к горлу. Как открыть принцессе свое присутствие? Ведь стоит вымолвить слово – и чудесное видение исчезнет!

Ну да ничего – Петр Брок заготовил тысячи слов, ко-

торами он засыплет, уговорит принцессу. И все же – не окажутся ли беспомощными все эти нежные слова, если она не увидит глаз, в которых утонуть, не ощутит человеческого тела, в котором пульсирует горячая кровь?

Принцесса подходит к постели, откидывает покрывало, разглаживает подушку – и вот уже в сладкой истоме падает на нее. Руки она кладет под голову, взор устремляет вверх, но, погруженная в свои мысли, не видит золотых звезд, вытканых на голубом балдахине. От этих мыслей пылает лицо и голова идет кругом.

Брок на носках, едва касаясь пушистого ковра, крадется к принцессе. Склоняется над ней. Она смотрит на него огромными неподвижными глазами и все же не видит его. Мгновение – и его пылающие губы касаются ее влажного, полуоткрытого рта.

Как странно! Ничто не дрогнуло на лице принцессы. Только взгляд сразу стал внимательным, острым, будто мысли ее вернулись из дальнего далека. Она протянула к нему руки, но на этот раз Брок сумел ускользнуть. Когда опасность миновала и разочарованные руки снова упали, он отважился на новый шаг: прижался губами к ее шее.

Принцесса лежит тихо, не шевелясь, как зачарованная. Даже дышать боится, чтобы не спугнуть дивный сон...

Не забывай, Петр Брок, у принцессы тоже есть руки, и теперь тебе от них не ускользнуть. Вот твои волосы, твое лицо, а вот, вот твои руки, каждое прикосновение которых выдает тебя принцессе! И руки эти схватить руками...

XXXI

Петр Брок лжёт. «...У меня еще нет лица...» Муллер напоминает

Броку о встрече, «...жду тебя...»

Их руки встретились, и губы снова слились в поцелуе. Принцесса шепчет:

– Кто ты, кто ты?

Брок молчит.

– Скажи, ты – тот бог, который охраняет меня?

– Да, бог. – Брок малодушничает от страха потерять завоеванное.

– Бог, – повторяет принцесса, – а какой бог?

– Добрый, – шепчет Брок, радуясь, что нашел меткое слово.

– Я знаю, что добрый, но молодой ли?

– Молодой... – Вот и пришла пора дать ответ! Сейчас все выяснится, без утайки... Но чутье подсказывает Броку, что он выдержит этот экзамен, обязательно выдержит...

– Молодой, – повторила она, – и красивый?

– Понятия не имею, – честно признался Брок

Пальцы принцессы скользнули по его лицу. Вот нос. губы, глаза... но как на ощупь обнаружить молодость и красоту? Будь она слепая, наверно, скорее увидела бы все это своими ладонями. А так – глаза не видят, и руки тоже не могут воссоздать его образ.

– Я хочу видеть тебя! Глазами! – потребовала принцесса. – Покажи мне свое лицо!

– У меня еще нет лица. Я пришел встретиться с Муллером...

– Тише! Тише! – встревоженно прошептала принцесса и поцелуем закрыла ему рот.

– Чего ты боишься, Тамара?..

– Он! Он! Он все слышит! Глаз его над нами, может, и закрыт, но уши его подслушивают сквозь каждую щель!

– Ну и пусть! Я здесь для того, чтобы охранять тебя, принцесса!

Она улыбнулась, вспомнив о чем-то.

– Первый раз ты подошел ко мне в бархатном зале, когда я теряла сознание от этого страшного газа. Я видела белый дым, слышала, как он с шипением рвется из оловянной трубки. Помню невыносимо яркий фиолетовый шар, заломленные руки, маски смертельного ужаса, падающие тела... Я пошатнулась и тотчас почувствовала, как чьи-то руки подхватывают меня и уносят на звезды. Это был ты... Второй раз ты подошел, когда я стояла у стены. Ты сказал: «Не бойтесь! Ни о чем не спрашивайте! Я с вами!» А что было с теми, кто остался?

– Там у них огромная печь, и в ней человеческие тела, сердца, глаза превращаются в кучки серого пепла, который затем развеивают по ветру, на все четыре стороны. А еще ходят слухи, будто из костей делают пудру.

– А я-то, дурочка! Хотела убежать на звезды... – прошептала принцесса, и глаза ее померкли. – Я вначале думала, что ты прилетел ко мне со звезды Лебеда. Оттуда я получала тайные записки, когда еще жила с отцом. Значит, нет ни звезды Лебеда, ни созвездия Гномов...

– Обман! Величайший обман – весь этот Муллер-дом от фундамента до крыши, если у него вообще есть хоть какая-нибудь крыша. Международная банда работоторговцев и сжигателей трупов...

– А откуда взялся ты?

Она снова ощупывает, гладит пальцами его лицо.

И Петру Брокку вдруг становится невыносимо стыдно за свой обман. Он выдает себя за бога, чтоб добиться ее любви! Страстный его порыв давно уже утих, теперь каждый ее поцелуй отзывался в нем глубокой благодарностью...

— Я не бог, — покаянно признался он, — я просто человек, обыкновенный мужчина!

Она провела рукой по его волосам.

— Разве же не лучше молодой мужчина, чем старый бог?.. Я хочу тебя видеть!.. Открой мне свое лицо!.. Нет, ты не человек! Ты принял образ человека, ибо ты обнимаешь и целуешь меня. Но почему, почему я тебя не вижу? А! Придумала! Я приготовлю гипс и сделаю себе слепок с твоего лица, ведь так любить нельзя... нельзя...

— погоди, Тамара! погоди, скоро ты меня увидишь! Я выполню свою миссию и стану человеком! Сегодня вечером я должен быть на улице Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, номер девяносто девять... Я совершенно утратил чувство времени... Нет для меня ни дней, ни ночей... Когда Муллер сказал мне свое «сегодня»? Кажется, от этого «сегодня» меня отделяют многие часы! Может быть, я уже опоздал?.. Скажи мне, что сейчас — день или ночь? Неужели нет на свете ничего, кроме Муллер-дома? Скажи мне, существует ли еще солнце... скажи, светит ли над Муллер-домом луна?.. Тридцать дней... На каком я сейчас этаже? Как мне найти Муллера? Как его убить?

И вдруг сверху раздался голос:

— Петр Брок! Этаж триста пятьдесят четыре! Комната девяносто девять. Я жду тебя!

Брок вскочил, поднял глаза к потолку. Выпученное

«божье око» уже очистилось от мутной пленки и ехидно тарашилось на него. Еще бы! Миллион глаз, миллион ушей рассеяны по тысяче этажей! Но голос – неужели и голос его может дойти до спальни принцессы? Откуда он знает, что я здесь, у ее ложа? Или в эту минуту его голос звучит на всей тысяче этажей? Брок даже содрогнулся.

– Ты слышишь, принцесса? Он зовет! Настал мой час! Ты же оставайся здесь.

– Я пойду с тобой!

Она прыгнула с кровати и трясущимися руками начала одеваться.

– Нет, нет, останься!.. Я поговорю с ним и вернусь к тебе!

– Ты не вернешься! Он убьет тебя! Тысячи коварных ловушек стерегут тебя в комнате девяносто девять!

– Знаю я его ловушки! Зал пустых зеркал! Яма-западня! Я поговорю с ним среди пустых зеркал!

– Но как ты туда попадешь? Ты хоть знаешь дорогу на триста пятьдесят четвертый этаж? Нет? Видишь, до чего ты без меня беспомощен! Какой же ты бог? Станный ты мой, невидимый... Идем! Я сама отведу тебя к лифту.

– Веди меня, Тамара! Покажи мне дорогу, пока не поздно. Ведь сдержать слово – значит показать свою силу.

И они пошли, взявшись за руки.

XXXII

Двери белые и черные. Зал пустых зеркал. Непостижимая бесконечность. Электрические звонки. Безмерное блаженство

Стеклянная улица кончается решеткой от пола до по-

толка. На дверце в решетке надпись:

ЛИФТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Принцесса открыла дверцу, нажав дужку над «И».

Они очутились в небольшом квадратном помещении, сплошь обитом кожаными подушками. На одной из стен – панель с тысячью белых кнопок.

– Это этажи. Каждая кнопка – этаж. Этим путем я бежала, когда еще верила в звезды...

Брок с благодарностью погладил ее по руке.

– Спасибо! Это для меня крайне важно! Да-да, ведь таким образом я промчусь по всему Муллер-дому! Но прежде всего я сдержу слово, которое дал Муллеру!

Он нажал кнопку с цифрой 354. Кабина даже не дрогнула. Лишь серебристая стрелка под стеклом мгновенно опустилась к цифре 354.

– Приехали, – сказала принцесса.

– Ну, теперь ты возвращайся. Никто не должен тебя видеть на этом этаже.

На прощанье они обнялись.

– Если я не вернусь...

– Я приду за тобой!

Дверь лифта открылась, и Брок шагнул в пустой белый коридор, до того прямой и длинный, что вдали стены его, потолок и пол сливались в одну точку.

По обе стороны тянутся двери. Белая, гладкая вереница дверей, как в сумасшедших домах и в больницах. Двери, сплошные двери, одного цвета, одной величины, с одинаковыми ручками, одинаково таинственные, тянутся они в бесконечность, храня упорное молчание, без номеров, без надписей...

Как же найти нужную? Девяносто девятую!

Брок мягко толкнул первую.

Заперта!

Вторую.

Заперта!..

Боже мой, куда они все ведут?

Что мне с ними делать?

Что за ними скрыто?

Анфилада проходных комнат?.. Что задумал Муллер, пригласив его в эту аллею белых дверей? Каково их предназначение? Кто за ними живет? Ведь изнутри не слышно ни звука, и коридор в гробовом молчании уходит в бесконечность... Сколько надо времени, чтоб нажать на все ручки?

Заперто... заперто... заперто...

Та-ак... чем больше дверей, тем меньше сил во мне.

Брок наудачу зашагал по коридору. Ведь где-то он обязательно кончится. Сыщик мчался вперед, но белая точка в конце, где сходились стены, с той же скоростью удалялась от него. И вскоре он почувствовал, что совершенно бессилен перед врагом, имя которому «бесконечность»...

И вдруг – Брок замер. Черная дверь! Это было так неожиданно, так резко хлестнуло по глазам. Среди тысяч белых дверей – одна черная!

На ней небрежно, как бы второпях, было накарябано мелом – 99.

И ничего больше.

Наконец-то он у цели!

У цели? Скорее всего, это новая ловушка! Капкан – и

ты, дурачок, в него попадешь. Там приманка – Огисфер Муллер, кусочек сала, который ты ищешь, только сунься, а за тобой – хлоп!

Да, я все это знаю, есть там и яма-западня, но желание схватить кусок сала порою сильнее страха смерти, особенно когда смотришь на него в упор, да еще с голодухи. Но я, господин Муллер, тамышь, которая и сквозь решетку западни проберется!

Брок с опаской огляделся. Вокруг ни души. Тогда он тихонько взялся за ручку. Дверь приоткрылась, и он скользнул внутрь, чтобы осмотреть комнату, прежде чем встретиться здесь с таинственным Муллером.

Над головой раскинулся зеленоватый купол. Больше чем купол! Он был под стеклянным колпаком, плотно, без малейшего зазора прижатым к полу, даже стыка не видно.

Не зеркало ли это?

Гигантское пустое зеркало, вогнутое зеркало, пожирающее Брока. Но как узнать, что это зеркало? Ведь отражать ему здесь нечего, кругом только пустота. Брок быстро повернулся к двери и в ужасе остолбенел: дверь исчезла! Растаяла в зеленоватом ничто.

Брок ощупал стены. Монолит! Пол, потолок, стены сливались воедино, образуя безупречный шар. И хотя Брок не видел своего изображения, тем не менее это было зеркало! Полированная внутренность шара отражалась сама в себе и казалась бесконечно глубокой.

Обманчивая, непостижимая бесконечность – замкнутый круг перехода от стеклянного купола к плоскости пола. Но и сам пол – зеленоватая бездна несчетных отражений светло-зеленого свода.

А дверь – дверь исчезла...

Но почему же в этом замкнутом, пустом шаре светло? Ведь источника света здесь нет. Может быть, зеркала освещают сами себя? Может, свет льется из них?

А если б он был видим? Как бы все это выглядело со стороны?

Брок в изумлении застыл посреди гигантского шара. О, какое безмерное блаженство – не знать, летишь ли ты вверх или падаешь, парить в пустоте, где нет направлений, ощущать невесомость, ибо все стороны света одновременно и притягивают тебя, и отталкивают!

Петр Брок пошатнулся от этого головокружительного блаженства. Но едва сделал шаг по блестящей глади зеркала, как внизу, прямо под его ногой, взвизгнул электрический звонок. Брок отскочил вбок – под мыском ботинка опять раздался звонок, точно он нажал кнопку на стене... Брок попробовал на цыпочках уйти с предательского места. Но тщетно! Что ни шаг, то сигнал – весь пол усеян скрытыми кнопками. Где бы он ни поставил ногу, сразу же слышится пронзительный трезвон...

Брок было заметался, но скоро сообразил, что это бесполезно, что он – в ловушке, в ловушке номер 99, которую расставил ему Огисфер Муллер! И не за что ухватиться, и некуда спрятаться...

XXXIII

Миллион великанов... Бешеная гонка по кругу. Пойманное ничто. Окошко на вершине купола. «Он жив?» Что нужно запомнить...

И вдруг дверь открылась. Не одна, нет, несчетное множество дверей теснятся друг возле друга и друг за дру-

гом в бесконечных шеренгах. И из всех выходят полураздетые великаны в широких красных поясах. Похожие как капли воды. У всех маленькая голова, волосатая грудь, а через плечо переброшена сеть. Миллион великанов как бы выходит из морских глубин.

Под резкий вопль звонка Брок кидается к одной из дверей, но наталкивается на округлую стену. В этот миг все двери исчезают, великаны вступают в зал и начинают раскручивать сети над головой. Их фигуры чудовищно перекошены, лица искажены и вытянуты в бесконечной цепи отражений. Миллионы сетей со всех сторон нацелены на Брока. Начинается бешеная гонка по кругу. Брок мечется, скользит, увертывается, прыгает, налетает на стены. Но этим исчадиям ада известен каждый его шаг.

Если стряхнуть зеркальные наваждения, то ясно охотник с сетью всего один, и движется он в ограниченном пространстве. Но окаянные звонки под ногами Брока неумолимо визжат: я здесь! Я здесь! По этим звонкам великан и ведет облаву. Сеть все чаще проносится над головой Брока, падает все ближе. Спасенья нет! Но так просто Брока не возьмешь... Кулаком в грудь, по физиономии, ногой в живот. Однако нога отскакивает, как мяч от стенки.

В изнеможении Брок падает на зеркальную поверхность. Широкая сеть накрывает его, охватывает все плотнее. Грубые веревки скручивают тело в три погибели, прижимают колени к груди, врезаются в кожу; от страшной боли Брок зажмуривается, в глазах у него темнеет...

Последнее, что он видит, — это маленькое окошко в центре купола. Оно открывается, и в нем появляется лицо. Отвратительная желтая физиономия, рыжая бороденка,

расщепленная надвое, вместо носа – черные дырки, нижняя губа темная, отвислая, будто гниет. Потом раздался голос:

– Он жив?

– Жив! – выдохнул великан, утирая пот со лба.

Но эти два голоса отозвались уже как бы из его старого сна... Пахнет карболкой, над ним склоняются два человека в пожелтевших халатах. Один из них трогает носком сапога серые кучи, потом брезгливо откидывает с его лица край халата.

– Жив! – разочарованно повторяет нетерпеливый голос.

Брок с усилием поднимает веки, стремясь убедить кого-то очень сильного и здорового, что пока не умер...

Сквозь завесу духоты и вони он видит желтый огонек. Вон он – светится между толстыми балками, поддерживающими свод этой обители смерти... Два пышущих здоровьем человека кладут на носилки что-то тяжелое. Жилы у них на руках набухают, и они в ногу – раз-два! – шагают по проходу между нарами. Видны лишь удаляющиеся сапоги...

Все это так странно, так непонятно и в то же время так просто! Достаточно прикрыть лицо краешком халата – и все это исчезает, кончается. Один только краешек халата! Это надо запомнить!

XXXIV

«Пойманного дьявола боитесь!» Каким видел Петра Брока в свои линзы слепой Орсэг. «Что за бесстыдство...» «Он красив?..»

Очнувшись, Петр Брок обнаружил, что все еще опутан

сетью, хотя веревки ослабли. Можно было разогнуться. Он находился в грязной, заброшенной кухне. В одном углу – полуразвалившаяся плита. На стенах – светлые прямоугольники от висевших здесь когда-то картин. В другом углу – куча кухонной утвари.

Множество незнакомых лиц вокруг. Глаза вытаращены, все сгорают от любопытства. От края сети до ближайших зевак – добрых три шага: эта дистанция самолюбия не ущемляет, зато и вполне безопасна.

А сеть и в самом деле странная. Она не падает на пол, будто ждет кого-то. Просто воздухом, без улова, сети не наполнишь. Пустая, она должна упасть плоской бесформенной кучкой. А эта сеть словно натянута, охватывает как бы нечто овальное, однако неуловимое. И ни один из присутствующих не отваживается тронуть это шевелящееся, живое ничто.

– Эх вы, рыцари! Пойманного дьявола боитесь!

Молодая женщина в пестрой короткой юбке пробивается вперед.

– Я, я подойду! Я не боюсь! Хоть мизинцем, а дотронусь!

– Да пустите вы ее. Ишь, дотронуться приспичило! Банкир Салмон этак тоже пальца лишился!

– А почему она попадет непременно в пасть? Может, совсем в другое место, хе-хе-хе!

– От карающей длани господина Муллера ему не уйти! – покачал головой бородатый старик.

– Злого бога поймали в сеть!

– Что же он с ним сделает?

– Утопить его надо!

– Повесить!

– Задушить!

– Тоже нашлись советчики, всеведущему советы даете!

Это произнес поймавший Брока великан. Его так и распирало от гордости. Ревниво охраняя свою добычу, он ходил вокруг, как зверь, готовый к прыжку.

Но в это время пестрое кольцо зевак разорвалось и образовало коридор – от сети до дверей.

Вошли два человека. Первый – высокий старик с красивым, благообразным лицом человека моложавого и цветущего. Из-за орлиного носа и жестких синих глаз он здорово смахивал на переодетого в штатское военачальника. Толпа перешептывалась, все взгляды устремились на него. А за ним – о ужас! – идет слепой Орсаг с линзами на висках.

Военный твердой, уверенной поступью прошагал по людскому коридору, подошел к самой сети и небрежно, будто мешок с грязным бельем, пнул ее ногой. Потом спросил Орсага:

– Как он выглядит?

Брок задрожал.

Неужели этот слепой меня видит? Ведь я сам не знаю, как выгляжу! Вдруг мне сейчас об этом скажут? Боже мой, как я боюсь этих круглых линзочек, они вонзаются в мою душу! Я боюсь, боюсь глянуть в них!

А слепой Орсаг уже подкручивает колесики за ушами, наводит на резкость. Волосатый гигант первым нарушает всеобщее молчание, задает вопрос, который у всех на языке вертится:

– Ну, Орсаг, скажи – во что он одет?

– Он вообще не одет! Он голый!

– Голый!!!

– О-о-о-о!.. – Сердечки дамских губок от ужаса округляются.

– Какое бесстыдство!

Одна из дам, с напудренным бюстом, выпирающим из глубокого выреза, падает в обморок.

Другие бросаются прочь.

А Брок ликует!

Слепой не видит моей одежды! Какое счастье!.. Ведь у меня в кармане бумажник с документами! Если б Орсаг его увидел, мне конец!..

Орсаг между тем приблизился к Броку, чтобы получше рассмотреть его.

– Он весь белый! Белые глаза, белые губы, белые волосы! Думаю, у него и кровь белая! – Профессиональным жестом барышника он раскрыл Броку рот и сказал: – Ему тридцать лет.

К тому времени женщины успели опомниться. И опять подошли ближе.

– Он красивый? – спросила брюнетка с цыганскими глазами.

– Что за вопрос, Лаура, милочка! Ведь он же голый!

– Ну зачем же сразу думать о самом худшем...

– И вы, графиня, смеете...

– По-моему, он прячет свою наготу куда надежнее, чем многие из нас!

– Да ведь он совсем не одет!

– Вы его так себе представляете?

– Какая богатая фантазия!

– Кандалы! – прогремел военный, обращаясь к волосатому гиганту; голос его перекрыл общий шум, словно на мостовую упала тяжелая чугунная цепь. Приказ немедленно исполнили.

XXXV

Опять все начинается с лампочки. Петр Брок держит слово. Ночь, планы, побег. Распадается королевство. Не будет счастья в мире, пока стоит Муллер-дом

Брок лежит в полузабытьи, прикованный ногами и руками к бездонной тьме. Нет в этой глубокой пропасти ни дней, ни ночей. Лишь изредка вспыхивает желтый огонек, тускло освещающий трухлявые чердачные балки...

Помещение это, полное серых балахонов, – уже во сне. У Брока неожиданно появилось и тело, отчетливо видимое, измученное болью, прикрытое вонючими лохмотьями.

Время от времени, пробудившись от таких снов, Брок неизменно благодарил бога за то, что у него вообще нет тела, что он – лишь голос, пойманный в сети...

И вдруг бездна, где нет ни времени, ни пространства, разом исчезла. Вспыхнул свет, а вместе с ним вернулось пространство, ограниченное белыми стенами. И тотчас послышался голос:

– Милый мой, любимый, где ты?

Принцесса!

Ее рука еще на выключателе, а глаза уже нашли его, Брока.

Она в черном, как и в первый раз, когда он увидел ее у

окошка «Вселенной».

– Принцесса!

Путы спали, он с наслаждением потянулся, выпрямил ноги, напряг мышцы.

– Идем!

Она взяла его за руку, и они осторожно, на носках, вышли из комнаты.

Центральный лифт.

Темные коридоры, мертвые лестницы, и снова – залы, залы...

Но в руке у принцессы сияет электрическая звездочка, указывающая путь своим единственным лучом.

– Сейчас ночь? – прошептал Брок.

– Да, ночь! Но Муллер может превратить ее в день, когда захочет! Узнай он, что мы бежали, разом бы зажег над нашими головами все уснувшие солнца. Поэтому надо поскорее выбраться из Муллер-дома.

– Выбраться из Муллер-дома? А ты знаешь дорогу? Ты смогла бы отсюда бежать?

– Ну конечно же, мой странный незнакомец! Ты доволен мной? Пока тебя, несчастного бога, ловили в капкан, я готовилась к побегу.

Брок покачал головой:

– Выбраться из Муллер-дома – нет, это невозможно! А если все-таки возможно, то почему ты давным-давно не убежала в свое королевство?

– Одной мне не справиться! Но я придумала отличную штуку! Я знаю, где живет лорд Гумперлинк, тот, который похитил меня из родного дома... Ты сыграешь роль Муллера. Вернее, его голоса. Прикажешь Гумперлинку отвез-

ти меня туда, откуда украл... Лорд ни о чем не догадается! Все распоряжения подданным отдает голос Муллера. Ни один из них не видел его лица!

Что ж, посмотрим...

А принцесса, захваченная своим планом, шепчет:

— Там есть воздушный порт! Площадка висит в воздухе, наподобие столешницы, одним ребром прикрепленной к Муллер-дому. Стальные ласточки слетаются туда днем, когда Муллер снимает золотой урожай. А вот ночью я увидела мертвый сон этих крылатых яхт. Среди них я отыскала маленькую синюю птичку, двухместную. Ты и я... Мы полетим в наше королевство...

Она умолкла, словно уже готовилась к отлету. Ее слова сулили дальний путь и счастье в конце его. Но голос рядом с нею отозвался глухо, как из-под земли:

— Я не могу! Не имею права! Ты улетай, а я, я останусь!

— Тогда и я останусь! — воскликнула принцесса.

— Но где же я укрою тебя, как уберегу от его мести? Сам я могу спрятаться в луче света. И даже в его собственных зрачках! Но как быть с тобой? Как спрятать твои глаза от его глаз? Твои руки от его когтей?

— Милый мой, я сама прекрасно знаю, какая мне грозит опасность. Сколько раз я бежала, но сейчас я уверена, эта попытка — последняя! Он позволял мне убегать и ловил меня, когда эта игра ему надоедала... Он издевался надо мной вместе со своими агентами и шпиками, что каждый раз оказывались да моем пути. Сегодня, рядом с тобой, я уже не боюсь его! Меня страшат лишь его солнца, стере-

гущие нас во тьме. Сегодня в последний раз, я уверена... Но как я убегу без тебя? «Синий колибри» ждет, идем, спаси меня!

Мой отец, последний король из рода белобородых, льет на троне слезы. Ведь королевство оставить некому. Единственную дочь похитил у него негодяй, а у подножия башни уже вырос первый побег шиповника...

Парк вокруг замка одичал.

Ветви платанов трутся о стены, обдирают штукатурку.

За башенные зубцы цепляются кроны лиственниц.

В окна тянутся кусты сирени, парадную лестницу обвил плющ, на карнизах цветет вереск да тимьян...

Опочивальня моя зарастает дикими розами...

— Бедная, печальная ты моя сказка! Тяжело мне разлучаться с тобой, но я не могу покинуть Муллер-дом... А ты не можешь остаться. Лети домой! Жди! Расскажи своему белобородому отцу, какой у тебя странный жених. Настанет день, и он придет за тобой. День этот будет самым обыкновенным, самым будничным. Даже ты меня не узнаешь, потому что — увидишь! Я сам еще не знаю, что со мной станет, когда я убью Огисфера Муллера. Что-то исполнится, что-то минует, погаснет чудовищный огонь! Что-то рухнет... Этот немыслимый, невообразимый колосс в тысячу безумств, что давит мне на мозг чудовищной тяжестью! Ведь он высится над миром как безумное порождение больного рассудка! Черная тень его накрывает и твое родное, угасающее королевство на краю света...

Не будет счастья и мира на Земле, пока жив Муллер и

стоит Муллер-дом!

Но он рухнет!

Сам собою рухнет, когда погибнет Он!

И тогда сознание мое прояснится и взойдет солнце...

Принцесса слушает, но ее скрытые тьмою уста крепко сомкнуты.

Все комнаты и залы, которыми они идут, похожи друг на друга своим бархатно-черным безмолвием. Всюду великое множество странных предметов, как попало разбросанных по каменным плитам, паркету, коврам. Тьма лишила их имен, отняла самое суть. Так они и плавают по дну комнат, черные, угловатые, злокозненные. Нежданно-негаданно появляются на кончике луча, как на кончике удилища, – изломанные грани, причудливые осколки, осклизлая, бесформенная масса. Ноги обо что-то спотыкаются, скользят, вязнут. Что-то трещит, булькает, липнет к подошвам. Сюда лучше не ступать...

– Какие мерзкие вещи, – шепчет Брок.

– Это не вещи. Это – их смерть! Гибель вещей!

– Какая гибель?

– Их уничтожили в оргиях. Таков «рай» после ухода небожителей. Надо спешить, чтобы не встретиться с армией рабынь, которые придут чистить этот небесный хлев.

XXXVI

Переулок Воздухоплавателей. Морская Чайка – лорд Гумперлинк. Солнце над Муллер-домом. Брок прощается с принцессой. Сиденье рядом с нею остается пустым

Они долго блуждают в лабиринте узких улочек, чьи

названия как бы просыпаются, сбросив покров темноты и потягиваясь в неярком свете луча от принцессина фонарика. Наконец перед ними переулок, который зовется

переулок Воздухоплавателей

На стальных дверях с выпуклыми шляпками кованых болтов написаны экзотические имена муллердомовских пилотов:

АРОН КОРКОРАН
штурман «Плачущего лебедя»

АХИЛЛ МОБИЛЕС
капитан «Разбойника»

ДУГЛАС ГУЛЛИВЕР
парашютист

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР
придворный аэронавт Южного Креста

ГРАФ ЛЮСЬЕН Д'О
аэронавт

РЭМ МАЙОРЕСКУ
акробат на «Альбатросе» — быстрее звука!

ЛОРД ГУМПЕРЛИНК
Морская Чайка

– Пришли, – прошептала принцесса, остановив Брока у этой двери. Дверь была заперта, ключ вынут, в замочной скважине – тьма.

План действий сложился быстро. Принцесса отошла в конец улочки и потушила электрическую звездочку. Брок приложил губы к замочной скважине и крикнул в темноту:

– Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! Немедля заводи «Синего колибри» и будь готов к вылету!

Брок прислушался – тишина.

Заглянул – тьма.

Тогда он повторил приказ погромче. На этот раз за дверью раздался шорох. Но вскоре вновь наступила тишина.

Тогда Брок крикнул в третий раз.

Наконец-то! Шорох сменился топотом босых ног. Кто-то тихо выругался. И вот уже замочная скважина осветилась.

Растрепанный человек в пижаме недоуменно вертит головой. Сейчас, сейчас он подойдет к двери и откроет ее. В руке у него револьвер, в глазах – подозрение и готовность пристрелить того, кто кричал в замочную скважину.

Глухая тьма зевнула открытой дверью. Человек в пижаме шагнул за порог и недоверчиво посмотрел по сторонам. Брок меж тем проскользнул в спальню, прыгнул на стол и встал под стеклянным глазом в потолке. И когда лорд Гумперлинк вернулся к себе, Брок опять подал голос.

На этот раз как бы с потолка

– Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! В конце переулочка Воздухоплателей тебя ждет черная дама! Это принцесса Тамара, которую ты похитил по моему повелению. Прика-

зываю тебе немедля доставить ее туда, откуда ты ее привез. Такова моя воля.

Лорд Гумперлинк слушал этот приказ, вытянувшись по стойке «смирно», руки по швам, пальцы растопырены, на лице – выражение благоговейного ужаса.

– Слушаюсь, мой Повелитель! – И он быстро начал одеваться. Надел кожаный мундир, шлем с застекленными прорезями для глаз, зажег факел и вышел из дому.

В конце переулка его ждала принцесса. Багровый свет факела вырвал из темноты ее черную, безмолвную, прислонившуюся к стене фигуру.

– Следуйте за мной! – Факел лорда Гумперлинка качнулся вперед.

Брок осторожно двинулся за ними.

Они подошли к железным воротам. Морская Чайка поднес факел к черному кольцу, продетому в ноздри стального льва, хранителя этих ворот. А мгновение спустя, когда кольцо закоптилось, створки ворот бесшумно распахнулись.

Яркий дневной свет ворвался в темноту.

Огромный солнечный диск купался в небесной сини. Фантастическое зрелище!

На миг Брок ослеп.

Солнце!

Настоящее, живое солнце!

А здесь – ночь.

Он стоял на широкой площадке, с трех сторон окаймленной стеклянными ангарами. В одном из них исчез лорд Гумперлинк.

Брок подбежал к принцессе.

– Прощайте! Прощайте!

И, не найдя других слов, стал молча целовать ее глаза, лоб, волосы.

Еще на секунду ему даровано счастье обнимать ее, а она повисла у него на шее, запрокинула голову, вся трепещет и улыбается пылающему солнечному диску.

– Ты придешь? Обязательно придешь за мной?

– Приду! Обязательно приду!

– А как я узнаю тебя? Скажи мне одно лишь слово, то, которое шепнешь мне, когда придешь к нам... Скорее, скорее скажи мне его! Чтобы я тебя узнала...

В ангаре заработал мотор. Принцесса вздрогнула.

– Ну, милый, кто же ты?

– Петр Брок!

Принцесса вырвалась из его объятий и широко открытыми глазами смотрела на него, в пустоту.

– Петр Брок? Ты – Петр Брок?

– Да, а ты меня знаешь?

– Я никогда не видела Петра Брока. Но я слышала...

– Что ты слышала? Скорее! Морская Чайка идет сюда...

– Я знаю, что когда-то Петра Брока звали совсем иначе... Он, единственный сын андалузского короля, удрал из дому и стал грабителем!

– Грабителем?

– Да, но каким! Он вскрывал сейфы в банковских подземельях, а золото, несметные сокровища, раздавал беднякам. Грабитель, который грабил грабителей!

– Не знаю... Ничего не знаю. Ничего не помню!

— Пять лет полиция гонялась за ним, но так и не смогла поймать. А спустя много времени, когда эта игра ему надоела, он явился с повинной и сам стал сыщиком. Принц-сыщик! Вот каков Петр Брок!

Синий стальной «колибри» стоит посредине площадки и нетерпеливо урчит. Лорд Гумперлинк машет принцессе рукой.

— До встречи!

— Скажи мне еще раз: Петр Брок — это ты?

— Я!

Последнее объятие на глазах ничего не понимающего Гумперлинка, и принцесса усаживается в синее кресло «колибри».

Сиденье рядом с ней остается пустым.

XXXVII

Сирены тревоги. Приказ об аресте Петра Брока. Резиденция Муллера. Брок приближается к Муллеру. Сначала нужно искупаться

Когда «колибри» с принцессой стал черной точкой на голубом горизонте, Брок вернулся в Муллер-дом и тихо закрыл за собой ворота. Он хотел убрать все следы, которые могли бы привести погоню к этому висячему аэродрому. Брок решил отдохнуть в опустевшей спальне лорда Гумперлинка и дождаться там наступления муллердомовского дня.

Но едва ворота закрылись, он снова очутился в крошечной темноте. И пожалел — да еще как! — что забыл попросить у принцессы электрическую звездочку, которая

освещала им дорогу. Брок сделал наудачу несколько шагов – и замер!

Над головой вдруг раздался пронзительный разбойничий свист. И тотчас же взвыли сирены тревоги, а в переулок выплеснулись потоки света.

Захлопали, распахиваясь, окна и двери, из них таращились сонные физиономии.

– Что случилось? Что такое?

И словно в ответ сверху прогремел голос:

– Сбежал Петр Брок. Схватите его?

Толпа полуодетых людей выскочила из бокового коридора. Кинжалы, палки, револьверы, сети, арканы, противогазы. Матовые шары фонарей освещают растерянные лица, на которых ужас гонимых перемешан с азартным восторгом гонителей.

Брок в несколько прыжков настиг разношерстную орду, словно желая примкнуть к погоне за самим собой. Он хотел узнать, что известно этим типам о его исчезновении и куда они мчатся. Слава богу, о бегстве принцессы никто пока не подозревал.

После долгой беготни по кривым улочкам они очутились на круглой, накрытой стеклянным куполом площади. По сторонам ее стояли административные здания этого этажа; одно из них, вроде ратуши с башенкой, сплошь пестрело всевозможными объявлениями и декретами.

Было там старое предупреждение насчет желтой чумы, свирепствующей на 489-м этаже, и постановление о герметизации этого этажа впредь до поголовного вымирания больных.

Другой декрет объявлял мобилизацию в связи с вос-

станием в пролетарском секторе.

Компания «Крематорий» уведомляла о безболезненном умерщвлении больных и престарелых.

Небезызвестный концерн «Вселенная» сулил особые льготы жильцам этого этажа, которые пожелают переселиться на звезду Л-9.

БРАТСТВО ГОСПОДА МУЛЛЕРА сообщало о молебне в честь блаженной памяти баронессы Гортензии Муллер.

Но все сгрудились возле черного плаката, на котором багровели буквы:

приказ об аресте

ВСЕМ ОБИТАТЕЛЯМ ЭТАЖА № 376!

Невидимый дьявол Петр Брок, искушающий нашего Великого Повелителя Огисфера Муллера и схваченный вчера в шаре зеленых зеркал, совершил побег.

По высочайшему повелению выдан ордер на его арест!

Поскольку он, скорее всего, и впредь будет бесчинствовать и нарушать покой добропорядочных обитателей Муллер-дома, призываю всех жильцов этажа № 376 бдительно следить за своими домами и улицами и о каждом подозрительном движении, которое указывало бы на присутствие невидимого провокатора, безотлагательно сообщать в муниципалитет девятого департамента.

Пожизненное пребывание в Гедонии, 100 000 мулльдоргов и 999 новых звезд — такова награда тому, кто сумеет схватить невидимого дьявола живым или мертвым.

Подпись: Ван Гросс, губернатор этажа № 376.

Броку уже стали надоедать долгие и бесполезные препирательства, вспыхнувшие из-за этого объявления. Но тут вдруг наступила тишина, и все устали на человека, который показался в дверях ратуши.

Брок сразу его узнал. Это был тот самый переодетый в штатское военачальник с жесткими синими глазами, который пнул его ногой, когда он лежал, опутанный сетью.

Толпа расступилась. Военный, гордо подняв голову, спустился по лестнице, в уголках его губ таилось плохо

скрытое презрение. Он зашагал по улице, совершенно один. Брок двинулся за ним с мыслью о мщении.

Они вошли в лифт, и спутник Брока нажал на кнопку с цифрой 100. Когда через мгновение стрелка замерла против этой цифры, дверь кабины открылась, и Брок очутился в роскошном парке. Кругом густые кроны деревьев, укрытые в листве замысловатые лампионы высвечивали их сказочные, фантастические очертания, похожие на зеленые облака. Брок шел за своим обидчиком мимо алебастровых изваяний и опаловых фонтанов, по аллее, мимо пальм и роз. Быстрым шагом они миновали арку из тысячи разноцветных струй, извергаемых двумя рядами фонтанов.

Вдали, посреди голубого озера, парил остров дивной красоты. Из веера пальм и гигантских папоротников вырастал дворец, построенный как бы из солнечных лучей. Над водой висела девятицветная радуга – мост, соединяющий берега и остров. Когда они ступили на него, радужная арка неожиданно отозвалась минорным аккордом, словно заиграл невиданный девятиструнный инструмент.

Затем они беспрепятственно вошли в первый зал ожидания. Оттуда дверь вела в римские бани, где военный искупался. Брок наблюдал, как под ладонями рабынь краснеет его кожа. Умощенный душистыми бальзамами, напомаженный и одетый на римский манер, он наконец прошел во второй зал.

Там сидели пятеро в белоснежных тогах, все – взбудораженные, вымытые, пахнущие благовониями. Ждали своего часа, нервно постукивая сандалиями по земле. Кое-кто, дрожа как в лихорадке, шептал:

– Муллер! Муллер! Муллер!

Среди сидящих Брок узнал плешивого старикашку Шварца, который специализировался на производстве газа СИО и с которым он уже однажды встречался в гостинице «Эльдорадо». Кто знает, как давно это было...

Военный направился прямо к двери, скрытой за гранатовой портьерой, на которой черным было выткано:

ПРИЕМНАЯ

Он насмешливо ухмыльнулся, обернувшись к пятерым ожидающим, чуть язык им не показал, а они побелели от зависти и покраснели от злости. Военный и его незримый спутник шагнули в приемную, и тут Брока охватила дрожь...

Наконец-то!

Наконец я на пороге разгадки страшной тайны. Еще шаг, и я увижу... Кого?..

Человека? Как же выглядит голова, измыслившая чудовищный Муллер-дом?

Да как бы ни выглядела, я сумею посмотреть ей в глаза!

XXXVIII

Оригинал бога Муллера. Баррикады на 490-м этаже. «...придется уступить еще шестьдесят этажей...» Витек из Витковиц жив! Старик Шварц и его газ. Ночью, когда враг уснет...

Царские покои. На фоне тяжелых черных занавесей на пурпурном троне восседает невероятно тучный человек в безукоризненном темном костюме. Его жирное брюхо покоится на коленях. Лицо круглое, гладкое, мудрое в своей доброте; подбородок украшен окладистой, раздвоенной, как у ветхозаветного бога-отца, бородой. Голубые глаза,

словно лишенные век, пустым взглядом смотрят вперед. Если б не борода – вылитый Будда...

Это был тот самый человек, чье отлитое из золота изображение Петр Брок видел на бирже. И портрет в святилище Муллера наверняка писали с него!

Но в тот же миг Броку стало ясно, что лицо перед ним – неживое. Всего лишь маска со стеклянными глазами. Тело живет, шевелится, дышит, а вот как выглядит лицо, скрытое под маской? Отчего Муллер прячет свой истинный облик? Может, он так ужасен, что никто бы не выдержал его вида? У Брока руки чесались сорвать маску и глянуть на это лицо, каково бы оно ни было!

Однако, внимание! Человек на троне начинает говорить. Его губы едва шевелятся, но голос звучит резко и властно:

– Маршал Грант! Что ты можешь сказать об исчезновении Петра Брока?

Маршал пополз на животе от двери к самому трону. Только здесь он поднялся и униженно-смирненно пролепетал:

– О Повелитель, стражника Аокуна ночью чем-то усыпили...

– Это я знаю, стражник Аокун уже мертв! Но кто посмел...

– О Повелитель, я думаю, этих невидимых дьяволов несколько! Другого объяснения нет!

– Да, если не принимать во внимание халатность стражника! А сражение на лестнице пятьсот пятьдесят пятого этажа, которое ты позорно проиграл, мой маршал?!

– О Повелитель! – воскликнул Грант. – Я не виноват!

Эти бандиты тайком спустились на десять этажей и атаковали нас с тыла!

— Настоящий военачальник не забывает о своем тыле! Осел! Как складывается обстановка на сегодняшний день?

— Они окружили три линии нашей обороны. Нашим солдатам пришлось пробиваться из окружения. Тем не менее потери минимальны — восемьсот убитых, две тысячи раненых, полторы тысячи в плену. Мы отошли на шестьдесят этажей. В четыреста девяностом секторе их продвижение остановлено наскоро сооруженными баррикадами.

— Я видел ваше паническое бегство и всю вашу трусость. Какие трофеи они захватили?

— Почти никаких, о Повелитель! Филиалы складов перед отступлением удалось вовремя эвакуировать...

— Лжешь! — крикнул голос. — Я сам видел амбары, доверху засыпанные зерном, видел штабеля консервных банок, холодильники, набитые мясом, подвалы, полные вина. Все это теперь в их руках. Знаешь ли ты, животное, что через десять дней мы, возможно, ощутим нехватку продовольствия? Ты никогда не испытывал голода? Ничего, испытываешь, в камере обреченных на голодную смерть!

— О Повелитель! — Грант бросился к его ногам. — Дай мне пятьдесят тысяч человек, и я клянусь загнать этих бандитов на крышу. Верну назад каждое зернышко, каждую консервную банку. У меня есть великолепный план! Уступим еще шестьдесят этажей, пусть их армия войдет в Вест-Вестер, пусть упьется там вином и водкой. Сотня этажей, где на каждом шагу кабаки, бары, проститутки, воры и убийцы, охладят их революционный пыл, ржавчиной разъедят их железную дисциплину. А винные погреба

довершат этот гибельный процесс. Ведь их терзает мучительная жажда – вода на исходе. Пленные рассказывают, что они уже мочу пьют и кровь убитых.

– Да, маршал, иной раз голова у тебя неплохо работает, особенно когда со страху штаны обмочишь! Но не забывай, Витек из Витковиц еще жив! Ни один из Вест-Вестерских головорезов с ним не справился. Впрочем, тебя бросят в голодный карцер не раньше, чем мы вернем себе тюрьмы. Так что заботься пока о своем брюхе, копи сало, чтоб было чем питаться! А теперь – вон отсюда!

Маршал Грант побрел прочь, униженный, как потерпевший поражение генерал. За ним вошел старик Шварц. Он тоже пал ниц перед троном и смиренно приложился к левой штанине Муллера.

– Ты звал меня, о Повелитель? – пролепетал он ележным голоском.

– Как тебе известно, твои дружки из «Эльдорадо» с треском провалились. Гипнотизер Мак Досс вообще не вернулся от Витека. Затея Чулкова также окончилась неудачей, хорошо хоть ноги унес. Перкера схватили и в наказание отравили его собственным ядом. У меня в запасе, правда, есть еще Орсаговы бациллы, но Орсаг нужен мне сейчас для другого... Итак, поглядим, на что способен ты! Ты можешь заготовить большое количество своего газа?

– Я выпускаю карманные баллоны, о Повелитель, это доза для одного человека. Я ведь нищий, о Повелитель, нет у меня средств. По доброй воле никому стареть неохота...

– Сколько людей ты можешь состарить одновременно, если будешь выпускать свой СИО большими партиями?

– Весь Муллер-дом, о Повелитель, за одну ночь в богато-дельню превращу, – захихикал старик.

– Я хочу, чтобы ты применил свой СИО против армии рабов на четыреста девяностом этаже. Речь идет примерно о двадцати тысячах молодых рабов. Сколько времени тебе надо для производства необходимого количества газа?

– Двадцать тысяч человек? Восемнадцать тысяч галлонов, восемьдесят шесть мулльдоров. Время роли не играет...

– Значит, завтра?

– Завтра!

– Учти, у рабов есть противогазы – они разворовали наши склады. До сих пор все наши газовые атаки были безуспешны.

– Не велика беда! Пусть наши войска отступят еще на один этаж, а на оставленной территории бросят мехи с газом. Ночью, когда враг уснет...

– Хватит, мастер Шварц! Назначаю тебя главным адъютантом маршала Габлера! Вон!

Старикашка еще раз приложился к левой штанине Муллера, мелкими шажками, руки по швам, попятился и исчез за портьерой.

Его место занял маршал Габлер.

Череп у него был розовый, лысый, словно полированный. Вначале Броку даже показалось, что у этого розового, безупречной формы шара вовсе нет лица. Потом он разглядел по бокам два махоньких уха и, только глянув на Габлера спереди, увидел, что в одном месте идеальная поверхность подпорчена каким-то морщинистым изъёмом. Размером он был с ладонь, но на нем весьма оригиналь-

ным образом разместились крохотные выпуклости и впадины. Что и было лицо Габлера, нового маршала.

— Маршал, — произнес голос, — восемьдесят тысяч человек ждут твоих приказаний.

— О Повелитель!

— Завтра утром к тебе явится твой главный адъютант Шварц.

— О Повелитель!

— Немедленно отправляйся на четыреста девяностый этаж. Войска двинулись по главной лестнице еще ночью. Утром они должны быть на месте! Остальное тебе сообщает Шварц!

— О Повелитель!

— Вон!

XXXIX

Снова Ачорген. Белая пушинка на плече Муллера. Орсак бросается на помощь. Схватка на полу. «Держите его!..»

Только Габлер удалился, как из-за черной портьеры за тронном вышел принц Ачорген.

Брока его появление ничуть не удивило.

Ачорген сумел избавиться от пут и сразу же пришел к своему хозяину. Стало быть, Муллер уже знает об исчезновении принцессы! Поэтому Брокку было до крайности любопытно, что за разговор состоится сейчас между неподвижным Муллером и его коварным секретарем. Вдруг Муллер даже маску снимет, чтобы отдохнуть: ведь от Ачоргена ему наверняка скрывать нечего. Но странное дело! Ачорген молча обошел трон, без малейшего намека на

почтительность поднялся по ступенькам к Муллеру, поправил его руку на подлокотнике трона, смахнул белую пушинку с плеча и разгладил бороду.

Брок опешил от изумления. Неужто в этом надутым мешке нет ни капли крови? Лицо из воска, это сразу видно, но неужто все это — только чучело? Значит, не Муллер?! Так отчего же эти негодяи ему поклоняются?

Где же настоящий Муллер?

Может, его вовсе нет на свете?

А как же голос?

Где горло, в котором он рождается?

Или, может, это и вправду Муллер, только разбитый параличом? Может, все его тело парализовано и работают лишь легкие и сердце? А мозг? А рот?

Брок взбежал по ступеням к трону. Приложил, чтобы удостовериться, руку к левой стороне могучей груди. Сердца не было. Наклонился к губам, сложенным в улыбку. Дыхания — тоже!

И еще одна проверка — булавкой в живот! Если он живой, то взовьется от боли!

Как вдруг — и-и-и-и! — тонко запищала проколота резина.

Муллер на троне начал стремительно худеть. Живот на глазах опадал, головка склонилась набок, маска добродушия вместе с бородой сморщивалась с каждой секундой. В конце концов то, что совсем недавно было человеческой фигурой, превратилось в жалкую кучку черных тряпок.

Принц Ачорген наблюдал за скоропостижной гибелью лже-Муллера с каким-то злорадным удивлением. Но внешне, будто опомнившись, в испуге закричал:

– Он уже здесь!

В ту же секунду сверху грянул голос:

– Орсаг!

Черная портьера раздвинулась, и из ее складок вынырнул слепой Орсаг. Руки он поднял к вискам, линзы таращились, будто глаза хищной птицы. Вероятно, он стоял там наготове бог знает с каких пор... Было ясно, что Брока здесь ждали! Так, может быть, все это просто новая ловушка?

Брок затаил дыхание. Но отскочить в сторону он не успел – в горло ему вцепились острые когти.

– Помогите! – заорал Орсаг, и словно в ответ сверху послышался пронзительный свист. Потом кто-то крикнул:

– Ачорген!

Но принц не пошевелинулся. В безумной схватке не на жизнь, а на смерть участвовали лишь его глаза. Изумленные, недоверчивые, оплетенные сеткой морщин, они все время меняли цвет и выражение.

Брок и Орсаг вначале дрались стоя, потом рухнули на пол. На толстом ковре Орсаг несколько раз перевалился через своего невидимого противника. Брок сумел отодрать руку Орсага от своего горла, но потратил на это столько энергии, что тот придавил его. Отчаянным рывком Брок высвободил руки, зато Орсаг опять вцепился ему в горло. Собрав последние силы, Брок рванулся, выдернул руки из-под колен Орсага и сорвал с его висков коробочки. Что-то лопнуло. Руки на горле Брока мгновенно разжались. Тело Орсага обмякло.

Брок вскочил на ноги. И очень вовремя! Портьера распахнулась – на фоне черного бархата возникли десятки голов в блестящих шлемах.

Петр Брок бросился к двери, слыша за спиной крик:
– Держите его!

Радужный мост под его ногами отозвался отчаянным аккордом. Между пальмами засверкали шлемы, мост не допел еще свой тревожный диссонанс.

Брок прыгнул в лифт и нажал кнопку номер 490.

XL

Петр Брок решает спасти Витековых рабочих от старости. «Напиток победы». Бой на лестнице. Старик Шварц на спине чудища

Да! Прежде всего надо спасти 20 000 молодых революционеров от жуткого призрака преждевременной старости! А Муллер? Никуда он не денется! 100-й этаж! Достаточно нажать белую кнопку – и мгновенно окажешься в радужном дворце, где находится Голос.

Наверх!

Однако на этот раз механизм подъемника испортился. Стены отвратительно скрипели, стрелка на табло дергалась, пол ходил ходуном. У Брока закружилась голова.

Может, опять возвращается сон?

На миг, когда накатила дурнота и все потемнело, лифт обернулся странными носилками, на которых лежал... Петр Брок! Два санитара в белом несли его куда-то, и вообще все вокруг было снежно-белым... Но снег этот, мало-помалу тускнея, становился черным, и вот уже воцарилась тьма. Тьма без мыслей, без чувств, без впечатлений.

Но длилось все это лишь мгновение. Лифт резко дернулся, и Брок пришел в себя. Двери открылись... Это уже четыреста девяностый?

Просторный зал превращен в лагерь. По обеим сторонам длинные ряды палаток, слышатся крики, смех, пение. Всюду толпятся воины в прозрачных островерхих шлемах и черных мундирах. За красными поясами торчат револьверы и кинжалы. Грудь крест-накрест перетянута шнурами, на которых черными шишками висят гранаты.

Одни храпят возле палаток, другие пьют «напиток победы», третьи играют в странную игру – складывают из золотых звездочек роковые созвездия. Охрипшими головами они воспевают легендарные подвиги и сказочные победы божественного воителя Муллера на земле, на морях и на звездах.

Брок обошел несколько рядов – всюду одно и то же: палатки, песни, гранаты на груди и бутылки, призванные разжигать геройство черных вояк.

За проломом в стене виднелась главная лестница. Выглядела она совсем не так, как в тот раз, когда он проснулся на багровом ковре. Ковер исчез, белые ступени в брызгах запекшейся крови. В подсохших кровавых лужах – обрывки бинтов и клочья ваты. На стенах – царапины и следы пуль. Часть мраморных перил сорвана взрывом, электрические лампы под потолком разбиты. Поле недавнего боя освещают мощные прожекторы.

В нестерпимо ярком свете Брок увидел высокую баррикаду, сооруженную из бочек, разбитых ящиков и мешков.

Возле нее было особенно шумно. Толпа наемников окружила неуклюжий, громоздкий аппарат вроде допотопного пожарного насоса. Одни качают помпу, другие наполняют из рукава с металлическим наконечником мехи и

баллоны. На спине этого чудища сидит старик Шварц и, шамкая, отдает распоряжения. Полные сосуды укладывают в бочки и ящики.

Брок сразу все понял: именно здесь Шварц наладил производство своего газа! Здесь наемники спровоцируют наступление рабов, а сами отойдут на один этаж. Рабы захватят эту страшную баррикаду, а потом...

Но ведь он и пришел сюда, чтобы этому помешать!

Предупредить Витека из Витковиц!

Остановить его, пока не поздно!

Петр Брок перелез через баррикаду и зашагал вверх.

Этажом выше чернело другое укрепление. Рабы построили его из железных столбов и балок, гранитных блоков, здоровенных колес и станин от бог знает каких механизмов. Металл и камень сплошь да рядом спеклись воедино. Полурасплавленные, изъеденные плиты свидетельствовали о том, что против баррикады использовали напалм и кислоты.

Как же пройти сквозь страшное спекшееся укрепление? Огонь и тот не справился, а что могу сделать я – голыми руками? Баррикада – до самого потолка!

Но что это? За железной колонной, надвое разрезанной пламенем, прячется маленькая дверца. Она не заперта... За ней – коридорчик, который ведет под стальной панцирь.

Так Петр Брок благополучно оказался в лагере рабов.

Вокруг тьма, озаряемая лишь пламенем факелов. У них нет прожекторов, с сожалением подумал Брок, нет даже лампочек... Однако на лестнице что-то готовится. Факелы деловито снуют вверх и вниз, под ними – багровые пятна человеческих лиц. Тела, одетые в рубище, тонут во мраке.

Брок с трудом пробирался в суматохе факелов. Надо встретиться с Витеком. Но где его найти?..

Лестница кончилась, этаж развалинами стен бежал вдаль. Глаз с трудом привыкает к кровавым языкам факелов, которые, дымясь, капают смолой...

XLI

Пророк № 794. «...и тогда я уничтожу Молоха живого!» Главный штаб. Брок встречается с Витеком из Витковиц. «Отложи наступление до завтрашнего дня...»

Среди опустошения за обвалившейся стеной на груде обломков стоит старик, со всех сторон освещенный языками пламени. Прямо над его головой в потолке зияет дыра, словно в нее только что улетел сам сатана. Старик грозно возвышается над толпой рабов. Он слеп...

Брок вздрогнул. Перед ним был тот самый слепой ветеран № 794, к которому он попал после долгого бесплодного бега по лестнице. В багровом отсвете факелов он как последний апостол, собравший измученную паству в глубине катакомб.

— Десять лет я ждал, — говорит он взволнованно, и слова его жгут огнем, — и вот однажды открылась стена... Человеку не дано пройти этим путем!

Это был Он, долгожданный Освободитель, Несущий свет!

Пришел, чтобы вывести нас из этого ада в тысячу этажей!

Горе тебе, Муллер, тысячу раз горе!

Настал час отмщения!

Восстаньте против него, сбросьте оковы рабства!

Ибо Он сказал: Я снова верну вам солнце и любовь, желания и мечты!

Выведу вас из муллердомовского заточения и отведу в дома ваши!

И еще сказал Он: Я сойду к вам и буду трудиться для вас, чтобы вы могли трудиться для меня!

Из толпы раздался голос:

— Раз он так могуществен, этот твой бог, почему он сам не уничтожит Муллера, чтоб мы смогли войти в Гедонию без кровопролития?

— Труссы! — воскликнул старец. — Разве не сказал Он: ступени озарены будут факелами, а потолки лопнут, как пузыри под ножом!

И будет кровопролитие, какого заезды еще не видавали!

Кровь врагов поднимется выше баррикад и польется по ступеням багровым водопадом...

И снова из толпы слышалось:

— Муллер обещает нам после смерти жизнь на звездах. А что обещает нам в мире ином твой бог?

Старец воздел руку к потолку, откуда сквозь рваную зияющую дыру низвергалась тьма.

— Он сказал: есть ли для вас что-либо хуже и лучше смерти? Доброй и тихой смерти без сновидений, как сон слепого младенца!

В толпе зароптали:

— Зачем думать о смерти, когда нас ждет райская жизнь в Гедонии? Отправим в рабство обожравшихся небожителей вместо себя. А сами будем наслаждаться в раю на земле!

– Горе вам, – вскричал пророк, – если возжаждали вы создать новых кумиров из чрева своего!

Ибо Он сказал: вы войдете в его храмы, опочивальни и трапезные, изгоните лжепророков, и торгашей, и сибаритов, и руки ваши останутся неоскверненными!

Вы свергнете идолов Молоха, и тогда я сам уничтожу Молоха живого!

Многие из слушателей с ропотом отходили от этого пророка, присоединяясь к другой толпе. Там проповедовал иной слепец, возвещавший радости, которые ждут их в райских краях Гедонии.

Брок вместе с несколькими верующими остался возле своего старца, с огромным интересом внимая его пророчествам. Удивительно, до чего же умен этот старик – воспользовался случайной с ним встречей и стал провозвестником новой веры, в помощь Витеку из Витковиц! На миг Брока охватило желание заявить о своем присутствии, подтвердить слова слепого прорицателя. Но он поспешил отогнать эту мысль.

Ведь иначе он замешкается тут, не выполнит вовремя свою миссию, ему давно пора вернуться на сотый этаж и завершить начатое дело.

Таблички со стрелками указали ему путь к штабу. По приставным лестницам он сквозь дыры в потолке поднялся несколькими этажами выше и наконец очутился перед дверью, на которой было написано:

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Он проскользнул внутрь вместе с запыхавшимся связным, который только что откуда-то вернулся.

За дубовым столом вместе со своим штабом сидел Ви-

тек из Витковиц. Перед ним лежала карта военных действий в Муллер-доме.

Это был сухощавый молодой человек с растрепанными, черными как ночь волосами. Серые глаза, бледные, крепко сжатые губы, крупный нос и энергичный, словно высеченный из гранита, подбородок. Он курил одну сигарету за другой, и кончики его пальцев пожелтели от никотина.

— Витек, — воскликнул связной, — пробиться не удалось!

Витек даже бровью не повел. Он склонился над картой — планом 490-го этажа — и в один из квадратов воткнул черный флажок. Там уже чернели три таких флажка...

Связной, с трудом переводя дыхание, продолжал:

— В том месте, где ты указал, рота саперов увязла в песке. Весь подвал под этой опочивальней доверху засыпан песком. А в песке спрятаны мины. Одна из них от удара кирки взорвалась. Двое братьев убито, трое ранено.

Лица сидящих за столом помрачнели.

— Проклятый этаж!

— Это уже в четвертый раз!

— Всюду песок, и только песок.

— Неужели эти негодяи засыпали весь этаж от пола до потолка?

— Похоже, они кое-чему научились, — сказал Витек. — У них во всех помещениях стоит охрана. Как только они слышат удары над головой, мигом поднимают всех по тревоге и засыпают помещение песком, прежде чем мы туда пробьемся.

Вбежал новый связной. Налицо Витека отразилось нетерпеливое ожидание.

– Ну что?

– Песок, – выдохнул связной.

Витек до крови закусил губу. А на карте появился еще один черный флажок.

– Придется сегодня же штурмовать баррикаду, – хмуро сказал он, – другого выхода нет.

Он взял другую карту, длинную и узкую, с изображением вертикального разреза Муллер-дома от основания до самой крыши. Проломы в потолках и главные укрепления на лестнице были обозначены красными флажками.

Военачальники молча склонились над картой, потом заговорили:

– Нелегкая будет работенка!

– А до «Вселенной» еще девяносто восемь этажей!

– Питьевой воды у нас меньше чем на сто сорок четыре часа!

– А вина – на шестьдесят часов!

– А там настанет черед Вест-Вестерской водки!..

– Сонные порошки, дурманные пилюли и кокаин!

– Горе нам!

– Вся надежда на воздушные корабли «Вселенной»!

– Но до них, братишка, аж девяносто восемь этажей!

– Брут, – обратился Витек к одному из генералов, – сегодня ночью ты атакуешь девятую баррикаду. Оборона у черных очень крепкая, потому что они готовятся к наступлению. Пусть пять тысяч человек ждут моего сигнала!

И в этот миг заговорил Петр Брок:

– Витек из Витковиц!

Все повскакали, озираясь по сторонам.

А Брок между тем продолжал:

– Отложи атаку на один день. Если ты начнешь наступление сегодня ночью, то погубишь свою армию!

Витек опомнился первым и крикнул:

– Чей это голос?

Голос представился:

– Я Петр Брок!

– Так, может быть, ты и есть тот самый бог, о котором возвестил пророк номер семьсот девяносто четыре?

– Я не бог. Я пришел предупредить, чтобы ты не начал наступления сегодня ночью.

– Почему?

– Не спрашивай! Поверь мне, и завтра во всем убедишься сам!

– Я верю тебе и сделаю, как ты велишь! Наступление будет отложено...

Брок исчез, покинув изумленных и радостных предводителей восстания.

XLII

Газ из мехов будет уходить потихоньку. Красный треугольник. Тоска старика Шварца. Прежде чем постареть... Кнопка 100

Всюду на пути Брока восставшие рабы готовятся ко сну. Главная лестница освещена одним-единственным факелом. Брок быстро проскользнул в дверь в железной баррикаде. Несколько прыжков – и перед ним неприятельские укрепления. Он бесшумно перебрался на ту сторону.

В золотистом конусе света от прожектора сидят на ящиках два человека. Один из них, молодой, смотрит на баррикаду. Второй самодовольно улыбается всеми своими

морщинами. Это Шварц.

– Сегодня я могу спать спокойно, – прошамкал он, трясая сморщенной головенкой. – Если они что предпримут, пальцем раз-другой для отвода глаз: вот, мол, как мы сопротивляемся, будто детишек своих защищаем. А потом будем «вынуждены» отступить этажом ниже. Они же тем временем расползутся здесь как вши...

– А вдруг они обнаружат бочонки с вашим газом? Что тогда?

– Не обнаружат, мой мальчик, не обнаружат... Бочонки наполнены винцом, а мехи плавают в вине, и газ будет из них потихоньку уходить... Таких бочонков «на всякий случай» там полным-полно, с виду безобидных, как дитя в пеленочках. Настоящие же газовые бочонки помечены красными треугольниками и стоят в углах. По сигналу...

– Ты, дед, все это здорово придумал, но что, если эти пролетарии улягутся далеко от твоих бочонков?

– Не беспокойся, желторотик, я и это учел... еще до того, как ты на свет божий появился. Они расположатся, как и мы, в районе лестницы! Витек будет держать их возле себя, чтобы они не загуляли по трактирам да барам, смекаешь теперь, несмышлениш?

– А вдруг они устрелятся за нами на лифте?

– Не плачь, мой маленький, это у тебя зубки режутся, сейчас я тебе пеленочку переменю... Если б управление лифтом было в их руках, они бы давно шастали отдыхать в Гедонию!.. Пеленочку намочил, бедненький мой...

Беззубый рот Шварца разинулся в долгом зевке.

Этим воспользовался Брок. Схватил ком ваты и заткнул им черный провал стариковского рта.

В следующую секунду он рассчитался с любопытным «ребеночком». Не успел тот опомниться, как Брок саданул его кулаком в висок. Парень так и покатился куда-то в темноту.

Между тем старый маразматик хотел было удрать от Брока, да с какой прытью! Но Брок поймал его за ногу и дернул назад. А затем надежно связал длинной веревкой.

– Не беспокойся, дед, – прошептал он прямо в испуганные глазки Шварца, – тебе СИО уже не повредит... Или боишься постареть еще на сто лет?

После этого с помощью кляпа и веревки Брок скрутил и его напарника. А покончив с обоими, осторожно подобрался к палаткам.

Лагерь спал.

Со скучающими часовыми Брок расправился быстро и ловко. И сразу же увидел бочонки, помеченные красными треугольниками. Из-под них торчали резиновые шланги, стянутые веревкой. Брок торопливо принялся их развязывать.

Когда он возился с последним бочонком, у него внезапно закружилась голова. Мозг, точно бритвой, резануло багровым треугольником. Брок чувствовал, что теряет сознание. Напрягая силы, сумел-таки взять себя в руки.

Прочь, прочь отсюда, пока я не состарился!

Шатаясь, он двинулся вперед.

Еще три шага – и лифт!

Еще шаг – и я упаду! В последнюю секунду, когда багровый треугольник терзал рассудок невыносимой болью, Брок ввалился в лифт.

Кнопка 100! 100! 100!

Брок рухнул на пол...

XLIII

100-й этаж. «Тебя обманули, Морская Чайка!» Прежде всего отыскать Мумера. Телохранители Огисфера Муллера. Его библиотека

Ему чудилось, что он лежит на прохладных простынях и смотрит в потолок. Потолок сплошь белый, только посередине – красный треугольник. Бессмысленный, невыносимо багровый, он давит на мозг, вызывая ужасную боль. Словно в этом треугольнике есть отверстие и кто-то стремится втиснуть в это отверстие его череп. О, если б не этот треугольник! Как бы здесь было хорошо! Потолок белеет, точно сахар, даже во рту сладко становится. Уснувшим бутоном водяной лилии с него свисает матовая лампочка.

И вдруг – толчок!

Что случилось?

Ах да! 100-й этаж!

Открытая дверь лифта, пальмовая роща, мелодичная радуга моста.

Брок хотел перебежать по нему, но вовремя спохватился.

Нельзя!

Ведь он выдаст себя.

Муллер сразу поймет, что незванный гость хочет проникнуть в его святилище. Ведь это не мост, это арфа, на которой должен сыграть мелодию каждый входящий во дворец Муллера!..

Остается только ждать, чтобы слить свои шаги с другими, которые тоже направятся сюда.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, и среди пальм показался... лорд Гумперлинк! Да-да, он самый, Морская Чайка! Его Брок ожидал увидеть меньше всего! Откуда он взялся? Воспоминание о принцессе обожгло сыщика огнем. Что с ней случилось?

Лорд Гумперлинк без колебаний вступил на мостик. Следом за ним, нога в ногу, двинулся Брок. Мост отозвался грустной мелодией, которая затихла, только когда они остановились у ворот дворца.

Морская Чайка с наслаждением принял все процедуры, предваряющие аудиенцию. В белом одеянии римских патрициев он явился перед идолом.

Дутый Муллер с расчесанной окладистой раздвоенной бородой опять восседал на своем троне, разложив на коленях живот, на лице его снова застыла улыбка.

— О Повелитель! — воскликнул Гумперлинк, касаясь лбом ковра. — Я исполнил твой приказ!

— Какой приказ? — донеслось как бы изнутри фигуры.

— Отвез принцессу Тамару обратно на родину!

Брок с облегчением вздохнул.

— Это я тебе приказал?! — прогремело по залу.

— Я повиновался твоему голосу, о Повелитель!

Морская Чайка коротко рассказал, как его разбудили, как он вначале не поверил и с револьвером в руках бросился к дверям, но потом подчинился, убедившись, что голос звучит с потолка.

— Тебя обманули! — злобно прошипел идол. — Обвели вокруг пальца, как мальчишку! Осел ты, а не Морская Чайка! Ты внял голосу не моему, а дьявола! Немедленно назад! Подними по тревоге весь флот! Он к твоим услу-

гам! Но без принцессы не возвращайся! Вон!

Лорд Гумперлинк исчез. В зале остался один Брок. Теперь надо действовать быстро, ибо его принцессе грозит опасность...

Скорее, скорее покончить с этим делом!

Прежде всего надо отыскать Муллера!

Обшарить весь дворец!

Все залы, все ниши осмотреть, простучать все стены, полы, потолки...

Крадучись, он подошел к черной портьере за тронном. Отвел ее и увидел стеклянную стену, разделяющую тронный зал на две половины. Брок проскользнул в скрипнувшую дверь на ту сторону. До чего же вторая половина зала не похожа на первую с ее сверкающим тронном!

Среди чудовищного беспорядка, как бы в минуту затишья между попойками, здесь валялось с десятков мужчин — этаких полураздетых здоровяков-римлян с мускулистыми, гладко выбритыми лицами. Их прозрачные непробиваемые шлемы и панцири разбросаны тут же, между матрацами, на которых они спят.

Телохранители Огисфера Муллера!

Брок на цыпочках прошел мимо... Длинный, узкий коридор, винтовая лестница и снова дверь:

БИБЛИОТЕКА

Стены от пола и до потолка заставлены всевозможными книгами. Некоторые из них толсты, как стволы вековых дубов, и из-за нелепой своей толщины фактически перестали уже быть книгами.

Библиотека Муллера!

Значит, и сам Муллер должен быть где-то поблизости.

Брок просмотрел книги, лежащие на столе.

«ГИМНЫ И ОДЫ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНОГО МУЛЛЕРА».

«МОЛИТВЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ВСЕВЫШНЕМУ МУЛЛЕРУ».

«О ТОМ, КАК ОГИСФЕР МУЛЛЕР ПОКОРИЛ МИР. ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ».

«ЗВЕЗДНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ».

«РАЙ И АД ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«ТЫСЯЧА ЛИЦ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«КАК СТРОИЛСЯ МУЛЛЕР-ДОМ»

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЛЛЕР-ДОМУ».

«ГЕДОНΙΑ И ЕЕ УСЛАДЫ».

«О ЗЕМНЫХ СТРАСТЯХ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. КАК ОН ЛЮБИЛ ВЕСЬ МИР».

«ОГИСФЕР МУЛЛЕР. БОГ И ЧЕЛОВЕК. ФИЛОСОФСКАЯ СЕРИЯ».

Брок понял: великое множество всех этих книг посвящены одному – культу сей загадочной личности. Чем ближе к Муллеру, тем сильнее разгорается любопытство Брока. Как же он выглядит? Кто он?

XLIV

Как мучить цветы. Огисфер Муллер забавляется в детской. Сокровищница. Маски из человеческой кожи. Орангутанг!

Следующая комната – стеклянные витрины, в них серебристые модели странных, не виданных Броком аппаратов и приборов. Может, это созданные изощренным умом орудия пыток? Судя по форме, некоторые из этих орудий предназначены скорее для мучений животных, птиц, насекомых, но не людей.

На столе в вазе с желтой вонючей жидкостью – почерневшая гроздь сирени. Рядом книга в пергаментном пере-

плете:

Огисфер Муллер. КАК МУЧИТЬ ЦВЕТЫ.

Брок наугад раскрывает пухлый том:

Как замучить розу

Расцветишую розу надо отжечь от куста.

При этом ствол следует держать в огне до тех пор, пока стебель розы не отвалится.

Затем ободрать стебель до самого цветка и поставить в вазу с кипятком. С помощью стеклянного змеевика накапать в вазу концентрированный раствор серной кислоты. На ароматометре проследить за стремительным взлетом кривой запаха и ее резким спадом. Подключив ароматофон, вы услышите тихий стон царицы цветов. Она побледнеет, потом посинеет и внезапно опадет.

Пестик надлежит вырезать...

Так вот, значит, какова душа Огисфера Муллера! Что же это – безумие или патологическая извращенность? Смотрите – белая лилия в вазе поражена черными пятнами. Хризантема задохнулась под стеклянным колпаком от паров никотина! Алый пион, пестик которого проткнут отравленной иглой, гибнет в сосуде со спиртом.

Впрочем, глумление над цветами свидетельствует лишь об инфантилизме извращенного кретина! Но другие странные предметы, о чудовищном назначении которых лишь догадываться, не являются ли они орудиями пыток живых существ?

Покинув эту жуткую комнату, Брок замер в изумлении

– он стоял на пороге... детской!

Какой невероятный контраст! Тихий, волшебный уют ребячьих грез! Детская кроватка... На пестром ковре – широкий круг железной дороги, у жестяного перрона стоит длинный поезд. Есть тут и тоннель, и мост, и стрелки. Чуть дальше разбросаны строительные кубики, из которых кто-то начал возводить храм и бросил – вечером закончит... Рядом – красный волшебный фонарь с диапозитивами. Детская типография, на клочке бумаги оттиснуто сначала четко, а потом все бледнее – Огисфер Муллер... Огисфер Муллер... Огисфер Муллер...

Неужели у этого проклятого тирана и инквизитора есть сын по имени Огисфер? Или в силу какой-то невероятной сентиментальности он увековечил здесь воспоминания своего детства? Может, он сам заводит игрушечный поезд и смотрит диапозитивы?

А что же находится рядом с детской? Гостиная со швейной машинкой и семейными портретами, спальня или кухня с плитой и полкой, уставленной белой посудой?

Комната была красная и совершенно пустая. Лишь посредине на круглом столике – хрустальная чаша с прозрачной жидкостью. В ней плавает человеческое сердце...

Следующая комната – синяя. И опять хрустальный сосуд с водой, в которую погружены два голубых человеческих глаза.

Но Брок уже ничему не удивлялся. Он быстро шагнул из одной комнаты в другую, пока не очутился в душном помещении, где металась, жалобно мяукая и завывая, чуть не сотня черных кошек. Из этого кошачьего царства он попал в роскошный зал, полный несметных сокровищ.

Купленные, украденные и полученные в заклад короны царей и императоров, золотые скипетры и державы, церковные дароносицы, облачения из Ватикана, из буддийских храмов, из пещерного святилища далай-ламы.

Оправленные в золото бриллианты величиной с гусиное яйцо украшают рамы полотен старых мастеров, свезенных сюда из прославленных музеев разоренной Европы.

Слитки золота, платины, солиума и радия.

Кучи перстней, цепочек, ожерелий осыпаются, перемешиваясь друг с другом.

Бочонок, полный золотых часов!

Ящик серег!

Шпалера сундуков с золотыми монетами всех стран мира...

Посреди зала темнела круглая дыра, обнесенная перилами. Чтобы прикинуть ее глубину, Брок швырнул туда золотой слиток. Потом долго считал и прислушивался — тщетно!

Осмотревшись, он заметил у края колодца электрический выключатель, повернул его, и ствол колодца осветился до самого дна. Брок понял, это вход в гигантскую шахту глубиной сто этажей, служащую фундаментом Муллер-дома. А комната, где он стоит, — сокровищница, в которой Муллер хранит найденное в разных концах света...

Из золотой кладовой Брок прошел в гардеробную.

Многоэтажные вешалки, забитые разнообразнейшей одеждой. Новенькие генеральские мундиры, безукоризненные костюмы биржевиков, рясы монахов и епископ-

ские ризы, матросская тельняшка, широкополые ковбойские шляпы, цилиндры, кепки апашей, залатанное тряпье нищих и белые балахоны призраков. Но вот что странно: все это сшито на человека малорослого, узкоплечего, коротконового. У некоторых костюмов были широченные накладные плечи, у других – накладной ватный живот. Брок углядел даже пиджак с фальшивым горбом.

Угол ошетинился деревянными, инкрустированными серебром палками, кнутами, плетками, арапниками, тростями с потайными кинжалами, епископскими посохами и клюками юродивых. В ларях сложены трубки, очки, вставные челюсти, искусственные уши, носы, парики, резиновые конечности с пружинными механизмами.

Но самое жуткое – шеренга голов-болванок, на которые натянуты человеческие лица: специально обработанная кожа снята вместе с усами и бровями. Упругие, словно резиновые маски: стоит их натянуть, и создается полная иллюзия нового лица...

О, сколько возможностей для виртуозных метаморфоз! Давно умершее лицо надеть, как шляпу! Понятно теперь, господин Муллер, почему в тебе сам черт не разберется! Бродишь по своим этажам то генералом, то безногим калекой, то грузным биржевиком с золотой цепью на животе, то горбатым шутом – но кто же ты все-таки есть?

На пороге следующей комнаты Брок замер.

В открытой ржавой клетке раскинуло узловатые руки-ветви сухое дерево. На одном суку раскачивалось уродливое страшилище – орангутанг!

Брок отступил назад, решив, что обезьяна заметила его: когда он появился в дверях, животное ощерило зубы.

Но после нескольких попыток он вновь осмелел и на цыпочках прокрался под самым оскалом клыков.

Наконец пальцы его коснулись ручки следующей двери

Очень осторожно, потихоньку, медленно-медленно приоткрыл дверь, скользнул в образовавшуюся щель и так же бес шумно затворил дверь за собой.

XLV

*Машина всеведения. Да, это Он! Вот его голова – рукой подать.
Голос биржи*

Брок осмотрелся.

Огромная, немыслимо сложная машина высилась полукругом напротив двери, занимая всю стену зала. При виде ее Брока бросило в дрожь. Беспорядочное на первый взгляд переплетение спиралей, проволочек, звончков, кнопок, трубочек и фосфоресцирующих указателей соединялось в какое-то жуткое сооружение, напоминающее живой организм – нутро ожившего универсального робота...

Неоглядный ряд клавиш, словно бесконечное пианино. Клавиши неодинакового размера, с закругленными концами – ни дать, ни взять – хрупкие девичьи пальцы с ухоженными ноготками.

Как похоже на стеклянный орган, подумал Брок, глядя на несчетные прозрачные трубки, в начале ряда маленькие и тонкие, в конце – большие и толстые. Повсюду, повсюду причудливые детали в безумном тысячекратном повторе. Тысяча клавиш, тысяча звончков, тысяча лампочек, тысяча выпуклых глазков, изредка подмигивающих холодными зелеными огоньками – будто кошачьи зрачки шлют

в ночи загадочные сигналы.

В сердце этой чудовищной машины, подобной исплинскому алтарю злобного языческого божества поблескивает белый диск – как огромная облатка в дарохранильнице. Под диском расположена чаша громкоговорителя из какого-то отполированного материала.

Перед алтарем в глубоком кресле кто-то сидит спиной к Броку. Виден лишь рыжий чуб, языком пламени торчащий над спинкой кресла.

Брок затаил дыхание.

Это и есть Муллер?

Низенький, тщедушный, он совсем утонул в кожаном кресле. И похож скорее на рыженькую девчонку – из-за спинки даже головы не видно...

Брок, бесшумно ступая, обошел кресло. И увидел маленького, сухонького уродца в ярко-зеленом халате. Дряблые щеки его обвисли безобразными складками. Вывернутая нижняя губа – черная и сухая до самых десен. А от нее росла рыжая борода, которая разветвлялась внизу на две жидкие прядки, достигающие до самых колен.

Зато нос – гордая линия орлиного клюва! Блистательный излом раковины! Твердый, суровый изгиб! Свидетельство высокомерия, мизантропии, жестокости и стремления покорить мир!

Огисфер Муллер!

Да, это он! Этот смешной, желчный коротышка, живо, как в могиле, погребенный в глубинах кресла.

Волосатые уши с серыми мочками – неужели это и есть те уши, страшась которых умолкает любой голос в Муллер-доме?

А ядовито-зеленые, слезящиеся, бегающие глазенки в рамке морщин – неужели это и есть те всевидящие очи, которые замечают разом все, что творится в сотнях тысяч комнат на тысяче этажей?

А это та самая голова, что породила чудовищный замысел создать на земле ад и рай?.. Вон она, рукой подать, и я могу раскроить этот череп, убить живущее в нем страшное безумие, разбить его на тысячу кусков!

Муллеру захотелось чихнуть. Он поднял руку к носу и прикрыл его ладонью. Брок ждет, что будет дальше, и с изумлением видит, что нос, блистательный орлиный нос остался у Муллера в руке! А вместо него на лице объявилось нечто короткое, вздернутое, без всякого намека на переносицу – две круглые дырки в пуговице, прилепленной между щек. Теперь Брок узнал это лицо: он видел его в окошке наверху, когда почти без сознания лежал в зеркальном зале...

Орлиный нос вернулся на старое место.

Но почему эти слезящиеся зеленые глаза, как бы вклеенные в рамку морщин, почему они так пристально всматриваются в блестящий диск?

Что это такое?

Зеркало?

Да, зеркало, только очень странное. В его серебристо-прозрачной глубине не отражается ни один из предметов, находящихся в этой комнате.

Зеркало пусто!

Гладкая серебристая глубина, и больше ничего...

Однако же внезапно эта непроглядная серебристая глубь словно бы обмелела, потемнела, и Брок смутно раз-

личил какое-то движение; так и кажется, что смотришь в мощное увеличительное стекло на муравейник. Потом кишачая масса приблизилась, распалась на отдельные элементы, приобрела четкие очертания.

От неожиданности Брок чуть не вскрикнул: биржа!

Да, так выглядела биржа с птичьего полета.

Брок вспомнил про стеклянное окно в потолке...

Он видел биржу с прозрачной статуей Атланта, с муравейником черных цилиндров.

Человек в кресле нажал на что-то своими костлявыми пальцами.

Послышался душераздирающий звук, напоминающий вопли мартовских котов. Потом все стихло, и чаша в центре алтаря заговорила.

Брок тотчас узнал голос биржи.

Невнятица таинственных шепотов, шагов, возбужденных восклицаний сливается воедино с коловращеньем фраков, цилиндров, лиц...

Но пальцы Муллера снова касаются клавиш, глухой шум рассыпается на отдельные звуки, среди которых четко выделяются два писклявых голоса:

— Купил?

— Я понес убыток!

— Скверные времена!

— Муллдор падает...

— Сколько?

— Двадцать пять!

— Ого-го!

— Тс-с-с!

Их сменяет другая пара:

- А теперь что?
- Девяносто девять!
- А завтра?
- КАВАЙ...
- Проклятый голос!
- Удрал!
- Убил Орсага!
- Глаза ему вырвал!
- Кто?
- Голос!
- А Великий Муллер?
- Тс-с-с!

И еще один диалог:

- Курс белых падает...
- Принцесса сбежала!
- Он ее похитил...
- Кто?
- Голос!
- А наш повелитель и кормилец?
- Хватит этого слащавого елея!
- Конец близок!
- Тс-с-с!
- Чего бояться? Приидет нечто большее, чем Муллер!
- Тайна «Вселенной» раскрыта!
- С бога сорвали маску!
- На бирже крах!
- Ну так кто победил?
- Тс-с-с!!
- Хватит вам шикать!
- Муллер погибнет! – А кто победит?..

– Он!

– Голос!

XLVI

*«Герр Эрлеба!» Речь держит горбун. «...побыл ослом – и будет!»
«Арестовать Чулкова!» Будто линияла целая собачья свора. «Смерть
паразитам!»*

В этот миг Огисфер Мюллер приподнялся с кресла и нехотя взял на клавиатуре аккорд, который ему, похоже, давно опротивел. А затем с ледяным спокойствием крикнул в хрустальную чашу:

– Герр Эрлебах!

В серебристом диске на фоне черно-белой мозаики фраков и манишек появилась бледная, перекошенная от ужаса физиономия.

– Герр Эрлебах!

Человек пал ниц, воздев руки.

– Пощады! Пощады! – взмолилась чаша. Но Огисфер Мюллер процедил с непоколебимым спокойствием:

– Герр Эрлебах! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Диск подернулся беловатой пеленой и снова стал ясным и прозрачным. Серебристая глубина стремительно пошла на убыль, и вот уже на экране – гостиница-трактир «Эльдорадо». Под матовыми лампами в виде черепов за дубовым столом собралась компания авантюристов; об их ремесле Брок узнал тогда, побывав в Вест-Вестере. Когда же это было? Сколько времени минуло с тех пор?

Из знакомых здесь – горбун Чулков, безрукий убийца Гарпона да еще великан, поймавший Брока в сети, и раз-

жалованный, оскорбленный маршал Грант, который, судя по всему, вполне приспособился к новому окружению и не выделялся ни манерой говорить, ни одеждой, ни поведением

Речь держал горбун:

— Ну кто же из вас его поймает? Ко-ко-ко-ко... Может, ты, Гарпона, прикончишь его голыми ногами? Или ты, секретарь, дашь ему понюхать Шварцеву розу, напоенную старостью? Ла-ла-ла-ла! А на что годишься ты, Мурно, со своим любовным напитком? Тебе известно, сколько ему лет? Ты хочешь, чтобы он сгорел от любви к принцессе Тамаре? Ме-е-е! Все вы остались в дураках с вашими газами, порошками и пилюлями! Кто из вас его поймает? Ме-е-е!

— Он — не человек!

— Он бог!

— Бог не позволил бы себя поймать в сети!

— Нет бога, кроме Муллера!

— Значит, дьявол сильнее!

— Сильнее Муллера?

— Тс-с-с?

Все за столом как по команде приложили палец к губам. Но горбун знай себе кричал:

— Труссы! Неужели вы еще не поняли! Кто бы он ни был — бог, человек или ничто, но он сильнее и могущественнее нашего Муллера! А потому, пока не поздно, давайте играть в открытую! Перейдем на сторону сильнейшего! К черту Муллера!

Огисфер Муллер снова привстал в кресле. Взял на длиннущей клавиатуре несколько безмолвных аккордов и

наклонился к хрустальной чаше.

— Сударь Чулков!

Вся пятеро выскочили из-за стола, волосы у них встали дыбом, физиономии перекошились от ужаса.

Один Чулков остался на месте. Лишь резко отодвинулся от стола, так что стул жалобно закрипел. Потом схватил стакан и с размаху швырнул его в потолок. Все вокруг неотрывно смотрели на него, то ли с тупым изумлением, то ли злорадно

Петр Брок ждал, что человек в кресле расвиореет, разнесет комнату в пух и прах, а голос его засвистит от злобы, как пуля.

Но ничего подобного не случилось. Такое впечатление, что у коротышки в кресле вообще нет ни нервов, ни гнева. Нечеловечески бесстрастным, почти сонным голосом он обронил в микрофон

— Сударь Чулков! Десяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Брок пристально следил за дрожащим от ярости горбуном, который треснул кулаком по столу и строптиво взвизгнул в потолок

— Не пойду, никуда не пойду! Я много сделал для тебя, благодетель! Ме-е-е! Но теперь и пальцем ради тебя не пошевелю! Я убрал старика Галию, а чем ты меня отблагодарил? Пятьдесят тысяч звезд, конечно, подарок божественный — кукареку! — каждый вечер я смотрю на них и лопаюсь от злости! Даже в Гедонию ты меня не пустил, отче небесный, обещал, а не пустил! Только я туда все равно попаду, вонючка проклятая, и катись ты со своими звездами куда подальше, смотреть на них я и без тебя могу, когда мне заблагорассудится! Расплачивайся звездами с

другими идиотами, рыжий дьявол, а с меня хватит, побыл ослом – и будет! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Расхрабрившийся горбун, вероятно, еще долго угрожал потолку, но Муллер, пробежав пальцами по клавишам, остановил поток его красноречия, и кичливый горб исчез, стертый туманной пеленой.

На экране возникла подобострастная фигура полицейского инспектора. Муллер продиктовал:

– Этаж четыреста одиннадцатый – Вест-Вестер, гостиница «Эльдорадо»! Арестовать сударя Чулкова! Поместить его в Красных зеркалах, девяносто пять, шестьдесят четыре, семь!

Полицейский тоже растворился в тумане. Огисфер Муллер опять нажал на клавиши. Из стеклянного органа слышались тягучие, жалобные вопли, будто младенцы скулят. Впрочем, точно так же завывали черные кошки в одной из пройденных Брокком комнат. Может быть, и правда есть какая-то связь между сластолюбивыми кошками и этим сатанинским алтарем? Ряды круглых зеленых глазков машины горят, словно тысячи кошек смотрят из темноты...

Кошачий концерт внезапно оборвался, и диск мало-помалу посветлел. Брок увидел с птичьего полета военный лагерь. На экране медленно разворачивалась панорама боя. Вот баррикада революционеров, вот «ничейная земля», укрепления наемников и, наконец, их бивак.

На лице Муллера появилось выражение беспокойства. Хрустальное жерло заговорило огнем и дымом взрывов! Огромный зрачок наблюдает отчаянную атаку восставших на предательскую баррикаду. На деревянной стене из

ящиков и бочек вдруг распустились тысячи голубых огоньков. Пылающая смола потоками стекает по деревянным сооружениям. Из шлангов вырываются струи кипятка.

Но странное дело – баррикада мертва! Никто не карабкается на ее вершину, не размахивает среди огня флагом смерти! Даже смешно – отчаянный штурм безлюдной баррикады. Восставшие в слепой ярости рвутся вперед, в огне и грохоте им чудится черный ангел, опоясанный красным кушаком, но его нет!

Брок с таким же напряжением, как и Муллер, следит за лихой атакой. И вот баррикада взята.

Но что это?

Толпы старых хрычей, подняв руки, жмутся по углам. А захваченный лагерь – какая же плачевная картина полнейшего бессилия! Всюду запавшие рты, костлявые подбородки, согнутые спины!

Армия плешивых, беззубых, морщинистых, как сушеные грибы, стариков елозит на коленях перед изумленными победителями, а те топчут ногами клочья выпавших волос, будто здесь линяла целая собачья свора. В довершение всего кругом, точно драконье семя, рассыпаны почерневшие зубы.

Из громкоговорителя несутся крики ликования и восторга:

– Это Он! Он!

– Петр Брок!

– Сыщик!

– Бог!

– Тот, о котором возвестил пророк!

- Наш новый бог!
- Он сотворил чудо!
- Он с нами!
- Он!
- Бог и сыщик!
- Тише! Тише!

Над опадающей волной криков поднялся громовой голос.

- Все за мной!
 - Лестница свободна!
- И снова крики:
- Победа!
 - Вперед!
 - Смерть паразитам!

XLVII

Генерал Окс. «...ловушка за ловушку!» Муллер предлагает Броку стать живым богом в Муллер-доме. «Вот мой ответ!» Брок погребен...

Вот когда Огисфер Муллер не выдержал, вскочил с кресла и обоими кулаками ударил по клавиатуре, правда с краю.

Засверкали зеленые зрачки, и уши Брока резанул пронзительный кошачий концерт. А на экране меж тем появился новый огромный лагерь, полный молодых, здоровых солдат.

Огисфер Муллер решил ввести в бой резервные силы! Закрывать брешь и остановить победное наступление рабов.

Пришло время сорвать планы Муллера. Теперь Брок знал все, что ему нужно. Он проник в тайну всеведения

Муллера, пора...

Огисфер Муллер нагнулся к чаше, собираясь отдать приказ войску. Но тут Брок ухватил его за бороду и рванул назад,

Муллер вцепился ему в руку и так заорал, что Брок от испуга выпустил бороду. Рыжий карлик вдруг как сумасшедший запрыгал по залу; эти безумные скачки выглядели настолько жутко и до омерзения карикатурно, что Брок охватил ужас. Он пристально следил за прыжками и, когда Муллер приблизился к машине, выхватил нож.

– Прочь, – крикнул он, – прочь от машины! Или ты умрешь!

– Умру! – расхохотался Муллер. – Только тронь меня, и ты погибнешь вместе со мной! Весь Муллер-дом рухнет! – Он ударил руками по клавишам, словно желая призвать на помощь ад!

Брок опустил руку с ножом: на экране снова замелькали картины. По лестнице стремглав мчится вниз армия рабов. Над головами, вскруженными легкой победой, вьется обагренный кровью флаг, словно плащ мученика, истерзанного ножевыми ранами.

Этаж за этажом несется вниз лавина восставших, без отдыха, без остановки, не встречая сопротивления. И это падение лавины на экране сопровождается гробовым молчанием хрустального динамика.

Муллер несколько мгновений смотрит на эти кадры, потом с проклятьем бьет по клавишам. И опять на экране – веселая суета лагеря резервистов.

Пальцы Муллера лихорадочно забегали по клавишам. И вдруг он закричал:

– Генерал Окс!

Но Брок успел оторвать его от микрофона, немилосердно дернув за бороду – едва не выдрал! Дальнейшее заняло буквально какую-то долю секунду: Брок продел концы бородавки под подлокотники и накрепко связал их морским узлом.

Огисфер Муллер взвился и заметался, точно мерзкая саранча, которой прищемили усики. Он как бешеный рвался из позорной ловушки обезумев от злости, – Брок даже испугался, глядя, как Муллер грызет и рвет собственную бороду, пытаясь выдрать ее вместе с кожей.

Наконец ему удалось перегрызть рыжую косицу у самого узла. Он медленно выпрямился, но странное дело – присмирел, как мальчишка после взбучки.

Между тем Брок удобно расположился в кресле Муллера и произнес, глядя ему прямо в глаза:

– Ну что же, господин Муллер, – око за око, ловушка за ловушку! Ты не явился на свидание в комнату номер девяносто девять, пришлось мне самому прийти сюда, чтобы поговорить с тобой!

Трудно было понять, что выражала в этот миг уродливая физиономия Огисфера Муллера. Но его рука в широком рукаве халата, словно сухая тычинка в увядшем цветке, жестом указать на кресло:

– Сядь, Петр Брок!

– Я уже и так сижу, – улыбнулся Брок. – Ты хочешь мне что-то сказать?

– Петр Брок, я признаю твою силу и могущество, ибо ты невидим. Человек ты или нет, но ты столь же неодолим, как я. Итак, Петр Брок, Огисфер Муллер предлагает

тебе мир и дружбу. Конечно, на определенных условиях, которые мы оба поклянемся соблюдать. У тебя своя тайна, у меня своя. Моя тайна – это Муллер-дом! Я знаю, как ты блуждал в нем! Мне известен каждый твой шаг в моей империи. Я твердо знаю: ты не бог. Я поймал тебя сетью великана Мастича! Боги так не поступают, не удирают, не скрываются... Так что ты не бог, но я могу сделать тебя богом!.. Слышишь, Петр Брок?! Я предлагаю тебе стать богом в Муллер-доме! Богом моего мира! Я буду властелином, а ты – богом! Я поделюсь с тобой властью, отдам тебе половину моих сокровищ. И если ты будешь мне верен, я добьюсь еще большего! Рука об руку мы будем строить Муллер-дом, выше и выше, без конца, до самого неба, всем наперекор!

Муллер протянул руку по направлению к креслу.

– Согласен?

Брок плюнул в нее.

– Вот мой ответ!

Муллер вытер ладонь краем халата и сказал со злобным спокойствием:

– Петр Брок! Берегись! Я знаю, как ты проснулся на лестнице! Я подслушал твой разговор с номером семьсот девяносто четыре! И знаю куда больше, чем сказал тебе! Если тебе известна тайна «Вселенной», то мне известна тайна твоих снов! Ты не бог, ты отвратительный, кошмарный сон и принимаешь этот сон за действительность! Ну что, Петр Брок, ты все еще намерен тягаться с Огисфером Муллером? Будешь молчать, и я промолчу... Смотри!

И Огисфер Муллер показал ему левую ладонь.

От ужаса у Брока потемнело в глазах

Он увидел багровый треугольник...

Быстро закрыл глаза, но было уже поздно... Треугольник проник в мозг и острые углы его вонзались в затылок и в виски.

Еще на секунду Брок пришел в себя. И увидел Муллера, который снова сидел в кресле и вопил в чашу:

– Генерал Окс! Генерал Окс!

Брок стиснул пальцами рукоятку ножа. Сил у него оставалось на одно-единственное движение!

Он коротко размахнулся и ударил сверху вниз. Лезвие ножа вошло Муллеру в спину и проникло в сердце.

Где-то в немыслимой глубине раздался чудовищный оглушительный грохот, будто луна сорвалась с орбиты и врезалась в землю. Стены, пол и потолок начали заваливаться набок. Вещи покатились с пола на стену. Алтарь рухнул на Брока. Металлическая клавиатура всей тяжестью навалилась на череп.

Короткий удар боли – и ничто. Ничто без цвета, без формы...

XLVIII

*Багровый треугольник остался на потолке. «Ну, будь здоров!»
Сон про тысячу этажей*

Никому не известно, как долго Петр Брок пребывал в объятиях смерти, настигшей его под стальной машиной перевернутого органа Огисфера Муллера. Однако случилось так, что безымянный человек, пробудившийся в начале этого рассказа на лестнице, открыл наконец глаза и увидел потолок, сияющий чистой, ангельской белизной.

А посредине этой чудесной белизны алеет треугольник! Человек испуганно вздрагивает и жмурит глаза! Но странное дело, треугольник остается на потолке и никакой боли ему не причиняет, не давит, не вонзается в виски. Медленно, очень медленно человек разлепил веки и сквозь ресницы взгляделся в треугольник. Знак действительно нарисован на потолке, прочно сидит на своем месте и вовсе не думает нападать. И он с удовольствием смотрит на треугольник, наслаждаясь его совершенной, строгой простотой.

Потом послышался голос:

– Смотрите, проснулся...

Он удивленно повернул голову и замер.

Перед ним человеческие лица! Настоящие, живые, из плоти и крови, с добрыми улыбками, губы у них шевелятся, веки моргают.

Очки на носу, седая бородка – наверное доктор. А рядом – молодые, светлые, ясные улыбки, лица в белых козынках.

Это сестры милосердия, ведь на груди у них красные кресты. Много, много прекрасных лиц обступили его постель.

Седобородый врач в белом халате склоняется над ним, берет за руку.

– Выкарабкался! Хотите верьте, хотите нет, а выкарабкался! Я в чудеса не верю, но это для меня загадка...

– Где я? – несмело шепчет человек, вспоминая свой тысячектажный сон...

Доктор усмехнулся:

– На этом свете!.. А по всем правилам лежать бы тебе

под слоем известки в тифозной яме за лагерем! – И потрепал его по голове. – Ну, будь здоров! Я сам выпью нынче за твое здоровье и буду спокойно спать... Да знаешь ли ты, черт полосатый, что целых три дня бредил? Мы принесли тебя из барака смерти! А ты несешь какой-то вздор, ругаешься, пытаешься спрыгнуть с кровати, пришлось даже привязать тебя ремнями... В чувство привести не могли... Страшный был тиф... Прямо чертовщина... А что тебе снилось, сынок, что это за Огисфер Муллер, который тебя обижал?

Но странный пациент уже не слушал говорливого седобородого доктора. Он мгновенно вспомнил все, вспомнил свое прошлое, свое имя, свое место в жизни, вспомнил, что будет делать, когда вернется из плена. Все вдруг прояснилось, стало близким и понятным...

Лишь имя Огисфера Муллера напомнило ему жуткий сон. И с полуудивленной улыбкой он сказал:

– Мне снилось, что я блуждал по дому в тысячу этажей. А Огисфер Муллер был хозяином этого дома.

РАССКАЗЫ

Ян Вайсс

Никто вас не звал

Наконец-то я добрался до деревянной будки.

Стены ее как бы вросли в землю, с одной стороны – вход, с противоположной – окошко. Я постучал по листу ребристой жести, которым был загорожен вход. Так обычно гости оповещают о своем приходе, но здесь вместо дверей зияла дыра.

– Кто это? – послышался неприветливый голос.

– Доктор Ружичка, – представился я. – Можно к вам на минутку?

– А в чем дело? – ворчливо спросил человек в будке.

– Я хочу вас осмотреть. Как вы себя чувствуете?

– Не жалуюсь. Все в порядке. Здоров как бык.

– Но вы хоть выгляните, чтобы я мог вас послушать. Или давайте я войду.

– Идите своей дорогой и оставьте меня в покое!

– Из этого ничего не получится. Меня привел сюда мой долг. Я обязан вас осмотреть.

– А я протестую против насилия! Где ваша хваленая свобода слова и действий? И вы еще утверждаете, что каждый пользуется ею как воздухом?

– Да, но такое понимание свободы предполагает определенную степень сознательности....

– Наши предки протестовали против насилия, объявляя голодовки в тюрьмах. Теперь иное время, и я в знак протеста объявляю забастовку молчания!

– Послушайте, пан Сильвестр! Общество уважает ваше решение вернуться назад к природе. Вы можете наслаждаться всеми благами цивилизации, но вам хочется спать на рогожах – это ваше дело! Вы отказываетесь от всего, что дает обществу культура, – как от духовных, так и от материальных благ пожалуйста. Но все же и вы должны уважать определенные законы, если не общественные, то хотя бы присущие человеческой природе. Ведь вы и в этом ските должны оставаться человеком. Вы слышите меня?

Молчание. Из будки не доносится ни звука. Сильвестр начал свою забастовку.

– Я заверяю вас, пан Сильвестр, что с уважением отношусь к вашему решению жить в бедности и скрыться от общества, чтобы предаться размышлениям, как древние философы. Но ведь я новый гигиенист в вашем районе и должен заботиться наряду со всеми и о вас. Вы слышите меня?

Снова тишина. «Ну ладно, – подумал я, – не хочешь по-хорошему – пеняй на себя».

– У меня больше нет времени, дорогой пан Сильвестр, – сказал я громко, – я ухожу, но завтра снова вернусь. Надеюсь, к этому времени вы поумнеете.

Стараясь побольше шуметь, я пошел прочь, но за ближайшим кустом присел и стал внимательно наблюдать за будкой. Минут пятнадцать спустя из дыры высунулась голова с густой шевелюрой и жесткой щетиной на щеках. Голова осторожно огляделась по сторонам, и вскоре из будки вылез Сильвестр. На нем болтались штаны – когда-то они, по-видимому, были белыми – и черный свитер, который собрал всю окружающую грязь.

Сильвестр приподнялся, поддерживая штаны. Согнувшись, он пробежал несколько шагов по склону и нырнул в густую чащу из веток малинника и ежевики, переплетенных между собой. Его никто не мог увидеть, но и он никого не видел.

Я воспользовался этим и влез в будку. На полу была постлана солома, прикрытая дырявым одеялом.

Через пару минут притащился и Сильвестр. Увидев меня, он крепко выругался. Встать во весь рост там было невозможно, поэтому он опустился на колени рядом со мной:

— А ты, проклятая гиена-гиена! Ты что лезешь в мой дом? Кто тебя сюда звал?

Я огляделся. На косых стенах не было даже гвоздя, не то что картины. Лишь заступ со сломанной ручкой стоял в углу.

— Вы боитесь, что я стащу у вас драгоценности? Ну правда, что вы здесь делаете? Вы возненавидели весь мир? Вас кто-то обидел?

— Вы мне надоели! Убирайтесь! Я хочу остаться один!

— Вы можете оставаться в одиночестве, — начал я назидательно, — но не должны возбуждать недовольство. Мой вам совет — вернитесь к людям, станьте опять человеком. Покажите-ка ваши ноги — между пальцами впору сажать горох!

Он поджал под себя обе ноги и промолчал. Я смягчил тон:

— Я предлагаю вам переселиться в одну из стоящих на отшибе маленьких вилл. Там тишина — как в лесу под снегом. Если вы не выносите мебели, можете ее выкинуть или

изрубить, как вам заблагорассудится. В двух шагах от дома журчит ручей – он может заменить ванну или душ. У вас будет мыло и жесткая мочалка, чтобы как следует отмыться, и, конечно, зубная щетка! И паста, которая пахнет травами. Я сделаю из вас другого человека!

– Ну что вы надо мной издеваетесь, – вдруг сказал Сильвестр. – Я живу здесь уже тысячу лет, у меня свои права и обязанности, так почему же вы не оставите меня в покое? Ведь я никому не мешаю, провожу дни, словно трудолюбивый жук. Я не блещу красотой, но приношу пользу. Для чего мне нужна ваша зубная паста – разве чтобы зубы испачкать? Если бы я мог дать вам совет, то сказал бы: «Бросьте вы всю эту вашу возню и идите сюда ко мне. Постройте хорошую будочку рядом с моей и плюньте на все...»

Я не лгу – этот человек действительно стал уговаривать меня, чтобы я последовал за ним! Чтобы рафинированный космовец я променял бы на робинзонаду, которая представляет собой не просто примитивное существование, но, видите ли, напряженную борьбу извечной человеческой мудрости и хитрости со стихиями. Меня – гигиениста! – старался распропагандировать этот новоявленный Диоген с его философией грязных ног!

Достаточно было всего лишь нескольких тезисов, чтобы разрубить его убеждения пополам, как червя, эти две половинки – еще пополам и так далее, но все было напрасно. Каждая часть жила своей жизнью, изворачивалась, утверждала свой примитивизм, насмехалась над цивилизацией.

– Вы представляете уже не род человеческий, а племя

отвратительных всезнаек. Вы создали на своей планете какой-то чудовищный автоматический рай. Вы отделились от природы, подчинили ее себе, заставили ее работать на износ, до самоуничтожения, вы изломали, изнасиловали ее своими открытиями. Когда вам и этого стало мало, вы выдумали в своих лабораториях новую природу, искусственную, химическую, машинную, вопреки целям и воле самой природы. Ее должна окружать тайна, ибо далеким будущим векам грозит всемогущий человек – сфинкс, голем, чей мозг и руки создадут вещи еще более страшные, ведь эти руки уже не будут принадлежать человеку...

Я ответил Сильвестру, что он сам потерял человеческий облик и в его словах нет никакого смысла. Будущий человек станет развиваться гармонически. И, кроме того, он забыл об иных мирах, о новых планетах, которые мы открываем во время космических полетов и на которые спускаются наши звездолеты. Было бы действительно грустно, если бы у человечества над головой всегда сверкало только одно солнце и никогда не взошла бы другая звезда. Если бы люди всегда были обречены возиться лишь со своей Землей, переделывать, улучшать – только ее! Но, к счастью, дух человеческий, его руки, мысль нашли новые, неизведанные области применения на далеких планетах.

Я хотел развить эту мысль, но Сильвестр, словно не слыша меня, продолжал бубнить свое:

– Все вы сегодня уже даже не помните, что это за чувства – тяжесть, усталость, боль, вы не знаете, как приятен физический труд. Вам недоступны величайшие наслаждения – ощутить вкус черного хлеба после длительной голодовки, испробовать глоток воды после утомительной до-

роги, уснуть обессиленным от тяжелой работы. Вы – неженки, приравнявшие себя к богам. Не успели еще родиться, а для вас уже все приготовлено. Школы возводятся быстрее, чем успевают подрасти новые ученики, у вас есть больницы, но в них нет больных. Ваши спортивные залы, площадки, стадионы так велики, что никогда не заполняются, у вас столько картинных галерей, столько концертных залов, столько театров, что вы устали, наступило пресыщение, отравление мозга. И никто никогда не знает, на чем ему остановиться.

Что я мог ему на это возразить? Что человек останется человеком и люди – людьми, пока они не растеряют все человеческое. Его слова – что бы он там ни говорил – па-негирик нашему времени. Он отвергает излишества и благополучие, но, кто знает, не является ли его теперешний отказ от всех благ и добровольный пост результатом вчерашней пресыщенности? В мире все сейчас великолепно налажено, и в нем царит гармония. Каждый человек напоминает трубку гигантского органа, исполняющего симфонию о жизни на Земле. И если во время этого исполнения прозвучит фальшивая нота, что не удивительно, так как трубок – миллиарды, то одной из таких треснувших трубок является именно он, Сильвестр.

Весь мир в настоящее время стерилен. Улицы, например, опрыскивают пеной, которую затем смывает искусственный дождь. Дома сверкают яркими красками, но преобладает белый цвет, символ чистоты и здоровья.! Целая армия гигиенистов поднялась на борьбу против тех, кто оскверняет чистоту.

– А вы, – сказал я ему, – один из них. В нашем районе

вы скоро войдете в поговорку: «Грязный, как Сильвестр!» Я не могу этого допустить! Я должен бороться против вас, как против поборника антиэстетических норм.

— О прекраснодушный мечтатель, — сказал Сильвестр, заметно обиженный, — знайте же, что грязь никогда не исчезнет с лица Земли, ибо каждая пылинка является, в сущности, частицей нашей планеты...

— О вы, осколок планеты, — в тон ему ответил я, если эти пылинки скапливаются у вас под ногтями это уже грязь, и ее надо удалить с помощью воды и щетки! Кстати, давайте вылезем отсюда. Мое обоняние отказывается воспринимать запахи, столь своеобразные...

— Никто вас сюда не звал, — ответил Сильвестр, но выкарабкался наружу. — Если кроме длинного носа вы обладали бы еще и фантазией, вы бы заметили на том месте, куда вы забрались и которое вас так раздражает, еще и расцветшую яблоньку...

— Не напоминайте о цветущих деревьях! — разозлился я.

— К вашему сведению, господин Гигиена, все деревья вокруг посадил я! Я сделал это, чтобы улучшить структуру почвы. Весь этот сад, мой дорогой, результат многолетних исследований проблемы, связанной с искусственными удобрениями. Если бы вы поднялись вместе со мной вверх по склону, то обнаружили бы, что чем выше поднимаешься, тем старше возраст деревьев. На каждом стволе табличка с данными — сколько азотно-фосфатных удобрений и сколько торфа пошло на подкормку дерева.

Вы видите ряд колышков, забитых прошлой осенью? Это граница моего сада. Вы, наверное, уже догадались,

что здесь – места будущих посадок. Внизу я сею, наверху собираю урожай. Черешней я угощаю птиц, грушами – окрестных мальчишек. Правда, я вынужден заботиться и о том, чтобы меня чуть-чуть побаивались. С каждым годом я отдаю людям все больше золотистых яблок, оранжевых апельсинов и других плодов и прошу только одного – чтобы мне дали возможность продолжать мою работу. Я знаю, что в мою кожу въедается земля, но что делать – ведь я служу ей! Зато осенью я держу в руках дивные плоды с чудесным запахом, цветом и вкусом, хотя под ногтями у меня грязь. Приходите сюда осенью, и я вас ими потчую! Вы даже сможете сами сорвать их.

Как видите, я живу не в праздности – обществу я даю больше, чем беру от него. Так что вы, господин Гигиена, меня здесь не беспокойте. Иногда мне нужна тень, иногда – солнце. И, может быть, именно в тот момент, когда вы его от меня загораживаете. Вы сами, по всей вероятности, упали с какой-нибудь спиральной туманности. Старый гигиенист пан Шилганек, передавая вам свой район, видимо, забыл вместе с ним передать и старого Сильвестра. Я даже могу показать вам его деревце. Он должен был заранее сказать вам, что мои визитные карточки обрамлены черной каймой. Но траур под ногтями у меня цвет не отпевания, а труда.

Короче говоря, перед этой крепостью в форме деревянной будки мне пришлось капитулировать. Слегка пристыженный, я извинился перед Сильвестром.

– Простите меня, пан Сильвестр, если я вас чем-то обидел. Шилганек действительно не совсем точно все изложил. О самом главном он умолчал, словно нарочно,

чтобы я сам обжегся. Будьте здоровы, пан Сильвестр, пусть все у вас будет хорошо. Делайте свое дело, столь полезное для всех, и не сердитесь на меня...

– Да я не сержусь, – улыбнулся Сильвестр, – приходите как-нибудь, посидим, пофилософствуем. Лучше осенью, когда я собираю урожай. Я уже стар, мне нужен помощник. И, может быть, когда вам опротивеет ваша гигиена, мне удастся убедить вас в своей правоте...

Ян Вайсс

Тысячи людей ждут...

Он. Дорогая, что мы будем делать сегодня вечером? Убивать время или беречь его, заполнять или тратить?

Она. А почему тебя это беспокоит, мой милый? Ведь, наверное, по таким вопросам существует консультант, он посоветует...

Он. Ты имеешь в виду Кира Мордобия? Вероятно, у тебя в памяти осталось его объявление: «Вы не знаете, что делать со временем? Приходите ко мне: я по желанию сокращаю или продлеваю время...»

Она. В таком случае пошли к нему. Пусть он поломает голову за нас.

Он. Господин Мордобий – за то, чтобы коротать время любой ценой. Он считает, что каждый должен развлекаться так, как хочет, но есть и другие точки зрения, согласно которым время, потраченное впустую, способствует моральной деградации человека. Я вдруг вспомнил знаешь кого? Помнишь темнокожего человека с лицом аскета, ко-

тогого мы встретили, когда бродили по Лунапарку? Даже не знаю, откуда он взялся. Появился неожиданно, не сверху, а скорее снизу, из-под земли...

Она. Все, все, вспомнила, кого ты имеешь в виду. Такой гладкий, острый подбородок и очень нравоучительный тон.

Он. Да, и он спросил, как мы проводим свободное время. Он был таким навязчивым, что у меня закралось подозрение, не замышляет ли чего этот тип. Я подумал, не инспектор ли он по свободному времени...

Она. Он еще дал тебе прикурить, хотя сам не курит, а носит с собой зажигалку, чтобы при случае услужить другому...

Он. Его интересовало, как я, работающий на автоматической линии, где не надо ни думать, ни прилагать физических усилий, провожу свободное время. Я обманул его, сказав, что во время работы изучаю санскрит. Он на это с умным видом ответил, что в наши дни личность может развиваться не только в часы отдыха, но и во время трудового процесса; человек учится, а машины работают сами...

Она. Но я хочу развлекаться, а не развиваться. Ну как, пойдём к Мордобию?

Он. Я – за то, чтобы проконсультироваться у самого себя.

Она. Мне хочется пойти туда, где мы еще ни разу не были. Чтобы увидеть это в первый раз. Ведь когда видишь что-то новое, становишься моложе.

Он. Я знаю, чего тебе хочется. Эрик выставил в Бета-галерее картины, написанные сверкающими красками. Его картины светятся.

Она. О да, зарницы на небе – словно живые! Солнечные закаты – словно горящие крылья ангелов. Золотые поля пшеницы, от которых исходит жар, сжигающий любовников. Лунный лик – бледный, желтый, болезненный, мертвенный, лживый, льстивый, луна – апельсин, луна – фонарь, луна – монета, луна грешной любви, луна сатириков, луна нудистов, луна кутил – обожаю бездарность, но...

Он. Хорошо, давай сходим в Дом поэзии. Там много залов, в каждом поэты читают свои стихи. Что ни зал, то свой цвет – в розовом, например, влюбленные читают стихи, посвященные любимым, в белом проходят конкурсы начинающих стихотворцев...

Она. Я хотела бы, мой дорогой, чтобы в розовом зале ты читал мне свои стихи. Мне бы все завидовали, а тобой бы восхищались.

Он. Катюша, славная ты моя, я написал для тебя стихи, но их я могу сказать шепотом тебе на ухо. Я хочу быть знаменитым только в твоих глазах, только для тебя!

Она. Я так люблю твой голос, который тихо звенит, будто рой пчел возвращается в улей.

Он. Сейчас уже поздно. К поэтам мы не попадем, там все места занимают задолго до начала.

Она. Но ведь там нет кресел! Все сидят на полу или на коврах, а тот, кто придет заранее, устраивается на подушках.

Он. Пойдем лучше на концерт «Тысячи красок»! Голубая симфония, транспозиция тонов, переходящая в феерию цвета! Зрители впадают в транс, рыдают. Потрясающее зрелище! Ты, наверное, слышала о нем?

Она. Для чего ты говоришь об этом? Ведь ты же знаешь, что эта мечта несбыточна. Билеты на него проданы на три года вперед.

Он. И все же мы могли бы попытаться, ведь кое-кто возвращает билеты перед самым началом. Многие боятся таких концертов – не каждый может вынести подобное зрелище. Были случаи внезапной смерти. Если перейти грань, красота может стать убийственной!

Она. Но нам ничто не будет угрожать, если мы отправимся в паноптикум! Не криви губы: мы же там ни разу не были.

Он. Да ты же сама туда не пойдешь, ты просто дразнишь меня.

Она. Ведь есть много всяких паноптикумов, мой дорогой, – паноптикум Диктаторов, Мучеников и даже паноптикум Фашизма – какой-то Музалини с кокардой там тарачит глаза, вызывая всеобщий смех, а человек с усиками ораторствует, стуча кулаком по столу.

Он. Я люблю живых людей, но терпеть не могу «как живых». Боюсь электрических манекенов, говорящих и дышащих роботов, похожих на оживших мертвецов.

Она. Тогда давай сходим в клуб!

Он. Ты говоришь так, будто их можно пересчитать по пальцам!

Она. Да, клубов не счесть, и не знаешь, какой выбрать. Их очень много – и среди них нет двух похожих друг на друга. И кто только все это придумал!

Он. Молодым не нужны клубы. Я думаю, они созданы для стариков и одиноких чудаков.

Она. У них такие привлекательные названия, например клуб «Назло всем холодным краскам».

Он. Ближе всего отсюда Клуб лжецов.

Она. Я хочу сходить в Клуб лжецов. Я уже так давно не лгала – мне вдруг захотелось наврать с три короба...

Он. Не горячись, может быть, там культивируют ложь на очень высоком уровне, ложь, которая приближается к настоящему творчеству.

Она. Скажи мне, поэты и писатели тоже лжецы?..

Он. Да, но только бездарные поэты! А ты так часто теряешь и забываешь свои вещи, что тебе, пожалуй, стоит вступить в Клуб рассеянных.

Она. А тебе – в Клуб твердолобых!

Он. А тебе – в Клуб лакомок!

Она. А тебе – в Клуб сонь!

Он. А тебе – в Клуб болтливых!

Она. Ты хочешь сказать, что я много говорю?

Он. Вместо потока слов всегда можно обойтись одной короткой фразой...

Она. Значит, туда впору вступить нам обоим!

Он. Для всех наших добродетелей и пороков можно найти соответствующий клуб. В них можно делать все, что хочешь – от разведения бессмертников до культивирования грешной любви. Но существуют и такие клубы, где можно ничем не заниматься, там старики играют, как дети. Выбирай любой клуб! Хочешь Клуб трубачей? Или Клуб мертвецов? Или Клуб капиталистов? Или Клуб шулеров? Клуб левшей? Или Клуб дальтоникиков? Или Анти-клуб?

Она. Ты их все перечислил лишь затем, чтобы мы не пошли ни в один из них, не так ли, мой дорогой?

Он. Мы спорим, как провести время, а оно тем временем уходит!

Она. Но ведь есть тысячи способов! Главное – быстро выбрать самый верный! Я предлагаю отправиться в Город сбывшихся желаний...

Он. Неужели мы и в самом деле так беспомощны? Город для отчаявшихся, для тех, кто теряет рассудок, не зная, как избавиться от времени. Одни от него скрываются, другие убивают его, третьи позволяют, чтобы оно убивало их! Но наше милое, ласковое время, наша крошка...

Она. Ты кончил? Знай же – этот город, с тех пор как мы там побывали, заметно вырос. Поднялись новые дома, новые улицы. Теперь там есть улица Волшебников, парк Близнецов, водопад Ревнивцев, озеро Утонувших. И как раз сегодня на площади Возлюбленных открывается Киоск дарителей и, кажется, Дворец любителей танцев и игр. Там робкие знакомятся друг с другом, а старая любовь омолаживается. Пойдем туда – ведь мы стали слишком мудрыми для влюбленных! Пойдем в Город сбывшихся желаний, я хочу видеть все новое, все, чего еще не видела!

Он. Неужели ты забыла, как мы удирали оттуда, чтобы не умереть со скуки?! Я помню картинную галерею Выродившегося искусства, которую во что бы то ни стало хотели видеть твои ненасытные глаза. Там был портрет, сделанный из паутины и лапок паука-косиножки, а рядом – картина, составленная из обгаженных пеленок. А помнишь лабиринт, где мы заблудились, натыкаясь на кривые зеркала? Или Мило-сад с фонтанами, откуда мы возвращались обрызганные с головы до ног – это было очень смешно, но на тебе было платье из эмтелина, и оно стало совершенно прозрачным. А Карусель времен года? Пом-

нишь, как испортился тетрафор и вдруг в июле – мы катались на верблюде – пошел снег и ты простудилась?

Она. Я уже давно забыла...

Он. Ну, хорошо, если тебе так хочется, пойдем туда! Служители будут беспредельно рады и благодарны за то, что мы их посетили. Они будут веселиться больше, чем мы. Я загляну в Шар невесомости, если там не будет слишком большой давки, и пушинкой взлечу в воздух.

Она. Нет, туда я не пойду. Я боюсь... Говорят, там чувствуешь себя словно надутая жаба, нельзя пошевелинуться...

Он. Все это чепуха, моя дорогая, пойдем скорее!

Она. Но куда?

Он. Куда угодно, тысячи людей ждут, чтобы как по команде начать тратить, наверстывать или убивать время!

Она. Боже мой, но все так же просто, как найти цветок клевера с тремя лепестками. Пойдем в лес, мой дорогой. Ты только представь себе поляну с травой по пояс. Мы там будем видеть лишь облака, друг друга и лежать в тишине, которую хранит небо и земля.

Он. Пойдем, я тоже хотел тебя туда позвать. И ты будешь рассказывать мне...

Она. Нет, нет, мы оба будем молчать.

Ян Вайсс

Тайну надо беречь

Главного психолога Шмидркала ночью разбудил сигнал фотоэлемента, помещенного в ушной раковине. Шмидркал уже несколько ночей подряд спал с фотоэлементом, ибо им овладела навязчивая идея поймать этого человека, и упрямство, наконец, принесло свои плоды.

Он всмотрелся в темноту и заметил крадущуюся фигуру, которая напоминала паука на бархатном фоне тьмы. Паук замер, словно испуганный шорохом открывшихся век. Он был темнее самой ночи, как будто вобрал в себя все окружающие его тени.

Шмидркал нажал на кнопку, спрятанную под подушкой, и внезапно спальню залил яркий свет. В ту же секунду автоматически защелкнулись двери. Паук оказался в ловушке. Он был худ и долговяз, в его прищуренных глазах блуждал только страх и ничего больше.

Шмидркал осмотрел его, несколько разочарованный. Во всяком случае, не таким он представлял себе лицо человека, скрывающего тайну. Оно было каким-то незаконченным, невыразительным, с мелкими чертами, словно его делали наспех.

— Вот я вас и поймал, — сказал Шмидркал и сел в кровати. — Что вы принесли на этот раз?

— Великолепные шахматы, — неуверенно сказал пришелец, и выражение его лица вдруг стало намного приветливее. — Вам они понравятся, фигурки сделаны из слоновой кости, каждая — самостоятельное произведение искус-

ства. Это венецианская работа, обратите внимание на ладьи – это же кампанильи с хрустальными колокольчиками. Они звенят каждый раз, когда вы трогаете фигурку. Слышите? Я вам даже завидую...

Он поднес к уху белую ладью. Колокольчик тоненько прозвенел, будто звук доносился издалека.

– Зачем мне шахматы, если я не умею в них играть? – неуверенно спросил Шмидркал, слегка ошеломленный ответом, и потрогал ладью. – Она действительно звенит, но какой в этом смысл?

Пришелец не ответил, и весь как бы сжался. Казалось, он не знает, что сказать. Шмидркал понял, что поймал паука за ножку.

– Ну так как же, – спросил он, – зачем вы пришли? Зажгите-ка свой волшебный фонарь! Для чего вы приносите гербарии, скрипки, коллекции марок, редкие книги и шахматы тем, кто всего этого не собирает?

– О, у меня есть еще столько прекрасных и полезных вещей...

– Я спрашиваю, почему вы их приносите по ночам, когда люди спят? Что у вас на уме, когда вы преподносите все эти подарки?

– Если б я только знал, – сказал пришелец и грустно посмотрел на психиатра.

Шмидркал торжествовал.

– Хорошо, тогда я вам скажу! – воскликнул он так, что гость вздрогнул.

– Я знаю, что виноват, делайте со мной что хотите, – сказал он сокрушенно.

– Вы нарушаете спокойствие...

– Да, я занимаюсь недозволенными делами. Но как мне быть, как бороться с собой, когда наступает ночь, и я остаюсь один на один со своими вещами?

– Они вам мешают, но вам их жалко, вы не хотите их уничтожать и нашли способ избавиться от них – подсунуть своим ближним. Верно?

– Нет, не верно. Они мне совсем не мешают. Я их очень люблю, и мне очень не хочется с ними расставаться. Я каждый раз говорю себе: «Хватит! Больше никому ничего не дам!»

– Так в чем же дело? Вам хочется оригинальничать, удивлять людей?

– Нет!

– Значит, вы просто вводите их во искушение, подсовываете им вещи, словно червю-древоточцу – кору или листья...

– Да нет, какие там листья! Это сильнее меня!

– Что сильнее вас?

– Ночь! Всюду такая тишина-тьма дразнит, нашептывает, влечет рождается смелость, появляется желание совершить что-то таинственное. И когда это чувство меня охватывает...

– Какое чувство?

– Не знаю. Глаза спят, губы спят, всюду – мертвые вещи, но, стоит возникнуть звуку, чуть более сильному, чем удары сердца, как все сразу же просыпается! Поэтому движешься незаметно, словно часовая стрелка...

– Кажется, я понял, – сказал психолог, – вы говорите, что вас влечет тьма? Что вами овладевает желание, заставляя что-то делать, и вы не в силах противиться? Скажите, а кем был ваш дед?

– Гардеробщиком в отеле «Исфаган».

– А ваш прадед? Прапрадед?

– Меня это никогда не интересовало...

– Давайте договоримся: вы пойдете домой и как следует выпитесь. А я изучу эти ваши ночные похождения под увеличительным стеклом утреннего солнца и завтра приду к вам...

Утром главный психолог Шмидркал посетил ОПИС – отдел превентивной информационной службы. В одном из залов там стоял огромный, до потолка, старинный «дед-всевед». Шмидркал уселся за пульт, взял перфокарту, заполнил ее, вложил в отверстие и включил машину. Электронный мозг на мгновение проснулся. По его клеткам молнией пронесся импульс на уровне мышления, и машина выдала ОПИСание...

– Дорогой господин Андреас, – обратился на следующий день к своему пациенту Шмидркал, – должен вам сказать, что ваш предок Франц Ксавер Андреас был вором. Так раньше называли людей, у которых за душой не было ничего и которые присваивали чужое. Однако ваш предок брал не деньги, а вещи, это был не карманник, а домушник. И вот, господин Андреас, дурные наклонности вашего уважаемого предка через несколько поколений передались вам. Вы, конечно, можете возразить – как же так, ведь вы, нынешний Эдуард Андреас, приносите людям вещи, в то время как ваш предок Франц Андреас их отбирал...

– Да нет, я понимаю, что вы хотите сказать...

Но Шмидркал вошел во вкус, и его невозможно было остановить:

– Давать намного выгоднее, чем брать. Если бы вы поступали так, как ваш прапрапрадед, то вы походили бы на сумасшедшего, который нагромождает вещи в одну огромную кучу. Мы ведь задыхаемся среди вещей, ищем способ, как выбраться из этого болота...

– И вы считаете, что я нашел такой способ, – перебил его Андреас, – я, у которого есть лавка, забитая всяким хламом так, что глаза разбегаются...

– А откуда у вас эта лавка?

– Я получил ее в наследство – даже не знаю от кого...

– Ну, тогда все ясно. Это, вероятно, те вещи, которые накопил ваш знаменитый предок...

– Видите ли, я вроде бы управляющий своей лавкой. Это моя работа, мой труд. Я предлагаю людям что-нибудь выбрать, взять на память, но никто ничего не берет. Время от времени кто-нибудь остановится у витрины, возьмет что-нибудь в руки, но потом отложит и идет дальше. Я начал сходить с ума, не мог больше ждать, когда кто-нибудь смилуется надо мной, и решил сам избавляться от своих вещей, разносить их людям. Теперь я горд, когда мне удастся хорошо пристроить достойную вещь. Вы говорили, что раньше одни люди воровали у других. Я поступаю наоборот – ворую у себя и отдаю людям...

– Однако вы и тут наносите вред обществу, – не дал ему договорить Шмидркал. – Вы избавляетесь от заботы о вещах и перекладываете ее на плечи других. Вы тоже действуете во зло...

– Вы хотите сказать, что я тоже злоумышленник?

– Злоумышленник, только наоборот!

– И притом злоумышленник пойманный! – горестно

воскликнул Андреас. – И что теперь будет? Как мне дальше жить? Что я буду делать по ночам? Ведь кому бы и что бы я ни принес, каждый будет знать, что это сделал я, что все это краденое...

– Вам все вернут, – усмехнулся психолог.

– А что делали с вором, когда его ловили?

– Не знаю, но, наверное, высмеивали его.

– Теперь меня выставят на потеху людям... – убивался Андреас.

– Подождите, – смягчился психолог, – а если я буду молчать?

– И вы на это пойдете?

– А почему бы и нет? Дарите и дальше свои вещички, ведь в конце концов вы никому этим не угрожаете, никому не вредите...

– Я клянусь, что буду дарить лишь самое прекрасное из того, что у меня есть!

– Дело не в самих вещах, а в окружающей их тайне. В дразнящем, безответном «зачем», в тех странных обстоятельствах, которые связаны с подаренными вами предметами. Насколько мне известно, те, к кому вы по ночам приходили, собирались вместе, чтобы разрешить эту загадку... И я подумал: надо беречь любую тайну, пусть даже самую незначительную, не раскрывать ее, ведь чем дальше, тем их становится меньше. Пусть люди спрашивают, пусть ищут! Лучше маленькая тайна, чем никакой! Но берегитесь, если вас поймают...

– Никогда! – воскликнул Андреас.

Он пригласил Шмидркала осмотреть старую лачугу, находящуюся под охраной Института архитектуры и па-

мятников. Они вошли в сводчатую комнату, уставленную полками. На них лежали вещи, навевающие грусть своей явной ненужностью, избыточностью, никчемностью, брэнностью существования. Шмидркал был убежден, что как психолог он может проникнуть не только в глубины человеческой души, но и понять сущность вещей. Он брал их в руки, рассматривал, приблизив к глазам, стряхивал с них пыль, слушал их, принюхивался к ним и снова клал на место.

Внезапно прозвучали куранты – пять мерных металлических ударов. И как только замер последний удар, слышался дрожащий голос:

*«Приятный час,
И если верные друзья
И доброе вино...»*

– Да это же говорящие часы! – удивился Шмидркал. Он подошел к застекленному ящику, в котором был скрыт механизм часов с циферблатом, сделанным в виде золотого лунного диска. Андреас передвинул стрелку на 10, чтобы продемонстрировать, на что они способны. На этот раз в голосе послышались нотки предостережения:

*«Вечерний час – мгновеньем пролетишь,
Исчезнешь в вечности, себя преобразишь...»*

– Ты много говоришь! – перебил его Шмидркал и поставил стрелку на полночь:

*«Дни осени – короче,
Но выпьем еще – трах!
Пока нам не сыграют бах-бах,
бах-бах, бах-бах!»*

– Что это такое – «бах-бах»?

– Это же удары барабана, похоронного оркестра, исполняющего траурный марш – бах, бах, бах...

– Ах, вот оно что...

– А вам не нужны часы? – неожиданно спросил Андреас Шмидркала. Возьмите их на память...

Шмидркал всячески отбивался от подарка, но в конце концов сдался, не устояв против такого страстного желания дарить.

– Я вам дам запасной валик с радостной, веселой мелодией, и время для вас полетит птицей, на душе станет так легко...

– Хватит с меня и часов, – со вздохом проворчал психолог.

– Но часы без валика, – старался объяснить ему Андреас, – как человек без языка. В валике заключена вся их мудрость...

И когда главный психолог Шмидркал отправился домой, вслед за ним с часами шел Андреас. Он думал о том, насколько приятнее работать при дневном свете, чем в темноте.

Ян Вайсс

Нам было его жаль...

Я нередко захожу в лавку к пану Марцелану. У него там полно всевозможных вещей, свидетельствующих о том, что он как был, так и остался большим ребенком.

Мне здесь ничего не нужно, но, интересуясь каждой его безделушкой, я всякий раз убеждаюсь в том, как он их

обожают и как, предлагая их покупателям, мрачнеет и, наоборот, радуется, если какая-нибудь из них в конце концов остается на своем месте. Иногда я не могу избавиться от мысли, что ему становится легче на душе, когда посетитель отказывается от покупки, и всегда не по себе от сознания, что данный предмет может исчезнуть навсегда.

Предлагая свой товар, он говорит о каждой вещи восторженно, подыскивая новые сравнения и образы, словно в нем просыпается поэт. В качестве платы он просит, пустяки, ерунду, еще менее значимую, чем то, что предлагает сам. У писателя он просит книгу, музыкант ему что-нибудь сыграет, художник мгновенно набросает этюд на вырванном из блокнота листке, поэт прочитает стихи.

Иногда Марцелан от избытка чувств не прочь приврать, выдумать какую-нибудь историю, но делает это не без таланта, и потому слушать его интересно. Я как-то спросил его:

– Не завалился ли у вас случайно серебряный ланжан? Мне он очень нужен, и я буду вам весьма признателен...

Я просто выдумал это слово, но пан Марцелан тут же ответил:

– Мне жаль, но один ланжан я как раз вчера выменял на перстень с транзистором. Придется вам зайти еще раз...

Он любит говорить, что некоторые его товары привезены со звезды Акшонар, – кто не верит, пусть сам туда слетает.

Два обстоятельства не то чтобы подтверждают его слова, но по крайней мере способствуют тому, чтобы они воспринимались с большим доверием и дружеским участием. Во-первых, пану Марцелану далеко за сто, но, не-

смотря на преклонный возраст, он сохранил ясность мысли и принимает участие в трудовом процессе. Во-вторых, когда-то в молодости он был звездолетчиком и до сих пор поддерживает с ними связь...

Однажды, когда я был у пана Марцелана, к нему явился важный господин в темных очках, распространяющих радужное сияние. Я отошел, чтобы не мешать.

Важный господин с недоверием оглядел все, что было перед ним разложено. Чувствовалось, что он преследует определенную цель. Пан Марцелан все внимание сосредоточил на прищельце, подробно рассказывая о каждом предмете, к которому тот проявлял интерес.

Господин в черных очках взял в руки пузатую бутылку, внутри которой находилась модель кристалла каменной соли. Это был куб, составленный из белых и красных шариков, скрепленных с помощью множества палочек. Каждый, кто брал бутылку, вероятно, спрашивал, как этот куб мог попасть в сосуд с таким узким горлышком. Однако господина в черных очках подобные пустяки не интересовали. Он встряхнул бутылку, подул в нее и заявил:

— Кому-то, видимо, было нечего делать, вот он и решил убить время. Для чего все это нужно?

Марцелан лишь слегка удивился, взял бутылку и поставил ее на место. Господин в черных очках сказал:

— Я бы хотел взглянуть на лепесток, перышко или цветок с какой-нибудь далекой планеты. Нет ли у вас чего-то в этом роде?

Пан Марцелан молча показал на витрину, где под стеклом лежали семена, раковины, камни. О происхождении их свидетельствовала табличка, прикрепленная рядом.

– Здесь написано, что они со звезды Акшонар. Вы это серьезно? Могли бы вы сказать, где находится эта звезда?

Пан Марцелан неожиданно улыбнулся и погладил витрину. Думая о чем-то своем, он, казалось, не заметил язвительного тона господина в очках.

– Говоря «звезды», я имею в виду планету. Я знаю, что звезды раскалены, каждая из них – это солнце, мать своих планет. Скорее даже не мать, а раскаленное лоно. Я знаю, что на Солнце жизни быть не может, но даже если бы она была, мы не смогли бы узнать об этом с помощью своих органов чувств. Жизнь на звезде может быть лишь плодом нашей фантазии.

Марцелан открыл стеклянную крышку витрины, словно приглашая: «Пожалуйста, смотрите!» Господин в черных очках будто ожидал этого жеста быстро схватил первое попавшееся перышко:

– Это же перо из хвоста зимородка, алцеде аттис! Он свивает гнезда у рек, откладывая по пять-семь яичек. Ловит под водой рыбок и хотя бегают плохо, но в воду бросается стремглав. Рыбаки его обвиняют в том, что он губит молодь...

Потом пришелец стал вынимать одну за другой раковины, давая каждой из них латинское название. Его прикосновение окончательно разрушило остатки романтического ореола. Латынь как бы надевала на предметы скучные маски.

– Все эти вещи, – сказал он наконец, – появились на нашей планете. Природа Земли создала их так же, как вас или меня. Они земного происхождения и не имеют никакого отношения к звезде, название которой вы изволили придумать.

Пока произносились эти суровые слова осуждения, на лице пана Марцелана не дрогнул ни один мускул. Наконец, пан Марцелан ответил:

— Я хочу задать вам вопрос, уважаемый господин. «Земля» — единственное имя нашей планеты?

— Конечно. Как же иначе она может называться?

— У нее есть еще тысяча других имен. Миллион! И каждое имя — истинное!

— Я знаю лишь одно имя — Земля! Все остальные — вымысел и ложь!

— Она *названа* Землей, мой милый. А как планета она не имеет собственного имени...

— Но вы же сейчас сказали, что их у нее миллион!

В этот момент я выскочил из своего угла. И тут господин в темных очках заметил меня. Он живо подошел ко мне, словно заранее заручился моей поддержкой. Радужное сияние подбадривало меня. И я сказал:

— Поэт может утверждать, что у Земли есть миллион имен, он может даже придумать для нее имена, которые будут звучать так же нежно, как имена любимых. Любой бухгалтер или ревизор будет вправе опровергнуть его, но поэт останется поэтом...

Господин в очках, распространявших радужное сияние, нахмурился, а старый Марцелан зарделся. Вот видите, в свои сто лет он еще умел краснеть, этот старик, в душе оставшийся ребенком.

— Ну, это уж вы чересчур! — воскликнул он. — Когда-то и я писал стихи, но это были плохие стихи. Не знаю, может ли плохой поэт считаться поэтом. Вероятнее всего, нет...

— А меня сейчас больше интересует, с какой целью этот господин пришел сюда, — сказал я.

Пришелец весь как-то сник. Радужный блеск его очков погас, в них осталась лишь тьма.

— Я, господа, — сказал он грустно, — психолог Центра по устранению моральных дефектов. Моя специальность — человеческая ложь. Я всегда появляюсь там, где оскорбляют истину! Я защищаю правду, вступаюсь за нее, убеждаю в ее правоте, разоблачаю ложь. Иногда мне приходится нелегко, так как не все категории лжи пока известны. И я был убежден, господа, что ваша история со звездой Акшонар — просто обман общественности. Однако я не знал, какие цели вы при этом преследуете. Теперь я это понял. Для поэзии святы и горькая истина и возвышенная ложь. Но я не разбираюсь в поэзии — до сих пор мне приходилось сталкиваться с прозаическими вещами. Я изучил до тонкостей все теории лжи, все разновидности лжелогии. Но где кончается ложь и где начинается поэзия или, простите, наоборот — этого я не знаю. Мне здесь делать нечего, и я уйду. Будь по-вашему — пусть Земля называется миллионом имен, данных ей поэтами!

Он ушел. Нам было его жаль...

Однажды пан Марцелан сказал мне, что он устал и подумывает о том, чтобы закрыть лавочку. Я вначале не поверил ему, но он стал меня убеждать:

— Как все продам, так уйду на покой.

— Ну, до этого дело не дойдет. Ведь к вам сюда приходят все новые люди и приносят новые вещи...

— Посмотрим.

Но во время дальнейших посещений я убедился, что вещей в лавочке становилось все меньше. Пан Марцелан не брал ничего нового, а то, что у него было, отдавал за все, что бы ему ни предлагали взамен: за билет в театр, за сигарету. Часто достаточно было лишь залюбоваться выставленным предметом, чтобы получить его. И наконец, у него осталась лишь вечная шляпа, которая не мялась, не пачкалась и всегда была новой. Странное дело, но ее никто не брал. Вероятно, — многим приходила в голову мысль о безжалостных годах, их пугал образ вечной шляпы над стареющим лицом. Я этого не понимал. Ведь их никто не заставлял носить эту шляпу до самой смерти. Но если человеком овладеет навязчивая, пугающая мысль, то отогнать ее так же трудно, как извлечь червяка из яблока.

Я перестал навещать пана Марцелана и постепенно стал забывать и о нем, и о его шляпе. Не знаю, сколько воды утекло, но однажды мысль о нем снова подкралась ко мне. Я бродил по лесу, собирая грибы и в полной мере наслаждаясь всеми разочарованиями и радостями, которые приносит это занятие. Неожиданно я увидел громадный белый гриб, шляпка которого живо напомнила мне вечный картуз пана Марцелана. Она была, конечно, меньше по размеру, но цвет, шелковистая поверхность и даже форма были почти такими же. По дороге домой мысль об этой шляпе неотступно преследовала меня.

Не знаю, как я очутился перед знакомой лавкой. Я вошел, осмотрелся, и мне сразу же стало ясно, что час пробил. Полки были совершенно пустыми, словно после пожара, и лишь шляпа находилась на старом месте — висела на вешалке из оленьих ножек, насмешливо сверкая своей

новизной, как бы глумясь надо всем, что старело, покрываясь желтовато-зеленым налетом, в том числе и над самим паном Марцеланом. Бедняга, он неподвижно сидел под своей шляпой и даже не повернулся, когда я вошел. Несчастный, поникший, весь сгорбленный, всем своим видом он символизировал тщетность ожидания.

— Я пришел за шляпой, — ни секунды не раздумывая, заявил я. — Я дам вам за нее такую же, похожую на вашу как две капли воды, если вы, конечно, не откажетесь. Она тоже новая, тоже на ножке, но она не вечная. Больше того, это прямая противоположность вечности — пасквиль, насмешка над вечностью, месть времени...

— Немедленно, сегодня же, сейчас же, на масле, на сметане... — взглянув на корзину с грибом, вскричал пан Марцелан и бросился меня обнимать. Он ткнулся своим столетним влажным носом в мои щеки и так благодарил и благословлял меня, что мне стало стыдно. Я выскользнул из его объятий и вынул белый гриб, освободивший его от ожидания. Он поднял его со слезами на глазах, восхищаясь красотой. Потом нахлобучил на меня вечную шляпу с таким серьезным видом, словно короновал меня.

— Наконец-то! Я так счастлив, что не знаю, как отблагодарить вас...

Надо сказать, что шляпа сползала мне на уши, но какое это имело значение по сравнению с тем, что происходило? Пан Марцелан ликвидировал свое дело. Наконец-то он мог с чистой совестью закрыть свою лавочку. Он дождался. С него сняли заклятье.

Редкая профессия

Я был безработным всего лишь неделю, но мне уже казалось, что прохожие оглядываются на меня. Правда, разговаривали со мной, как и прежде, но не без оттенка иронии. Не могу утверждать, что это было пренебрежение — скорее какой-то неопределенный тон, в котором сквозило удивление.

А меня это злило. И поэтому я решил что-нибудь подыскать. Но не просто работу. Я мог приступить к ней немедленно, если бы согласился на то, что мне подсовывали, но мне хотелось заняться чем-нибудь интересным, таким, чем не занимался еще никто.

И я заглянул в «Бюро редких профессий» — так называл свою круглую комнату в вилле «Дар Берте» пан Иозифек. Мы знакомы давно, и пару раз он действительно помог, когда дело мое было швах. Я знал, что он мне начнет капать на мозги, — но сейчас это было необходимо, так как я пребывал в некотором душевном расстройстве.

Иозифек — действительно мастер своего дела. Он придумывает специальности для людей моего типа. Когда-то он был таким же чудаком, как и я, правда, обладал фантазией, которой мне недостает. В один прекрасный день он открыл в круглой башне свое «Бюро редких профессий», теперь его не мучают никакие проблемы. Он сочувствует всем, каждого выслушивает до конца. Любит морализировать, но относится к этому не то чтоб уж очень серьезно, и поэтому его нравоучения проглатываешь, как подслащенные пилюли.

– Опять вы здесь, – начал Иозифек, едва взглянув на меня. Память у него – как у слона. Я ответил:

– Маэстро, я не виноват, что работа бежит от меня, словно я чумной. Кстати, не нашлось бы у вас чего-нибудь интересного, но такого, чтобы не очень пачкать руки?

Его мозг сразу же заработал:

– Значит, так: я подобрал вам в свое время тепленькое местечко в библиотеке приключенческой литературы. Но пользы от вас там было, как...

– ...как от пустого звука, проносящегося над океаном книг, – подхватил я, – отчужденного от людей благодаря пяти громкоговорителям. Я все время бормотал одно и то же: «Когда прочитаете, пожалуйста, сдайте! Дома они вам будут мешать!» Или: «Пользуйтесь лестницами вместо сидений!» Все впустую! Каждый бросается к сиденьям-подъемникам и катается вверх-вниз, болтая ногами. А когда сиденья застрянут, то раздается крик о помощи.

– Короче, – подытожил мистер Иозифек, – с модернизацией ничего не получилось. Приставную лесенку библейских времен вернули на то место, откуда ее когда-то убрали...

– Да, вроде того, – ответил я, – и читатели снова карабкаются по ступенькам, словно обезьяны. Но от крика у меня воспалились голосовые связки, и я удрал из этого заведения...

– ...Чтобы больше туда не возвращаться, бесплодное вы семя! – И тут мистер Иозифек сел на своего конька, превратившись в пастыря тех, кто ищет утраченное:

– Труд – нравоучительно начал он, – это дело совести каждого человека, руководствующегося определенными

моральными принципами. Раньше люди, исповедуясь, избавлялись от вины, сваливая ее на господ бога. И в наше время существуют грешники, но они уже другие. Сейчас самый тяжкий грех – проступок против Ее величества Работы. У этой медали – две стороны. Люди определенной категории – алчные, потерявшие совесть, которые готовы работать, не заботясь о других, хоть по восьми часов в день, стараясь наработаться «от пуза». Они уклоняются от встреч со мной, так как я их перед всеми обличаю и позорю. К этой категории вы, молодой человек, естественно, не относитесь. Вы скорее принадлежите к другому типу людей – к тем, кто не может усидеть на месте, к паломникам, которые вечно чего-то ищут и ни на чем не могут остановиться. Это и желторотые всезнайки, голова которых набита всяческими сведениями, и болтуны, которые хотели бы немедленно своими руками, точнее, языком, переделать мир. Я из кожи вон лезу, чтобы удовлетворить свою клиентуру: ищу, выдумываю, добиваюсь, чуть ли не колдую. Пока что все идет нормально – работы больше, чем людей, она есть и на земле, и под землей, и в воде, и в воздухе, под крышами и на крышах; куда ни глянь – всюду она смотрит на тебя, подмигивает тебе, ее надо лишь ухватить!

Мистер Иозифек просто лопался от гордости, а я лишь покорно ждал, когда он, наконец, вспомнит обо мне и даст мне какой-нибудь совет.

– Я рад, маэстро, – сказал я, – что на свете так много работы, что ее больше, чем надо людям, и что вы мне предоставите возможность выбора...

– Вы играете в шахматы?

- Нет...
- Почему?
- Не умею...

– Это не имеет значения. Достаточно позаниматься год, из вас сделают среднего шахматиста, и вы станете учить новичков.

Он также сказал, что игра в шахматы – это основы человеческого интеллектуального развития, гигиена мозга. Я ему ответил, что от квадратики у меня рябит в глазах, особенно когда они идут сплошняком, и что на меня благотворно действуют лишь кружочки...

– А что, если наняться к какому-нибудь писателю? У больших людей – большие дома. Около них всегда вертится десятка два учеников, и всем находится дело – переписывать, стенографировать, печатать на машинке, считать, учиться писать или следить за библиотекой, рвать сорняки...

– Вы это серьезно, маэстро?

– А почему бы и нет? Знаменитому Аркаду Виндишу нужен мажордом.

– Мальчиком на побегушках я не стану. Покорно благодарю.

Я испугался, что маэстро обозлился на меня, но он и бровью не повел. Демонстрировать свои возможности он стал скорее всего от гордости, открывая козыри, которых у него были полны руки.

– У вас есть фантазия?

– В какой степени?

– В такой, чтобы ее хватило для придумывания новых красивых имен для детей, цветов, только что родившихся

животных, – нужны свежие, более благозвучные фамилии, интересные имена...

– Это не для меня, пан Иозифек.

– А как насчет сострадания? Посещать покинутых женщин, утешать их, беседовать с ними и, главное, давать им возможность выговориться, почитать им роман с продолжением и...

– Насколько я знаю, шеф, для покинутых женщин и вдов построены мраморные дворцы, там у них чего только нет, и утешители тоже...

– И все же есть много одиночек, которые остаются дома по каким-то непонятным причинам.

– Но это же настоящие ведьмы!

– Облагораживает и переписка с теми, кто несчастен. Надо найти путь к их сердцам, исповедать их и потом написать им счастливые письма от имени тех, кто их позабыл...

– Я сам нуждаюсь в таком милосердном письме, маэстро...

Он махнул рукой, но ничего не сказал. Затем взял картотеку – длинную шкатулку с картонными карточками – и прошелся по ним, как по клавиатуре, будто проветривал их. На одной из карточек его взгляд задержался, и он прочитал:

– Создатель возможностей, комбинатор неожиданно-стей, инициатор событий, глашатай идей. Здесь есть инструкция – как это делается...

Он уже открыто издевался надо мной. Иозифек все время пытался опутать меня шелковыми нитями, но я бесцеремонно рвал их:

– Какой из меня инициатор, создатель, глашатай, комбинатор? Еще провозгласить номер рейса отходящего поезда или спровоцировать моралиста – на это я способен. Мне бы чего-нибудь попроще, пан шеф...

– И чтобы при этом не нужно было бы много думать, не так ли? Но я хочу, чтобы вы мыслили во время работы! Не бойтесь этого! Кстати, разве уже не стерлась грань между трудом физическим и умственным? Воспряньте духом! Не хотите же вы, чтобы я послал вас в замок Хараштепин!

– А что там надо делать? – спросил я на всякий случай.

– Людей пугать – если вам действительно не хочется заняться чем-нибудь более полезным. Кстати, должен же кто-то этим заниматься. Туристы хотят слышать стоны и скрип зубов из пыточных камер и видеть хромого епископа с кровавым посохом.

– Нет, только не это! Уехать из столицы в такую дыру – это не для меня! Я прошу вас подыскать что-нибудь здесь, в Праге!

Мистер Иозифек снова перетасовал картотеку, задержавшись на букве М.

– А как насчет муравьев?

– Что такое?

– Ну, сторожить муравьев, чтобы они не разбежались...

– С этим я наверняка не справлюсь.

– Они живут в стеклянной колбе под наблюдением знаменитого мирмеколога Маркупа. Вы будете их кормить, купать, наблюдать за ними, описывать их поведение. Маркуп ежедневно выпускает одного муравья. Вам нужно будет следить, куда он направится... Таким образом, вы

примете участие в научном эксперименте, и Маркуп согласен опубликовать ваше имя среди тех, кто помогал ему в исследованиях...

— А что, если этот муравей засветло не вернется домой? Если он заблудится? Я что, должен ночью с фонариком гоняться за ним?

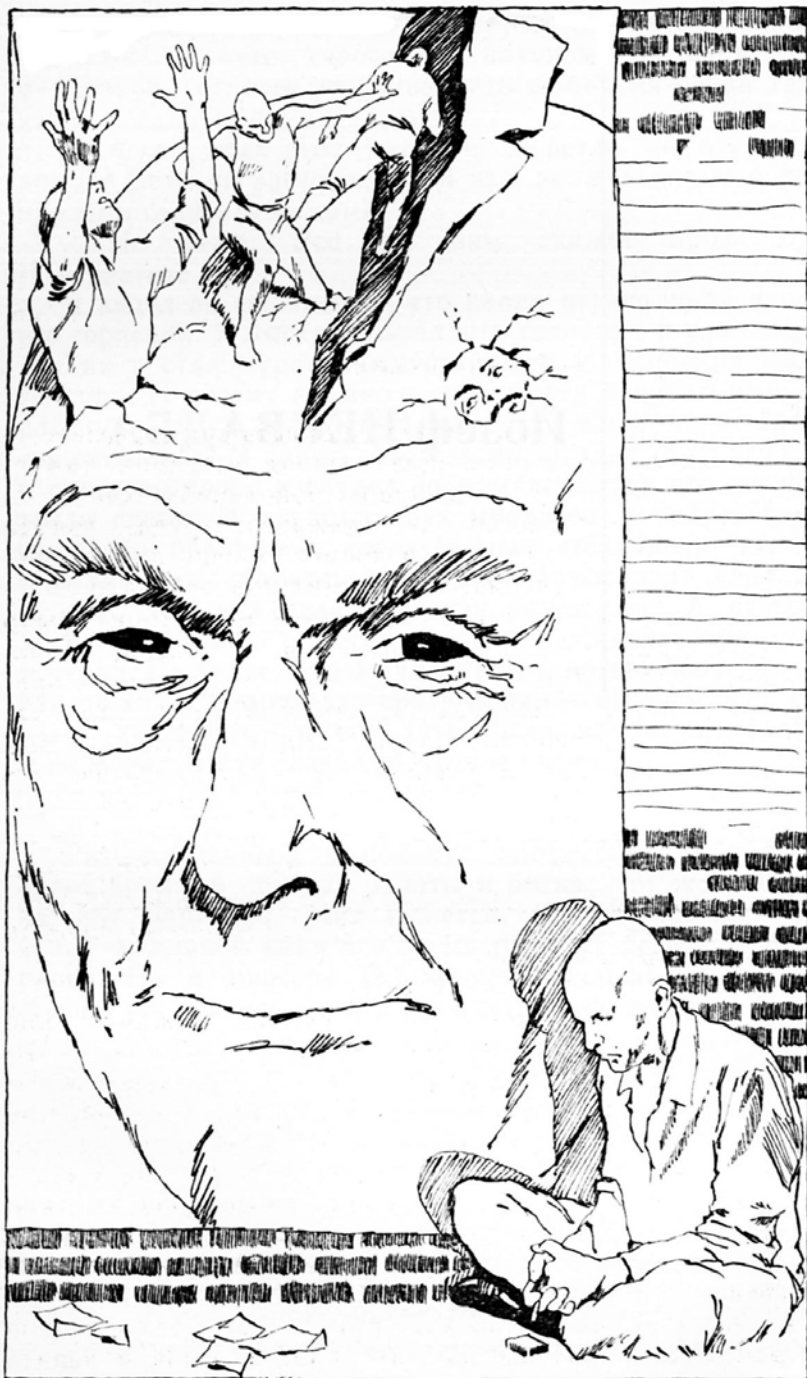
— Не знаю. Все это вам скажет профессор. И — хватит!

Я видел по его глазам, что капля переполнила чашу его терпения. Я быстро сказал, что согласен, и удалился.

Так я стал муравьиным сторожем у господина профессора. И почему именно я сподобился получить такую работу — самую идиотскую из всех, какие когда-либо существовали! И такую ответственную!

С утра до вечера я сидел во дворе и глядел во все глаза, так что из них текли слезы. И все-таки двух муравьев я недосчитался. Один обварился, когда я мыл стеклянную колбу с муравьями, стараясь при этом внимательно следить за тем, что они делают и как копошатся. А второй куда-то забежал и, бесцельно побродяжничав три дня, потерялся в траве.

Я поймал другого, но это была роковая ошибка! Старик это сразу понял — он ведь всех их знает наперечет, — и его чуть было не хватил удар! А на моей совести оказалось черное пятно. Разочарованный, я покинул профессора. И теперь снова брожу в поисках работы и боюсь, что это у меня на лбу написано. Мне кажется, что я скособочился и под рубашкой меня все время щекочет бегающий муравей. Но к мистеру Иозифеку я больше не пойду. Лучше уж вернусь к этим проклятым муравьям!

Йозеф Несвадба

Мозг Эйнштейна

– Положение чрезвычайно серьезное, – заканчивая свое выступление, говорил академик Кожевкин. – За несколько предыдущих поколений техника освободила человечество от тяжелого труда, голода и войн, открыла ему путь в космос. Я еще помню времена, когда для технических институтов отбирали только лучших из лучших, когда изучение техники было мечтой каждого молодого человека. А теперь? Молодежь теряет интерес к нашей науке, ее перестали привлекать физика, математика, химия. У нас в Алма-Ате все меньше и меньше молодых людей поступает в технические учебные заведения. Возникает угроза, что через несколько лет нам придется ограничить количество исследуемых научно-технических проблем и сократить число институтов. Такое положение недопустимо. Машины не могут работать сами, заботиться о человеке без наблюдения человека. Необходимо принять энергичные меры!

Мы похлопали академику, и он сел.

– У нас в Торонто дело обстоит, пожалуй, еще хуже, – сообщил профессор Кларк Смит-Джонс. – Мы вынуждены были закрыть отделение, занимавшееся некоторыми узкоспециальными вопросами пространства и сущности элементарных частиц. А между тем на лекциях о взглядах Гете или Гердера на искусство в аудиториях не хватает мест, и нашему профессору эстетики пришлось перейти в спортивный зал, хотя при организации университета мы чуть

не забыли учредить эту кафедру. Но хуже всего то, что мы не можем понять, чем вызван такой поворот. Может быть, это извечное стремление молодежи восстать против отцов и делать все по-своему? Или некий бессознательный протест (при этих словах академик Кожевкин улыбнулся) против цифр как символов порядка, а также против авторитета родителей? Наши психологи давно, но, к сожалению, безуспешно занимаются этой проблемой.

Мы снова похлопали, и профессор вернулся на свое место. Воцарилась недоуменная тишина. Никто не хотел выступать. Боялись. А между тем причины этих явлений давно ясны. Я попросила слова.

— Не будем обманывать самих себя, — приступила я прямо к делу. — Мы зашли в тупик. Технические дисциплины в конце девятнадцатого века подчинили и заслонили все остальные науки, дали человеку возможность посвятить себя действительно весьма важным задачам. Все это мы отлично знаем. Но основных проблем люди не решили. Они по-прежнему спрашивают, что такое жизнь и зачем они живут, мы до сих пор не знаем, как возникла Вселенная, не можем постигнуть открытое Эйнштейном четвертое измерение или вечность существования материи. Когда мы задаем эти вопросы нашим кибернетическим машинам, они отказываются отвечать на том основании, что вопросы эти якобы ненаучные, неправильно поставленные, слишком личные и частные, слишком человеческие. Но из этого вовсе не следует, что они утратили свое значение для каждого из нас. У Джонса и Кожевкина самые совершенные лаборатории, искусственный мозг за три секунды справляется там с задачами, для решения которых

виднейшим математикам понадобилась бы целая жизнь. Но машины имеют дело только с теми задачами, которые ставят перед ними люди. Таким образом, мы очутились в заколдованном кругу. Физика превращается в прикладную науку, все очевиднее ее зависимость от философии в такой же мере, в какой вязание кружев зависит от живописи. Именно поэтому мы теряем молодежь. Создаем машины, умеющие отлично стирать, варить, оперировать или летать в космос, точно так же как в прошлых столетиях наши предки создавали автоматических пианистов или искусственных медведей и показывали их в цирке. Мыслящие люди считали это игрушками, а тех, кто их придумывал, называли шарлатанами. Нам грозит такая же участь.

Мне не аплодировали: очевидно, выступление было несколько преждевременным, Джонс хмурился. Остальные коллеги переговаривались вполголоса. Шум в зале постепенно нарастал.

— Вам не нравятся мои механизмы? — вскочил Джонс. — А ведь они так же, как искусственный мозг, созданный академиком Кожевкиным, — тут он поклонился академику, — самые совершенные на свете. Ни у кого из присутствующих нет такого мозга. Даже у вас, уважаемая коллега!

— Я не могу мыслить так быстро и точно, это правда... Но я могу поставить новые задачи, могу до скончания века загрузить все ваши аппараты своими сомнениями и недоумениями и люблю заход солнца.

Джонс иронически улыбался. Словно раскаивался в том, что он, научное светило, вступил в дискуссию с таким незначительным оппонентом.

— Четвертое измерение наш мозг пока действительно

не в состоянии постигнуть, — признал Кожевкин, и видно было, что он жалеет об этом.

— Именно потому я и предлагаю, — сказала я, — создать биологический мозг, который был бы ближе к человеческому, чем ваши механизмы, мозг, способный понимать. Настоящее орудие познания.

— Мозг Эйнштейна? — снова недоверчиво улыбнулся Джонс.

Его шутка дала имя моему эксперименту. С тех пор его называли «аферой с мозгом Эйнштейна». Мой план был прост, я уже раньше советовалась об этом с нашими физиологами и биологами. При помощи специальных аппаратов мы выявим три наиболее совершенных мозга недавно умерших людей и особым способом объединим их в один орган, который потом оживим и посредством электрического раздражения заставим работать.

В избранный для проведения опыта день я снабдила своих ассистентов радиометрами и разослала их во все больницы области. Наиболее мощными оказались: мозг профессора архитектуры, разбившегося при падении со строительных лесов, и мозг малоизвестного поэта, который мы использовали, учитывая афоризм Эйнштейна, что воображение важнее знаний. А третьим был мозг Анежки Новаковой, погибшей в результате аварии.

Мы долго колебались: стоит ли его брать. Это была домашняя хозяйка, мать семейства, не совершившая при жизни ничего выдающегося. И все-таки наши приборы сигнализировали, что ее мозг обладает наибольшей мощностью. В конце концов мы им поверили и приступили к длительному и сложному процессу конденсации. Нам удалось осуществить намеченный план.

Теперь можно было приступить к опытам. Я предложила мозгу решить основные физические уравнения и вызвала электрическим током возбуждение в соответствующих участках. Ток послужил неким стимулом или раздражителем, на который мозг быстро реагировал и передавал полученные результаты по специальным контакторам, укрепленным на его поверхности. Интерпретатор высокой избирательности сообщил нам решение, подтвердившее некоторые гипотезы академика Кожевкина.

Я немедленно телеграфировала в Алма-Ату. Гипотезы Кожевкина были опубликованы в специальных физических журналах только недавно, а профессор архитектуры, поэт и домашняя хозяйка наверняка не следили за подобной литературой. Поэтому можно было полагать, что мой «мозг» самостоятельно создал эти гипотезы.

Последующие недели принесли много радостей. Мозг выдал еще одно решение, стал развивать предположения Кожевкина, комбинируя их, и пришел к выводам, которые академик не публиковал. Но выявился один недостаток: мозг работал с перебоями. И это беспокоило меня. Он как бы не хотел соблюдать установленное рабочее время. Перестал быстро реагировать на раздражение. Иногда писал в ответ какую-нибудь глупость, словно хотел сострить, иногда работал ночью, когда меня не было в лаборатории, словно откладывал свою реакцию на неопределенное время.

Через месяц он вообще перестал работать. Но он «жил». Я хочу этим сказать, что в его тканях происходил сложный обмен веществ, поддерживаемый специальным аппаратом. Однако электрическим импульсам больше не

удавалось заставить его работать. Казалось, эксперимент не увенчался успехом.

Между тем я получила письмо от академика Кожевкина. Он послал мне свою последнюю работу, которую намерен был опубликовать в журнале «Наука». Его выводы совпадали с результатами, достигнутыми моим искусственным мозгом. По-видимому, оба они наконец нащупали путь к решению основной проблемы. И как раз в этот момент мозг забастовал.

Что же делать? Мне пришла в голову мысль сконструировать особое приспособление, благодаря которому он мог бы говорить, то есть диктовать полученные результаты и сообщать о своих идеях.

Я понимала, что здесь есть нечто противоестественное. Но если мы придадим ему всем известный тембр мужского голоса, например голоса телевизионного диктора, это будет, пожалуй, не так жутко. Через несколько дней мозг «заговорил». Что же он произнес? Его первые слова не имели никакого отношения к научным проблемам:

— Вы пренебрегаете мной...

Это было поразительно. Я думала, что для него вполне достаточно электрического раздражения. Теперь выяснилось, что мы не обладаем необходимой чуткостью и что электрохимическая реакция не может компенсировать ощущение заботы и благожелательности, которое дает человеку общение с близкими.

Это было первым открытием, к которому привел мой опыт. Мне пришлось прибегнуть к старинному способу. Я начала сама ухаживать за мозгом. Переселившись к нему в лабораторию, я с утра до ночи беседовала с ним. В инсти-

туте не понимали, что происходит. Одни уверяли, что я тайно влюблена в телевизионного диктора и потому наслаждаюсь хотя бы его голосом, другие просто считали, что я спятила.

Вскоре у нас с мозгом установились прекрасные отношения. Когда портился диктофон, я даже сама записывала его выводы. Через две недели снова начались перебои. Мне показалось, что мозг чем-то «взволнован». Совершенно разъяренный, он все время громко твердил одно и то же уравнение.

Я долго и терпеливо убеждала его. Он должен быть благоразумен, раз у него такой мощный мыслительный аппарат. И тут я поймала себя на том, что разговариваю с ним как с живым существом, а не как с изолированно функционирующей тканью. Подсознательно я поставила на его место существо с таким же мозгом. Вот чего он добивался. Сначала ему нужны были электрические импульсы, затем постоянная забота. А сейчас ему всего этого было мало.

Отдельные участки, которыми он раньше смотрел, обонял, осязал, жаждали деятельности, так же как его мыслительные способности жаждали воплотиться, в организм со всеми его ощущениями, вплоть до получаемых кожей.

Считаю нужным подчеркнуть, что к дальнейшим опытам я приступила лишь после зрелого размышления. Но остановиться я уже не могла — слишком много было поставлено на карту.

На факультете экспериментальной хирургии предложили сконструировать человеческое тело из новейших ви-

дов пластмасс, которые до сих пор шли на изготовление недостающих конечностей или отдельных органов. Мы только не знали, какое сделать лицо. И поэтому там, где оно должно быть, наложили повязку, так что мозг выглядел как человек, перенесший аварию.

В лабораторию мы с ним вернулись вдвоем. Он был «счастлив». Насвистывал какую-то мелодию, которую, вероятно, любил тот малоизвестный поэт. Подошел к окну, залюбовался протекавшей неподалеку рекой. И не думал работать.

— Прекрасный вид...

Мне это никогда не приходило в голову. Я всегда смотрела в книги, а не в окно.

— Тебя, вероятно, заинтересует, что профессор Джонс...
— дипломатично начала я.

— Джонс безнадежно отстал! Это глупец! — возразил он и присел к столу. — Закажи на завтра билеты в театр.

Я пришла в ужас. Уж не намерен ли он бывать со мною в обществе? Я снова начала собирать кое-какие сведения о профессоре архитектуры. Мне сообщили, что он не любил театра. Поэт ходил только на концерты. Видно, в нашем творении мы оставили слишком большую часть мозга Анежки Новаковой.

К этому времени кое-кто уже следил за результатами эксперимента. Специалисты спорили, является ли продукт работы нашего сверхмозга каким-то неосмысленным, механическим набором слов и цифр или мы здесь имеем дело с оригинальной, невиданной до сих пор деятельностью человеческого мозга троекратной мощности. Ответ на это могли дать лишь дальнейшие опыты.

Поэтому я решила пойти с ним в театр. Там он смеялся громче и плакал горше всех зрителей. И мне пьеса понравилась. В театр я ходила редко: в лаборатории всегда было много работы. Но после спектакля он попросился ко мне домой. Пришлось объяснить, что мне уже за пятьдесят, что у меня взрослая дочь, которую я упрекаю за легкомысленный образ, жизни и не могу сама привести ночью домой постороннего человека. Я сознательно сказала «человека».

Разумеется, он сразу опечалился. Угрожал, что перестанет работать – не видит цели. Только тогда я поняла, что для интеллектуальной работы ему, как и человеку, нужны стимулы: соперничество с Джонсом, любовь ко мне, семейная обстановка.

Дочь сначала опасалась, что придет чудовище, вроде известного Франкенштейна – грозы немых фильмов-сказок, но вскоре перестала бояться. Порой мне даже казалось, что с ним она скорее находит общий язык, чем со мной. Она странная. Сначала хотела работать на одной из лунных баз, так же как ее отец, с которым я вскоре после свадьбы разошлась, потому что он был равнодушен к моей научной работе. Потом вздумала стать балериной, но для этого у нее слишком широкие бедра (так по крайней мере кажется мне). Сейчас она изучает хеттский язык. Разумеется, только для того, чтобы не заниматься физикой и не доставить мне этим удовольствия. Особенных достижений в хеттском у нее нет; я в ее возрасте уже пользовалась известностью в науке. Самое скверное, что она ждет ребенка от какого-то юноши, которого мне даже не представила.

Мой искусственный мозг работал еще меньше, чем моя

дочь. В этом отношении они отлично понимали друг друга. За целый день он писал всего несколько строк, а потом отправлялся в парк или купался в реке. И все время толковал мне, что я должна любить дочь, будто это само собой не разумеется, что мне нужно измениться, что лабораторная работа далеко не все, — аргументы, которые сейчас можно услышать на любом перекрестке. Для этого не стоило создавать новую биологическую систему. Причем давал советы не только мне. Он беседовал со всеми; соседи по дому уже начали издали вежливо приветствовать его.

Он стал диктовать нечто, не походившее на уравнения, какие-то обозначения, которые еще не известны науке. Джонс утверждал, что это бессмыслица, путаные, бессвязные отрывки сведений, полученных во время предыдущих существований мозга, и опубликовал свое мнение в журнале.

Это было похоже на взрыв бомбы. Меня немедленно вызвали к директору института, журналисты добивались интервью, эксперимент приобрел широкую огласку. Если он провалится, будет невероятный скандал. Но мой сверхмозг оставался невозмутимым. В тот день он почти ничего не написал.

— Чего ты хочешь? Что тебе еще нужно? — нетерпеливо спрашивала я, готовая даже завести с ним роман, если бы только это было возможно. — Ведь ты нас просто шантажируешь!

Я положила перед ним статью Джонса.

— Ничего мне не нужно. Только, чтобы ты вела себя соответственно моим советам.

Я его не поняла. Как мне вести себя в соответствии с непонятными обозначениями и каракулями, в осмысленности которых я сама начинала сомневаться?

– Я отвечу тебе через три дня, – произнес он и умолк. Потом он стал смотреть в окно, словно хотел сосредоточиться. Я наблюдала за ним из соседней комнаты с помощью особого прибора. За всю ночь он написал две строчки. Все время сидел неподвижно. Но ведь обещал же он ответить!

Я телеграфировала обоим ученым и довела до сведения начальства, что эксперимент подходит к концу. На следующий день он со мной не разговаривал. Сидел в своей комнате, опустив голову на руки, и слабеющим голосом шептал что-то в диктофон. За ночь он посидел. Неужели последняя фаза познания так невероятно трудна? Я не мешала ему.

На третье утро он меня не узнал, вечером смотрел непонимающим взглядом и на мою дочь. Всю ночь я просидела подле него. Он только хрипел; даже самый чувствительный диктофон не мог расшифровать его слов.

В три часа он «умер».

В шесть прилетел профессор Джонс. В восемь – академик Кожевкин. Но слишком поздно – на похороны. Нам пришлось его кремировать.

Собственно, следовало бы выбросить его на свалку, как любую испорченную машину. Но за последнее время он подружился со столькими людьми по соседству, которым я не могла, да и не хотела объяснять свой эксперимент. Крематорий был переполнен, я стояла в сторонке с обоими учеными. Они невольно улыбались: как легко

провести наших ближних! Люди пришли на похороны машины...

Мне советовали повторить опыт. Перед крематорием стояла моя дочь. Она поздравила меня с успехом.

— Неужели ты не понимаешь? Ведь он ответил тем, что умер. А до того жил — насыщенно и мудро, пользовался любовью окружающих. Разве это не лучший ответ: сама жизнь, которую нельзя ограничивать! А разве в смерти, наступившей после полноценно прожитой жизни, не заключается высшая мудрость?

Дочь представила мне своего суженого. И я поняла, почему это случилось так поздно. Он работал на той же лунной базе, где когда-то начинал мой муж. Юноша оказался приятным. Мы возвращались домой втроем. Одной семьей. Еще неделю назад я выгнала бы его вместе с ней. Не люблю селенологов. Почему? Никогда об этом не думала. Так же как многие другие, я всю свою жизнь свела к умственной деятельности. Возможно, моя дочь права.

Дезинтеграция созданной мною биологической системы, может быть, явилась своего рода ответом. Но такой же ответ дал нам мозг Анежки Новаковой в самом начале эксперимента. Последнее время мы действительно пренебрегали умением жить. Между тем это искусство, а не наука, и для него необходима величайшая мудрость. Мне стало ясно, что для такого вывода достаточно мозга среднего разумного человека. И потому я прекратила свои опыты по созданию биологических систем.

Йозеф Несвадба

Смерть Тарзана

СТРАННАЯ ОБЕЗЬЯНА

Нет, это была не обезьяна. Вокруг смеялись, галдели люди; рядом со мной плакала и корчилась, словно в судорогах, девушка; сидевший перед нею господин даже побагровел от натуги, а хохот его супруги скорее напоминал болезненные стоны. Взгляды всех были устремлены на арену.

Там на маленькой табуретке сидело существо, весьма похожее на шимпанзе, и играло само с собой в карты; оно само себя уличало в мошенничестве, само себя пыталось обворовать и даже подраться с самим собой. Ежеминутно существо делало сальто справа налево, по-обезьяньи просовывая ноги под табуретку и хватая ими карту, которую держало в руке.

И все же это была не обезьяна. Существо курило толстые сигары, подобно знаменитому шимпанзе старого Босмайера, управляющего зоопарком принца Оранского. Только тот шимпанзе скорее жевал свои сигары, а это существо дымило с видом заправского курильщика, стряхивало пепел на песок и в конце концов в порыве ярости ткнуло горящим концом сигары прямо в нос воображаемому противнику. Потом оно бросило сигару и, сделав сальто, быстро заняло место воображаемого визави, схватилось за лицо и понуро поплелось к выходу. Опираясь на одну руку, оно ловко подтягивало ноги, как обычно дела-

ют шимпанзе, желая поскорее исчезнуть. И все же это была не обезьяна.

Зрители восторженно хлопали, девушка рядом со мной никак не могла прийти в себя, до того ей понравилось это подобие человека, насмешка над всем человечеством. Воспользовавшись этим, я поднялся и стал пробираться к выходу. Мне не было смешно, я оставался серьезным, как и та обезьяна, вернее, существо, которое нам выдавали здесь за обезьяну.

— Неужели вам не нравится представление?! — догоняя меня, воскликнула запыхавшаяся билетерша в поношенном, покрытом пудрой халатике. Обязанности билетеров по соображениям экономии, видимо, выполняли артисты. Не раз уже бывало так, что перед выступлением на всяческой трапеции артистке приходилось искать своего партнера где-нибудь возле кассы.

Вот и сейчас ее партнер спорил с озорником, которому очень хотелось попасть на представление без билета. Номер из-за этого задерживался, и публика, конечно, возмущалась, и я подумал о том, что сегодняшнее представление цирка Кнолль, первое в нашем городе, обязательно потерпит фиаско. Однако обезьяна спасла положение. Теперь им будет легко, теперь публика станет смеяться над чем угодно.

Только меня так дешево не купишь! Я в этих делах кое-что смыслю. Не для того я столько лет изучал антропологию, чтобы меня можно было так грубо надуть. Очевидно, они просто-напросто загримировали под обезьяну своего клоуна. А в том, что он умеет так виртуозно работать ногами, нет ничего удивительного. Я не раз видел

безруких ветеранов войны, которые ели, причесывались, одевались и даже водили машину исключительно при помощи ног. Но ведь они не были шимпанзе! Разумеется, мне до этого нет никакого дела.

Конечно, из-за того, что я встал и покинул Гильду без всякого объяснения, неприятностей потом не оберешься. Порою мне казалось, что мы с Гильдой произвели здесь бóльшую сенсацию, чем акробатические номера шакалов, показанные в начале представления. Действительно, вероятно, вся публика следила скорее за мной и Гильдой, чем за происходящим на цирковой арене. К счастью, я это знал, меня давным-давно об этом предупреждали.

— Обрати внимание на управляющего, — сказал как-то мой знакомый. — Его дочь на выданье, хотя у нее есть внебрачный ребенок.

Итак, мне было ясно, в чем дело, когда вчера ко мне явился управляющий. Мой кабинет находится в отделении пресмыкающихся и расположен у печи, обогревающей ви-вариум для аллигатора, которого вот-вот должны были доставить из Египта.

— Весьма рад, — начал он, — что мой музей сделал приобретение в лице такого выдающегося специалиста, как вы. Вероятно, не приходится вам объяснять, каких трудов стоило мне доказать членам нашего муниципального совета, что такой большой город, как наш Л., должен иметь собственный музей и свой зоологический сад. К счастью, моя жена — немка. Она обошла немецких промышленников и каждому втолковала, что здесь, в северном пограничье, необходимо создать коллекции, которые по меньшей мере не уступали бы пражским, — мол, только таким путем

мы завоюем право на культурно-политическую автономию. А я тем временем побывал у отцов города – чехов. Совершенно необходимо, – доказывал я им, – организовать у нас как музей, так и зоологический сад. Чтобы приезжие из Дрездена, или Галле, или Лейпцига, где такие заведения приобрели мировую известность, не смеялись над нами. В конце концов, я все-таки добился своего. Конечно, директором музея назначили одного заслуженного профессора из Праги (его жена оказалась родственницей начальника отделения в Министерстве школ), но он редко к нам навещается – стар уже, ездить ему тяжело, и я думаю, что недалеко то время, когда в соответствии со званием я стану сам руководить своим музеем и зоологическим садом. А пока я всего лишь заместитель. Потом заместителем станете вы... – Он с таким восхищением посмотрел на меня, что я невольно застегнул пиджак, единственный приличный пиджак, – его дал мне в дорогу мой дядя, который за последнее время немного растолстел.

– Буду стараться... – начал я, заикаясь. Такой уж у меня недостаток. Всегда, когда ко мне обращается кто-нибудь из вышестоящих лиц, я начинаю заикаться: уж очень я почтительный. И у меня потеют руки, хотя я прекрасно понимаю, как все это глупо. По-видимому, мне не хватает мужества, но в конце концов я издавна интересовался главным образом антропологией, а не закаливанием собственного характера.

– Мы во всем должны помогать друг другу, – мечтательно заговорил мой шеф и добавил: – У меня много врагов, сынок... – и он задумался. Казалось, перед мысленным взором моего шефа проплывает бесконечная вереница

грядущих дней, когда он в канцелярию и носа не покажет и когда всякими там заказами новых экспонатов, кормежкой имеющихся у нас животных придется заниматься мне и только мне одному.

— Все это не так легко, — продолжал он, — господа не хотят считаться с тем, что для наших зверей требуется морская пища, они не понимают, что необходимо привозить бананы и апельсины и что нельзя кормить знаменитую гумбольтову шерстистую обезьяну простыми помоями, как поросенка. Да они и львам готовы бросать дохлых мышей... — закончил он со вздохом. Только львов у нас пока что не было, и весь этот зоологический сад существовал скорее в его воображении, а музей находился в очень запущенном состоянии.

Вот я и начал как можно быстрее приводить в порядок наши коллекции. Мой шеф меня нахваливал. Но, конечно, даже и не пытался чем-нибудь помочь. Однажды он привел ко мне свою дочь Гильду, костлявую угловатую девушку с голубыми глазами и пушком на подбородке. У нее были жирные волосы, которые она не умела укладывать и поэтому выглядела так неприглядно и неряшливо, что частенько вызывала всеобщую жалость.

Я тоже жалел ее до тех пор, пока она не заговорила, потому что свои шумные разглагольствования она сопровождала весьма бесцеремонными жестами — хватала меня за подбородок и била по спине, — и я уже стал бояться, что она, недолго думая, положит ноги на стол либо начнет говорить мне «ты» и называть по имени.

И я этого дождался. Именно сегодня, когда мой шеф отправил меня с ней на премьеру в цирк. Разумеется, пре-

жде всего он хотел продемонстрировать меня городским сплетницам, которые в изобилии собрались здесь в этот вечер. И Гильда вела себя так, будто мы давно уже сыграли свадьбу. Я должен был держать ее шляпу, смахнуть пыль с кресла, раскрыть сумочку и спрятать в нее билеты, наконец, принести пальто из гардероба, потому что ей вдруг стало немного холодно, и оставить его у себя на коленях, так как ей уже было жарко, когда я вернулся из раздевалки.

И все же сегодня вечером я пришел в цирк не для того, чтоб выступать в роли жениха девицы Гильды. В таком качестве шеф не отважился бы меня послать. Ведь служебное подчинение тоже имеет свои границы. В сущности, он послал меня затем, чтобы я разузнал, не продает ли цирк каких-нибудь заморских зверей, необходимых нам для наших заведений.

Кто сможет упрекнуть меня в том, что я, не извинившись, бросил дочь своего руководителя, когда передо мной возникла реальная возможность приобрести столь оригинальную обезьяну — скорее это даже человек или, вероятнее всего, какой-нибудь редкий экземпляр человеко-обезьяны, которая еще бог весть когда попадет к нам в Северную Чехию?

— Вам меня не убедить, — это не шимпанзе, — с раздражением заявил я Кноллю. — Я совершенно уверен — посмотрите на его подбородок, форму черепа, на надбровные дуги. И вообще это не обезьяна.

Кнолль не удивился.

— Знаю, — ответил он и потянулся, сидя в своем цирковом фургоне. На столике стояла бутылка рому. — Знаю, —

повторил он. – А вам не приходит в голову, что не вы первый обращаетесь с этим ко мне. Но до сих пор никто ничего не доказал...

– И все же доказать нетрудно. Достаточно посмотреть на строение его ног, *calcaneus* и особенно на ступни.

– А как вы собираетесь на все это посмотреть? Я вас и близко к нему не подпущу. Когда профессор Пфермейер из Гейдельберга попытался к нему подойти, тот свернул ему нижнюю челюсть. Господину Райту из Манчестера он чуть ли не отгрыз все предплечье – вы бы видели его зубы! А господину Хаасе повредил позвоночник! Эта сволочь не любит людей. Но мне он нужен. Он спасает наш цирк от разорения. Сейчас кризис, мой друг, и я готов продемонстрировать кого угодно – хоть безобразных уродов, хоть небесных ангелов, – мне все равно. Я своего Тарзана использую в коммерческих целях, и поэтому все законы на свете на моей стороне. Они будут охранять меня от любых придурковатых ученых! Если вам не нравится, я вас не задерживаю. Попробуйте его сфотографировать; большой пользы это вам не принесет, потому что он хочет быть обезьяной, хочет быть шимпанзе и делает это так хорошо, что никто мне ничего не докажет...

Владелец цирка рассмеялся, он был уже как следует пьян. Видимо, до сих пор дела в его цирке шли не так уж плохо, раз хватало денег на выпивку.

– Но если вы хотите испытать, милостивый государь... – робко заговорила жена Кнолля, еще минуту назад выступавшая в качестве укротительницы львов.

– Что испытать? – рывкнул Кнолля и зло посмотрел на свою жену. И укротительница львов здесь, в фургоне, сра-

зу же превратилась в кроткую голубицу, в послушную жену, которая стала успокаивать своего мужа, забегала вокруг него, будто над ее головой защелкал тот самый бич из толстой кожи, каким она каждый вечер укрощала в клетке царя зверей.

— Что испытать?! — снова рявкнул Кнолль, рявкнул громче, чем лев. — Хочешь, чтоб на нас обрушились несчастья? Да разве ты, корова, не знаешь, что все эти сумасбродные ученые в конце концов с нами судятся? За свои травмы они требуют денежной компенсации и готовы на тяжбу ухлопать все свое состояние. Эх ты, курица безмозглая!

И в адрес укротительницы понесся поток изощренных ругательств, в которых фигурировали уже не только домашние животные. Я выбежал из фургона, а владелец цирка хриплым голосом все еще перечислял мне вслед названия разных пород и семейств, известных в зоологии.

Снаружи никого не было видно. Вокруг стояли закрытые темные фургоны. Большинство их обитателей находилось на арене. Время от времени до меня доносились возгласы зрителей или ржание коней в стойлах. Должно быть, выводили белых лошадей. Я раньше не обращал внимания на то, что у них есть такие лошади.

Ориентируясь по запаху, я без труда добрался до клеток. В первой при лунном свете я увидел того единственного льва, изображение которого украшает цирковые афиши. Он был уже довольно стар и лыс. И сейчас, во сне, он время от времени терся о решетку, потому что его мучила парша.

В следующей клетке помещались шакалы. Как ни

странно, но их не мучила парша. Стоило, однако, шакалам меня увидеть, как они начали рычать. Оно и понятно: эти шакалы были подозрительно похожи на собак. Какая-то помесь волка с догом. Здесь, вблизи, я не мог ошибиться.

«Хороши шакалы, ничего себе. Лучше бы ты тех шакалов привязал к конуре, — подумал я. — В общем, каков поп, таков и приход! Обман на обмане».

Пройдя мимо нескольких пустых помещений, мимо ящика со змеей, я наконец увидел совсем в стороне обезьянью клетку. Она была оборудована, как все обезьяньи клетки на свете. Зеркальца, лесенки, велосипед и разноцветные лоскутки, будто здесь содержат обыкновенных мартышек или павианов.

Обезьяна, а точнее, неизвестное существо, покоилось в углу клетки, лицом к стене. На руках у нее были цепи, какие прежде надевали заключенным, а на ногах — большое чугунное ядро, знакомое мне только по истории средневековых тюрем. А ведь никто во всем мире так не заковывает обезьян! Все эти металлические приспособления предназначены исключительно для людей.

Как-то Гильда велела купить для нее мятных конфет. И теперь их у меня был полон карман. Я вытащил конфетку, развернул ее и, причмокивая, демонстративно стал сосать, а в конце концов бросил ее в клетку. Разумеется, все это время я посматривал по сторонам, как бы не появился управляющий или кто-нибудь из служителей. Казалось, все было спокойно. И только этот Тарзан — так его называли — лежал в углу, куда не падал свет луны, и не проявлял никакого интереса к моей конфете.

Я снова причмокнул и на этот раз бросил в клетку це-

лую горсть конфет. При этом я заговорил и стал его хвалить... — Послушай, добрейший... Brav... Nice... Roset, Kommher, Come... — пытался я привлечь его внимание, говоря на разных языках.

Но он даже не шелохнулся, пока я не стал тыкать его палкой. Так обычно обращаются со зверями. Если они не слушаются по-хорошему, им делают больно. Неподалеку лежал какой-то прут.

Но едва я к нему прикоснулся, как Тарзан вскочил, словно черт, стал на задние лапы, — собственно, на ноги — и начал колотить себя в грудь, как это обычно делают одни лишь обезьяны.

Распространено мнение, что так поступает только горилла, но Шейнфурт, как и Пасхен, прославленный в прошлом веке охотник на обезьян, свидетельствует, что и взрослый шимпанзе может готовиться к схватке точно таким же образом.

Неожиданно Тарзан бросился на решетку с такой силой, что закачалась вся клетка. Я не успел отскочить, и ему удалось разорвать мой рукав и даже немного поцарапать меня. При этом он так перебрасывал десятифунтовый груз, который ему привязали к ногам, точно это был футбольный мяч.

В цирке, очевидно, уже знали его повадки. Из фургона выскочил хозяин, из будки служители и официанты, прибежала даже укротительница львов со своим ременным бичом. Она сразу же напустилась на Тарзана, но не успела его усмирить.

Зрители высыпали из цирка, стали ее ругать, некоторые дамы громко визжали, другие осуждали нас за жестокость. По всему было видно, что я сорвал представление.

Из цирка я выбежал прямо в поле, а так как до сих пор не изучил окрестностей, пришлось проплутать несколько часов, пока крестьяне не указали мне дорогу домой.

Перед домом меня поджидала Гильда. Наш музей помещался в вилле, которую нам завещала местная миллионерша. Вилла напоминала готический костел, но все еще сверкала новизной. Совсем недавно ее реставрировали. Гильда подошла ближе и влепила мне пощечину. (Так кончилось наше знакомство. По крайней мере мне показалось, что оно кончилось.)

Но Тарзану сегодня, видимо, досталось еще больше.

В тот вечер я долго не ложился спать. Решил написать письмо Кноллю с просьбой уступить удивительное животное нашему зоологическому саду. Я предложил ему баснословную цену, ибо прекрасно знал, что он все равно не согласится. Но в таком случае я мог потребовать от него подробных сведений: когда, где и при каких обстоятельствах было приобретено это животное.

Если же Кноль не объяснит его происхождения, да еще и не предложит купчей, я сообщу обо всем в полицию, ибо считаю, что владелец цирка держит в клетке не обезьяну, а человека, хотя, когда его рассердят, он начинает бить себя кулаками в грудь, как шимпанзе.

Кроме того, я заметил, что его одевают в какие-то смехотворные трусы и особого покроя куртки, которые должны скрыть от случайных свидетелей явные признаки его принадлежности к роду человеческому – и прежде всего отсутствие волосяного покрова. Поэтому мне кажется, что я столкнулся с каким-то загадочным преступлением.

В любом случае я заставляю говорить о себе. А ведь к

этому, собственно, человек и стремится всю свою жизнь. Мне стало легче переносить несправедливости шефа.

На другой же день он выставил меня из светлого кабинета в полуподвал, в отделение пресмыкающихся, что примостилось рядом с коллекциями минералов. Там целый год совсем не топили будто бы из-за того, что сталактиты могут раствориться. Шеф мой нанял также второго практиканта из здешних.

Это был немец, который сразу же начал появляться с Гильдой в обществе. Вскоре он даже стал возить ее детскую коляску. Никто на меня не обращал внимания. Они терпели мое присутствие лишь потому, что работал я бесплатно.

Да, тогда, в тридцатые годы, когда произошли все эти события, государственных служащих поначалу принимали на работу как практикантов и целый год им ничего не платили. Наверняка меня собирались через год выставить и на мое место взять другого практиканта, который трудился бы столько же, а потом его постигла бы та же участь. Однако они просчитались. Все обернулось совсем иначе. И именно из-за Тарзана.

ВИЗИТ НЕЗНАКОМКИ ИЗ УЭСТ-ЭНДА

Я нетерпеливо ждал ответа от Кнолля и каждый день с надеждой приветствовал почтальона. А вдруг он несет мне известие, которое изменит всю мою жизнь? Но долгое время не приходило ничего. Послать еще одно письмо казалось мне смешным. Это уже походило бы на шантаж.

Действительно, стоило ли идти в полицию сообщать о

своих подозрениях? Мне трудно было решиться. Ведь я тешил себя мыслью, что сам стану детективом, который раскроет тайну. Неужели я вынужден буду передать это дело в руки жандармов? Лучше всего было бы съездить к Кноллю. Но его цирк как сквозь землю провалился. Вероятнее всего, труппа пересекла границу и уехала в Германию. Нигде о ней ничего не было слышно.

Понемногу я стал забывать о своих проектах и начал утешаться тем, что настоящие мудрецы не вмешиваются в ход истории, что они удовлетворяются созерцанием и описанием событий. Но авантюризм у человека в крови. И мне было трудно с этим совладать.

Между тем Гильда поссорилась с новым практикантом, и шансы на успех у меня повысились. Шеф стал отвечать на мои приветствия, а когда к нам однажды приехал начальник, родственник заведующего отделением, то он даже похвалил меня перед ним.

— Я вас уже простила, — заявила Гильда, появившись однажды у меня в кабинете. И тут же уселась на стол. — На вас нельзя долго сердиться, — продолжала она с обезоруживающей улыбкой, между тем как за дверью плакал ребенок неизвестного отца. — И с тех пор вы так страдаете, что мне вас жаль, Андрэ.

— Меня зовут Индржих, — возразил я. — Ах, ты мой сладкий Индржишек...

Я должен был отступить к дверям. Лучше всего бы выскочить в окно, но мой кабинет находился в полуподвальном помещении. Я уже представлял себе, как ее папаша поджидает за дверьми, чтобы застичь нас врасплох.

Но застиг нас вовсе не он. В кабинет вошла хорошень-

кая девушка в кожаном пальто и с автомобильными очками на лбу. Когда я помог ей снять пальто и она отложила в сторону свои автомобильные доспехи, передо мной оказалась не то голливудская звезда, не то парижская манекенщица. Я и не предполагал, что на свете вообще могут существовать такие красивые женщины.

У нее был прекрасный овал лица, большие карие глаза, светлые волосы и греческий профиль, фигура праксителевых статуй.

— Джина Джонс... — отрекомендовалась мне посетительница. Она только посмотрела на Гильду, и та под этим взглядом сразу же присмирела и замерла, словно лягушка перед змеей. — Я приехала в связи с вашим письмом... — Тут она закурила сигарету иностранной марки в длинном мундштуке и, не дожидаясь приглашения, села, положив ногу на ногу. Затянувшись, она еще раз поглядела на Гильду. Этого уже было достаточно.

— Не буду мешать... — бросила Гильда и чуть ли не убежала из комнаты. Она, видимо, обратила внимание на английский акцент, с каким говорила посетительница, и поняла, что перед ней иностранка, плохо владеющая немецким языком.

— Кноль перedal мне ваше письмо, — продолжала гостя. — Меня тоже интересует этот... — она секунду помолчала и добавила, подавляя, видимо, внутреннее сопротивление: — Тарзан. Я ведь тоже убеждена, что это человек. Но чем дальше идет дело, тем меньше у меня сторонников... — При этих словах она улыбнулась. Это была ее первая улыбка за все время визита, но она придала мне сил. До сих пор мне казалось, что весь этот визит наводит на

нее невероятную скуку. Но теперь у меня было доказательство, что моя персона представляла для нее определенный интерес, что она приехала именно ко мне.

— Готов служить вам... — как ни странно, но весьма кстати вставил я. И вдруг почувствовал себя совсем иначе. Когда тебе улыбается голливудская кинозвезда, становишься более самоуверенным.

— Я убеждена, что Тарзан — человек, причем я знаю, кто этот человек. — Она положила на стол фотографию стройного мужчины в смокинге. — Это молодой барон Хоппе. Не хотите ли выслушать меня?

И она улыбнулась еще обворожительней. Мне ничего не оставалось делать, как принять ее предложение, ибо действительно трудно было распознать в этом светском джентльмене человекоподобную обезьяну, которую я совсем недавно видел в клетке. Все это показалось мне подозрительным. Я совсем не хотел стать жертвой какой-то авантюры.

— Видите ли, я хочу рассказать вам свою историю. В ней, собственно, нет ничего особенного. Вы, вероятно, читали в детстве «Книгу джунглей»? Разве Маугли казался вам каким-то особенным? Так вот, в Индии нередко бывает так, что из-за голода родители бросают своих детей в джунглях, и там их выкармливают и воспитывают звери. Случается, что даже львы. Говорят, три года назад в Бомбее был обнаружен мужчина, который пробыл несколько месяцев в плену у царя зверей. А из Алеппо сообщают, что два месяца назад кочевники поймали там «мужчину-газель». Он прожил в стаде много лет, питался травой и, когда его стали ловить, попытался спастись от преследо-

вателей, убегая огромными скачками. А кто знает, что происходит в Африке? Ведь там отдельные племена совсем не представляют, сколько у них народу, и не регистрируют тех, кто исчез в джунглях. Человек легко приспосабливается ко всему. И если он смог приспособиться к нашей современной цивилизации, то почему бы ему не ужиться, скажем, с медведями, если родился он в определенной обстановке и с малых лет видел вокруг себя одних медведей? Что же касается Тарзана, то это – наиболее известный представитель такого сорта людей. А барон фон Хоппе – наиболее значительный... – вздохнула она. – Ему принадлежат многие владения в Австрии, Германии и Чехии. Род его известен славными традициями, и я удивлена, что вам это не известно. Его знают во всех аристократических домах Европы. И такой человек под видом шимпанзе исполняет номера в цирке Кнолля!

Она говорила все быстрее и быстрее, будто не могла совладать с собой или просто потому, что повторяла свою историю уже не в первый раз. И все смотрела на меня и улыбалась своей манящей улыбкой. Может, ей даже хотелось взять меня за руку, но мной овладел страх, он рос. Собственно, я уже перестал считать ее сумасшедшей, я боялся другого – шантажа, боялся, что прибывшая ко мне дама хочет втянуть меня в какую-то бесконечную имущественную тяжбу.

И тут мне захотелось, чтобы вернулась Гильда. Но она не возвращалась – я отлично знал, что она подслушивает за дверью.

В тот день я просидел у себя в кабинете до глубокой ночи и понял, что Джина приехала на своем спортивном

«ягуаре» лишь затем, чтобы рассказать мне свою историю. Она отказалась от угощений – ей просто было нужно, чтобы я ее выслушал. В конце концов это была самая необременительная просьба из тех, что я готов был для нее выполнить. Тем более что ее рассказ меня ни к чему не обязывал, а внешность ее была приятной.

– Самое ужасное – то, что я не могу его спасти. И к вам я приехала с отчаянья. Мне, собственно, не так уж нужен антрополог. Ведь у меня целая гора всевозможных справок и заключений ученых. Мне нужен энтузиаст, который попытался бы спасти барона, который попытался бы помочь мне. От этого зависит моя судьба. Я должна была выйти за него замуж. Я его невеста. Мы познакомились с ним несколько лет назад в одной из экспедиций сэра Уэзе-рола.

В ЧЕРНУЮ АФРИКУ

В ту экспедицию я попала с отчаянья... Только вам расскажу все без утайки – ведь от вас я жду помощи.

Мне давно известно, что я красива, известно чуть ли не с детства – об этом говорили все. Родители тоже не отставали от других и следили за каждым моим шагом, хотя я ровным счетом ничего дурного не делала. «Любой мужчина может тебя обидеть, – твердили они, – потому что ты красотка».

На этом основании я находилась под охраной даже в двадцать лет. Но в действительности обижали меня вовсе не мужчины, как предполагала моя мать, а женщины. Женщины издевались надо мной, это они старались меня унижить.

Все началось еще в школе с союза, который заключили против меня наша старая учительница с моими же сверстницами-дурнушками. Я не могла произнести ни слова без того, чтобы не смеялся весь класс; стоило мне сделать какое-нибудь движение, как в мою сторону устремлялись завистливые взгляды.

– Послушайте, Джонс, – не раз звучал в моих ушах злобный голос директрисы, – красота – это еще не все!

Вскоре я стала побаиваться ходить на танцы, ибо нередко получалось так, что какая-нибудь из завистниц, которой приходилось часами ожидать партнера, чем-нибудь да мстила мне – то она рвала на мне блузку, то наступала на шлейф длинной юбки, то рисовала на спине чертика, то подкарауливала в уборной, чтобы вцепиться мне в волосы.

Постепенно я перестала появляться на людях, к чему моя мать отнеслась весьма одобрительно: она еще не была стара и довольно остро реагировала на то, что в общественных местах на меня обращали внимание, а на нее нет.

Для окружающих я была совершенно невыносима.

Само собой разумеется, меня пригласили в знаменитый салон мод – там я должна была демонстрировать новые фасоны. Но, бог мой, нельзя было сделать и десяти шагов, чтобы у меня не начинала кружиться голова под множеством враждебных взглядов, – они, словно жгучие огненные бичи, стегали меня по плечам, по груди, по всему телу.

Не понимаю, почему люди так завидуют красавицам! Уверяю вас, что красота – самое ужасное бедствие, которое только может постигнуть человека, это ужаснее, чем горб. Мне и сейчас приятно, когда можно закрыть лицо,

ну, скажем, автомобильными очками. Хотя круглый год я готова ездить в спортивной машине, только бы носить эти очки: чтобы меня никто не видел, чтобы никто не вертелся вокруг и я хоть на минуточку могла отдохнуть от всех этих взглядов, от всего этого проклятия.

Мужчин я боялась, потому что они готовы были взять меня силой – между тем мне следовало подождать партии, подходящей для такой девушки, как я, – а женщин боялась, потому что они меня ненавидели. Все это было уже невозможно вынести, а оставаться на службе я не могла, в особенности после того, как мне предложили демонстрировать новый фасон нижнего белья.

Я взяла расчет и примкнула к экспедиции сэра Уэзерола, который готовился ехать в Африку ловить обезьян. Конечно, я собиралась туда не ради обезьян, хотя и прочитала тайком от матери немало книг по зоологии. (Надо сказать, что моя мать считала неприличным, когда красивые девушки много читают.) Явилась я к Уэзеролу и потому, что мой шеф, доктор Миллер, был очень безобразен – лицо у него испещрено мелкими морщинами, кожа на черепе, казалось, принадлежала слону или бегемоту.

Экспедиция собиралась произвести нападение на так называемый обезьяний рай, где живут шимпанзе семейства «рана манжаруна»; суданские арабы называют их «ба-ам». Как известно, вся эта местность заражена мухой цеце, и, чтобы не заболеть сонной болезнью, европейцы нашей экспедиции должны были носить маски из плотной ткани, которые предохранили бы от укусов этих насекомых.

Таким образом, лица у нас были скрыты под маской, а тело – под светло-зеленым тропическим балахоном, напо-

минавшим скорее мешок, чем какое-либо одеяние. Все мы были совершенно одинаковы, как монахи в своих рясах. Нас даже невозможно было отличить друг от друга.

О своих намерениях я тогда не посоветовалась с матерью и написала ей уже с корабля. Сэр Уэзерол был доволен, что нанял лаборантку за невысокую плату: не всякая женщина согласилась бы принять участие в такой опасной экспедиции, а его финансовые возможности были весьма ограничены.

Доктор Миллер вел себя безупречно – видимо, он меня понял; так по крайней мере мне показалось вначале. В свое монашеское одеяние я облачилась уже на корабле, а после Канадских островов никогда не появлялась без покрывала. Я проглатывала книгу за книгой и постепенно освобождалась от страха.

В конце концов, думала я, муха цеце не может быть опаснее моих сослуживцев, которые во время последней демонстрации мод так подпороли мое платье, что не успела я сделать и нескольких шагов, как оказалась обнаженной перед целым Альбертс-залом. Публика ревела, пресса была близка к помешательству. Даже на другой день я боялась выйти на улицу: так мне было плохо.

А здесь все было по-другому. Я весело бегала по пристани, по палубе, словно вновь родилась на свет божий.

– Моя главная задача – раздобыть половые железы обезьян, чтобы наладить опыты по омоложению согласно методу Воронова. Чем больше желез нам удастся раздобыть, тем больше денег мы получим, – заявил доктор Миллер.

Это мне очень понравилось. Миллер говорил об этих железах как истинный коммерсант. Совсем не так, как другие. И ни разу не осмелился прикоснуться ко мне, даже когда давал подробные инструкции, как вести себя с обезьянами-самцами, с которыми мне доведется встретиться, и когда рассказывал об особенностях операции, которую я должна буду делать.

Вообще, это был первый инструктаж в моей жизни по столь щепетильному поводу. Мать моя, хотя и предупреждала, что нужно быть осторожной с мужчинами, но никогда ничего толком о них не рассказывала. Поэтому в мужчинах я разбиралась еще меньше, чем в обезьянах.

— Ничего, привыкнете. Обычная операция, как и всякая другая.

— Из вас получится хорошая путешественница.

— Через два года организуете собственную экспедицию.

Так говорили мужчины, которые ехали со мной. Это были сэр Уззерол, доктор Миллер и патер Дилоуби, который хотел организовать у туземцев новую миссионерскую станцию. Он рассказывал мне, скольких чернокожих ему удалось окрестить в своей жизни.

Приятно было слушать его рассказ после утренних наставлений доктора Миллера, который не задумываясь стал бы кастрировать негров, если бы только нашелся человек, готовый солидно компенсировать ему риск подобного преступления.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Туземцы встретили нас хмуро. Они издавна слыли людоедами, и только карательная экспедиция майора Уэлса, который недавно устроил здесь такое побоище, что оставшиеся в живых оказались не в силах съесть всех мертвых, заставила их скрыть от белых людей свой варварский обычай. Да и, кроме того, после недавней резни они отнюдь не горели желанием признать белого бога, которого им навязывал патер Дилоуби.

Ибо они исповедовали собственную религию, и в этой религии — о, горе нам! — человекообразные обезьяны, называемые на их языке «импунду», играли весьма своеобразную роль. Туземцы считали их лесным народом, священными животными, которых запрещалось убивать и употреблять в пищу.

Очевидно, именно поэтому они и вознаграждали себя тем, что поедали своих врагов. Вот почему нелегко было найти носильщиков для нашей экспедиции, и те несколько безбожников, которых нам все же удалось завлечь разными посулами, пришли в неопиcуемый ужас, когда узнали, для каких целей нам нужны обезьяны.

— Начнем охоту прямо на месте, — решил сэр Уэзерол. — В обезьяньем раю.

До этого места нужно было идти двенадцать томительных дней, начиная от последнего негритянского селения на реке Нелле. В пути пришлось пересечь два огромных болота, преодолеть водопад и прорубить дорогу через густые заросли лиан — ничего подобного в Африке я еще не видела. В добавление ко всему то и дело приходилось

уговаривать наших проводников не бросать нас, обещать им новые подарки и открывать бутылки с дешевым виски.

Я никогда и не предполагала, что утро в этих краях может быть таким студеным, и только теперь поняла, что прав был доктор Миллер, утверждая, что в Экваториальной Африке пара пустяков схватить простуду или воспаление легких. Комары и мухи цеце осаждали нас днем и ночью. Огромные летучие мыши так шумно хлопали крыльями, кружа над нашим костром, что заглушали даже гул тамтама, которым туземный колдун непрерывно призывал вернуться своих заблудших овец.

Экспедиция началась скверно. Но самое неприятное ожидало нас впереди, когда, добравшись наконец до места, где некогда сэр Уэзерол построил свою базу, мы не нашли ни закопанного в землю сундука с продовольствием, ни спрятанной в металлический ящик карты.

Хижина сгорела, от ящика не осталось и следа, продукты кто-то унес. Только к вечеру мы обнаружили под молодой пальмой раскрытый сундук, в котором, точно собачонки в будке, уютно устроились маленькие обезьянки. Мы их всех поймали. Только шимпанзе нам не попадались. Обезьянки не представляли никакой ценности для нашего доктора.

— Железами этих крошек не омолодишь ни одного миллионера, — смеялся он. — Не за ними мы сюда пришли...

Наши проводники смирились бы с мыслью, что мы ловим обезьян для зоопарка или охотимся на них ради шкуры — такое уже проделывали до нас другие европейцы, — но потрошить обезьян? Нет, с этим они не могли смирить-

ся. На другой день проводники сбежали, прихватив с собой все наши ружья и боеприпасы. Уже в полдень мы услышали вдалеке залпы из всех наших винтовок, точно там была ярмарка или веселое гулянье.

— Это вы во всем виноваты, — набросился на сэра Уэзерола доктор. — Надо было нанять негров на побережье. Они понадежней. А вы, с вашей экономией...

— Зачем вы вообще нас сюда затащили? — ворчал патер. — Здесь обезьян не больше, чем в любом другом месте Африки.

Так они спорили до самой ночи. Но нам не суждено было узнать, зачем сэр Уэзерол привел нас сюда. В тот же вечер он покончил с собой выстрелом из револьвера. Скорее всего, наша экспедиция за обезьянами преследовала какую-то иную цель, которой он так и не достиг, обнаружив пропажу карты.

Мы похоронили сэра Уэзерола, как христианина. Патер Дилоуби произнес над могилой речь, и мы открыли последнюю банку консервированных ананасов с рисом, которую не успели утащить туземцы.

В наследство от сэра Уэзерола нам остался только небольшой дамский револьвер, который мог лишь раздражить взрослого шимпанзе, если мы вообще его встретим.

Но патер Дилоуби был в Африке не впервые и имел опыт по части охоты. На обратном пути ему нередко удавалось подстрелить какую-нибудь живность к обеду. Вдобавок погода улучшилась, нас больше не мучили дожди, и я стала надеяться, что обратный путь будет приятнее.

— Кто же нам теперь заплатит? — сетовал доктор Миллер. — У этого старого мошенника, конечно, не было в

кармане ни гроша. Очевидно, он отправился в путешествие, чтобы поправить свои дела. Неизвестно, как мы вообще доберемся до Европы.

Да, я забыла вам сказать, что у покойника мы нашли только два фунта пять шиллингов и три чековые книжки без единого бланка.

Но мне все еще не было понятно, чего опасаются мои спутники. Я-то чувствовала себя в этих джунглях превосходно. Мать, очевидно, вышлет мне денег на обратную дорогу, но если потребуется – можно остаться здесь и на несколько лет. Мне казалось, что мы вернемся без особого труда.

Но я ошиблась. Тропинка, которую туземцы прорубили в джунглях, совсем заросла. Здесь все растет буквально на глазах. И там, где мы прошли, лианы, казалось, стали еще гуще и толще. Бывшая тропинка напоминала рану, которая затягивалась целительным и еще более крепким рубцом. А у нас не было ничего, кроме перочинного ножа и скальпеля из лаборатории.

– Ну и влипли мы в историю, – пробормотал, чертыхаясь, патер. – Почему он не взял с собой хотя бы радиопередатчик... Даже на этом хотел сэкономить. Как же теперь звать на помощь?

И он с яростью швырнул на землю рюкзак покойного Уэзерола, который мы несли по очереди. Мне хотелось, чтобы мои спутники не щадили меня и не избавляли от обязанностей. В тот день я впервые почувствовала себя усталой. И мною впервые овладел страх. Но теперь я уже боялась не того, что меня обидят; я испугалась за свою жизнь.

Я сделала несколько шагов, но лианы преградили мне путь. Они стояли густой плотной стеной. Трудно представить, что мы вообще сможем пробраться сквозь эту чащу. Прислонившись к пальме, я заплакала. Попыталась разорвать лианы руками, но ничего не получилось. Ко мне подошел доктор Миллер. Он стал успокаивать меня и даже обнял за плечи. Этого еще не хватало!

— Оставьте меня в покое! — заорала я и вкатила ему две увесистые пощечины. — Неужели я убежала в джунгли ради того, чтобы уединиться здесь с вами, с таким уродом? — И я разразилась истерическим хохотом.

Патер был гораздо толще, чем обычно бывают святые отцы. Он простер надо мной руки, и несколько минут я молилась вместе с ним, словно маленькая девочка. Мы заснули в наскоро сооруженной палатке, нимало не заботясь об охране. Пройди мимо пантера — она неплохо бы поужинала... Но пантера в эту ночь, наверное, была далеко или просто нас охранял какой-то добрый дух. Надо думать, кто-то охранял! Потому что утром, когда я встала и протерла глаза, то застыла в изумлении, увидев узкую тропинку, вырубленную в зарослях лиан. Ночью кто-то прорубил нам дорогу в джунглях.

— Смотрите-ка! — позвала я обоих мужчин.

— Чудо, — осенил себя крестом отец Дилоуби. — Ты просто святая... Дева Мария слышала твои молитвы...

— Чепуха, — буркнул доктор Миллер.

— Если не верите, можете оставаться здесь, — осадил его патер. Обняв за плечи, он повел меня в чащу леса. При этом он так прижимался ко мне, что пришлось его оттолкнуть. Неужели и этот набожный патер туда же? Неужели

ничто не спасет меня от него? На другой день мы опять обнаружили прорубленную в зарослях тропинку. Теперь уже нас охватил страх.

— Ну вот, пожалуйста... — торжествовал доктор Миллер, который, разумеется, отправился с нами дальше. — Еще не известно, куда заведет нас этот зеленый туннель. А что, если там впереди, алтарь не девы Марии, а здешней богини мщения, которая потребует человеческих жертв? Забавное будет зрелище: ирландский католик превращается в черного знахаря. Теперь можно ожидать чего угодно, любой ерунды: ведь мы потеряли здравый смысл.

— А по-вашему, лучше умереть с голоду?

— Это более логично. Нам нельзя рассчитывать на чью-то помощь, на разум надеяться нечего. Мы поставили на карту свою жизнь. Эрго — мы должны умереть. И вот нам дарует жизнь некая иррациональная сила, которая кажется мне еще более подозрительной, нежели эта трясина, в которую мы, чем дальше идем, тем больше погружаемся, — непрерывно бурчал доктор.

На его лице было написано явное недоверие, и все же он упрямо шагал вперед, ибо тоже надеялся на спасение, пусть даже вопреки здравому смыслу. Внезапно у небольшой сухой поляны тропинка оборвалась, джунгли расступились. Посреди поляны стояло несколько палаток. Мы наперебой закричали и бросились к лагерю, голодные и исцарапанные. Но нам никто не ответил.

МЕРТВЫЙ ЛАГЕРЬ

Я первая подбежала к палаткам, но вокруг — никого. Видимо, покинутый лагерь. Заглядываю в ближайшую па-

латку. Там, на кроватях, лежат два скелета, начисто обглоданные муравьями, а на голых черепах — тропические шлемы немецкого африканского корпуса.

Я не могла оторвать от них взгляда. Так и стояла, будто остолбенела. Мертвый лагерь. Как мы потом установили, люди умерли лет двадцать назад, во время первой мировой войны, а скорей всего они даже и не знали, что началась война. Мы нашли двадцатилетней давности консервы, боеприпасы и водку. Все было в стеклянной посуде, упаковано тщательно, с настоящей немецкой аккуратностью. Даже ружья с отлично смазанными затворами и стволами нисколько не заржавели за все эти годы. В особом футляре мы нашли дневник экспедиции. В этом дневнике барон фон Хоппе прощался с миром; его, одинокого и больного, покинули носильщики.

Значит, не мы первые в таком положении. И в заключение длинного письма барон выражал надежду, что кто-нибудь спасет его трехлетнего сына, которого он вынужден был взять с собой в экспедицию. Но спасители, по всей видимости, не пришли, так как дневник остался нетронутым. Детского скелета нигде не было видно. Впрочем, мы особенно и не искали, потому что переходы последних дней по таинственной просеке в джунглях совсем отучили нас логически мыслить.

Я упала на свободную кровать в покинутой палатке, и мне было наплевать, что на соседней кровати лежат скелеты. Меня разбудили громкие голоса: это доктор Миллер настиг в джунглях наших негров. Скорей всего они решили, что имеют дело с колдуном, потому что даже местные следопыты не могли бы так быстро пробраться через тро-

пические заросли. Негры распростерлись ниц перед доктором и стали просить пощады. Они вернули нам все оружие и были готовы нести поклажу. Только где она, наша поклажа! Даже одежда на нас была изодрана в клочья. Мы не могли показаться носильщикам в таком виде.

И тогда патеру Дилоуби, который в это время хоронил оба скелета в лесу, пришла в голову счастливая мысль. Вернувшись, он открыл сундук, в котором хранилось снаряжение барона фон Хоппе, и мы все переоделись.

Оказалось, что в составе экспедиции была какая-то женщина. Мне достался ее допотопный наряд с турнюрком и широкой юбкой. После такой метаморфозы нам больше не пришлось доказывать черным носильщикам нашу способность к чародейству. Они беспрекословно поверили, что доктор Миллер намного искуснее их местных знахарей, и, конечно, обещали завтра же отправиться с ним ловить обезьян.

После полудня мы принялись за дела: ознакомились со снаряжением покинутого лагеря, связали сети для ловли обезьян и подготовились к вечеру. Все были счастливы. Тем более что и немецкие консервы оказались съедобными, и водка отличной.

Только мне было не по себе. Мной снова овладел безотчетный страх. Не знаю, чего я боялась. Доктор и патер пребывали в восторге, оттого, что у них появились шансы на успех, и забыли, что этим шансам они обязаны бессмыслице (по мнению одного) и чуду (по мнению другого). Только я не переставала обо всем раздумывать. Думала и о том, почему меня снова охватил страх. Мне казалось, будто кто-то все время смотрит на меня, будто кто-то ходит за мной. Но кто? Мне было очень плохо.

Только во время обеда я заметила его. Сегодня, впервые за долгое время, доктор Миллер сварил горячую еду, и мы все сошлись вокруг костра. И тут я снова ощутила на себе этот взгляд. Я было повернулась в сторону леса, но вдруг решила посмотреть вверх и подняла голову.

Там, на вершине дерева, висела большая светлая человекообразная обезьяна. Она держалась за ветку только одной рукой и внимательно следила за каждым нашим движением. Я точно окаменела и не могла пошевелиться.

— Что с вами, дитя мое? — спросил патер Дилоуби. У меня словно язык прилип к гортани. Тогда патер тоже поглядел вверх. Все мы застыли недвижимо, как и негры, которые никогда в жизни не видели такой обезьяны.

— Внимание... тише... — предостерег нас доктор и скрылся в палатке. Между тем обезьяна спустилась по лиане с дерева и медленно, на четвереньках приближалась к нам, делая круги. Негры упали на колени, решив, что сам лесной бог пришел их покарать. Но в этот момент откуда-то вынырнул доктор Миллер и набросил сзади сеть на обезьяну. Шимпанзе сразу же перестал метаться. Теперь даже мне Миллер показался чародеем. К вечеру он построил деревянную клетку, отыскал где-то большой висячий замок и запер обезьяну.

— Вот это добыча! — говорил он. — Настоящая сенсация! Зоологические сады будут драться из-за него.

— Но он как-то странно смотрит на меня...

Я все еще была сама не своя. Даже не предполагала, что обезьяны могут до такой степени походить на людей. Мне не хотелось подходить к клетке, да и негры не отваживались на это.

– Они обратили вас в свою веру? – смеялся доктор.

– Странно только одно, – заметил патер, который немного завидовал доктору и не слишком-то радовался его успехам, – что я в жизни не слышал о светлых шимпанзе. Да к тому же еще без волос на теле!

– Значит, вы очень мало в жизни слышали, – усмехнулся доктор с превосходством естествоиспытателя, – знаменитая самка шимпанзе Масука из берлинского зоосада была абсолютно лысая, точно Гай Юлий Цезарь...

– Но у этой обезьяны совершенно особенные надбровные дуги... – продолжал патер. – И нижняя челюсть у нее такая же, как у вас или у меня... посмотрите...

Мы сидели рядом с клеткой. Шимпанзе все время смотрел на меня, хотя был связан веревками, точно новорожденный свивальником.

– Не станете же вы утверждать, что это человек? – засмеялся доктор и швырнул в зверя дымящуюся сигару. Зверь заревел от боли.

– Может быть, вы считаете его человеком? – со смехом спросил Миллер, когда мы отбежали от клетки. – Природа могущественна. Возможно, это какая-то мутация, какой-то переходный вид, кто знает. Этот экземпляр прославит нас. Не хотите ли выпить? – пригласил он меня, останавливаясь перед входом в палатку.

– Нет, – ответила я. Я хотела домой. Слишком уж много неожиданного встретилось нам в этом путешествии...

Но самая большая неожиданность ждала нас на другое утро. Клетка была пуста. Веревки, которыми нам удалось вчера связать шимпанзе, валялись на земле. Патер Дилуби поднял сбитый замок.

— Он использовал в качестве рычага обгорелую палку...
Никогда не слышал, чтобы шимпанзе были взломщиками...

Ни слова не говоря, доктор вытащил из кармана тяжелый пистолет.

— Подождите, Миллер, опомнитесь. Я не допущу, чтобы вы совершили преступление. Неужели вы не понимаете, что собираетесь убить человека? И к тому же человека, которому мы обязаны спасением? Кто же еще прорубил нам дорогу сквозь заросли лиан? Теперь я знаю — это не было чудом. Нас спас юный барон Хоппе, которого вырастили обезьяны... — И патер отбросил носком башмака перегрызенные веревки. — Это такой же человек, как и мы с вами.

— Кто? — Я не могла удержать восклицания.

Но доктор будто и не слышал слов патера. Он не хотел отказываться от своего намерения и стал подстрекать к бунту наших негров. Те пали перед ним на колени, дрожа от страха.

Вдруг мы увидели, что к нам спокойно приближается наш пленник в костюме доктора Миллера, очевидно, похищенном ночью. Он не боялся огня. И был сложен, точно Адонис. Но доктор все же выстрелил в него. Тот взглянул на нас, ничего не понимая. Потом бросился бежать в джунгли.

Я выбила пистолет из рук Миллера.

— Убийца! — крикнула я и бросилась вслед за бароном. Я бежала за ним в джунгли, впервые в жизни бежала за мужчиной. Страх у меня исчез. Вдруг мне пришло в голову: вот это партия! Где я еще найду такого красавца и силача да к тому же аристократа? На бегу я сорвала с лица

сетку, совсем забыв про цеце. Я должна понравиться ему! Он стоял на ветке, совсем низко. Мгновение мы смотрели друг на друга. Мне захотелось ему что-нибудь сказать.

– Вернитесь! Произошла ошибка! Мы все благодарны вам... – прошептала я. Он засмеялся. Я могла бы поклясться в этом. Голос у него был низкий и смех прекрасный. Потом он прыгнул ко мне, перекинул меня через плечо. Закрыв глаза, я в страхе вцепилась в него и только временами посматривала вниз.

Мы перелетали с дерева на дерево, с ветки на ветку, как будто у моего похитителя выросли крылья. Только теперь я поняла, что наделала. Кто знает, куда он унесет меня. Но было уже поздно.

В конце концов я почувствовала под ногами что-то прочное и отважилась открыть глаза. Мы стояли на вершине высокого дерева; площадка, где мы находились, была огорожена чем-то вроде перил.

На расстоянии протянутой руки росли бананы, кокосовые орехи и орхидеи, внизу блестело озеро, а вокруг вились стаи колибри, пестрых птичек, – одни побольше, другие поменьше, а самые крохотные были величиной со шмеля.

Синее небо раскинулось над нами, а прямо перед глазами над кронами деревьев вздымался высокий хребет, вершины которого покрывал вечный снег. Всюду была тишина и покой.

Я посмотрела на барона.

– Прежде всего придется его побрить, – сказала я себе.

ОБЕЗЬЯНИЙ АД

Казалось, сбылось все, о чем только можно было мечтать. У меня был красавец-муж, аристократ, и мы с ним жили в раю, в буквальном смысле слова.

Конечно, я и раньше знала, что обезьяны устраивают гнезда в кронах деревьев. Но у нас было не обезьянье гнездо. Отнюдь нет.

Барон – я все еще не придумала для него имени – принес туда уйму вещей из покинутого отцовского лагеря. В первую очередь два длинных штыка от немецких военных винтовок, заменивших ему настоящие клыки здесь, где все звери пускают в ход зубы.

Было там также несколько книг с картинками, которые барон Хоппе взял с собой в дорогу для сына. С них-то мы и начали. Он постепенно вспоминал человеческую речь, восстанавливая представления об основных вещах. Таким образом в промежутках между любовью и поглощением тропических лакомств я стала учительницей и одновременно миссионеркой. Ведь мечта каждой женщины – воспитать мужа по-своему. Здесь мне представилась такая возможность. Этот человек мог стать для меня надежной защитой, и я уже ничего в жизни не буду бояться, никогда не почувствую себя одинокой, преследуемой, гонимой.

Но наш покой нарушили обезьяны, которых туземцы называют «чипензо», то есть копатели корней. Они приходили сначала поодиночке, потом парами. Усаживались на соседние деревья и наблюдали за мной. Потом начали что-то кричать барону, и я покрикивала на него, используя те несколько слов, которым его научила.

Он, бедняга, не знал, кого и слушать. Особенно противной была одна самка. Она бросила в меня камнем, как уличный мальчишка. Барон хотел вступить за меня, но я ему не разрешила. Нет, не из трусости, просто ему следовало внушить, что он человек, аристократ, который должен обладать чувством собственного достоинства и не может драться с какой-то обезьяной. Кстати, это была самая безобразная обезьяна, какую мне когда-либо приходилось видеть. Не понимаю, как она могла ему когда-то нравиться.

Остальные обезьяны пришли сюда не из ревности: по видимому, они просто жили на ближайших деревьях. По несколько раз в день они собирались вокруг большого дерева неподалеку от озера, били себя в грудь, колотили по дуплистым стволам, подымали оглушительный шум и отвратительно пахли. В общем, основательно испакостили мой рай.

Барон мне все объяснил. На этих сборищах они похваляются своей силой и талантами, хвастают подвигами, которых никогда не совершали, и угрожают своим врагам — еще более крупным, но склонным к одиночеству обезьянам «нсику». Обе стаи с давних пор враждуют из-за этой рощи, хотя ее плодов с избытком хватало бы на то, чтобы прокормить еще десять таких же стай. Но они злорадны и жестоки и ничем не хотят поступиться.

Я присутствовала при их сражении. Они кусали и колотили друг друга просто из желания подраться. Дело было вовсе не в бананах или других плодах, которые они срывали и бросали в грязь или уничтожали. Обезьяны кусались, вырывая друг у друга клочья шерсти, ломая конечности, и кровь ручьем стекала в блестящее озеро.

Тут-то мой барон потерял самообладание. Он опустил-ся на четвереньки и стал кричать по-обезьяньи. Но они не обращали на него внимания. Тогда он расплакался. Да, уткнулся мне в колени и всхлипывал, как обманутый ребенок.

Мне это было на руку. За несколько дней до того я обнаружила в маленьком кожаном катехизисе, который барон принес мне в гнездо, несколько случайно сохранившихся там стофунтовых банкнот – сумму, которой вполне хватит на дорогу домой и на несколько месяцев спокойной жизни.

– Тебе не место среди них, – улыбаясь, спокойно сказала я, глядя ему прямо в глаза. – Ты человек.

Он выпрямился.

– Люди никогда не дерутся из-за пищи, – убеждала я его. Он не мог себе этого представить.

Потом, когда мы уже ехали на пассажирском пароходе к Саутгемптону, он целыми днями просиживал в ресторане, наблюдая за тем, как едят пассажиры – нисколько не торопясь, не пытаясь отобрать что-нибудь у соседа, не бросая друг в друга котлетами или фруктами, не колотя и не отталкивая других от стола, как это делали обитатели джунглей. И это его очаровало. А пассажиры были очарованы им.

Я не пожалела денег, чтобы прекрасно одеть его у первого же торговца на реке Нелле. А как только мы прибыли в порт, заказала ему смокинг. Он выглядел в нем изумительно. Как киноактер. Все женщины оборачивались ему вслед и завидовали мне. Право же, на него смотрели больше, чем на меня.

А я об этом мечтала всю жизнь. В Лондоне нас окружили журналисты, мы стали сенсацией дня. «Новый Тарзан...» «Последний Тарзан...» «Новые приключения в джунглях...» Наши фотографии печатались на первых страницах газет. Моя мать была счастлива. Она больше не сердилась на то, что я уехала за границу без ее разрешения. Ведь о лучшей партии я и мечтать не могла. Он беспрекословно слушался меня. И беспрестанно всему удивлялся.

В германском посольстве меня не приняли. Что ж, я получила нужные сведения в другом месте. Всем имуществом семьи Хоппе – а оно оценивалось во много миллионов – владеет сейчас пасынок покойного барона.

Спустя неделю мы уже отправились в Гамбург. Там нас никто не встретил. Ни один репортер не явился на пристань. Но зато два неприметных господина не спускали с нас глаз до самого отеля.

Это было время, когда нацизм в Германии достиг расцвета. По улицам ходили толпы мужчин в коричневых рубашках, на стенах висели огромные портреты фюрера, даже в отеле нас приветствовали, подняв правую руку. Все это удивляло барона. Таких порядков в Англии он не видел.

Его брат принял нас лишь после длительных телефонных переговоров, только после того, как я пригрозила ему общественным скандалом и судом. Он сидел в кресле, прикрыв ноги большим клетчатым шотландским пледом. Нам говорили, что он на два года моложе Тарзана, но выглядел он, как дедушка. И это было, собственно, его основным аргументом:

– Вы уверяете, что это мой сводный брат? Вольфганг?

Вздор! Он погиб много лет назад в Африке вместе с отцом. У меня есть соответствующее постановление суда. Не станете же вы утверждать, что этот господин — член нашей семьи? Он ехидно рассмеялся и указал на висевшие на стене портреты своих предков.

— Размягчение костей — наследственная болезнь рода фон Хоппе, по ней можно узнать его членов скорее, чем по сходству черт лица. И вы станете утверждать, что этот господин, — он брезгливо посмотрел на мускулы Тарзана, — страдает размягчением костей? Да тут и спорить не о чем. Видимо, в его руки случайно попали реликвии, оставшиеся после моего отца. Надеюсь, что вы мне их вернете, так как в качестве законного наследника я имею на них право.

«Он, пожалуй, будет еще претендовать на те несколько сот фунтов стерлингов, которые я нашла в катехизисе». Мой барон ничего не отвечал. Только улыбался. Озираясь, с каким-то отсутствующим видом, он вдруг поднялся и подошел к стене. Стал ее ощупывать.

— Что находится за этой стеной? — спросила я.

— Ничего, — встревожился его брат, — решительно ничего. И только проводивший нас до выхода слуга рассказал, что когда-то там была спальня старого господина. Дверь в нее замуровали, по-видимому, у моего возлюбленного воскресли какие-то воспоминания детства.

Но никакой суд не примет их во внимание. Пусть я убеждена, что он настоящий наследник, но ведь дело не во мне. Я попыталась объяснить барону, что его хотят обокрасть, лишить законных прав. Он не понял меня. Мои слова не доходили до него.

В отеле я пошла покупать газеты, а он поторопился к лифту, в котором любил по несколько раз в день спускаться и подниматься. В газетах было опубликовано сенсационное сообщение: «В бывшей немецкой колонии в Африке найдена нефть!!!» Под заголовком было напечатано расплывчатое изображение доктора Миллера, который, улыбаясь, показывал черную от нефти руку.

Я догадывалась, что планы сэра Уэзерола не сводились к ловле обезьян, по-видимому, знал это и доктор Миллер. И сейчас осуществил эти планы. И зачем только я сбежала из экспедиции? Была бы теперь богатой. Поставила не на ту карту. В этот вечер я впервые была неласкова с Тарзаном. Мне надоело объяснять ему все, как маленькому ребенку. Его бесконечные «почему» приводили меня в отчаяние. Что толку от того» что он прирожденный аристократ, если ни один суд не признает этого? Что толку от того, что он красавец, если у него ум пятилетнего ребенка?

– Почему ты сердишься на меня? – спросил он в конце концов. Я еще не объясняла ему, что люди могут лгать. И сейчас предпочла уйти прогуляться. Мне хотелось хоть немного побыть одной. Видимо, одиночество скоро станет моим уделом. Я купила несколько немецких газет. Там писали, что еще задолго до англичан эту нефть открыл барон Хоппе, который вместе со своей экспедицией погиб перед первой мировой войной и, если уж этот район теперь не принадлежит Германии, то он, во всяком случае, является по закону собственностью семьи Хоппе.

Новости были чрезвычайно интересны. Я вернулась в отель, но барона там не застала. Мне сказали, что за ним приехал лимузин с государственным гербом. Но куда его

увезли? Этого никто не знал. Я побежала жаловаться в английское консульство. Но о каких жалобах могла идти речь, раз с самого начала мы выдавали моего друга за германского подданного?

Английский консул ничем не мог мне помочь, самое большее – пригласил бы поужинать. Но, узнав, в чем дело, услышав, что нацисты могут использовать барона, чтобы нанести ущерб английским имущественным интересам в Африке, сразу посерьезнел. Вечером ко мне в отель пришел какой-то похожий на боксера человек лет сорока с повязкой на глазу, в коричневой рубашке – крупный деятель штурмовиков и еще более крупный сотрудник английской разведки. Сказал, что отведет меня к Тарзану – так его теперь все звали.

По пути я заметила, что всюду расклеивают плакаты, призывающие на митинг по поводу немецкой Африки, где выступит барон Хоппе, недавно вернувшийся из путешествия в эти края. Я начала понимать, что происходит: враждующие державы хотят использовать его в своей борьбе.

– Мы должны помешать им, – злобно сказал мужчина с повязкой на глазу, приветствуя встречных вытянутой правой рукой. – Должны их уничтожить! Хайль! – рявкнул он проходившей мимо толпе своих единомышленников и добавил, обращаясь ко мне: – Свиньи!

По-английски он говорил так же хорошо, как и по-немецки. Я никогда не видела более странного человека. И верила ему безусловно. Недавно мне сказали, что этот человек работал, собственно, против англичан. А быть может, он уже и сам не знал, на кого работает. Мой спутник доставил меня в отель. Через час я уже сидела с бароном.

– Не будешь же ты помогать немцам, – злобно сказала я. – Вернешься в Лондон. Он не понимал. – Послушай, в Африке нашли сокровище, в твоём обезьяньем раю. Оно принадлежит Англии, а не Германии. Из-за него начнется драка.

– Я думал, что у вас не бросают друг в друга ни котлетами, ни бананами... – задумчиво произнес он.

– Нет. У нас для этого есть бомбы, гранаты и газы...

Он недоумевающе, с идиотским выражением смотрел на меня. Я с удовольствием надавала бы ему пощечин. А он только качал головой, словно не веря. Ясно – его уже подкупили, подумала я. И он будет против меня, против нас. И тут ничего не поделаешь. Придется снова работать среди ненавидящих меня людей. Мой сон кончился.

– Предатель! – крикнула я ему в лицо. – Трус, не хочу тебя больше видеть... Он растерянно смотрел на меня, почти так же, как на ту самку «чипензо».

Вечером он выступал в большом зале, переполненном до отказа. Там можно было увидеть любые мундиры, когда-либо существовавшие в Германии. Все началось с песен. Потом на трибуну полез один поджигатель за другим. Они похвалялись силой и талантами, хвастали подвигами, которых никогда не совершали, приписывали себе несуществующие заслуги, били кулаками в грудь и прыгали вокруг микрофона.

Толпа редела, шум стоял оглушительный. Наконец пришла очередь барона. Еще не потеряв надежды, я продолжала стоять на галерее: мне хотелось его услышать. Может, он все-таки испугался моих угроз? Может, он все еще любит меня?

– Люди не должны драться, как обезьяны, – сказал он.
– Договоритесь, разделите блага. Обезьяний рай может прокормить всех...

Его освистали, хотели вышвырнуть из зала, но драться он умел. Тут ему пригодился опыт, приобретенный в джунглях. Он размахивал штативом микрофона, как дубинкой. Штурмовики десятками падали вокруг него.

Наконец, окровавленный, в разорванной одежде, он выскочил через окно и помчался по крышам. За ним гнались, но ему удалось скрыться. Я потеряла его из виду. Ни мой знакомый с повязкой на глазу, ни его подчиненные не смогли разыскать его. Словно сквозь землю провалился.

Поскольку теперь прямой наследник барона Хоппе исчез, а никому другому эту землю не отдавали, ее купила английская компания. Спор угас так же быстро, как и вспыхнул.

Я вернулась в Англию, в ателье мод, где теперь демонстрирую белье для супругов толстых миллионеров. Миллионеры бегают за мной в раздевалку и предлагают все что угодно. Подумать только, я могла быть женой барона, владеть всем его имуществом и жить в Швейцарии! Я не верила тому, что он убит, надеялась когда-нибудь встретиться с ним и жила этой надеждой.

Прошло около года, и до меня дошли сведения об обезьяне в цирке Кнолля. Я поехала посмотреть на нее. Нетрудно найти человека, который согласится подвезти меня на своей машине.

Оказалось, что это барон. Это был, несомненно, он, я сразу узнала его, когда он выполнял свой номер, а потом увидела его и в клетке. Но когда я попыталась прибли-

зиться к нему, он укусил меня, как настоящий шимпанзе. Продать его Кнолль не захотел.

Я пригласила двух антропологов, чтобы они подтвердили, что это человек. Но одному из них он свернул нижнюю челюсть, а второму ударом кулака повредил позвоночник. Он становился опасным, и пришлось его связать. Мне оставалось только вернуться домой и время от времени посылать владельцу цирка деньги для того, чтобы моего жениха получше кормили.

— Если вы сможете ему помочь, — закончила свое повествование Джина Джонс, — я буду вам очень благодарна. Я уверена, что вы захотите сделать это: ведь вы наверняка уже влюбились в меня.

Цирк Кнолля проведет зиму в Находе. Вот мой адрес. Напишите, как только узнаете что-нибудь новое. Не забывайте, что на карту поставлены миллионы, которые можно будет получить, как только мы докажем, что он человек.

Был поздний вечер. В машине Джину поджидал лысый толстяк лет пятидесяти. Недружелюбно взглянув на меня, он улыбнулся ей и сказал:

— Ужинать мы будем в Дрездене с моими друзьями-коммерсантами, дарлинг.

Видимо, возил ее в качестве живой рекламы. Машина тронулась. Я остался один, с визитной карточкой в руке. Все было слишком странно, чтобы верить этому. В ту ночь я так и не смог уснуть.

СМЕРТЬ ТАРЗАНА

«Он хочет быть обезьяной, хочет быть шимпанзе и де-

дает это так хорошо, что никто мне ничего не докажет...» — будто снова слышится мне насмешливый голос Кнолля. Я беспокойно ходил из угла в угол по холодной комнате. Хоть бы немного кофе!

Но почему он решил снова играть роль обезьяны? Его обидели люди? Тогда ему нужно было бы драться с ними: ведь в своем стаде, в джунглях, он дрался не раз. Наверное, молодому самцу всегда хочется попробовать, способен ли он возглавить стадо. Почему же от людей он ждал чего-то другого? Среди обезьян он, конечно, чувствовал себя одиноким. И захотел уйти из джунглей.

Он проделал путь от неандертальца до цивилизованного человека в течение нескольких недель. Но зачем? К чему он стремился? Какова сущность человеческого бытия? Чем мы отличаемся от обезьяны? Я могу перечислить все антропологические признаки, но, должно быть, отличие в чем-то другом. Я вспоминал психологию и философию, которые не изучают на факультетах естественных наук. Может быть, ему нужна была религия, чтобы избавиться от страха смерти? Может, он хотел познать своего бога? Или тосковал по труду? Я снова и снова вспоминал о его драке с обезьянами. Почему она вызвала у Тарзана такое отвращение, почему он тогда расплакался в присутствии Джины? Ведь эти драки были проявлением эгоизма! А он, может, мечтал встретить неэгоистическое существо, возможно, мечтал о любви? Конечно! Ведь кроме любви, ничем нельзя бороться с проклятием одиночества и чувством покинутости. Джина бросила его из-за неудавшейся тяжбы.

А теперь, когда он, собственно, решился на самоубий-

ство, когда он заживо похоронил себя в обезьяньей клетке, теперь она снова ездит к нему, — но опять-таки ради его миллионов, ради титула и приятной жизни. Опять как эгоистка. Так его не спасти.

Мне уже не было холодно. Я бегал по комнате как сумасшедший, будто призывал полный зал слушателей спасти этого Тарзана. Ему нужно показать на примере, что такое человеческое милосердие или любовь: ведь у него не было случая познакомиться с ними. Только таким способом мы убедим его, что человек отличается от обезьяны, а не тем, что будем заковывать его в кандалы, как это делали в средние века. Тогда и Джина сможет выиграть процесс...

Тут я понял, что не должен о ней думать. Конечно, необходимо его убедить, что для нас важен он сам. Мы откажемся от его имущества, я откажусь от этой красивой женщины, потому что хочу ему помочь. И, кроме того, я должен любить его. Да, теперь моя обязанность горячо любить это странное существо из цирка Кнолля.

На следующий день я поехал в Наход. Там мне с удовольствием продали Тарзана. Вскоре я понял почему. Цирк обанкротился. Служащие разбежались, артисты ходили подрабатывать на стройку.

Тарзан лежал в горячке в своей клетке, уже без памяти. Продали его дешево. Я отвез его в больницу. В приемном покое никто не усомнился в том, что Тарзан — человек. Это само собой разумелось. Я сказал, что фамилия его Барон, что он бродячий артист. Вольфганг Барон.

Вольфганг лежал в нашей городской больнице несколько недель. Каждую свободную минуту я проводил с

ним, рассказывал ему о людях. Мне не хотелось переубеждать его ни в чем. Я только брал его за руку и уговаривал, что если он выздоровеет, то узнает все о своем высоком происхождении, что мы поможем ему найти то, ради чего он ушел из джунглей.

Сестры обращались с ним ласково. Конечно, он уже не был тем красивым мужчиной, о котором рассказывала Джина, но тем не менее казался интересным. О нем заботились решительно все. Обезьяны бросают своих больных, по крайней мере я так думаю. Ухаживать за чужими больными — одна из особенностей человека. Казалось, что на Тарзана это повлияло.

Наконец, я заговорил о нем самом. Рассказал, что Джина все еще любит его, что ждет его, что он снова может вернуться к людям, ничего не потеряно.

И вот через несколько недель он встал с постели, начал опять держаться прямо, как тогда, когда бежал из джунглей. Меня вызвал главный врач.

— Воспаление легких прошло, но туберкулез неизлечим. Мне кажется, у этого человека нет никакой сопротивляемости. Такие случаи встречаются только у жителей тропиков. Болезнь прогрессирует, и, к сожалению, нет никакой возможности остановить процесс.

Я вспомнил, что действительно почти все обезьяны, особенно взрослые, которых привозили в Европу, через несколько лет заболевали чахоткой. Но проблема, стоящая передо мной, не может зависеть от бактерий. Если я ее решу, то выиграю. Если мне удастся убедить его, то какая разница — скоро он умрет или нет, важно, что он умрет счастливым и не одиноким.

Я пристроил его работать дворником в наш зоосад. Достал ему фуражку и большую метлу, и он целыми днями подметал тротуары. Но для вышестоящих инстанций он числился обезьяной. Кто бы это позволил мне купить человека? Как человек он не имел бы права на несколько бананов и кило моркови, которые получали наши обезьяны за счет государства. Тогда была безработица, и дворники не могли и мечтать о бананах.

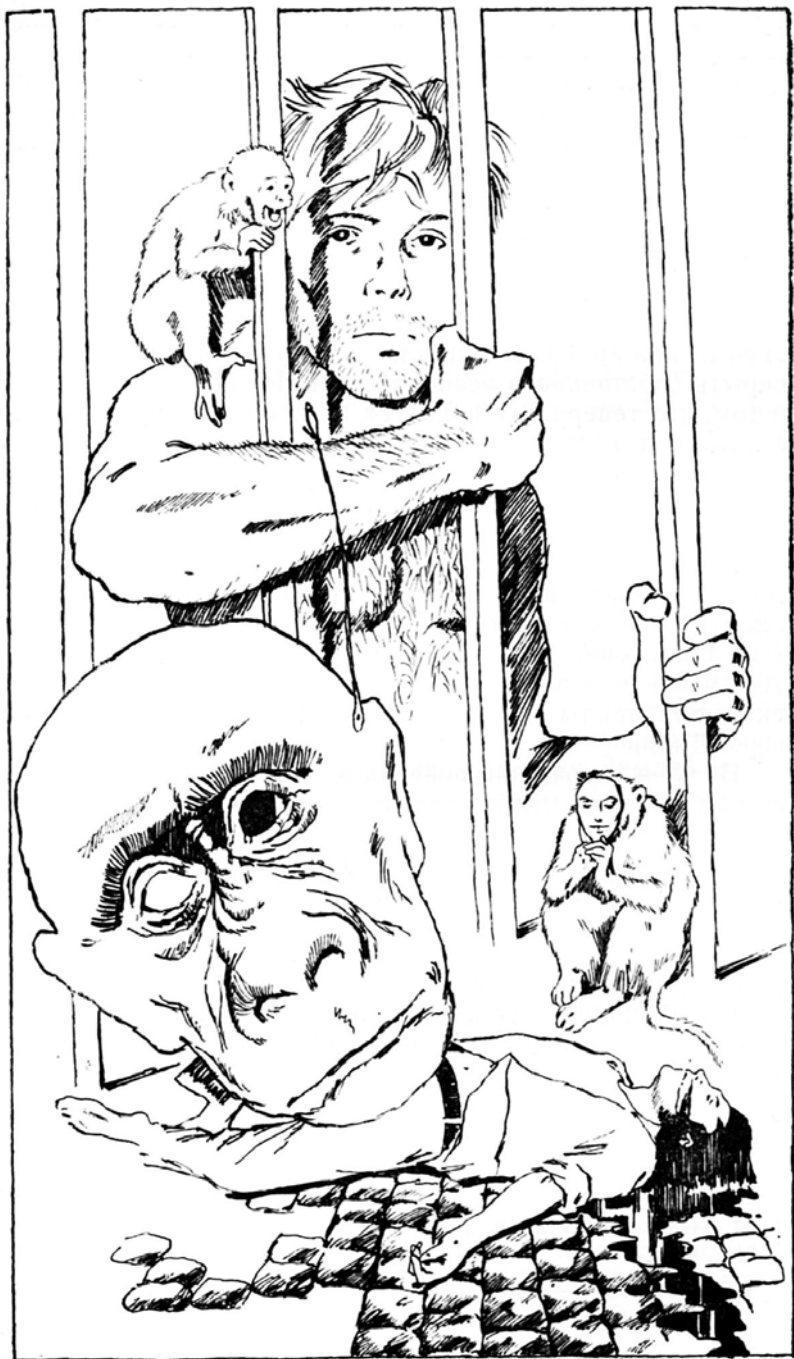
Впрочем, я надеялся, что недолго ему ходить в дворниках. Я послал в Лондон телеграмму Джонс и ждал ее с минуты на минуту.

Наконец пришел ответ. Джина приглашала нас с Тарзаном в Прагу, в международный отель. Я был в восторге.

Директор нашего музея давно что-то подозревал, но, к счастью, он никогда не требовал отчета, так что с его стороны нам не грозило никакой опасности. Но я боялся Гильды, которая все еще с подозрением относилась ко мне и Джине. Хотя Гильда стала встречаться с новым практикантом, но я знал, что она только и ждала случая, чтобы мне отомстить.

Всю дорогу до Праги мы молчали. Тарзан вел себя, как обычный человек. В одежде простого служащего он ничем не отличался от других пассажиров, но все еще не решался сказать хоть слово.

Я надеялся, что его прорвет, когда он увидит свою любимую. Я дал ему одеколон и по приезде, тут же на вокзале, сводил к парикмахеру, чтобы он произвел на нее самое лучшее впечатление. У меня было чувство, будто я везу на свадьбу родного брата. Но в отеле нас ждала не Джина. Вместо нее нас приветствовал известный пражский адвокат Леви-Неханский.

— Мадемуазель Джина Джонс не смогла приехать по важным причинам. Но она дала мне доверенность на ведение дела о возвращении имущества господину барону и об установлении его гражданства. Ну, скажем, швейцарского...

Тарзан забеспокоился.

— Это все напрасно, — спокойно улыбнулся я. — Вольфганг не будет заниматься тяжбой, с него достаточно процессов. Его не интересует имущество.

— Как же так? — удивился адвокат и положил бумаги на стол.

Тарзан горько усмехнулся. Значит, я был прав. Он не хотел с ними разговаривать только потому, что чувство собственности вызывало у него отвращение.

Я дружески взял его за руку:

— Господин барон жертвует свое состояние на благотворительные цели. Оно не интересует его.

— В таком случае мою клиентку не интересует господин барон, — вежливо поклонился адвокат Леви-Неханский. — У нее есть сотни других прекрасных возможностей вступить в брак, — он многозначительно посмотрел на потертый пиджак моего питомца.

На обратном пути мы уже не молчали. Я уверял Тарзана, что все это какая-то ошибка, что ничего не потеряно, что Джина мне говорила, как она его любит, что адвокаты вообще порядочные сволочи, хуже, чем гиены, пожирающие падаль в джунглях.

Но я не мог скрыть собственного беспокойства. И выдал себя, сказав о том, что теперь ему придется на некоторое время переселиться в клетку, совсем ненадолго, пока я

не выясню, что произошло. Нужно опять играть роль обезьяны, иначе у меня будет много неприятностей, могут уволить с работы. Надеюсь, ему понятно, что все это делается только для его же пользы.

Если бы вместо меня был другой практикант, Тарзану пришлось бы до самой смерти сидеть в клетке. Поэтому, мол, я прошу понять мое положение, которое так неожиданно осложнилось тем, что я поверил дурацким бредням какой-то лондонской красавицы. Проговорился! Он понял, что и я не верю Джине.

В ту же ночь он повесился в своей клетке и тем самым доказал, что он человек. Как известно, животные не кончают жизнь самоубийством.

Как я и опасался, Гильда и новый практикант все пронюхали. Меня уволили.

— Вот что получается, когда берешь на работу чехов, — упрекнул меня директор на прощанье. Он, между прочим, примкнул к генлейновцам¹. — Вы или никудышный антрополог, или мошенник. Это покажет суд. Наш прекрасный город больше не нуждается в ваших услугах.

Я уезжал неохотно. Здесь среди коллег-немцев было немало моих знакомых, и у меня стало создаваться впечатление, что кто-то снова подготавливает «обезьяний» процесс.

К тому же меня замучила совесть. Ведь и я тоже виноват в смерти Тарзана. В решающий момент начал думать о себе и не сумел полюбить его. Сам не выдержал испытания.

¹ Генлейновцы — немецко-фашистская организация в 30-х годах в Судетской области Чехословакии.

Меня охватила тоска по Тарзану. Теперь я возвращаюсь к своему одиночеству, так же, как вернулась к одиночеству и Джина. Но по крайней мере теперь мне известно, в чем спасение. И я буду искать его вокруг себя и в себе хотя бы всю жизнь. Хочу найти его.

Поезд тронулся. Я тоже решил стать человеком.

Йозеф Несвадба

Последнее приключение капитана Немо

РОЖДЕНИЕ

Собственно говоря, фамилия его была Пержинка.

Лейтенант Пержинка работал на линии, связывавшей земные космодромы со Второй лунной базой непосредственно или с пересадкой на Космических станциях номер тридцать шесть и тридцать восемь.

Это была такая однообразная работа, что уже тогда многие предлагали заменить живых людей на таких ракетах автопилотами, которые гораздо быстрее и точнее человека отмечают приближение метеорита или малейшую неисправность механизмов, а главное никогда не утомляются.

Но вот произошла известная авария на ракете-цистерне 272-БФ: она не сумела пристать к Космической базе номер шесть. Каждую минуту ракета могла взорваться, база погибла бы и связь между Землей и Луной нарушилась бы на несколько недель. Тогда бы остановились крупнейшие заводы на Земле, фактически полностью зависящее от дешевой и высококачественной лунной руды.

Долго ли продержится без доставки продовольствия персонал лунных баз? Много ли у них запасов? Сколько времени они будут отрезаны от Земли?

Эти вопросы волновали решительно всех; ведь не было семьи, у которой на какой-нибудь из лунных баз не нашлось бы родственников. Главное управление астронавтики подвергли жестокой критике, и его председателю грозила отставка.

И вот тогда вдруг было опубликовано сообщение, что никому не известный лейтенант Пержинка, рискуя жизнью, причалил к потерпевшей аварию цистерне на почтовой «космической ванне-4» — так называли маленькую пузатую ракету, предназначенную для полетов на небольшие расстояния. Пержинка исправил управление ракеты-цистерны и привел ее на одну из лунных баз.

Затем ему пришлось пролежать несколько недель в больнице, так как он совершил свой подвиг в легком тренировочном скафандре.

После выписки его принял сам председатель Главного управления астронавтики и, поблагодарив за проявленный героизм, предложил новый пост.

Так лейтенант Пержинка стал капитаном Пержинкой, а затем капитаном Немо. Дело в том, что мировые телеграфные агентства всячески коверкали его чешскую фамилию. А после сообщения о том, что Пержинка будет командиром новой ракеты «Наутилус», которой предстояло раскрыть тайну Нептуна, его немедленно окрестили капитаном Немо, так как романы Жюль Верна в те времена были широко известны и популярны. Правда, агентство Рейтер предлагало другое прозвище, что-то вроде аристо-

кратического титула «кэптен Пержинка оф Нептун», но этого предложения никто не поддержал.

Мировая общественность быстро привыкла к имени капитана Немо, который раскрыл тайну Нептуна, привез с Урана живые бактерии и во время большого землетрясения, точнее, планетотрясения на Юпитере не потерял присутствия духа. Какой бы неожиданный или несчастный случай ни произошел на просторах солнечной системы, где бы ни понадобилось рисковать жизнью – капитан Немо всегда был тут как тут.

Он подобрал экипаж из подобных себе храбрецов, большей частью своих земляков из Скалиц, и стал идеалом всех мальчишек на Третьей планете, как некогда ученые называли нашу Землю.

Но развитие автоматики и технические усовершенствования на Земле все более сокращали возможности проявления героизма. Пержинке-Немо, ставшему командиром спасательных дружин, уже несколько лет не представлялось случая совершить подвиг.

Приключения Немо и его экипажа служили темой для произведений многих литераторов, скульпторов и художников. А сам Немо обучал молодежь и потому часто менял место своего жительства, да и своих подруг.

Женщины любили его. Он был красив, хорошо сложен, бороду и виски чуть посеребрила седина. Но все знали, что в семейной жизни он не был счастлив. Собственно, потому-то он и стал героем.

Во всяком случае, некий психолог, написавший научную работу «Заметки о связи между самоубийством и героизмом», в подтверждение своей теории ссылаясь на

биографию капитана Немо. «Если бы этот замечательный космонавт был счастлив в браке, – утверждал психолог, – если бы он женился не на уроженке города Жатца, края хмеля, а на девушке из Скалиц, вспоенной соком виноградной лозы, будь у нее не такой педантично научный склад мышления (жена Немо работала геологом) и немного больше воображения и, наконец, если бы их сын пошел в отца, капитан Немо оставался бы товарищем Пержинкой, сидел бы у домашнего очага и мир не слыхал бы о нем. Но вышло так, что он не очень дорожил жизнью, наоборот, словно стремился избавиться от нее. Сын его страдал врожденной близорукостью, с детства носил очки с толстыми стеклами и был музыкантом. Писал какие-то симфонии, которые никто никогда не исполнял, стол его был набит партитурами; кроме того, он иногда играл на арфе и в музыкальных кружках обучал любителей игре на этом всеми забытом инструменте. Сын героя – арфист! Это уж, во всяком случае, не могло вдохновлять капитана Немо. Вот он и искал счастья на стороне».

Его последним увлечением была юная негритянка, математик из университета в Тимбукту. Но все понимали, что и эта двадцатилетняя девушка не сумеет его надолго удержать. Немо славился своим непостоянством, бывшим в те времена относительно редким явлением, потому что люди вступали в брак по размышлении зрелом, после консультации с соответствующими специалистами, так что у них были все основания рассчитывать на счастливую совместную жизнь. А специалисты, разумеется, всегда старались учитывать интересы влюбленных.

Постепенно подвиги перестали быть чем-то вроде профессии, они превратились в события из ряда вон выхо-

дящие. Теперь героями начали считать инженеров, изобретавших новые машины или решавших новые проблемы. Больше не было нужды рисковать жизнью.

И вот в этом мире, где капитан Немо неоднократно выступал в роли спасителя, он оказался не то иностранцем, не то музейным экспонатом, вызывавшим восхищение женщин, которые жаждали волнующих переживаний и еще не забыли, что любовь и деторождение – единственное, что мало изменилось с тех пор, как человек вышел из джунглей.

Пержинка и его экипаж получали любовные письма из самых отдаленных уголков не только земного шара, но и всей нашей солнечной системы. Разумеется, это не способствовало укреплению супружеских уз. Наоборот, Немо стремился к новым героическим полетам, чтобы, возвращаясь на Землю в ореоле славы, одерживать все новые и новые победы.

Но так как надобность в героических путешествиях все равно отпала, негритянка из Тимбукту в конце концов размечталась о том, чтоб заполонить Немо, подобно тому как это ранее удалось уроженке Жатца. Но капитан Немо не поддавался. Это означало бы конец всех приключений, начало старческих немощей. Он не представлял себе, что делать со счастливым супружеством, – пришлось бы снова расстроить его, чтобы появилось основание для новых полетов, для риска жизнью, необходимого ему, как необходим пьянице повод для выпивки.

Немо знал биографии всех великих искателей приключений и создал свою теорию, по которой в противовес техническому прогрессу, создающему для человека теп-

личные условия существования, каждый мужчина должен развивать в себе воинственные наклонности, ему нужны приключения, чтобы сохранить способность к продолжению рода. Значит, рисковать жизнью в космосе или в любом другом месте совершенно необходимо для блага последующих поколений.

Это была довольно своеобразная философия. Количество ее последователей все уменьшалось, да и аргументов у ее автора становилось все меньше – ведь в течение последних лет экипаж капитана Немо бездействовал. Ребята были недовольны и потому обрадовались, когда однажды ночью, как в старое доброе время, капитана по тревоге вызвали в министерство.

ПИРАТЫ

– На этот раз, капитан, – торжественно начал министр, – речь идет о чрезвычайно загадочном и грозном явлении. Опасность угрожает не только Земле, но и самому Солнцу – источнику жизни всей нашей системы, всего окружающего... Он кивнул своему заместителю по научной части, чтобы тот продолжил разговор.

Немо со своим помощником сидели напротив за большим столом. Никого, кроме них, в просторном кабинете не было. Заместитель министра подошел к карте звездного неба.

– Вначале мы сами этому не поверили. Однако сведения, которые я вам сообщу, совершенно достоверны. В прошлом году в один из университетов была представлена работа молодого ученого, исследовавшего условия появ-

ления новых звезд. Работа была тщательно аргументирована. Автор ее ссылался как на древнеегипетские карты звездного неба, составленные двадцать столетий назад, так и на новейшие наблюдения в созвездии Омега-Центавра и в туманности Андромеды. Он пришел к выводу, что Новые вспыхивают по какой-то определенной системе. Молодой ученый высказал предположение, что во Вселенной по неизвестной нам орбите движется нечто, то ли космический корабль, то ли планета, уничтожая отдельные звезды, встречающиеся на его пути. Любопытно, что с подобной гипотезой мы встречаемся и в античных источниках. Автор работы предполагает, что ближайшая цель этих космических пиратов – наша солнечная система. Поэтому вблизи Юпитера была срочно сооружена наблюдательная станция, чтобы следить за продвижением неизвестного небесного тела. Были получены некоторые сведения, и сегодня они расшифрованы... – заместитель министра взял длинную указку и подошел к карте звездного неба.

Не в силах сдержаться, министр вскочил и воскликнул:

– Они приближаются к нам! Мы засекли их путь, – задыхаясь от волнения, он вытер носовым платком пот со лба. – Презренные пираты!.. – И снова сел. Его возбуждение было вполне понятно.

– Если древнеегипетские данные верны, то неизвестное тело странствует по Вселенной уже около девяти тысяч лет, – продолжал заместитель министра. – Нам удалось рассчитать сложную трассу его полета. Тело обладает собственным источником энергии.

– Собственным источником? Значит, это ракета? – воскликнул молодой помощник капитана Немо.

— Оно в семь тысяч раз больше любой ракеты, какую мы сейчас можем сконструировать, — уточнил заместитель министра, — и поджигает звезды с огромного расстояния. Через год наше Солнце окажется в пределах его досягаемости. Выходит, через год они смогут взорвать нашу солнечную систему.

— Какие будут приказания? — деловито спросил Немо, вынимая блокнот, словно борьба с кораблями, в семь тысяч раз превосходящими наши ракеты, была для него повседневным делом.

— Приказания?! Не сходите с ума... — снова вскочил министр. — Не можем же мы приказать вам сражаться с ними. Это все равно, что послать муравья против слона.

— А если муравей окажется хитрым? И у него будет достаточно кислорода? — усмехнулся Немо.

— Мы не успеем создать для вас какую-нибудь чудо-ракету, — продолжал министр. — Придется предоставить вам военную ракету последнего образца, оснащенную атомным оружием.

— Но ей уже больше ста лет, — сказал заместитель министра. Молодой помощник капитана Немо нахмурился.

— Надеюсь, мы будем вооружены не луком и стрелами? — Немо любил остроты и славился тем, что мог рассказывать анекдоты в моменты величайшей опасности.

— Дело очень серьезное, капитан, — прервал его министр.

— Я понимаю. Вашим автопилотам оно не по плечу, — на таком расстоянии ими невозможно управлять, не так ли? Справиться с этим может только человек.

— Конечно, — мрачно подтвердил заместитель. — По-

этому ваш полет организуется на добровольных началах. О нем никто не должен знать, не стоит пугать людей — ведь еще очень мало поколений прожило, не зная страха войны. Мы сообщим о вашей экспедиции, только если вы потерпите неудачу.

— Если нам не удастся их обезвредить?

Министр объяснил капитану, что задача не в том, чтобы обезвредить неизвестных пиратов, а в том, чтобы договориться с ними; не следует, мол, наживать себе в космосе врагов. Но, зная героизм Немо и его благоразумие, он не хочет ничего предписывать ему заранее. Если пираты повернут вспять и удалятся от нашей солнечной системы, задача будет решена.

— О результатах, вероятно, мы должны вам сообщить? — спросил помощник.

— Ну, это вряд ли, — возразил Немо.

— Почему? — Помощнику только-только минуло двадцать лет. Остальные — министр, его заместитель и Немо — удивленно посмотрели на юношу.

— Милый мальчик, вы забываете о теории относительности. Вы полетите почти со скоростью света; через полгода, когда вы подойдете к этому неизвестному телу, здесь, на Земле, пройдет свыше тысячи лет.

— Тысячи лет?! — повторил помощник и подумал, что тысячу лет назад в Чехии правил Оттокар Пршемысл.

— Друзья мои, в эту экспедицию отправятся только добровольцы.

— Это будет замечательное приключение...

— Боюсь, что оно станет для нас последним, — заметил капитан Немо. Он встал, по-военному щелкнув каблуками, и предложил перейти к обсуждению деталей экспедиции.

– А что нам сказать дома? – спросил помощник.

– Не станете же вы пугать свои семьи разговорами о том, что через два года кто-то подожжет наше Солнце? Отправитесь, как в обычный рейс, а через месяц мы сообщим о вашей гибели. Уж не думаете ли вы, что близким будет легче, если они вас прождут до самой смерти? Даже ваши внуки не будут ничего знать о своем дедушке, а через тысячу лет о вас никто и не вспомнит.

– Если мы не победим пиратов, – улыбнулся Немо. – В противном случае все мы скоро увидимся.

– Вы верите в загробную жизнь? – рассмеялся министр.

– У искателей приключений бывают всякие причуды, – ответил капитан. – Но если вас это интересует – нет, не верю. И люблю приключения именно потому, что при этом человек ставит на карту все.

– Какое тут приключение, – взволнованно перебил его помощник, – практически это верная смерть. Мы не можем уничтожить тело, которое за несколько десятков столетий подожгло с большого расстояния немало солнц. А если даже мы его и уничтожим, то вернемся в чужую страну, к людям, ничего не знающим о нас.

– Вы будете единственными из живущих теперь, кто увидит далекое будущее, – сказал министр.

– Конечно, полетят только добровольцы, – снова подчеркнул заместитель. – Если вы можете предложить иное решение проблемы, пожалуйста. Всемирный совет уже не один час ломает себе над всем этим голову...

– ...И вспомнил о нас. Это замечательно! – Капитан был польщен. – Теперь давайте перейдем к деталям.

Он подошел к заместителю министра с таким видом, с

каким подходит начальник артиллерии к командующему наступлением.

ПРОЩАНИЕ

— И почему только людям не дают покоя?! — ворчала пани Пержинкова, укладывая мужнин чемодан. — Неужели не могли послать кого-нибудь помоложе? Я уже надеялась, что человека перестанут трогать, если ему под пятьдесят. Мечтала, что хоть теперь, на старости лет, немного проживем спокойно. Можно было бы поселиться в горах, соседи собираются снять там домик, мы отдохнули бы...

— Отдохнем в могиле, — зевнул капитан, с самого возвращения домой лежавший на диване. Перед каждой экспедицией он целые сутки валялся на диване и спал, — по его словам, впадал в зимнюю спячку. И не было лучшего места для этого, чем собственный дом.

Жена уже знала: раз он пришел домой, значит, наступило время прощания. Правда, последние годы он приходил домой также по воскресеньям и на рождество.

— Ну, скажи, Лацек, до каких пор ты будешь вести себя как мальчишка? Когда наконец вернешься к нам?

Капитан Немо вскочил.

— Не понимаю, почему ты не даешь мне отдохнуть? Если бы ты знала, какая это важная экспедиция...

— То же самое ты говорил перед полетом на Нептун, на Юпитер, перед лунными бурями и во время метеоритных дождей. Всегда это оказывается самой важной экспедицией и поводом для того, чтобы уехать из дома.

— Да что это за дом?! — он оглянулся вокруг. — Мальчишку я с утра не вижу. Жена объяснила, что сын нашел

наконец какой-то оркестр, который исполнит одну из его симфоний, и со вчерашнего дня они ее разучивают.

– Значит, он даже не придет проститься со мной? Ему не сообщили?..

– Но у него будет премьера, понимаешь, – оправдывала сына мать.

– У меня тоже, – съязвил Немо, не зная, как назвать свой последний спектакль. И все-таки отправился разыскивать сына, чтобы послушать хоть репетицию.

Зал был почти пуст, лишь в последних рядах дремали несколько пожилых людей. Оркестр издавал странные звуки, молодой Пержинка дирижировал наизусть, увлеченно закрыв глаза, и не заметил знаков, которые отец подавал ему из боковой ложи. Он слышал только собственную музыку, словно был в зале один.

Немо раздраженно хлопнул дверью. У выхода он встретил старичка капельдинера.

– Нравится вам эта симфония? – спросил его Немо.

– Новаторская, надо признать, – ответил капельдинер.

– Я спрашиваю, нравится ли она вам?!

В это время из зала донеслись громкие, пронзительные, особенно противные звуки. Немо бросился вон. Перед дверью его уже поджидала девушка из Тимбукту, она прилетела утром на специальной ракете. Немо вспомнил, как она плакала, когда он наотрез отказался жениться на ней.

– Лечу ремонтировать одну установку между Меркурием и Венерой, – смеясь, сказал Немо. – На этот раз предстоит жаркое дельце. Когда вернусь, мне и зной в Тимбукту покажется морозом.

– Я знаю, что ты не вернешься, капитан. – Она всегда

называла его капитаном. – Ведь я сама рецензировала это сообщение...

– Какое сообщение?

– О пиратах, – улыбнулась она. – И сразу подумала, что такое приключение в твоём вкусе. Я могла бы просто отвергнуть это сообщение – его принес нам молодой студент – и таким образом выиграть для нас немного времени. Но, как ты любишь говорить, долг прежде всего...

– Конечно.

– На старт я не приду. Хочу проститься с тобой наедине.

Вот так и получилось, что Немо больше не вернулся к пани Пержинковой и не повидал сына перед отлетом. Помощник, который тщетно разыскивал его дома, принес ему на космодром чемодан.

Немо явился немного осунувшийся и бледный, экипаж это заметил, но капитан частенько приходил на стартовую площадку в подобном виде. Это вызывало лишь добродушный смех.

На сей раз министерство устроило торжественные проводы. Об экономии никто и не помышлял; прибыли члены Всемирного совета, семьи экипажа и множество почитателей: женщины, девушки, юноши. Лица почитателей сияли восторгом, семьи, уже привыкшие к подобным событиям, были спокойны, а посвященные в тайну полета – серьезны и озабоченны.

Во время торжественного тоста у министра дрогнул голос. Он не знал, как благодарить экипаж, заверял, что человечество никогда не забудет их подвига. Когда он стал прощаться с Немо, руки у него затряслись и он даже расплакался. После ухода родственников и любопытных

состоялась еще одна, секретная встреча экипажа с представителями Всемирного совета.

— В ваших руках наша жизнь, жизнь ваших родных, детей, внуков, всех грядущих поколений. Люди нередко и подчас напрасно умирали ради своих потомков. Но ваша гибель не будет напрасной. Таково наше единственное для вас утешение. Сожалею, что не могу лететь с вами, но это вызвало бы слишком большое волнение, не стоит допускать паники. Поверьте, легче сражаться, чем ждать и быть жертвой.

Затем для экипажа, состоявшего из представителей различных национальностей, исполнили старинные военные марши, которые, как и следовало ожидать, никого не взволновали. Никто не прослезился при звуках Кастальдо или марша Радецкого.

И тут дирижера осенила спасительная мысль: исполнить заключительный хор из Девятой симфонии Бетховена, насколько его помнили трубачи. Это было самым торжественным моментом проводов; каждый внезапно ощутил, что в эпоху, когда все люди давно стали братьями, вдруг снова родился страх.

ПОЛЕТ

В течение получаса они развили необходимую скорость, так как в последний момент их ракету усовершенствовали и приспособили для выполнения новых задач. А через час помощник принес капитану сообщение радиостанции с Земли, где за это время прошло уже несколько лет. Было опубликовано коммюнике о гибели «Наутилуса-З», как называли их космический корабль.

— Итак, мы окончательно умерли.

— Сообщить экипажу? — нерешительно спросил помощник.

— Конечно. Здесь между нами не должно быть секретов.

Сначала экипаж ответил на это сообщение смехом. Говорят, что кто переживет собственную смерть, будет долго жить. И вправду, если они переживут встречу с космическим телом, то вернутся тысячелетними старцами по земному времени. Старцами в расцвете сил! Но когда эта тема была исчерпана, начались явления, частые при космических полетах: экипаж стал замкнутым, капризным, усталым, раздражительным. Если в таких случаях не помогала шутка, оставалось лишь одно средство. (Немо часто говорил: «Ведь раньше людей не расстраивало, что при полете из Праги в Москву они старели на два часа, почему же вас огорчает, что вы постареете на несколько лет? Важно, что вы этого не чувствуете».)

Итак, если шутки не помогали, приходилось менять распорядок дня, создавать напряженную обстановку. Бесцельные размышления быстро вытесняются голодом и страхом. Капитан выдумывал несуществующие неисправности в идеально работавших механизмах и сообщал, что плохо работает какое-нибудь устройство. На ходу осторожно меняли одну деталь за другой и потом радовались спасению.

А то возникала «опасность» столкновения с метеоритом. Тогда часть ракеты, находящуюся под угрозой, спешно освобождали от запасов; потом выяснялось, что ракета уклонилась от столкновения, и все возвращали на старые

места. Или вдруг оказывалось, что экипажу угрожает инфекция, которую якобы занесли при посадке, и всем поголовно начинали заново делать прививки. Или обнаруживали порчу продуктов и целых два дня держали всех только на хлебе и воде.

Капитан разнообразил жизнь экипажа небольшими неприятностями, чтобы люди не поддавались влиянию безделья и бесплодных размышлений, что, как показал опыт, к добру не ведет. Но в жизнь самого Пержинки такого разнообразия не вносил никто. Ему приходилось самому справляться с ощущением бессмысленности полета и собственного бытия, с полным одиночеством, с отчаянием из-за невыполнимости взятой на себя задачи, от перспективы, которая ждет их по возвращении на Землю.

Он сам договорился с судовым врачом и как только впадал в глубокую депрессию, врач определял у него приступ желчнокаменной болезни и заявлял, что больного необходимо положить в изолятор, чтобы растворить эти камни специальным облучением. Пока капитан, не признававший никаких лекарств, кроме сливовицы, жил в кабинете врача, ракетой командовал его помощник, для которого в этих коротких периодах заключалась основная цель путешествия: если он справится с обязанностями командира, то в следующий раз сможет стать капитаном корабля.

Спустя два дня, стряхнув похмелье, Немо снова появлялся среди экипажа и придумывал новые осложнения, чтобы, преодолев их, люди могли торжествовать победу.

Но вот прошло последнее похмелье, и капитану Немо уже ничего не надо было придумывать.

Приближалась встреча с космическим телом, оно уже виднелось – сигарообразная ракета, напоминавшая воздушный корабль величиной с небольшой планетоид, этак с половину Луны; она медленно плыла к нашей солнечной системе. Не было никаких сомнений – она направлялась к солнцу.

Немо приказал немедленно сообщить об этом на Землю. Весьма сомнительная попытка при таком огромном расстоянии, хотя ракета и оснащена специальными передатчиками.

Затем была объявлена боевая готовность. Члены экипажа посменно дежурили у приборов, спали в космических скафандрах с оружием в руках. Немо приказал нацелить на гиганта дальнобойные катапульты и уменьшить скорость.

ВСТРЕЧА

Возникло несколько вариантов встречи с телом; штаб рассматривал их, а электронно-вычислительные машины давали все новые и новые комбинации. Но сводились они в общем к альтернативе: либо сразу атаковать ракету, либо договориться с ее командой. Большинство членов штаба, учитывая то, что пираты натворили во Вселенной, были за немедленную атаку. Все еще хорошо помнили экспериментальные взрывы и понимали, что во Вселенной нет ничего, могущего противостоять силе расщепленного атома.

Но выдержит ли атакующее суденышко взрыв такой огромной массы материи? Переживет ли «Наутилус-3» подобную катастрофу? На эти вопросы трудно было отве-

тить, ибо никто не знал, из какого материала сделана таинственная ракета. К тому же можно предположить, что экипаж сверхракеты обладает разумом, высокоинтеллектуален и пойдет на переговоры.

Ну а что, если пираты захватят в плен и убьют парламентаров? Второй вариант был рискованным. И все-таки в первом случае рисковали больше – тогда могли погибнуть все.

Наконец Немо решил, вооружившись до зубов, подлететь со своими ближайшими соратниками к загадочному кораблю и попытаться вступить там в переговоры. Они отправились в той самой старомодной «космической ванне», на которой капитан впервые отличился.

Путники с изумлением увидели, что сверхракета очень напоминает некоторые из построенных на Земле звездолетов, только она во много раз больше их. Немо со своими товарищами несколько раз облетел вокруг сверхракеты, словно был ее маленьким спутником, – никакого эффекта.

«То ли у них нет наблюдателей, то ли они ждут парламентаров, а может, все вымерли», – подумал Немо.

– Пристанем к главному входу. – Немо указал на огромное углубление, зияющее в передней части ракеты. Главный вход никем не охранялся, и можно было легко проникнуть внутрь.

Пять человек, соединенные с «ванной» веревками, решили спускаться в ракету по одному. Первым туда проник помощник капитана. Вскоре он вернулся. Насколько можно было разглядеть сквозь толстое стекло скафандра, глаза у него были вытаращены, и он харкал кровью. Его тут же отослали на «Наутилус». Больше никому не хотелось

спускаться в зияющее углубление. Вся команда с небольшими моторами в руках, которые облегчали передвижение, и автоматами за спиной замерла в нерешительности.

Наконец Немо стал медленно спускаться. Не прошел он и трех метров, как ему почудилось, словно кто-то рядом нашептывает: «Мы друзья, мы друзья, мы друзья», — хотя в действительности он ничего не слышал. Подобно мотиву, назойливо преследующему человека, или пластинке, которая вертится на одном месте, эта фраза без конца повторялась в его голове. Чем громче звучали слова о дружбе, тем сильнее охватывало Немо чувство страха.

Наконец он ощутил под ногами ровную поверхность и очутился перед стеной толщиной в несколько метров, которая тотчас же начала раздвигаться. Казалось, здесь готовы к приему гостей.

Немо быстро прошел вперед, освещая себе путь узким лучом фонаря. Минуты через три в глаза ему ударил мощный поток света. Немо остановился у входа в огромный, просторный зал, противоположный конец которого терялся где-то вдали.

Там он увидел несколько чудовищ. По крайней мере они показались капитану чудовищами, хотя, несомненно, он сам был для них страшилищем. Но особенно его удивило то, что все они разные. Одно из них, величиною почти с кита, походило на раздутую инфузорию, у другого из тела торчали какие-то отростки, у третьего было восемь ног. Внутри их прозрачных тел пульсировала — у каждого по-разному — какая-то странная жидкость.

Чудовища были неподвижны. Если бы Немо не видел, как бьются их сердца, он счел бы их мертвыми. «Они спят,

они заморожены и сразу проснутся, как только ты их согреешь», — вновь зазвучало в голове Немо. Он уже догадался, в чем дело: это телепатия.

Немо тут же выключил фонарь. Он не хотел будить чудовищ, не хотел согревать помещение даже теплом своего фонаря. Капитан торопливо дернул за веревку. Едва его вытащили, как изоляционная стена за ним захлопнулась.

— Они и в самом деле чудовищны, — бросил он своим спутникам и тут же глотнул сливовицы. — Мальчишкой я однажды рассматривал в микроскоп каплю воды. А это капля, увеличенная в несколько тысяч раз, — добавил Немо и сам поверил в это.

Все быстро сели в свою «ванну» и полетели к ракете. Там они созвали совещание штаба.

— Предлагаю, — сказал помощник, уже пришедший в себя, — сейчас же укрепить на поверхности сверхракеты все взрывчатые вещества, которые у нас только найдутся, поставить часовой механизм так, чтобы взрыв произошел на будущей неделе, и немедленно на максимальной скорости лететь обратно на Землю.

— А что если они на самом деле друзья? — возразил Немо. — Мы не имеем права уничтожить их без предупреждения. Вдруг они везут нам какую-нибудь весть или хотят предостеречь нас?

Капитан решил заминировать гигантский корабль с этими огромными инфузориями, но прежде попробовать договориться с ними.

— Кто пойдет со мной парламентаром? — спросил Немо. Он смотрел на своих товарищей, но все эти закаленные

искатели приключений отводили глаза в сторону. Впервые за долгие годы скитаний в космосе они испугались. Помощник, говорили они, был в ужасном состоянии, когда его привезли к врачу: он все время кричал о каких-то чудовищах, страшилищах и, видимо, пережил что-то страшное.

— Я сам пойду, — к удивлению окружающих вызвался помощник. — Мне нужно исправить свою ошибку.

СФИНКС

И вот Немо со своим помощником снова оказался в огромном помещении около инфузории, напоминавшей кита, и слоноподобной водоросли; гигантское щупальце третьего чудовища было откинута назад. Остальных они не разглядели, да и не стремились к этому. В их ушах снова зазвучали слышанные ранее слова.

Немо принес приборы, которые начали постепенно согревать помещение. Не прошло и часа, как циркулирующая жидкости в теле инфузории ускорилаь, щупальце странного создания дрогнуло, а водоросль стала лениво и томно потягиваться.

До этого момента экипаж «Наутилуса-3» наблюдал за ходом событий, так как помощник взял с собой телевизионный передатчик, но как только щупальце вновь зашевелилось, изображение на экране затуманилось, словно подернулось водой, а затем связь была прервана.

Тотчас же было созвано совещание штаба. Поскольку оба парламентаря никак не реагировали на подергивание веревки, которой они были обвязаны, стали обсуждать, не

следует ли атаковать гиганта. Но все-таки решили прежде послать вторую группу, которая установила, что раздвижная стена закрыта и не раскрывается, несмотря на все попытки, не разрезается привезенными с космических баз автогенными аппаратами, которые, как известно, режут любой материал.

Было принято решение подождать еще час у входа в ракету, а затем перейти в наступление. Ровно через пятьдесят девять минут из ракеты вынырнули оба парламентаря. Сели в «космическую ванну», вернулись на свой корабль, и Немо, собрав экипаж, отдал приказ возвращаться на Землю.

— А как быть с взрывчаткой?

— Можете ее оставить при себе. Все равно им об этом известно, — ответил Немо и заперся с помощником и врачом в своем кабинете. Там они совещались целых десять часов. Между тем экипаж обнаружил, что команда гигантской ракеты не бездействует.

Колоссальная сигара как бы переломилась, затем снова выпрямилась и стала с огромной скоростью удаляться от нашего Солнца. Собственно говоря, «Наутилус» выполнил свою задачу. Но загадка таинственного корабля так и не была решена. Все жадно ожидали, что им скажет капитан. И потому явились к вечернему сбору, полные нетерпения.

— Боюсь, что разочарую вас, — начал Немо. — Нам удалось обменяться с этими посланниками из другого мира (а они лишь посланники) всего несколькими мыслями. Они связывались с нами посредством телепатии, в которой, видимо, достигли значительно большего совершенства, чем мы, земляне. Конечно, нас интересовало, летят ли они к

нашей солнечной системе и зачем. Они рассказали, что их уже очень давно послали в космос с заданием посетить нашу планету – насколько им известно, единственную во Вселенной, населенную мыслящими существами, познающими себя и окружающий мир. Мы спросили, чего они хотят и зачем предприняли столь длительное путешествие, не можем ли мы им чем-нибудь помочь, не намерены ли они переселиться на нашу планету, и тут же привели причины, по которым это невозможно. Нам казалось, что лишь смертельная опасность могла заставить эти существа пуститься в такой трудный и долгий путь. Они объяснили, что ищут ответ на основные вопросы бытия... – говоря это, капитан покраснел, как пойманный с поличным школьник. – Я понимаю, что вам это покажется смешным, мне очень неприятно, но они действительно так сказали...

Он оглянулся на своего помощника, тот кивнул и повторил:

– Сказали, что хотят узнать, как мы отвечаем на основные вопросы бытия...

– Разумеется, мы их не поняли, – продолжал капитан, – подумали, что они имеют в виду смысл жизни. Всякому ясно, что он в преобразовании окружающей нас природы. Но их, по-видимому, волновало не это. Тогда мы решили, что, может быть, их интересует, насколько мы познали жизнь. Показали им материалы, подготовленные нашим доктором: ведь научились же на Земле создавать живую ткань, продлевать жизнь человека, восстанавливать тяжело пострадавшие организмы. Но их интересовало не то. «Основные вопросы бытия», хором кричали они, подобно

толпе на стадионе или лающей своре взбесившихся псов. Требовали ответа. А мы не понимали...

– Основные вопросы бытия, – перебил капитана его помощник. – Мы подумали: уж не уловка ли это, не норовят ли они просто задержать нас под предлогом философского диспута. Ну, с чего бы им иначе рассказывать, что летят они не восемьсот, а по крайней мере двести тысяч лет из своей проклятой спиральной туманности, взрывая по пути одну звезду за другой и таким образом подавая своим весть о том, что полет продолжается? Придумывать, будто они добровольно пошли на то, что их наполовину умертвили, погрузили в искусственную спячку – и все это только затем, чтоб узнать ответ на вопрос, которым у нас занимаются лодыри, пьяницы и всяческие философы? Не хотят ли они захватить нас в плен и тем временем уничтожить нашу ракету? Я попытался передать приказ...

– Вот и зря! – раздраженно крикнул Немо. – После этого ближняя инфузория сразу открыла изоляционную стену и вышвырнула нас!

– Передайте вашим, что номер со взрывчаткой не пройдет, – сказала она. – Мы видим, что живые существа в вашей солнечной системе еще далеко не разумны.

– Если бы вас задержали еще на минуту, мы бы их атаковали.

– Дураки! – отрезал капитан. – Тупицы! Ничего бы у вас не вышло. Неужели вы не понимаете, что техника у этих существ бесконечно совершеннее нашей? Мы были полностью в их власти, и они пощадили нас. Просто потому, что уже давно никого не убивают и не уничтожают. Их интересует другое...

Он помолчал мгновение, потом стал оправдываться перед экипажем.

– Вы знаете, я никогда не кричал на вас. Но это было потрясающим событием, а я старею. И мне все кажется, что эти чудовища могли бы нам о многом рассказать, многое мы упустили. Видимо, чем совершеннее цивилизация, тем больше возникает вопросов.

– Главное, что мы спасли нашу родину – Землю, – заметил второй помощник.

– Спасли? От чего? Вопросы ни для кого не опасны.

– Они не летят к себе домой! – воскликнул прибежавший с наблюдательного поста доктор, врываясь в комнату без положенного приветствия и рапорта. – Они не возвращаются к Андромеде, а продолжают свой путь по Вселенной. И снова уменьшили скорость.

– Значит, надеются где-нибудь найти ответ на свой главный вопрос...

– Основной, – поправил капитана помощник. – Основной...

Немо, все еще злившийся на него, обернулся к экипажу и вполголоса прочел приказ на следующий день. Никогда еще он не говорил со своими людьми так тихо.

«Стареет», – подумали они. И ошиблись – просто их капитан стал мудрее.

«НАУТИЛУС-300»

На обратном пути уже никто не придумывал для членов экипажа мелких затруднений. Капитан целыми днями сидел в своем рабочем кабинете и смотрел в окно, вглядыв-

ваясь в темноту, в пустое пространство, в загадочные бездны вечности.

Повара начали готовить вкуснее, дисциплина ослабла, приказы оглашались лишь в тех случаях, когда все соби-
рались, никто всерьез не помышлял о своих обязанностях. Сначала это всем нравилось, потом стало пугать. Люди потеряли аппетит – почти никто не являлся к столу, они плохо спали, их преследовали странные мысли.

В таком состоянии они прибыли на Землю. Разумеется, ракета приземлилась в том же месте, с которого стартова-
ла. Был поздний вечер, и никто не заметил на космодроме особых изменений.

Тотчас же после посадки от ангара к ракете подкатили транспортные автобусы старинного образца. Путешест-
венникам показали, где надо выходить и садиться в авто-
бусы. Люди в комбинезонах улыбались им, сердечно по-
жимали руки. Прием был очень дружеский.

И все. Ни толпы встречающих, ни репортеров, ни зе-
вак. Не было даже правительственной делегации с оркест-
ром. Ничего. Совершенно обычная встреча, словно они
вернулись из регулярного рейса на Марс.

– Разве вы не знали о нашем прибытии? – спросил уяз-
вленный капитан.

– Еще бы не знать. Вы нарушили движение на главной
транспортной линии, связывающей нас с Меркурием. Нам
пришлось отменить пять рейсовых вылетов, так как неиз-
вестно было, окажетесь ли вы точными.

– Мы всегда точны! – раскричался капитан. Потом,
сдержавшись, спросил:

– Что же никто из высшего командования даже не
явился поблагодарить нас?

– Завтра, завтра они придут к вам в общежитие, – ответил человек, с которым Немо беседовал. Это был долговязый юноша с пепельно-бледным, нездоровым цветом лица. Он пригласил в автобус весь экипаж. Путешественники захватили только самые необходимые вещи.

Ехали растерянные. Не так представляли они возвращение на спасенную Землю.

– Можно было спокойно пустить сюда тех чудовищ. Может, они внушили бы им больше почтения...

Едва машина выехала на магистральное шоссе, позади раздался взрыв: на космодроме подожгли «Наутилус». Капитан быстро оглянулся. Как раз взорвались резервуары. Немо возмущенно закричал, его поддержал весь экипаж. Стали колотить в дверцы, но машина только увеличивала скорость.

– А мы-то, дурни, ни одной винтовки с собой не взяли, – пожалел второй помощник. Первый помощник, высушившись, попытался на полном ходу пропороть крышку заднего колеса. Тогда сопровождающий заговорил в мегафон:

– Прошу вас, будьте благоразумны. Учтите, что вы явились из эпохи, когда в космос отправлялось по нескольку ракет в день. Если мы станем сохранять все ракеты, которые возвращаются на Землю, скоро некуда будет приземляться. Вы – трехсотый экипаж, вернувшийся на этот космодром спустя сотни лет. Мы не знаем, почему в ваши времена люди так стремились улететь во Вселенную, нам трудно это понять, хотя мы и стараемся. Постарайтесь же и вы понять наши трудности.

Между тем автобус подъехал к общежитию. Это было

несколько низеньких зданий, обставленных в стиле тех времен, когда космонавты покидали Землю. Подбежали носильщики и взяли багаж. Все они были очень бледны. Жилье капитану понравилось.

— Я хотел бы поблагодарить вашего командира, — сказал он шоферам.

— Завтра, — смущенно улыбнулись они. — Завтра утром.

Попрощались и уехали. Подходя к спальне, Немо услышал смех. Он открыл дверь. Члены его экипажа стояли у кроватей притихшие и растерянные, а в углу на постели корчился от смеха небритый парень в рваном космическом комбинезоне.

— Он говорит...

— Он уверяет...

— Что это не люди...

— Какие-то роботы...

— Черно-белые слуги...

— Серые двойники...

Немо быстро подошел к хохочущему чудаку и вlepил ему две звонкие пощечины. Тот вскочил, сжав кулаки. Но оценил ширину плеч капитана и, убедившись, что вся комната против него, только присвистнул.

— Здесь о драках тоже давно забыли. И не любят, когда деремся мы.

— Кто это «мы»? — спросил капитан.

— Мы? Экипаж небольшой частной ракеты, вылетели из Калифорнии, чтобы посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться на Меркурии. Но вышло из строя управление и мы долго блуждали между Меркурием и Землей, пока нас не заметили и не помогли приземлиться. Мы тоже бы-

ли поражены, когда убедились, что наши спасители, которые всю дорогу играли с нами в карты и пили грейпфрутовый сок, — лишь машины, изготовленные на заводе. Впрочем, друзья, завтра доктор Эразмус объяснит вам все это. Подождите до утра.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ БЫТИЯ

— Вы прибыли в эпоху, когда техническое развитие закончилось, — сказал им на следующее утро доктор Эразмус. Он был еще бледнее, чем черно-белые слуги. — Люди изобретали машины, чтобы избавиться от рабского труда. Человеческий труд был, конечно, идеальным, ибо человек, как мыслящее существо, умеет работать наилучшим образом, но он не переносит рабского унижения. И вот, когда изобрели машины, которые могут стать великолепными слугами, начали думать об их внешности. Решили, что не стоит делать их идеальными красавцами — человек мог бы влюбиться в такого слугу или возненавидеть его, наказывать или мстить, словом, относиться к машине как к живому существу. Предлагали также, — я упоминаю об этом просто для полноты картины, — придать слуге облик обезьяны или собаки. Но облик обезьяны сочли нецелесообразным, а собака, которая, правда, издавна считается другом человека, не обладает необходимыми свойствами: не способна ухаживать за ним, не может освободить его от работы, заботиться о человеке так, чтобы он мог посвятить себя только творчеству и размышлениям, единственным занятиям, достойным его. Наконец согласились на том, чтобы сделать слуг черно-белыми, и каждый человек по-

лучил похожего на себя как две капли воды серого двойника, выполняющего за него всю механическую работу и полностью заботящегося о нем.

Если вам у нас понравится и вы приспособитесь к условиям нашей эпохи, тоже получите такого двойника. Вам не надо будет о нем беспокоиться, это он станет заботиться о вас; управляет двойниками центральный механический мозг, который руководствуется общей установкой: «Заботьтесь о людях».

Таким образом, технические проблемы были окончательно решены и человек навсегда избавился от рабского труда. Если же вы предпочтете жить по-старому, — а то ведь некоторые не способны на старости лет привыкнуть к новшествам, — то можете остаться здесь, в резервации, созданной специально для тех, кто возвращается из космоса.

Все это было очень странно.

— Так чем же теперь занимаются люди? — спросил Немо.

— Могу вам показать, — ответил доктор Эразмус и включил телевизионный экран на стене. Перед глазами возник сад, по которому прогуливался двойник доктора Эразмуса, беседуя с друзьями. Лишь тогда капитан Немо и его экипаж поняли, что видят на экране человека, а разъяснения им дает его серый двойник.

Эразмус на телевизионном экране вдруг оглянулся, помахал им рукой и возобновил прерванный разговор, словно ничего более важного на свете для него не существовало.

Экипаж «Наутилуса» решил посмотреть, каков новый мир. Двойник Эразмуса улыбнулся.

– С этого начинают все. Но, к сожалению, не у всех хватает энтузиазма до конца.

Прежде всего капитан отправился в Институт истории. Попросил дать материалы о своем путешествии: дату отлета и дату сообщения о гибели «Наутилуса». Но ничего обнаружить не удалось. Никакого упоминания о космических пиратах также не сохранилось. Очевидно, министр так боялся паники, что забыл оставить хоть какой-нибудь документ, который теперь мог быть полезен экипажу «Наутилуса».

– Ну так найдите мне капитана Пержинку!

Серый двойник недоумевающе посмотрел на капитана.

– Ладислава Пержинку, прославленного героя, прозванного Немо... – продолжал капитан, озираясь по сторонам, опасаясь, как бы его не услышал кто-нибудь из знакомых. Но серый двойник только недоуменно покачал головой.

– Вы, вероятно, имеете в виду Игоря Пержинку?

Игорем звали подслеповатого сына капитана.

– Дворжак, Яначек, Пержинка? Три величайших музыканта Чехии? – вежливо переспросил он.

– Музыканта?

– Я хочу сказать, композитора... Пержинка, конечно, величайший из них. Это знает теперь каждый ребенок. Дом, где он жил, сохраняется уже тысячу лет в том же виде, как и при его жизни. В нем проводятся концерты и дискуссии по вопросам музыки, вы найдете там массу людей... – он подчеркнул слово «людей».

Итак, спустя тысячу лет капитан Немо отправился к себе домой. К счастью, в этот день там не было никого.

Немо опасался, что даже после стольких лет ему не выдержать кошачьего концерта сына. Их домик стоял теперь посреди парка, все соседние виллы снесли.

Еще издали капитан увидел на фасаде две сверкающие золотые доски. Одна, посвященная памяти его сына, прославляла произведения, которые он здесь написал, и его музыкальные заслуги. На второй – он с сердцебиением приблизился к ней – увековечили имя его жены. В память капитана Немо мемориальной доски здесь не было. Он перечитал надписи еще раз, но своего имени так и не нашел.

– Она умерла за год до первого исполнения концерта Игоря в Рудольфине, – сказал кто-то. Немо испуганно оглянулся. Из-за кустарника вышел его собственный помощник.

– Ей приходилось ухаживать за вашим сыном, потому что он совершенно ослеп. Она ходила за ним двадцать лет, и умер он у нее на руках. А славы его она так и не дождалась. Признание пришло через год после ее смерти. Она была святой, капитан.

– Почему вы мне это говорите?

– Потому что я любил ее.

– Но вы никогда об этом не заикались...

– Неужели вам не казалось странным, что я хожу к вам домой, радуюсь каждой возможности побыть около нее. А вы изменяли ей с той черной девушкой, которая вышла замуж через неделю после нашего отлета.

– Это неправда!

– Нет, правда. У нее было двенадцать детей. Можете установить, кто ее потомки. Их сейчас около сотни. Ведь я летал на «Наутилусе» только из-за вашей жены, хотел до-

казать ей, что не так уж трудно быть прославленным героем и я способен на то же, что и вы, хоть я и уже в плечах. Но она любила только вас. А вы любили ту девушку.

— Вот еще одна из странностей жизни, не так ли? Еще один вопрос.

— Это не вопрос, а констатация факта. Ваше поведение было позорно.

Помощник еще никогда не говорил с ним в таком тоне. Немо повернулся и ушел. Необходимо было снова что-то придумать для экипажа, снова найти для себя и для них какую-нибудь задачу, потому что такое времяпрепровождение слишком напоминало ничем не заполненные дни полета во Вселенной. Но в Управлении по астронавтике ему ничего не могли предложить.

— У нас все задания выполняют экипажи, состоящие из роботов. Не понимаю, зачем вам рисковать жизнью? Зачем делать то, с чем могут справиться автоматы, и пренебрегать задачами, посильными только для людей?

— Посмотрите мои документы, — настаивал Немо, уподобившийся назойливому просителю, который теряет последнюю надежду. — Я могу вести воздушный корабль не хуже, чем это делают ваши машины. И у меня команда из ребят, которые пойдут за мной в огонь и воду.

— Никакой человеческий организм не выдержит нашей космической программы. Мы просто не можем использовать вас. Сейчас мы исследуем искривление пространства, свойства света, возможность достижения еще больших скоростей. Такие задачи непосильны для вас. Займитесь философией, искусством или эстетикой. Сейчас это самое важное...

– Я уже стар для этого, – сказал капитан и встал. Серый чиновник выразил свое сожаление. Тут стена кабинета раздвинулась и показался его двойник, человек лет пятидесяти, одетый как художник, с кистью и палитрой в руках. За его спиной виднелась огромная, едва начатая картина.

– Когда кто-нибудь утверждает, что для него еще не наступило или уже прошло время занятий философией, – произнес он звучным голосом, – это все равно, как если бы человек заявил, что для него еще не наступила или уже миновала пора блаженства. Слова Эпикура, друг мой. Изречению этому уже три с половиной тысячи лет. Выберите любой вид творческой деятельности, У каждого человека есть какой-нибудь талант, дающий ему ощущение жизни, возможность самому себе доказать факт своего существования и лучше всего себя выявить. А технические игрушки оставьте детям и машинам. Кого они могут теперь интересовать! У нас более серьезные задачи. Сейчас важнее всего решить основные вопросы бытия...

Такие разговоры Немо уже слышал.

– А хоть кто-нибудь их решил? – спросил он.

– Человечество еще слишком молодо, чтобы ответить на такие вопросы, друг мой. Это вам не то, что расщепить атом или облететь вокруг Юпитера. Для решения их нужны время и терпение, надо отдаться им целиком, на них отвечают не только словами, но всем своим образом жизни...

– Мне уже не переделать себя. Явлюсь завтра с экипажем на старый космодром, – окончательно решил капитан.

Художник пожал плечами, словно пожалев о времени,

потраченном на разговор. Он снова повернулся к своему полотну, и стена за ним закрылась. Его серый двойник поклонился капитану.

— Как вам будет угодно, я предупредил вас. Это было бы самоубийством.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Капитан не спал и едва дождался утра. Вспоминал, как вчера члены его экипажа не проявили особого энтузиазма, не все они были убеждены, что лучше всего для них было бы снова сняться с якоря. Но все-таки ему удалось уговорить их, и они поняли. Обещали явиться.

Немо вышел из дому еще затемно. Побрел на космодром пешком, но все равно явился слишком рано. Правда, работа там шла полным ходом. Ракета, которую роботы готовили к отлету, вообще не походила на ракету, скорее на какой-то мешок или на шар. Она даже чуточку пугала Немо. Механизм старта тоже совершенно изменился, и капитан больше не разбирался в нем. Серые роботы не чинили ему препятствий — Немо мог всюду ходить, все осматривать. Но при этом они как-то чудно, снисходительно улыбались, словно не подобало человеку, который выглядит столь разумно, заниматься такими пустяками, как механизм ракеты.

Немо вернулся на стартовую площадку и увидел в утреннем тумане, что его команда приближается. Все они были в своих старых комбинезонах. На этот раз они вылетят без музыки, без торжественных проводов. Что ж, тем лучше, лучше для всех: ведь жить на Земле они не могут, к

такой жизни нельзя привыкнуть... Что-то в этом роде сказал он им на небольшой лужайке.

Утренний туман душил его, и капитан закашлялся. Потом стал называть их имена, и каждый подходил к капитану, рапортовал и пожимал ему руку. Но все это были двойники, серые слуги членов его экипажа, которые послали их вместо себя. Ни один из этих неблагодарных, проклятых сукиных сынов не явился.

Капитан вытер глаза. Во всем виноват туман, говорил он себе. И присел на ближайший камень – у него перехватило дыхание.

– Капитан Пержинка? – склонился над ним широкоплечий парень. Он был в красивой, сверкающей форме, какой капитан никогда в жизни не видел.

– Да, – ответил Немо, всматриваясь в его лицо.

– Меня послали из Генерального штаба. Если разрешите, я приму командование.

Немо узнал самого себя. Конечно, это был он. Только чуточку серее.

– Как вам угодно. Раз они хотят... – произнес капитан, почувствовав себя побежденным. Его двойник вежливо отдал честь и щелкнул каблуками точно так, как это обычно делал Пержинка.

Спустя несколько минут с ракеты к нему донесся его собственный голос, резкая, энергичная команда, рапорты и ответы, все, как в былые времена. Вскоре ракета мягко отделилась от земли (и откуда они только получают энергию?) и медленно поднялась к облакам. Немо помахал ей вслед, но тут же быстро оглянулся: не наблюдает ли кто-нибудь за ним? Глупо махать рукой четко работающим автоматам.

Он повернулся и побрел к своему старому дому. На этот раз там было много народу. Исполняли симфонию его сына. Немо узнал странные звуки, повергшие его тогда, перед полетом, в состояние ужаса. Сейчас он вслушался, и они уже не показались ему такими необычными.

Немо остановился подле дерева, поодаль от слушателей, и ветер доносил до него обрывки звуков. А в высоте исчезала ракета. Вдруг капитану пришло в голову, что, окажись тогда перед посланцами из далекого созвездия его сын, он сумел бы ответить на их вопрос.

«Скажу им, — подумал он, — чтобы для выяснения основных вопросов бытия не посылали ракет во Вселенную. На них надо ответить на Земле».

Оркестр стал играть тише, и слышались звуки арфы, напомнившие капитану Немо о чем-то прекрасном.

Йозеф Несвадба

Идиот из Ксенемюнде

Его выгнали из первого класса потому, что он был невнимателен, забывчив, туп, постоянно дрался и в конце концов запустил в учителя чернильницей. Явно выраженная олигофрения, врач даже не обнадеживал.

И все-таки жена инженера Габихта любила этого ребенка больше всего на свете. Она заметила у него склонность к счету и до войны держала гувернантку, пожилую даму, которая за ним смотрела.

Звали этого мальчика Бруно. Рассказал мне о нем один

мой родственник, который во время войны попал в Ксенемюнде, где жил у некоего семидесятилетнего преподавателя.

После загадочного налета на Ксенемюнде четвертого октября этому учителю пришлось заменить у Габихтов гувернантку. До того союзники ни разу не бомбили Ксенемюнде. Важных объектов там как будто не было. Только подземный завод, на котором делалось что-то секретное, но что именно, никто не знал.

И вдруг в ночь на четвертое октября бомба небольшого калибра упала на домик, где жила гувернантка, и убила ее. При этом командование клялось, что поблизости не появлялся ни один вражеский самолет. Поговаривали о дальнобойных орудиях. Но зачем английским дальнобойным орудиям понадобилось обстреливать из Дувра домик гувернантки, оставалось непонятным.

Старый учитель охотно принял предложение пани Габихт. Он прирабатывал частными уроками, так как пенсии не хватало, чтобы покупать картофель на черном рынке.

Ему не сказали, что Бруно идиот, но при первой же встрече он и сам понял все. У этого пятнадцатилетнего парнишки было лицо шестилетнего ребенка, а некоторыми повадками он вообще напоминал грудного младенца. В течение часа он умудрился броситься за мухой и ни с того ни с сего проглотить ее, засунуть себе в нос самописку и облить брюки учителя суррогатным кофе, который пани Габихт сварила для него.

Учитель встал и хотел немедленно уйти. Отчаявшаяся мать долго уговаривала его, повысила плату за уроки и пообещала ежедневно кормить его ужином, только бы он

согласился заниматься с Бруно. А мальчик, словно решив подольститься к учителю, стал перед ним, вытянув руки по швам, и отбарабанил таблицу умножения и таблицу логарифмов.

— У него потрясающая память на числа. Он запоминает их молниеносно, — рассказывала мать. — Знает наизусть всю телефонную книжку Ксенемюнде.

Бруно тут же продекламировал первые шестьдесят номеров с адресами абонентов. Но правописание он постичь не мог, с историей не справлялся, не умел правильно прочитать ни одной фразы. И это в пятнадцать лет!

Учитель каждый раз считал минуты, оставшиеся до ужина; никогда время не тянулось для него так томительно, никогда в жизни он не питал такого отвращения к ученику. Спустя месяц он как-то увидел, что Бруно избивает на улице детишек, раздает восьмилетним ребятам подзатыльники, подставляет им подножки и пинает их, когда они падают.

— Бруно! — издалека закричал учитель, но из-за одышки быстро подбежать не смог, и идиота усмирила хозяйка мясной лавчонки, наблюдавшая за этой сценой. Она схватила Бруно за шиворот — это была могучая женщина — и просто-напросто перебросила его через ограду в садик виллы Габихтов. А детей увела к себе и там обмыла их ссадины.

— Он то и дело на них нападает, — объяснила она пораженному учителю. — Идиот проклятый! Ему место только в сумасшедшем доме. Если бы папенька не занимал такой высокий пост, его давно бы туда отправили. Все поражаются, как вы там выдерживаете.

Ужин в этот день был особенно сытным, а в суррогатном кофе чувствовалось даже несколько зернышек натурального. Да и Бруно вел себя спокойно, только все время упрямо глядел куда-то в угол. И учитель опять не решился отказаться от урока.

Следующей ночью город был снова потрясен катастрофой. Лавчонка мясника напротив дома Габихтов была уничтожена таким же образом, как дом гувернантки: бомбой небольшого калибра или артиллерийским снарядом. Снаряд, по-видимому, влетел через окно в помещение и разнес его. Жена мясника погибла.

На следующий день во время урока Бруно то и дело усмехался. Учителю стало жутко.

– Присматривает кто-нибудь за вашим мальчиком в течение целого дня? – осторожно спросил он после ужина пани Габихт.

– Никто. Он прекрасно ведет себя. Целый день играет на веранде. Муж ему там устроил маленькую мастерскую.

– Нельзя ли взглянуть?

– Нет! – громко и яростно крикнул побагровевший мальчик.

– Он никого туда не пускает, – объяснила мать. – Это его царство, – заговорщически подмигнула она учителю. А провожая его к калитке, добавила: – Иногда я наблюдаю за ним в замочную скважину. Он целыми днями возится с детским «Конструктором» и несколькими деталями, которые муж принес ему с завода. Совершенно безобидное развлечение.

– Вы думаете? – спросил учитель, еще раз взглянув на сгоревшую мясную. – За таких ребят никогда нельзя поручиться. Его следовало бы поместить в больницу.

Но пани Габихт страшно рассердилась: значит, и учитель перешел на сторону соседей, ненавидящих ее Бруно.

— Ошибаетесь, я даже привязался к нему. Мне его жаль. Я думаю, в больнице он был бы счастливее.

— Никогда! — топнула ногой пани Габихт. — Пока я жива, этого не будет!

На следующий день учитель сам решил проверить, что за лаборатория у Бруно. Из калитки он прошел прямо на веранду. Мальчик даже не заперся там. Учитель увидел, что он мучит связанного котенка, присоединив его к катушке Фарадея. Котенок был уже полумертвым, когда учитель попытался его спасти. Бруно не отдавал котенка. Они молча боролись; мальчик издавал какие-то нечленораздельные звуки, а у учителя опять разболелось сердце. Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Учитель ударил Бруно по голове. Мальчик отскочил в угол и с ненавистью смотрел на него.

— Крумм! — прохрипел он. — Ты — Крумм!

Фамилия бывшей гувернантки Бруно была Крумм, а учителя — Бреттшнейдер. Мальчик это прекрасно знал. У учителя мороз пробежал по коже. В этот день он даже не приступил к уроку, уклонился от встречи с пани Габихт и отправился на завод, чтобы повидать ее мужа.

Все здесь напоминало жилище каких-то сверхъестественных насекомых. Его вели длинными подземными ходами, два солдата шли впереди него, два — позади. Габихт принял его раздраженно.

— Я понимаю, мой сын способен что-нибудь натворить. Он озорник. Но не допускаю, чтобы он мог быть повинен в этих катастрофах.

– Увидим, – сказал учитель. – Сегодня я ни за какие блага в мире не буду ночевать в своей квартире. Можете вместе со мной дежурить в саду.

Учитель жил в маленьком домике у вокзала.

– Извините, но у меня своих дел хватает, куда более важных... – возразил инженер Габихт. Однако утром он прибежал в сад. Ночью дом учителя был уничтожен небольшим снарядом, взорвавшимся прямо в его постели. Учитель со своего наблюдательного поста ясно видел кривую баллистического снаряда – он был величиной с кулак и оставлял огненный след.

– Я немедленно иду к командованию городского гарнизона, – заявил учитель. – Пойдете со мной?

Их принял начальник гарнизона, майор фон Шварц, в ведение которого входил и завод.

– Странная история... Действительно невероятная! А вы такую возможность допускаете? – обратился фон Шварц к инженеру. – Может, ваш сын быть виновником этих катастроф?

Габихт не знал, что и сказать. Он краснел, бледнел, пока фон Шварц не заорал на него.

– Я должен признаться, господин майор, – сказал инженер, – что как-то приносил домой планы нашего секретного оружия «Фау-2». У нас в конструкторском бюро было так много работы, что мы с ней не справлялись за день. Может быть, мальчик как-нибудь до них добрался. Ведь он способен очень многое запомнить. В некоторых вещах он весьма сообразителен. Никто не может сказать наверняка, что происходит в его голове...

Это признание предопределило судьбу старого учите-

ля. Во-первых, он узнал, какое секретное оружие изготовляют на заводе. А во-вторых, сынишка инженера был, бесспорно, важнее того, кто его разоблачил. Учитель исчез в концентрационном лагере. И это, в сущности, его спасло.

— Ваш Бруно, вероятно, гений, — говорил фон Шварц, когда вместе с Габихтом и поваром комендатуры ехал к Бруно.

— Он идиот, — возразил Габихт. — У нас есть врачебное свидетельство.

— Тупица! Неужели вы не понимаете, какую проблему решил ваш сын? Вы сами и двадцать вам подобных не можете добиться, чтобы наши снаряды поражали определенную цель, не умеете ими управлять. А этот пятнадцатилетний мальчишка направляет их прямо в окно с точностью до полуметра! Понимаете, как важно, чтобы снаряды «Фау-2» могли разрушать в Лондоне заранее намеченные объекты и нам не приходилось бы выпускать их наугад?!

Габихт совсем растерялся.

— Но я никогда не приносил домой планов прицельной стрельбы.

— Разумеется. Потому что их не существует. Их разработал ваш сын.

Фон Шварц приказал повару распаковать свои свертки. Впервые за четыре года войны повар сбивал натуральные сливки для парижского торта, наполнял трубочки кремом и растирал масло для слоеного теста. Бруно накинулся на лакомства, как свинья. Буквально зарылся в них носом. А пани Габихт причитала, что он испортит себе желудок. Фон Шварц стоически ждал. Наконец мальчишка отвалился и хотел убежать.

– Постой! – майор схватил его железной рукой. – Такие сладости будешь получать каждый день, если расскажешь нам, как ты это делаешь!

– Что? – спросила мать. – Он ничего не делает, он послушный мальчик.

Но майор оттолкнул ее к стене.

– Как ты нацеливаешь свои снаряды? – заорал он прямо в ухо Бруно. – Признавайся, пока я не исполосовал тебе зад! – И вытащил из-за голенища хлыст. Он взмахнул им, и пани Габихт упала в обморок. Никто не приводил ее в себя.

Мальчик упрямо смотрел в угол комнаты, слизывая своим чересчур большим языком оставшиеся на подбородке крошки. Видимо, он ничего не понял. Он даже не сопротивлялся, когда майор его бил. Лицо Бруно при этом было лишено всякого выражения. Фон Шварц сломал свой хлыст, вспотел и у него перехватило дыхание. Тогда он отпустил мальчишку и крикнул Габихту:

– Если к утру не выясните, как он это делает, ответит вся семья! Вместе с родственниками, – добавил он, выходя из комнаты. Под окнами эсэсовцы уже выскакивали из машин, чтобы оцепить дом. Фон Шварц, сидя в автомобиле, все еще ругался.

В этот вечер он отправился высыпаться в казарму и так и не вернулся в ратушу. Там оставалась только хорошенькая секретарша, вывезенная им из Италии в начале войны. Ночью она погибла вместе с другими служащими, так как канцелярию в ратуше разрушил небольшой снаряд, который на этот раз пробил крышу и сжег все здание до самого фундамента.

В казармах была объявлена тревога. Майор, вооружившись тяжелым парабеллумом, отправился к Габихтам.

— Где мальчишка? — сухо спросил он инженера. Родители дрожащими голосами ответили, что он спит. Его нашли на веранде. Он монтировал ракету на игрушечном ракетодроме.

Фон Шварц пристрелил его сзади, выстрелом в затылок. Пани Габихт набросилась на него, хотела вырвать у него пистолет, она обезумела от горя, рвала на себе волосы и одежду.

— Что он вам сделал? Убийца!

Майор попытался ей объяснить:

— Мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь убивал своих близких в отместку за всякую мелкую обиду. И к тому же применял для этого самую современную технику. Он идиот.

— А что делаете вы? Скольких людей убиваете вы в Лондоне своими снарядами? Чем вас обидел любой из этих англичан? У вас нет никаких оснований для таких убийств. Все вы идиоты, все!

Фон Шварц хотел немедленно арестовать ее, но тут раздался вой сирены.

— Не надо объявлять тревогу! — крикнул фон Шварц в телефонную трубку. — Я уничтожил источник опасности...

В ответ на это зажигательные бомбы посыпались на жилые кварталы. Союзники открыли тайну Ксенемюнде. Этот налет стоил жизни четверти населения города. Погиб и инженер Габихт. Некоторые жалели его. Говорили, что он был замечательным инженером. Одним из первых создателей ядерного оружия. Гением.

Йозеф Несвадба

По следам снежного человека

В январе прошлого года все газеты сообщили о трагической гибели лорда Эсдейла, экспедиция которого была якобы занесена снежным бураном при переходе через открытое ветрам горное плато в Гималаях. Клянусь своей честью и совестью, это абсолютно ложное, не соответствующее действительности сообщение. Я единственный человек, знающий, почему лорд Эсдейл исчез в Гималаях, и готов под присягой свидетельствовать следующее.

Мы встретились с лордом Эсдейлом в тридцатых годах, когда он тайно приехал ко мне в Марквартицы. Я преподавал рисование в школе и ведал местными краеведческими коллекциями. Марквартицы находятся, так сказать, по соседству с Вьестоницами, где в делювиальных отложениях профессор Эбсолон нашел женскую статуэтку из слоновой кости, получившую потом известность под названием вьестоницкой Венеры.

Во время своих краеведческих экспедиций между Вьестоницами и Марквартицами я обнаружил много старых, полузасыпанных пещер с остатками животных каменного века. Мне даже удалось найти сломанный бивень мамонта (*Elephas primigenius*), которому я решил отвести самое почетное место в школьной коллекции.

В это время нас навестил мой тесть Йозеф Жабка, владелец небольшой фабрики шоколадных конфет в Микулове. Жабка уговорил меня никому не отдавать бивень.

— Ты рисуешь и занимаешься резьбой, — сказал он, а

спустя некоторое время предложил нечто, похожее на сделку. – Тебе, вероятно, не трудно вырезать из древней кости такую же фигурку, какую нашли в Вьестоницах, а потом вымазать ее глиной и землей.

– Зачем?!

– Неужели ты намерен до конца дней своих торчать в деревенской школе и получать несколько жалких сотен? Моя дочь привыкла к лучшей жизни...

Они уговаривали меня в течение нескольких недель. Я любил свою жену. К тому же наш директор упрекнул меня в том, что я забочусь о своих краеведческих коллекциях больше, чем об учениках. Мы повздорили, он угрожал мне дисциплинарным взысканием и увольнением с государственной службы. А тут еще мой тесть продолжал утверждать, будто две «древние» статуэтки обеспечили бы нас на всю жизнь: мол, агент, поставляющий ему какао, связан в Лондоне с купцом, торгующим древностями. Этот агент как раз приехал в Брно.

Мне пришлось за одну ночь вырезать вторую вьестоницкую Венеру. Бивень крошился, и я начинал все снова и снова. Затем, руководствуясь книгой о четвертичном периоде, я вырезал еще фигурку мамонта и покрытого шерстью носорога (*Coelodonta antiquitatis*). Тесть показал мои произведения агенту по продаже какао.

Мы ждали несколько месяцев, но никаких известий из Лондона не поступало, хотя мы послали туда мои фигурки, а тесть разыскал в Вене какого-то профессора, который засвидетельствовал, что это действительно художественные произведения доисторических людей каменного века.

Я уже подумывал о том, как бы помириться с директо-

ром, и решил при первой же встрече выгнать тестя и возобновить дружбу с его микуловскими рабочими, с которыми когда-то ходил вместе в школу.

Но как-то раз, – кажется, это была суббота, – перед школой остановился автомобиль иностранной марки. Из него вышел элегантный господин в простроченной шляпе ручной работы, какие не носят в наших краях. Ему пришлось пригнуться, чтобы войти в мой кабинет. Он протянул мне левую руку.

– Лорд Эсдейл, – представился он на плохом немецком языке. Я прикоснулся к его правой руке. Это был протез.

– Львы, – лаконично пояснил Эсдейл и сел под чучелом редкой песочной змеи. – Я приехал по поводу ваших подделок...

– Статуэтки, безусловно, подлинные, – дерзко ответил я.

– Бивень подлинный, это верно. Потому я и приехал. Не стоит упираться. Статуэтки очень милы, и я рад, что в наше рациональное время – age of reason – нашелся человек с таким же художественным чутьем, как у людей ледникового периода.

Это мало походило на комплимент. Я взглянул на себя в зеркало. У меня рыхлое лицо и реденькие рыжие волосы, иногда я кажусь себе определенно некрасивым. Все же я не так уродлив, как наши мохнатые пращуры.

– Я куплю ваши статуэтки. Но только с условием, – быстро добавил лорд, увидев, как я встрепнулся, – что вы поведете меня в пещеру, где нашли бивень мамонта, и подробно исследуете ее вместе со мной.

Тут в мой кабинет вошел разбитной венский шофер,

неся в охапке альпинистское снаряжение и дорожный мешок. Он доложил Эсдейлу, что обеспечил ему в гостинице ночлег, и попросил расплатиться. Эсдейл протянул ему чек. Несколько недоуменно посмотрев на меня и на мои коллекции, шофер вежливо попрощался, сел в машину и уехал.

— Пещеры вокруг Марквартиц исследовать невозможно, — растерянно возразил я лорду. Мне нужны были его деньги, но все же не ценой собственной жизни. — Уже много людей заблудилось в них и потом умерло с голоду или свалилось в пропасть. Я каждый месяц пишу об этом в Прагу. Сюда надо посылать целую экспедицию. Здесь могут оказаться сталактиты почище, чем в Деменовой пещере². Но для этого недостаточно двух человек, дорогой лорд.

— Вы боитесь? Сколько хотите за это?

Он думал, что я торгуюсь. Видимо, чувствовал себя у нас в Марквартицах, как где-нибудь в Центральной Африке, и договаривался со мной, как с туземным знахарем. Мне захотелось потребовать с него килограмм яблонецких стеклянных бус и полкило пороха и тут же поджечь этот порох под его стулом, но я раздумал. Отправил Эсдейла спать в гостиницу «У почты», а сам долго не мог уснуть. Всю ночь напролет думал, какая из пещер наименее опасна.

На следующее утро мы тронулись в путь. Я намеревался поводить Эсдейла в темноте, чуточку искупать его в подземном ручье, показать полуразрушенный очаг, когда-

² Знаменитая сталактитовая пещера в Словакии.

то найденный здесь мальчишками, предложить его вниманию кости домашних животных, которые всего лишь в прошлом столетии, вероятно, затащили сюда лисицы — ученые ими не интересуются, но на экскурсантов они до сих пор нагоняют страх.

Однако лорда трудно было провести.

— Замечательная пещера, — сказал он, обгладывая ножку жареной курицы, которую я захватил для него. — Замечательная пещера, — повторил он и остановился, равнодушно поглядев на побелевший лошадиный череп, обычно приводивший в ужас всех посетителей. — Но вам следовало бы провести сюда электрическое освещение. Тогда можно было бы устраивать в эти места безопасные экскурсии даже для учащихся.

Он двинулся с места и пошел такими огромными шагами, что я едва поспевал за ним. Мне было стыдно. Кроме того, я злился на своего тестя. Ведь это он все затеял. Я заявил Эсдейлу, что ни в какие пещеры с ним не пойду, потому что боюсь, и до сих пор никогда не решался в них углубиться. Два моих товарища, однажды отважившиеся на это, теперь наводят страх на людей, как этот лошадиный череп. У меня нет никакого желания очутиться в музее в качестве чудом сохранившегося скелета доисторического человека. Я — *homo sapiens*, разумный человек, и хочу, чтобы мои останки покоились на кладбище, а не в делювиальных наносах.

Он ничуть не обиделся. Наоборот, подождал меня, взял под руку и закурил трубку.

– Это доказательство, my goodness³, это доказательство. Вы действительно убеждены в том, что ваши друзья погибли под землей?

Тогда у меня впервые мелькнула мысль, не спятил ли он.

– А что бы они стали делать там так долго? Тонда Копецкий исчез пять лет назад.

– Так же как и моя жена, – сказал лорд, отчаянно дымя трубкой. – Это доказательство. Вы должны пойти со мной в эти пещеры, даже если бы мне пришлось здесь продать душу дьяволу, – сказал он.

Он повел меня в гостиницу, где снял целый этаж, вытащил из дорожного мешка бутылку шотландского «Black and White, special brand of Buchanan's choice old whisky, Glasgow and London».

За ночь мы выпили две такие бутылки. И к утру я узнал историю леди Эсдейл, которую тоже готов подтвердить под присягой.

ЛЕДИ ЭСДЕЙЛ

Она исчезла пять лет назад во время первой экспедиции князя Павла фон Л. на Гималаи. Это была вторая жена лорда Эсдейла.

– Мы хотели отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие. Тут я получил приглашение от князя Павла, с которым близко сошелся в Монте-карло. Князь Павел был странный человек. При внешности вратаря-хоккеиста, ши-

³ Боже мой (англ.)

рокий в плечах, как орангутанг, он говорил тоненьким дискантом; казалось, что в этом мощном теле притаился другой, кем-то запуганный, крошечный Павлик фон Л.

Он женился на какой-то португальской аристократке, семья которой сводила концы с концами лишь благодаря доходам от больших лошадиных боен в Порту. Они прожили два года, а потом разразился скандал. В казино, за рулеткой, какой-то отвергнутый любовник вслух перечислил ей в лицо имена всех своих предшественников... Вероятно, приревновал ее, словом, скандал был колоссальный. Разумеется, все женщины меняют любовников, но обычно об этом не сообщают обществу так громогласно и обо всех сразу. Павел чуть не убил этого человека. Но с женой продолжал жить по-прежнему. Однако семья князя восстала против этого. Требовала, чтобы он развелся: определенные правила приличия аристократия должна соблюдать. Павел не согласился с семьей и стал изучать полиандрию.

Он отправился в путешествие, решив побывать у всех племен, где до сих пор существует полиандрия, то есть где у одной женщины несколько мужей. Хотел научно опровергнуть привычные предрассудки. А между тем его жена, оставшаяся в Европе, применяла полиандрию на практике. Как известно, до последнего времени полиандрия была больше всего распространена в Тибете. Павел осел там и пригласил нас приехать туда, как бы в свадебное путешествие. Я не опасался, что моя жена последует примеру тибетских женщин, и мы выехали через два дня после свадьбы. Тогда я еще ничего не знал ни о Гималаях, ни о снежном человеке.

– О снежном человеке? – переспросил я, потому что в те годы в европейской литературе о нем ничего не писали.

– The abominable snowman, – сказал Эсдейл. – Отвратительный снежный человек. Туземцы называют его йети. Мы наткнулись на его следы во время экспедиции в далекую горную деревушку, где, по рассказам, на тридцать мужчин приходилась всего лишь одна молодая женщина: живут они в мире и согласии, не знают ревности, отцом новорожденного считается старший в роде.

Павел полагал, что в этой горной деревушке мы сможем изучать полиандрию, так сказать, лабораторно. Но дорога туда была невероятно трудной. Туземные носильщики трижды хотели вернуться, нам пришлось самим перебрасывать веревочный мост через узкую, но невероятно глубокую пропасть. С нами произошло столько приключений, и местность была такая непривычная и необыкновенная, что моя жена чувствовала себя совершенно счастливой, потому что ни одна из ее приятельниц не совершала такого изумительного свадебного путешествия. Ее приятельницы были обыкновенными мещаночками. Гелена единственная из них получила диплом инженера и стала конструктором на моих фабриках в Манчестере, так что мой брак с нею не был мезальянсом, как продолжают утверждать некоторые из моих друзей. Она была замечательной, красивой и умной женщиной. Я до сих пор люблю ее...

Лорд Эсдейл налил и залпом выпил двойную порцию виски. При каждом упоминании о жене он повышал голос, словно хотел убедить самого себя в ее исключительности.

– Гелена первая заметила следы. До того она дважды

была со мной в Африке. Меня всегда поражала ее сообразительность, она читала следы лучше моего сомалийского боя. Когда мы прошлый раз ездили в Конго, она застрелила трех самцов гориллы, и негры в деревне танцевали вокруг нее, как вокруг богини.

Следы, которые она заметила на этот раз, походили на следы гориллы. Но как могло такое животное попасть сюда, в снежные горы? Мы расспрашивали носильщиков. Однако они утверждали, что ничего не видят, что мы ошибаемся, никаких следов здесь нет. Хотя потом, когда мы поднялись на покрытое снегом горное плато, их увидел бы даже слепой. Туземцы посовещались между собой. Видно было, что они боятся.

— Это йети! — сказал наконец самый старший. — Остается только не обращать на него внимания, тогда он оставит нас в покое.

— А что это за йети?

Они объяснили, что это дух. Мы посмеялись над ними. Да разве дух оставляет такие следы? Вероятно, это какая-нибудь крупная обезьяна, живущая здесь, высоко в горах.

Между тем Гелена принесла мне оружие. У меня очень точная винтовка, купленная в Германии; до сих пор я ни разу из нее не промахнулся. Мы пошли по этим странным следам. Князю Павлу пришлось идти с нами. Ему не очень этого хотелось, но ведь мы были его гостями.

— Предупреждаем вас, — сказал старший носильщик, опуская свою ношу на землю, — мы гнаться за йети не будем!

— Почему? — нахмурился я. При охоте на диких зверей я не терплю возражений и сопротивления. Первое условие — обеспеченный тыл.

— Кто идет по его следам, никогда не возвращается... — Он повторил это несколько раз на своем певучем тарабарском языке, остальные ему подпевали, как при богослужении.

— Следы совсем свежие, — сказала Гелена. — Пусть носильщики подождут нас здесь. Мы скоро вернемся.

— Вы никогда не вернетесь, — убежденно возразил старик, с грустной усмешкой глядя ей прямо в глаза. — Не вернетесь никогда! Он был прав.

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

Мы почти бежали по следам. Павел нес за нами снаряжение. Он признался, что не любит стрелять в животных. У него и впрямь странный характер. Гелена шла впереди, словно не могла чего-то дожидаться. Через час мы обнаружили пятна крови. Очевидно, тот, кого мы преследовали, поранился где-то по пути. Кровавые пятна увеличивались.

Спустя полчаса он на короткое время остановился. На этом месте мы увидели кость. Это была дочи́ста обглоданная лопатка какого-то небольшого животного. Мы тоже остановились. Что все это значит? Если мы гонимся за обезьяной, а мы это до сих пор и предполагали, — то ведь она не питается сырым мясом. А может, здесь водятся такие странные обезьяны, пища которых ничем не отличается от человеческой?

Впервые мне пришло в голову, что мы напали на след настоящей тайны и не только привезем в Европу редкую шкуру, но, быть может, прославимся среди естествоиспытателей как открыватели нового вида плотоядных гима-

лайских обезьян. Казалось, мы вот-вот настигнем животное. На всякий случай я спустил предохранитель.

Вот тогда-то все и началось. При ясном небе, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, при температуре ниже нуля по Цельсию вдруг разразилась гроза. Вокруг нас скрещивались молнии, и в то же время шел снег.

Мы потеряли друг друга из виду и бросились к ближайшей скале. Здесь буран был, однако, еще сильнее. Я хотел поддержать Гелену и в темноте наугад протянул руки, но натолкнулся на огромную лапу. Я подумал, что это Павел, и раздраженно оттолкнул его.

Тут кто-то ударил меня по голове, я упал навзничь и потерял сознание. Когда я пришел в себя, вокруг царила тишина.

Мы были уже не под скалой, где нас застиг буран, а оказались высоко в горах, в странной пещере, вход в которую был завален большими каменными глыбами. Разумеется, я тотчас же захотел выбраться из пещеры.

— погоди! — в отчаянии воскликнула Гелена. — Под нами тысячеметровая пропасть!

Я взобрался на каменные глыбы. Она была права. Пещера выходила к отвесной скале, которая спускалась вниз на головокружительную глубину и подымалась вверх за облака. Отсюда без альпинистского снаряжения нам не выбраться.

— У меня остался только фонарик, — грустно сказал Павел. — Все забрали. Ни одного патрона не оставили в карманах. Нет ни спичек, ни сигарет.

Я тоже осмотрел свои карманы. Мне оставили только

носовой платок. Бесспорно, во время бурана на нас напали грабители, которые, по слухам, живут здесь как в феодальные времена. Как-то раз они послали моему знакомому нотариусу в Лондон требование внести выкуп и в доказательство того, что и впрямь захватили в плен его клиента, приложили к письму отрезанный у него большой палец правой руки.

Я посмотрел на Гелену. У нее были красивые пальцы.

— Надо отсюда выбираться. И поскорее...

— Ты что, умеешь летать? Или собираешься сделать парашют из своего носового платка?

— Зажги фонарик, Павел, и постараемся проникнуть внутрь пещеры. Только не пытайся уверять меня, что бандиты в такой буран затащили нас сюда по этому отвесному склону. Вероятно, они пришли оттуда, — показал я в темноту, сгущавшуюся за нашими спинами.

— Я уже был там, — сказал Павел. — Пещера заканчивается узким ходом. Очень извилистым и низким. У нас нет веревки, и каждый шаг в такой темноте может стоить нам жизни. Там наверняка есть трещины. Светить все время фонарик не может — батарейки хватит часа на два, не больше.

И все-таки мы пошли. Отправились в глубь этой пещеры. Держались за руки, как в детских играх. Передвигались медленно, осторожно. Несколько раз я ударялся лбом о выступы скалы, но через полчаса ход вдруг расширился, мы смогли выпрямиться и оглядеться. Откуда-то сверху падал свет, и в пещере царил полумрак, как в готических храмах. Павел выключил фонарик и посмотрел вокруг. Он их увидел первым.

– Снежных людей? – задыхаясь, спросил я лорда Эсдейла.

– Нет, рисунки! – строго произнес он, так как не выносил, когда его перебивали.

На стенах пещеры были изображения, по сравнению с которыми рисунки в Альтамире казались детской мазней. И все же они их чем-то напоминали. На мгновение мы забыли, что должны спасти свою жизнь, что нам, очевидно, придется выбираться наверх по этой узенькой, светящейся расщелине, которая теряется где-то над нашими головами, и, забыв обо всем, рассматривали эти наскальные рисунки, словно находились в музее. Больше всего там было зверей. Доисторический бизон, которого естествоиспытатели называют *bison priscus*, больше напоминающий литовского зубра, чем американского бизона, покрытый шерстью носорог, северный олень, лошадь, похожая на лошадь Пржевальского, несколько оленят или серн, странные, не известные нам птицы и мелкие животные. Это были высокохудожественные изображения. Если мы отсюда выберемся, эта находка прославит нас на весь мир.

Но как выбраться? Я попытался взобраться вверх по расщелине, но снова и снова падал на подставленные руки моих спутников. К тому же всех нас начал отчаянно мучить голод. Жажду мы утоляли водой, проступавшей на стенах, но есть здесь было нечего. Этак мы за несколько дней ослабеем от голода и начнем медленно умирать. Пожалуй, лучше вернуться и попытаться спуститься по стене. По крайней мере смерть будет быстрой и милосердной.

Мы присели в этом доисторическом храме и стали советовать.

— Я думаю... — начала Гелена и застыла с открытым ртом. Она в ужасе смотрела через мое правое плечо в ту сторону, откуда мы пришли. Однажды я уже был в таком положении, когда охотился на леопардов во владениях племени дробо. Тогда наш бой смотрел на меня с таким же ужасом в глазах. Вряд ли человек может быть столь же коварным, как леопард. Тут остается одно: сделать нечто неожиданное. Если бандит за моей спиной думает, что я встану, и уже занес надо мной саблю, я должен, наоборот, упасть на землю... Но я забыл о своем плане, потому что за спиной моей жены выросла вторая фигура.

Ни тот, ни другой не походили ни на бандитов, ни на туземцев: они были высокие и совсем голые. Оба мужчины — пожилой и молодой. Спина, грудь и ноги каждого были покрыты длинной шерстью, а руки чуть длиннее наших. Один нес какое-то тощее убитое животное, второй держал на плече два копья. Они походили на обезьян с умными человеческими глазами. Издавали какие-то звуки.

Мы попытались сопротивляться и что-то объяснить, но первый из них подтолкнул меня вперед. Он был невероятно силен, и поднял меня как пушинку. Я сразу узнал его лапу. Вероятно, вот так же они принесли нас сюда.

Но как они взобрались босые, без веревок, по такой крутизне, да еще с живой ношей? Времени на размышления у нас не было: нам пришлось бежать перед ними подобно собачонкам или пленным после проигранной битвы. Ход вел дальше, в глубь скалы.

Вскоре мы вошли в пещеру поменьше — там был очаг. Из мрака выступила молодая, статная женщина и тотчас же принялась разводить огонь. Они высекали его кремнем,

хотя отобрали у нас спички. На нас никто не обращал внимания. А может, нас собирались изжарить живьем? Уж очень жалкой была их добыча.

Когда огонь разгорелся, появился обросший длинной седой шерстью старик с замороженным окороком в руках. Я подумал, что ледниковый период, собственно, был для них благодатью. Правда, им приходилось бегать босиком по снегу, но зато они могли сколько угодно хранить в нем продукты. Уже тогда я понял, почему они переселяются из долин сюда, вслед за вечными льдами. Потому что охота, которой они, видимо, живут – *experto crede*⁴ – дело нерегулярное и сопряжено с риском. В богатых африканских лесах даже семьи, имеющие ружья, не могут прокормиться круглый год только одной охотой. Тем более что успех ее непостоянен.

Они бросили нам кусок полусырого окорока, испачканный пеплом, который, видимо, заменял им соль. Я был голоден. Никогда ни один ростбиф не казался мне таким вкусным. Значит, они хотели нас не съесть, а накормить. В остальном мы их мало интересовали.

Видимо, у них уже был опыт общения с вооруженными людьми. Но почему они не воспользовались отобранным у нас оружием? Я хотел им это посоветовать, я знаю толк в охоте и с удовольствием поговорил бы с ними. Меня интересовало, как они пользуются своими копьями. Не могут же они близко подбираться к крупному зверю? Это было бы слишком опасно.

Помню, одно эскимосское племя, где до сих пор не

⁴ поверьте опыту (*ит.*)

научились пользоваться луком и стрелами, вообще не верило в естественную смерть, потому что большая часть людей его племени становилась жертвой разъяренных хищников. Они привыкли иметь дело с гибелью охотника, и для ее обозначения у них существовало семнадцать различных слов.

Может, именно поэтому почти все жители пещеры находятся в расцвете сил? Подумал я и о крутом склоне и о внезапных снежных буранах. Но как выжил этот старик, который сам не может даже есть? Я видел, как женщина разжевывала каждый кусок пищи и потом осторожно вкладывала ему в рот. Почему они так заботливо берегут этого дряхлого старика?

— Полиандрия, — произнес рядом со мной князь Павел, и его глаза заблестели. — Это случай более совершенный, чем в горной деревне. Самка заботится о старейшем с такой любовью — и ни одному из охотников не приходит в голову ревновать. Это самый чистый вид полиандрического сожительства в мире.

— Слышите? — спросила Гелена странным, приглушенным голосом.

— Что? Ведь все молчат.

— А я слышу, — сказала она. — Они поют какую-то странную песню и о чем-то договариваются. — Она снова стала прислушиваться.

— Так поговори с ними, — посоветовал я. — Я не слышу ни слова.

Она подсела ближе к очагу. Молодой охотник разломил кость и угостил Гелену сырым мозгом. Так охотничьи племена выражают свою благожелательность.

Потом она удалилась с ними в большую пещеру. Там все они начали танцевать. При этом старик ритмично ударял по стене скалы. Оба охотника время от времени указывали на рисунки и громко подражали крикам разных зверей. Затем стали метать легкие копья в наиболее ранимые места своих жертв. Тут-то я понял, для каких целей предназначались наскальные рисунки наших предков: для чего-то вроде тренировки. А эти дикари до сих пор ежедневно учатся убивать мамонтов, которых уже никогда не встретят. Я невольно усмехнулся. Дикари. Я оглянулся на сидевшего рядом Павла. Этот милый человек судорожно дергался под ритм ударов.

— Павел! — окликнул я его. — Ваше сиятельство!

Но тут все заглушил женский возглас. Я прекрасно узнал его: Гелена присоединилась к танцующим. Мне это было непонятно. Когда мы ездили в негритянскую деревню, ничего подобного ей и в голову не приходило. Но не бороться же мне со всеми.

Я с достоинством вернулся в маленькую пещеру и уснул там на камнях, натянув пальто на голову. Утром меня разбудил Павел. Вид у него был несчастный.

— Я говорил с женой, — сказал он.

— С кем?

— Вообрази, она отказалась от полиандрии. Живет теперь в Мадриде с одним старым тореадором и даже стряпает для него. Больше не хочет жить с несколькими мужчинами одновременно. Перешла к моноандрии. Этого я никак не мог ожидать. Теперь мне придется оставаться в Гималаях со своим смешным исследованием до самой смерти.

– Вот уж не думал, что в этой пещере есть телефонная связь. С удовольствием поговорю со своим секретарем в Лондоне: меня беспокоят мои фабрики в Манчестере.

– Но здесь нет никакого телефона...

– Да очнись ты! Значит, ты не мог говорить с женой, где бы она ни была – в Мадриде, в Порту или в Ницце. Просто тебе это приснилось.

– Но я с ней действительно говорил! – изумленно возразил Павел. До этого ему и в голову не приходило усомниться: сон это или нет. Он и впрямь как маленький ребенок. Когда волнуется или убеждает кого-нибудь, срывается на дискант.

– Где Гелена?

Мы стали ее искать. Но охотники исчезли и Гелена с ними. В большой пещере мы застали только старика, рисовавшего на стене животное, которое вчера принесли на ужин. Я заметил, что он пользуется лишь тремя красками: венецианской красной, темной и светлой охрой. А из чего он делает кисти? На нас он даже не взглянул, словно нас и не было. Мне захотелось стукнуть его. Но кто знает, может, он очень силен, несмотря на старость?

Мы направились к выходу из пещеры. Я вскарабкался на каменные глыбы. Там лежало дамское зимнее пальто.

– Что эти бестии сделали с нею?

Я наклонился над пропастью. Надеюсь, она не рискнула спуститься по такой отвесной скале. Вдруг мне почудилось, что я вижу ее внизу с разбитой головой.

– Она пошла с ними на охоту, – слышалось сзади. Я оглянулся.

– Ты сам видел? – спросил я Павла.

– Нет.

– Так откуда ты знаешь, что она пошла с ними на охоту?

– Я не знаю. Я ничего не говорил. И ничего не слышал.

Позади нас в пещере все еще стоял старик с кистью в руке, склонившийся над своим произведением.

– Понимаю. Они объясняются без слов. Как животные или насекомые.

– Ты еще ничего не понимаешь, – снова услышал я чьи-то слова.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Я обидел их своим сравнением. Они не животные и не насекомые. Это – люди. Но они пошли не тем путем, что *homo sapiens*. Они не мыслят в нашем понимании, не прибегают к разуму для логического анализа, для дедукции или абстрактного счета.

Это *homiens sensuosi*, больше всех животных развившие свои чувства: зрение, обоняние, слух и осязание. Они воспринимают мир гораздо лучше и тоньше, чем мы. Именно потому они так изумительно рисуют, могут объясняться на расстоянии посредством какого-то вида телепатии, свойственной – я верю этому – и людям, могут предвидеть погоду, спастись от моей точной винтовки и в любой момент поймать тех, кто их преследует.

В здешних условиях это было для них необходимым. Они не строили жилищ, не приручали животных, имели лишь самые необходимые орудия, они не жили вне природы, но слились с ней, были ее частью – высшим видом плотоядных животных.

Как я сожалел, что не могу наблюдать за ними во время охоты. Убежден, что, если бы кто-нибудь привел сюда леопардов, их бы уничтожили так же, как тех гигантских медведей, кости которых мы видели в пещере у очага.

Через несколько дней мной овладела странная апатия. Павел назвал это состояние счастьем. Мне чудилось, что все проблемы моей жизни уже разрешены, что я навсегда стал членом здешнего племени, которому буду помогать, не знаю уж каким образом, был счастлив, когда Гелена принесла свою первую добычу, и мне казалось совершенно ненужным заботиться о моих предприятиях в Англии, об имуществе и имениях, друзьях и родственниках.

Я смотрел отсюда на жизнь в буквальном смысле слова с птичьего полета. С одной стороны, потому, что логово этих снежных людей находилось так высоко, а с другой — потому, что чувствовал покой и удовлетворенность, словно от опиума, который я как-то попробовал в Гонконге еще до войны.

Павел переживал то же самое. Мы могли целыми днями сидеть и мечтать или наблюдать, как работает старик, любоваться его рисунками или творениями его далеких предков, по-видимому, расписавших эту пещеру еще в эпоху мамонтов.

Но только я понимал, как это опасно. В Гонконге я все же ушел из опиумокурильни, хотя прислуживавшая мне китаянка была очаровательнейшим созданием в мире и ей еще не исполнилось тринадцати лет. Ушел, разбив ее трубку.

Я понимал, что то же самое надо сделать здесь: ведь апатия, которую Павел называл счастьем, могла возник-

нута под воздействием разреженного высокогорного воздуха, бедного кислородом и действующего как наркотик.

Я не верю, что наркотики могут дать человеку счастье. Я верю в мысль, в разум. Моя семья создала в Манчестере мануфактуры еще до наступления эпохи пара. Мы ввели первые машины в наших краях. Испокон веков мы были противниками религии и поддерживали науку, потому что наука — ключ к благосостоянию нашей семьи, Англии и всего человечества.

Я верю в разум, который в конце концов переделает природу, в человека, который покорит все окружающее и таким образом станет равным своей извечной выдумке — всемогущему богу. Сам станет богом.

Если кто-нибудь в этом сомневается, пусть побывает в Манчестере, Руре, Силезии или Донецком бассейне. Увидев чудеса современной техники, он перестанет сомневаться в возможностях человека. Сейчас я буду модернизировать свои заводы — вводить новые технические методы. Не могу я валяться на спине в Гималаях, когда другие работают.

Но Гелена отказалась вернуться. Я заподозрил, что она влюбилась в молодого охотника, но она объяснила, что дело не в любви, а в спокойствии и удовлетворенности, которые дает ей здешняя жизнь. Здесь отдыхать гораздо лучше, чем в Африке, охотясь на бегемотов.

Гелена всегда была очень чувствительна и эмоциональна, часто приходила в восторг и дома потихоньку от всех писала маленькие акварели — я как-то случайно их обнаружил. Пожалуй, даже верила в некое неземное существо, придумала себе какую-то собственную веру, вроде

деизма, которую приспособила к своему техническому образованию. И всегда ощущала себя одним из существ, сотворенных высшей силой, уважала законы природы.

— Наша цивилизация гибнет, — говорила она; руки ее были в крови только что убитого животного. — Людей охватывает массовая истерия, они верят политическим краснотам, стали непостоянными, капризными, оторвались от природы, и это их губит. Наш вид пошел по плохому пути: разум у нас слишком развился за счет всех других чувств, которые отмирают; потому мы болезненны и несчастны, потому отчаиваемся. Не можем жить полной жизнью. А нам хочется жить так же, как живут вот эти люди.

— Как эти отвратительные люди? — возмутился я. — Да у тебя разума меньше, чем у последнего здешнего туземца!

— А мне и не нужен разум. Он мне ничего не дал. Я вышла за тебя не любя, по велению рассудка, потому что хотела подняться по общественной лестнице. Я знаю, почему твой первый брак оказался неудачным. Таковы мы, люди, способные при помощи рассудка подавить даже инстинкты собственного пола...

Я не нашелся что ответить. Меня воспитывали в правилах викторианской морали, и я не могу говорить о вопросах пола так же, как о зубах. Кроме того, она страшно оскорбила меня. Так, значит, все-таки дело в охотнике. Влюбилась в обезьяну. Сошлась со зверем. Возможно ли это? Как могла это сделать женщина, получившая образование в нашем высшем учебном заведении, с детства поступавшая разумно, женщина, умом которой я всегда восхищался? Могу ли я поверить, что настоящие, разумные люди не мы, а те, кто нас сейчас окружает, что там, внизу,

в долинах живут лишь уродцы с чрезмерно развитым черепом? Возможно ли это? Нет, Гелена обманывает меня.

— Мы должны уйти отсюда, — сказал я Павлу, который с несчастным видом слушал весь наш разговор. — Мы должны уйти, и не уговаривай, все равно я не буду вместе с тобой изучать полиандрию. Я бы уж предпочел изучать убийства из ревности. Думаю, что в истории человечества для этого найдется более богатый материал. Но как расценивать ревность? Разумно ли испытывать ее? Дает ли что-нибудь это чувство? А может, оно смешно и ненужно?

— Я уезжаю в Англию, — заявил я. — У меня важные дела в Манчестере.

— А Гелена?

— Жена для меня умерла. Она предпочла дикарское существование.

— Завтра уйдешь, — произнес старик; Павел не слышал его голоса. Меня это еще больше разозлило. Но снаружи уже подымался ветер. Мы подождали до утра. Полагаю, что и разумные люди именно потому, что они разумны, могут иногда воспользоваться иррациональными советами. К сожалению, Павлу не помогли ни советы, ни примитивная веревка, которую нам дал старик.

Сорвавшись в десяти метрах от земли, Павел ударился головой о колоссальный камень, а оттуда его моментально смыло бурным высокогорным потоком. Ни один спуск не утомил меня так, как этот, даже спуск с Грос-Глокнера.

Гибель друга глубоко потрясла меня. Едва спустившись со скалы, я упал на колени и расплакался как ребенок. Ноги у меня дрожали от страшной усталости, руки были стерты до крови. А может, и лучше, что князь погиб?

Вряд ли бы он утешился после измены жены. А как я справлюсь с этим?

Я вытер глаза, стал спускаться в долину и лишь на следующий день добрался до человеческого жилья. Один из наших носильщиков открыл мне дверь и испуганно вскрикнул, решив, что видит мой дух.

РАЗУМ В ТУПИКЕ

В Лондоне все, конечно, думали, что Гелена погибла на охоте. С удовольствием выражали мне соболезнование. В наших кругах смерть на охоте считается чем-то естественным. В этом отношении мы похожи на йети. Я подкупил всех издателей и путешественников, с помощью своего адвоката задерживал малейшие упоминания о снежных людях. Мне не хотелось привлекать к ним внимание.

Я откупался от каждого, кто хотел о них писать, нанял двух бойких журналистов, которые высмеяли и заставили замолчать одного молодого норвежца, упомянувшего о снежных людях в «Международном географическом журнале». Над этим юношей смеялись все, и, хотя он путешествовал без свидетелей, несколько выдающихся специалистов готовы были присягнуть, что фигуры, которые он видел издали, были всего-навсего фигурами медведей.

Когда мы с ним встретились на ужине у леди Астор, он уже сам был уверен, что повстречался с медведями. Я хотел один на один свести счеты с этими отвратительными людьми. Начать борьбу с ними, такую же беспощадную, как между шотландскими кланами. Я пожертвовал значительную часть своего состояния на развитие беспроводной связи.

Через год из своей исследовательской лаборатории я получил аппарат величиной с портфель, благодаря которому мог объясняться с владельцем такого же аппарата на расстоянии пяти километров. Аппарат был дорогой, приходилось часто менять батареи, но при этом никто не требовал, чтобы вы танцевали вокруг костра или сосредоточивались на мысли о своих любимых. Это была связь на расстоянии, созданная разумом.

Я понимаю, вам покажется смешным, что я решил перещеголять этот снежный сброд, занимаясь такими мелочами. Вряд ли хватило бы всей моей жизни, если бы я стал доказывать, что победит разум, что великие идеи Ньютона и Дарвина освободили человечество, что мы покорили природу, но иначе поступить я не мог. Все средства были хороши, только бы вернулась Гелена. Я захвачу с собой фотографии новых машин на моих заводах, это действительно чудеса человеческой изобретательности, она наверняка их оценит. Докажу ей...

Да, друг мой, вы не ошиблись, я не мог думать ни о чем, кроме ее возвращения. Хотел доказать ей, что разум восторжествует, и воображал, что таким образом верну Гелену, а молодой охотник опротивеет ей, как шелудивый пес. Я готовился к новой экспедиции на Гималаи.

А пока что, разумеется, пытался забыться. Приходили знакомые, утешали меня. Я просадил много денег, играя в азартные игры, выбрасывал большие суммы на различных медиумах, за которыми следил во время спиритических сеансов, я разбивал сердца женам своих служащих; однако, лаская их, думал о Гелене; слушая бессмысленные выкрики спиритов, надеялся – а вдруг появится она, говорил со своими знакомыми только о ней.

Все видели, как я страдаю, мои друзья и близкие перестали осуждать ее и упрекать меня в мезальянсе. За год я потерял в весе десять фунтов. И в мае телеграфировал в Катманду, что вылетаю. Мой уполномоченный всю зиму занимался там подготовкой великолепной экспедиции, никто никогда еще не тратил на это столько денег.

Официально я готовился к восхождению на Нанга-Парбат, но на самом деле в моей экспедиции участвовали опытные охотники, привыкшие брать хищников живьем. В своих несбыточных мечтах я представлял себе, что, если моя жена откажется вернуться добровольно, я привезу ее в лондонский зоологический сад под видом самки йети, посажу обоих в клетку, буду демонстрировать их в качестве пары снежных людей и ежедневно посылать туда экскурсии заключенных из исправительных заведений Сохо.

Но, прибыв со своей экспедицией на нашу бывшую базу, мы не нашли и следа горной деревни. Нам рассказали, что люди переселились отсюда в долину, потому что в последнее время их начали тревожить йети. Они якобы не убегали от людей, как раньше, а похищали их. Несколько человек исчезло в горах, остальные в панике бежали.

Это было первым затруднением – пришлось вернуться за носильщиками. Между тем погода ухудшилась. Начались метели, каких здесь никто не помнил в это время года. Ударили запоздалые морозы, во многих местах с гор срывались лавины. Мы продвигались с величайшим трудом.

А когда погода улучшилась, оказалось, что перевал, на котором мы когда-то обнаружили следы снежных людей,

совершенно замело снегом. Он исчез, и никто не мог найти дорогу через него. Казалось, придется обходить весь горный массив, а это задержало бы нас месяца на два, не меньше.

Но я не сдавался. Заказал в Дели небольшие одномоторные самолеты. Ни дня не хотел терять. Перевезу всю экспедицию по воздуху. При этом мы сможем обозреть владения противников. Стоило это очень дорого, но я был богат.

Я так упорно собирал все сведения о снежных людях, отдавался этой экспедиции с такой страстью, что мои сотрудники, кажется, начали сомневаться — нормален ли я.

Однажды в лагере появился буддийский монах и пригласил меня в находившийся неподалеку монастырь, где я мог бы отдохнуть и побеседовать с мудрейшим из аскетов. Но все это меня не заинтересовало, так как монах отрицал существование йети, уверял, что они — лишь плод воображения напуганных горцев. Мол, он сам уже давно ходит по горам в этих краях и до сих пор ничего подобного не видел.

Я выгнал его. Он слепой, глупец или обманщик. Ничто не помешает мне выполнить задуманное. По крайней мере так мне казалось. Но самолеты не прибыли. Вместо них я получил молнию из Дели, в которой сообщалось, что лондонские банки не оплачивают мои чеки.

Я спешно вернулся в Катманду. Как назло, в этот день, наконец, установилась прекрасная погода. Но меня это уже не интересовало. Я не представлял себе, как изменилась обстановка на бирже. Вы, вероятно, помните этот крах. Люди стрелялись, бросались из окна, вчерашние

миллионеры торговали на улицах яблоками. Внезапно я выяснил, что моя вера в силу разума обманула меня, что мои заводы принадлежат мне не более, чем Трафальгарская площадь. Всю жизнь я верил в абсурд. Люди слишком несовершенны и только притворяются разумными существами. Это опасные, капризные обезьяны, захватившие господствующее место в мире лишь благодаря своей дерзости. И мне стало казаться, что йети гораздо умнее. На нашу цивилизацию обрушиваются катастрофы и ураганы страшнее того, который я пережил в Гималаях.

Но как я был самонадеян! Готовился привезти Гелену в цепях! Я показался себе мальчишкой, который хвастал своим автомобилем и вдруг обнаружил, что это лишь игрушка. Меня обманули. Я разорился. У меня остался только старый родовой замок и немного пахотной земли. Мой адвокат со своей семьей отравился газом – перед самым кризисом он без моего ведома вложил весь мой наличный капитал в бумаги, которые совершенно обесценились. Я ждал, не найдется ли покупатель, который заинтересуется землей. Мне пришлось расстаться с обстановкой замка, чтобы расплатиться со слугами. Каждое первое число они получали что-нибудь из антикварной мебели или старой одежды. Но слуги были мне преданы, в то время ни один из них не покинул меня. И я не обошел их в своем завещании.

Я решил умереть в самой старой части своего замка, под портретом деда, участника англо-бурской войны, который застрелился на этом месте, потому что во время смотра забыл приветствовать королеву. Глубокой ночью я вычистил свой пистолет, дважды спасший мне жизнь в

Африке. Пусть теперь он спасет мою честь. Я не могу жить нищим. Лорды Эсдейлы всегда были богаты.

Я медленно вдвигал обойму в магазин. Патроны были совсем новые, слегка смазанные. Дуло пистолета приятно холодило. «Как Павел...» — подумал я вдруг. Ведь тогда, спускаясь с горы, Павел не сорвался, а нарочно бросился вниз головой. Он не мог жить без своей жены. Сон его оказался вещим: она и вправду влюбилась в мадридского тореадора. Вот теперь и я встречаюсь с Павлом.

— Сантильяне дель Маре, — вдруг прозвучало рядом. Была поздняя ночь, и в этой части замка всегда было пусто. Крыша здесь протекает, окна плохо закрываются, слуги не решаются сюда ходить — боятся тени моего деда, умершего здесь.

— Сантильяне дель Маре, — прозвучало снова над самым ухом, словно из дула пистолета. Это был хорошо знакомый мне женский голос, голос Гелены.

— Сантильяне дель Маре, — в третий раз произнесла она, и мне почудилось, что она уходит. Значит, все-таки вспомнила обо мне. Без радиоаппаратов и телевизора следит со своих гор за моей судьбой. Я, глупец, хотел охотиться за нею, мстить ей, а на самом деле она меня любит. И, быть может, избрала единственно правильный образ жизни в этом мире лицемерия и половинчатого разума.

Я бросился в библиотеку, находившуюся в противоположном крыле замка, и по пути напугал старую служанку, подумавшую, что я гонюсь за вором. Я поспешно спрятал пистолет.

Сантильяне дель Маре — местечко в Испании, в провинции Сантандер. На следующее же утро я позвонил своему кузену в Министерство иностранных дел.

СЧАСТЬЕ

– Сантильяне дель Маре? Знаю, конечно, неподалеку оттуда находится знаменитая альтамирская пещера. Но проехать туда невозможно.

– Почему?

– Да ты что, газет не читаешь? Какой-то генерал Лиро начал в Испании гражданскую войну.

Мой кузен не запоминал иностранные имена и порой даже путал их с названиями валюты. Я занял денег на дорогу и выехал в тот же день. Гелена, несомненно, знала, зачем звала меня туда.

Меня водили по пещерам, я был там единственным туристом. Аббат Нейль и профессор Унтермайер, которым мир обязан исследованием тамошних пещер и многочисленными трудами о доисторическом человеке, как раз собирались уезжать. Они настойчиво предостерегали меня об опасности, говорили, что в Сантандере сильное анархистское движение, фашистам, мол, придется туго, дело дойдет до кровопролития, и оставаться здесь не стоит.

Но меня не интересовала гражданская война. Я нанял местных проводников, и они повели меня по альтамирской пещере, довольные, что нашли работу во время мертвого сезона. Показывали мне достопримечательности, на которых обычно не останавливались: рисунки на стенах низких подземных ходов. К ним надо добираться на четвереньках.

– Аббат Нейль утверждает, что доисторические люди считали бизона даром небес, думали, что он рождается в глубине скал, и потому вызывали его этими изображениями в переходах, лежащих глубоко в горе.

– Ерунда, – сказал я. – Жаль, что ваш аббат уехал.

Я объяснил бы ему, что доисторическим людям надо было тренироваться, чтобы с близкого расстояния убить бизона своим коротким копьем. В этих переходах они приучались подпускать бизона на несколько шагов и лишь потом вспарывали ему брюхо копьем с кремневым нако-
нечником.

– Посмотрите сами, – я отметил длинную черту на огромном брюхе животного. – В местных пещерах художники пользовались светло-фиолетовой краской, какой я не встречал в Гималаях.

– И вправду, – изумился проводник. С тех пор за мной установилась репутация крупного специалиста, который может объяснить, почему некоторые изображения так сильно повреждены. Никого больше не удивляло, что я брожу по местности, разыскиваю новые пещеры и лазы. Ведь для чего-то Гелена послала меня сюда. Не соби-
ралась же она встретиться со мной в альтамирской пещере. Это было бы равносильно свиданию на многолюдной площади. К тому же она назвала не Альтамир, а Сантиль-
яне дель Маре.

Я исследовал местность целую неделю. И наконец обнаружил нужную пещеру. Указали мне ее дети; они ходили туда играть. Она начиналась неподалеку от каменоломни. Я стал осторожно спускаться. Дети не решались забираться дальше нагромождения камней у подступа к пещере, поэтому вход остался нетронутым.

Я сразу понял: это нечто вроде передней, подобной входу в гималайский лабиринт. Идти надо было осторожно, хотя на этот раз я запасся альпинистским снаряжением

и мощным фонарем. Но я был один. Сломать ногу здесь, под землей, было равносильно верной смерти, так как о моем походе не знали даже дети, указавшие мне пещеру. Да и отправился я туда поздно вечером. Не хотел привлекать внимание к своим поискам. Ведь моя экспедиция могла закончиться позорным провалом, а голос Гелены, быть может, я слышал потому, что перед смертью нам всегда мерещатся голоса наших близких.

В конце концов я был вознагражден. Правда, мне пришлось переправиться вброд через подземную речку, ползти на животе и обходить спящих летучих мышей. Но вот я очутился в сводчатом пространстве, погруженном в подземный сумрак и напоминавшем готический храм. Изображения на стенах были еще прекрасней и совершенней, чем в Альтамире. Но ничто не напоминало ни о Гелене, ни о ее таинственном зове. Я решил закусить.

— Хорошо уже то, что ты пришел, — слышался женский шепот. Вглядевшись, я обнаружил вторую, меньшую пещеру, а в ней худого, высохшего старца, настоящий скелет, обтянутый грубой, толстой кожей с облезшей шерстью. Он едва дышал. Я хотел накормить его.

— Я только что съел олений окорок, я сыт, — сказал старец. Я стал смотреть по сторонам. На стенах были изображения кроликов, диких уток, а также кошек, собак, крыс. Неужели здешние йети так низко пали, что едят крыс?

— Ты можешь получить все, что пожелаешь. Но надо по-настоящему желать... — слышалось снова. Я посмотрел на этот живой труп, все еще сжимавший в руках кисть. Поодаль стояли сосуды с красками. Был ли он действи-

тельно счастлив? Как сохранился его род в течение целых тысячелетий, никем не замеченный, в стороне от всей нашей жизни? Это была, вероятно, какая-то особенно упрямая семья, если она не переселилась вслед за отступавшими ледниками. Может, какие-нибудь жрецы, хранители местных храмов, кто знает. Надо сказать, что изображения жрецов на их рисунках никогда не встречаются.

– Не уходи, – снова услышал я голос Гелены.

– Не стану же я ждать здесь, под землей, пока этот человек умрет.

– Останься, ты должен познать истинное счастье...

Это было смешно, но в глубине души я надеялся встретить ее здесь, думал, что она придет сюда или при помощи какого-нибудь медиума сообщит мне, где ее обиталище в горах, как к ней добраться. Не люблю оккультные фокусы и не намерен в них участвовать.

Я принялся собирать свое снаряжение. Завтра приведу сюда местных археологов: авось еще удастся спасти этого старика. Это был действительно уникам. Уходя, я споткнулся о его одежду. Какая одежда может быть у йети? Ее я у них никогда не видел. И все-таки здесь лежала одежда начала столетия, даже шляпа была продырявлена пулей. Уж не принадлежит ли этот старик к нашему, человеческому виду? Быть может, это какой-нибудь сумасшедший, нарочно забравшийся сюда, в горы, и продолжающий дело доисторических художников? Зачем он это делает? По каким соображениям?

Но через неделю я уже держал в руках его кисть и пробовал провести первые линии на стене. Мне не объяснить вам, зачем я это делал. Это чувство надо испытать.

В первую ночь я остался там, потому что совершенно обессилел и хотел спать. Мне приснился удивительно реальный сон, будто я вернулся на лоно природы, будто бегаю с Геленой по странной долине меж ледников и пью сырую кровь диких зверей.

Мне мерещилось, что мы любим друг друга, счастливы, что все это не сон, а реальная действительность. Мною снова овладело безразличие, которое я уже не называл апатией. Его не нарушали никакие воспоминания. Я жестоко обманулся, поверив, что можно достигнуть счастья рациональным путем. Мне было безразлично все, что творится наверху, под солнцем, не страшили голод и холод, безразличны стали родственники, человечество, Англия, весь мир. Мои машины казались мне теперь смешными. Важно было только совершенство рисунков на стене, только их создание казалось мне достойным человека. Я был спокоен. Был счастлив. И наконец, понял, почему те, кто встречает снежных людей, никогда не возвращаются. Я уже не хотел возвращаться.

ПЕРЕСТРЕЛКА

Спустя несколько дней мои мечтания нарушили странные, ритмичные сотрясения почвы, какие не могла вызвать какая-либо нерациональная сила. Это был гул орудий, а к вечеру стала доноситься и ружейная стрельба.

Итак, фронт приблизился к нашим пещерам. Тогда я, конечно, не знал, что фашисты подвезли тяжелую артиллерию и готовились обстрелять Сантильяне дель Маре. Защитники города хотели обойти их и атаковать, пройдя

подземным ходом. Оказалось, что все проводники – анархисты и прекрасно знают окрестности.

Один особенно горячий парень решил пробраться в тыл фашистов через мою пещеру, где он в детстве играл. Фашисты узнали о планах республиканцев, послали сюда свой авангард, и им пришлось вести бой под землей. Главные силы обеих сторон встретились в большой пещере, так очаровавшей меня фиолетовыми красками. Перестрелка продолжалась около пяти часов.

Обе стороны понесли большие потери, потому что стреляли в темноте, гранаты швыряли вслепую, и сражавшиеся пострадали от обломков дробившейся скалы больше, чем от выстрелов. Многих засыпало. Среди них и моего старика, который все не хотел умирать. Его придавила огромная глыба, украшенная его собственными рисунками.

Я наблюдал бой из небольшого углубления в скале, лежа на животе и вспоминая сцену, разыгравшуюся некогда в Гималаях, – охотничий танец снежных людей, странные ритмичные удары старика по стене, несколько не напоминавшие лай пулеметов, радостный возглас Гелены – клич свободы, столь не походивший на стоны раненых и умирающих под землей.

В конце концов фашистов вытеснили. Им пришлось отступить, потому что республиканцы по другому ходу проникли в тыл марокканских батарей и перебили там всю прислугу. Атака на Сантильяне дель Маре была отражена. Вся провинция ликовала.

Вместе с остальными ранеными меня отнесли в военный госпиталь. Думали, что я английский поэт, который,

как гласила молва, сражается в одних рядах с анархистами. Моего старика они похоронили со своими убитыми. Обращались со мной вежливо, даже после того, как я им представился. Лечили меня в анархистских казармах и потому называли просто господин Эсдейл, но в остальном относились ко мне внимательно...

Я слышал, что впоследствии весь этот отряд погиб под Барселоной. Это были мужественные люди, и я с удовольствием вспоминаю о них. Но, конечно, они не подозревали, что все попытки добиться чего-нибудь разумным путем тщетны. Я не понимал ни сущности их борьбы, ни задач испанской республики. Но одно было мне ясно. Разумные люди доказывают здесь свою правоту странными средствами – оружием. Фронт не место для поисков исторического счастья.

Мне пришлось вернуться в Лондон. Своему кузену я доставил много хлопот, так как сообщение с Англией было уже прервано, и он вынужден был послать за мной специальный самолет.

К счастью, через несколько дней ко мне пришел торговец и предложил искусно изготовленные вами статуэтки, заявив, что это вторая вьестоницкая Венера, марквартицкий бизон и микуловский носорог.

Я сразу понял, что это подделка, но для меня было ясно, что в Моравии, по-видимому, возможны такие же бесценные находки, как в Испании, и здесь, в относительно спокойной обстановке, мы сможем спуститься под землю и раскрыть тайны, которые пещеры до сих пор никому не выдавали.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

— Я женат, — сказал я лорду, — хочу иметь детей. А чужих ребят учу уму-разуму. Я учитель, господин Эсдейл, и вы вряд ли могли бы найти кого-нибудь менее подходящего для отрицания разума. Я привык спорить со здешним священником. Верю, что мы живем в великое время, скоро у нас будет изобилие товаров для всех, люди полетят в космос, научатся гораздо лучше использовать землю и будут счастливы, но только потому, что доверяют своему разуму.

— Не будут они счастливы.

— Счастье у них будет не таким, как у доисторических охотников. Они не будут пить свежую кровь.

— Они не будут любить.

— Любить будут, но по-иному. Нет, господин Эсдейл, я сторонник нашей цивилизации. Она мне нравится. И я ни в коем случае не променяю ее на медленную смерть в пещере, даже если бы ее стены были расписаны Рембрандтом.

— Значит, вам нравится существующее общество?

— У меня никогда не было фабрик, и я не играл на бирже. Всю жизнь был беден.

— Но это вам не поможет, когда и до ваших мест докатится канонада, раздавшаяся в Сантильяне дель Маре. Я видел, как в Вене они маршировали в коричневых рубашках и высоких сапогах. Они придут и сюда. Неужели вы станете утверждать, что они тоже продукт разума? А ведь они все же часть цивилизации, которая вам так нравится. Ваши друзья были разумнее.

– Какие?

– Те, что остались в пещерах.

– Тонда и Мирек вовсе не остались в пещерах, дорогой лорд. Оба они были страстными футболистами, играли в сборной Микулова, и я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь из них рисовал. Они лучше меня объяснили бы вам, в чем ошибки нашей цивилизации. Не зря эти ребята работали на фабрике моего тестя. Нам не хватает разумного ведения хозяйства, мы страдаем от недостатка, а не от избытка разума. Кризисы, фашизм и все прочие безобразия могли возникнуть потому, что люди поступают подобно вам. Отрекаются от разума, хотят на полном ходу выскочить из мчащегося автомобиля. Это самоубийство. Тонда и Мирек лучше доказали бы вам все. Они спустились в пещеры не для развлечения, их заставила бедность. Надеялись продать кому-нибудь свои находки.

– Скоро мы с ними встретимся...

– Вы пьяны, лорд!

Оскорбленный, он встал и распахнул передо мной дверь.

– Вы не способны на возвышенные чувства, приятель.

Он покачивался, стоя в дверях, и казалось, вот-вот упадет.

– Извините. Может, вы и не пьяны, но вам следовало бы заказать себе кофе.

Он выгнал меня. Впрочем, никто не стал бы для него варить кофе. Было около трех часов ночи, в гостинице все спали.

Возвращаясь домой, я услышал пение первых петухов. «Что ему, собственно, нравилось? – думал я. – Апатия или

счастье? В чем суть этих понятий? Странно, почему теперь все жаждут возврата к природе? В те времена, когда я преподавал в Железном Броде, я знал нескольких спиритов. Честное слово, они рассуждали разумнее, чем этот лорд. Их рассказы выглядели более правдоподобными. Телепатию и всю эту ерунду наверняка когда-нибудь объяснят так же, как электричество, если только телепатия вообще существует. Но что она имеет общего с искусством? Мои ученики отлично могут изложить содержание стихотворения или описать картину, которую видели на выставке, и для этого им не надо проводить целые дни под землей в одиночестве и мрачных размышлениях...»

Вся деревня была погружена во мрак, только в нашем доме все еще горел свет. Жабка сидел с моей женой у стола над грудой бумаг. Они подсчитывали всю ночь, что надо купить и как лучше поместить полученные деньги.

— Сколько? — в один голос спросили они, как только я закрыл за собой дверь.

— Сколько он предлагает?

— Ничего. — Я тяжело опустился на стул и отпил глоток холодного черного кофе прямо из кофейника. — Ни гроша. Догадался, что это подделка.

— Каким образом? — изумился тесть.

— А зачем же он тогда приехал? — спросила жена. Она умнее отца. — Это он мог написать в письме. Что ему здесь надо?

Я не хотел им ничего рассказывать, знал, что это за семейка, но они упорно настаивали, да и могли подумать, что я совершаю какую-то сделку втихомолку.

— Он хочет отправиться в здешние пещеры.

— Один? — ужаснулись они, так как отлично знали, насколько это опасно.

— Нет, дорогие родственнички. Хотел отправиться вместе со мной. Я говорю это в прошедшем времени, потому что категорически отверг это предложение. Свари мне крепкого горячего кофе и пойдем спать. У меня от всего уже голова пошла кругом.

— Но он, конечно, немало предложил тебе за это? — спросил тесть.

— Я не собираюсь продавать свою жизнь, папенька, так что даже не торговался.

— Трус! — как ужаленный, подскочил он. — Сколько раз я рисковал жизнью ради семьи. Спроси ее...

— Я знаю. Делали шоколад из отрубей. За это можно было самое большее сесть в тюрьму. За это у нас, к сожалению, не вешают. А меня вы посылаете в подземные пещеры. Видели вы когда-нибудь Мацоху? Такая же пещера может оказаться у нас под землей. А может, еще глубже. Если мне выбирать способ самоубийства, так лучше прыгнуть в Мацоху, там хотя бы все видно.

Жабка разволновался, показывал мне свои расчеты, говорил, как можно было бы расширить производство, как он хотел сделать меня своим заместителем, — я делал бы эскизы ко всем его рекламным плакатам, поскольку умею рисовать, — как он собирался выпускать шоколадные фигурки вьестоницкой Венеры, какой это был бы боевик, злился, уговаривал меня, предлагал найти для лорда проводника, но я только крутил головой.

— Я этого на свою совесть брать не хочу. Пусть его сиятельство сам на этом обожжется. Хватит с меня ваших подделок.

– Моих подделок?! – обиделся тесть и даже побагровел. – Разве я вырезал этого дурацкого носорога, хотя каждый ребенок знает, что у Микулова никто никогда не видел носорогов? Будь это моя работа, никому бы ничего в голову не пришло, потому что я привык все делать как следует, добросовестно. Даже подделки. А ты халтурил. И всю жизнь свою испоганишь. Если у девчонки есть голова на плечах, она с тобой завтра же расстанется!

Он выбежал из комнаты, словно за ним гнались. Даже дверь забыл за собой закрыть. Я люблю свою жену и особенно восхищаюсь ее ногами. У нее идеальная фигура. Но она ужасная пуританка, не знаю даже почему. В ту ночь она встретила меня поцелуями, которые меня особенно возбуждают. Никогда еще я ее так не любил...

А потом, распустив волосы, она взяла будильник и деловито спросила:

– В котором часу разбудить тебя? Когда вы выходите?

Я едва не разрыдался тут же в постели. Уже светало, из сада доносилось пение птиц, они всегда заливаются перед восходом солнца. Поклоняются ли снежные люди солнцу, как божеству, если уж они так близки к природе?

– Незачем меня будить. – Я поднялся, покачиваясь. – Уйду сейчас.

Она не удерживала меня, не отговаривала. Предложила кофе.

– Не хочу, – сказал я. – Ничего не хочу. Думаю, что в вашей семье я единственный...

Я вспомнил рассказ лорда о его жене. О том, как она по велению рассудка подавила свои чувства. Сейчас я испытывал то же, что и он. Моя жена вела себя, как девка. Зна-

ла, что этот способ лучше подействует, чем крик ее отца. Она вела себя разумнее, чем мой тесть. Голова у нее работает. Девка! Я кинулся в гостиницу. Разбудил недавно уснувшего лорда. Для этого мне пришлось колотить ногами в дверь.

– Пойду с вами. Сегодня же, – сказал я.

– All right⁵! Я знал, что ты окажешься благоразумным, вернее, внеразумным, – поправился лорд. – Это будет моя четвертая экспедиция, – пробормотал он, засыпая.

ПОБЕДА

Мы отправились около полудня. Я раздумывал, сказать ли хозяину гостиницы, куда мы идем, но потом сообразил, что все равно во всем крае, пожалуй, не сыщешь спасательной экспедиции, никто не отважится углубиться в пещеры. Тогда я решил хотя бы договориться с Эсдейлом о вознаграждении. Назначил свою цену. Очень высокую.

Лорд только улыбался. Он готов был уплатить мне любую сумму. По-видимому, его финансовые дела улучшились с тех пор, как он расплачивался со своими слугами мебелью. Или был убежден, что, найдя его пещеру, я не стану думать о возвращении.

– Я не намерен это обсуждать и хочу получить свое вознаграждение, даже если мы ничего не найдем.

Он пообещал мне все что угодно. Мы даже написали что-то вроде соглашения. Я знал, о чем договариваюсь. Во время вчерашнего рассказа лорда о его путешествиях я

⁵ Отлично! (англ.)

подумал о небольшой пещере на склоне в глубине леса, куда я до сих пор не решался ходить, потому что туда надо было спускаться по веревке. Мне о ней рассказывал местный лесничий, говоривший, что там живет особый вид сов. В этой пещере лорд почувствует себя как дома. Для такого спуска он был, конечно, экипирован лучше меня. Я не мог позволить себе купить альпинистские ботинки, мне даже на лыжные никогда не хватало.

И вот я спускался по веревке в обычных батевских ботинках⁶ и вспоминал судьбу князя Павла. К счастью, внизу была мягкая глина, а не громадные камни. Все казалось мне страшно смешным. Прислуживаю какому-то эксцентричному типу, превратился в боя, как он выражается. Унизительно для меня. Какой в этом смысл? Если снежные люди, как он утверждал, переселились из Испании на Гималаи, потому что им нужен был лед, чтобы замораживать свою добычу, то как замораживали ее обитатели наших пещер? Что же у них – специальные рефрижераторные или холодильные установки? Он уверяет, что это сказочные места, которые пленяют всех, кто туда попадает, и превращают каждого пришедшего в доисторического человека.

Я слышал, что среди аристократов много дегенератов. Но лорд не был похож на идиота. Лазал он замечательно. Я едва поспевал за ним. И никаких признаков вырождения он не проявлял. В пещере было светло как днем, потому что мы принесли с собой сильные электрические фонари, чуть не в полметра величиной, а кроме того, с нами были

⁶ Т. е. в ботинках фирмы «Батя» - известной чешской маркой обуви.

горняцкие лампочки. По всему было видно, что у лорда действительно большой опыт путешествий в подобных местах.

Но ход в горе был такой узкий, что мы не могли пролезть с рюкзаками на спине, и приходилось толкать их перед собой по земле, так что, несмотря на яркое освещение, мы ничего вокруг не видели. Мы продвигались вслепую, шаг за шагом, и я каждую минуту ожидал, что ход кончится и нам придется вернуться.

Но лорд Эсдейл, очутившись в своей стихии, и слышать не хотел о возвращении. Он утверждал, что это и есть настоящая пещера, он чувствует это и опять слышит какой-то голос. Я только слышал где-то справа шум подземных вод. Кончится тем, что мы здесь утонем, как крысы. На стенах не было никаких следов изображений. Даже обычные скелеты не попадались.

Я ощупывал стены, пробовал исследовать боковые ходы, но, сделав несколько шагов, каждый раз убеждался, что это тупики. Эсдейл замечательно ориентировался.

Одна из таких попыток отклониться в сторону оказалась для меня роковой. Ощупывая стену, я вдруг попал рукой в пустоту, потерял равновесие и свалился. Летел несколько секунд. К счастью, упал на ноги, но встать уже не мог: щиколотка отчаянно болела.

– Помогите! – крикнул я. – Господин Эсдейл!

Высоко надо мной мерцала его лампочка. Я и не подозревал, как глубоко свалился. У меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

– Ты должен думать о своем спасении, должен его действительно желать...

Мне чудился голос Эсдейла, говорящий, что я должен представить себе хозяина гостиницы со спасательной веревкой, своего директора школы в альпинистской обуви и целую экспедицию из Праги, которая, конечно, никогда не придет.

Очнулся я в полном одиночестве. Вокруг сумрак. Лорд, по-видимому, бросил меня без всяких угрызений совести. А может, воображал, что со сломанной ногой я скорее достигну счастья, чем он. Но я не ощущал ничего особенного, никакой апатии, только страх, ужас перед смертью в никому не ведомой подземной пропасти. И думал только о том, каким образом оттуда выбраться. Если я поползу обратно тем же путем, каким мы шли, я должен попасть наверх. Пальцы у меня были окровавлены. Я казался себе кротом. Но боль в щиколотке и голод подгоняли меня.

Я не рассчитывал на силу собственных желаний. Спасся только благодаря своему разуму. Через несколько часов я увидел первый луч света. Выбрался наверх. Подполз на четвереньках к ближайшему зданию. Оттуда меня отвезли в больницу. На ногу мне наложили гипс, воспаление легких лечили какими-то порошками.

Пролежал я долго. Если бы в той пещере я понадеялся только на самые горячие желания, меня бы сейчас уже не было в живых. Лорд там ничего не нашел. Он появился в Вьестоницах через два дня, а оттуда уехал в Вену. Больше мы о нем не слышали. Своего вознаграждения я так и не получил. Но я был рад, что у меня хотя бы зажила нога. И окончательно разошелся с тестем.

Обломок бивня мамонта (*Elephas primigenius*) по сей

день украшает мою краеведческую коллекцию. Моя жена не решается против этого возражать.

От пути разума, по которому идет наша цивилизация, отклоняться нельзя. Иначе нас ждет смерть во мраке. Тонда и Мирек были правы. Я вспоминаю о них, как только у меня начинает болеть щиколотка. А это бывает часто, особенно при перемене погоды. Вот почему я могу под присягой подтвердить, что лорд Эсдейл не погиб на Гималаях. По-видимому, он отправился туда вслед за своей женой и присоединился к снежным людям, среди которых ему уже давно место. Но сомневаюсь, что там он нашел счастье.

Йозеф Несвадба

Смерть капитана Немо

Под названием «Смерть капитана Немо» Йозеф Несвадба опубликовал в 1962 году четыре новеллы: «Планета Кирке». «Голубая планета», «Планета тождества» и, наконец, «Смерть капитана Немо». Всему этому циклу автор дал подзаголовок «Чтения о макрокосмосе». Мы предлагаем вниманию читателей последнюю из этих новелл.

Сюжеты трех предшествующих новелл о планетах я позаимствовал из дневника капитана Немо. По-видимому, все вы знаете его судьбу. Звали его, собственно, Пержинка (он был отцом знаменитого композитора Пержинки); как известно, некогда он преодолел барьер времени и попал в далекое будущее – в наш век, когда эпоха космических путешествий считается лишь периодом простой подготовки к образу жизни, достойному человека.

Я хорошо знал капитана – мне поручили создать для него рай, – а что из этого получилось, я вам сейчас расскажу.

В наше время капитан Немо жил большей частью в окружении любителей старины, рассказывал им о своих былых подвигах и редактировал в институте историографические материалы. Писал мемуары. Отрывки из них вы, вероятно, читали.

Так продолжалось много лет. Но от своего века Немо унаследовал изношенный организм и не дожил еще до ста лет, когда при контрольном медицинском осмотре ему сообщили, что он скоро умрет. И вот тогда капитан Немо, который вообще держался несколько странно и в свое время, вероятно, считался человеком недюжинным, повел себя совершенно неожиданно и необычно. Побледнел, пробормотал несколько слов, едва не потерял сознание.

Наступила бурная нервная реакция, какую мы наблюдаем у людей, умирающих во цвете лет из-за какого-либо несчастного случая или катастрофы. Короче говоря, он испугался. Шли недели, он чувствовал себя все хуже, и страх все сильнее овладевал им.

Поэтому мне вместе с моим механиком предложили сконструировать особый прибор, который дал бы возможность больному вновь пережить счастливейшие минуты его жизни и таким образом преодолеть страх смерти. Прибор, который помог бы ему легко умереть.

Но что считали счастьем его современники? Чем был тот рай, на который они возлагали надежды после смерти? Сейчас этого уже никто не знал. Мне пришлось идти экспериментальным путем, шаг за шагом регистрируя и анализируя реакцию коры головного мозга больного.

Прибор был прост. Мы принесли его в палату Пержинки, включили, пока он спал, и настроили так, чтобы прибор возбуждал соответствующие представления, доставляя испытуемому максимальное наслаждение. Возникшие представления мы регистрировали.

Первый сеанс не представлял большого интереса. На экране появились сигарообразные ракеты, каких было множество в давние времена межпланетных путешествий. Мы наблюдали, как Немо ведет одну из них – великолепную, блестящую, мощную. Это была экспедиция в отдаленнейшую область Вселенной, к системе, где обитали живые существа, с которыми необходимо было установить контакт.

Мы видели, как он прибыл на своей ракете к месту назначения и исследовал эту странную планету – но тщетно. Он не обнаружил там ничего живого, пока сама планета не начала проявлять признаки свободной активности, пока не выяснилось, что экспедиция открыла систему, где основой жизни являются сложные полимеры, гораздо более простые, чем белки. Они существуют здесь в виде больших масс, которые борются между собой, двигаясь по орбите вокруг своей звезды, и отталкиваются друг от друга, как шары на огромном бильярде. В буквальном смысле слова идет борьба за место под солнцем.

Пержинка, конечно, находит выход и добивается чего-то вроде их примирения. Детские игрушки! А главное, это видение не успокоило капитана. Утром он проснулся взволнованный, весь в поту. Смотрел на нас, словно мы какие-то призраки, явившиеся из его же века.

Я коротко объяснил ему, зачем мы пришли. Не сооб-

щая истинной цели нашего прихода, чуточку обнадежил его. Однако я никогда в жизни не умел лгать, и он, видимо, легко обо всем догадался.

— Вы любите приключения, открытия и путешествия в космос. Хорошо! Но ведь вы ими вдоволь насладились. Так о чем же сейчас жалеть? Вы видели столько неожиданных и необычайных явлений, что теперь они должны казаться вам будничными. Почему же вы боитесь? Куда еще хотите лететь? Вы прожили счастливую жизнь, — сказал я, произнося слово, которым мы сейчас пользуемся чрезвычайно редко и осторожно.

— Я был счастлив, только когда возвращался... — сказал капитан и закашлялся. По-видимому, у него был отек легких. Мой механик поддержал ему голову, а я снова включил прибор.

Мы видели торжественное возвращение его космического корабля, награды, ордена, женщин. Женщины, видимо, играли очень важную роль в жизни Пержинки; на экране перед нами их прошло несколько десятков.

Я улыбнулся. Какими странными и неразумными были раньше люди. Сейчас, когда они объединяются на основе общих интересов, нет ни любовных кризисов, ни постоянной смены увлечений. Я чуть не вскрикнул, когда на экране появился мой механик, то есть моя жена.

Мы живем с нею уже несколько лет, с тех пор как я конструирую церебральные приборы. Не могу пожаловаться, она отличный, искусный механик. Мне никогда и в голову не приходило, что она могла бы заинтересоваться этим капитаном: ведь он недалеко ушел от животного. А его фантазии, которые воплощались в картины на экране,

были чем дальше, тем примитивнее. Но моей жене они нравились. Мне было непонятно. Неужели и она до сих пор так представляет себе счастье?

— Это ужасно! — воскликнул я, чуть не сорвав своим возгласом весь эксперимент, так как в палате царил покой.

— Неужели ты не понимаешь, сколько работы нам еще предстоит, чего мы хотим добиться? — сказала она, укоризненно взглянув на меня. Пержинка снова закашлялся, и изображение на экране исчезло.

— Я забыл рассказать вам, — произнес он, глядя на меня с легкой усмешкой, — одну интересную историю с планетой Альдебаран. Мы обнаружили там механическую цивилизацию, погибшую из-за роботов-двойников. Вы не знаете, что это такое. Мы тоже не могли понять. В логовищах жителей планеты мы нашли только странные, побелевшие скелеты. За ними уже целые века ухаживали их собственные копии, двойники противоположного пола. Жители Альдебарана когда-то, в период расцвета своей цивилизации, создали их, чтобы избежать осложнений, вызываемых супружеской жизнью. Каждый имел жену, бывшую собственно им самим, если не считать того, что она являлась существом женского пола. А у женщин были такие же мужья. Все население планеты вымерло, потому что каждый из них мог ладить только с самим собой, и из-за этого они перестали размножаться.

— И вы тогда были «счастливы»? — спросил я.

— Тогда мне было очень грустно, совсем как сейчас... Дыхание у него несколько улучшилось, но оставалось неритмичным и поверхностным.

Это плохой признак. Врачи уже отказались от него и

передали его нам. Я вспомнил, как мой отец, умирая, ушел к себе в кабинет – хотел остаться один. И потому ожидал, что этот человек вот-вот выгонит нас. Но, видимо, наше присутствие было ему приятно. В первую очередь присутствие моей жены. Он взял ее за руку. Я уже давно не делал этого.

– Ведь что-то заставило вас все это переживать! У вас было много женщин, а счастья не было. И теперь вы пугаетесь того, что ваша жизнь кончается. Почему? Чего вы не успели сделать, чего не успели пережить?

– Человек, который знает, что через две недели его повесят, отлично может сосредоточиться, – грустно улыбнулся Пержинка. – Так говорил доктор Джонсон.

Я не знаю, что такое «повесят», вероятно, это какой-то вид насильственной смерти. А доктор Джонсон, должно быть, один из его космонавтов. Меня обрадовало, что капитан сам потянулся к нашему прибору и приложил его к своему вестибулярному аппарату.

На экране появилась детская площадка, и на ней девятилетний капитан Немо. Он забил гол, и по этому случаю весь тайм больной улыбается. Капитан растет, ведет мяч по полю, команда вдруг превращается в его более поздних противников, появляются его помощник, старший биолог и, наконец, я сам. Моя жена расхохоталась, увидев, как смешно я прыгаю в толпе, мелькавшей на экране. Потом толпа, стоя в грязи, начала приседать и подпрыгивать.

– Тебя это смешит? – проворчал я, на этот раз шепотом. – Тебе нравится, что этот экземпляр нашего типа *homo sapiens* считает величайшим счастьем, раем, о котором он мечтал, сведение счетов с людьми, обиравшими

его? Это рай в представлении людей каменного века, времен кровавой мести. Не знаю, стоит ли тратить силы на этого человека? Может быть, лучше прекратить наш опыт?

Когда я увидел на экране, что капитан Немо кричит на меня, что он подошел ко мне и вдруг стал на целую голову выше меня и вообще гораздо сильнее, мной неожиданно овладел какой-то безотчетный страх, и я выключил прибор. Немо сразу проснулся. Я решил поговорить с ним откровенно.

— Послушайте, вы боитесь умереть, так как не знаете, что будет после смерти. Мечтаете о каком-то рае, хотите быть «счастливым». Выбирайте. Ради вас я целыми неделями изучал литературу. Хотите пить из реки забвения, как греки? Хотите амброзию и нектар или белокурых богинь в Валгале? Хотите быть в состоянии постоянного опьянения после смерти, как мечтали индейцы? Можете получить все, включая мед и вино. Ведь представления вашей эпохи о рае и счастье были так примитивны, что один из величайших философов тех времен заявил, будто счастье в том, чтобы почесаться, когда чешется. Хотите почесаться? Пожалуйста! Я не понимаю, чего вы хотите. Не знаю, чего боитесь...

Теперь я кричал на него. Злился так же, как он только что злился на меня в своих видениях. Капитан мог уже только шептать.

— В тех же местах, где мы открыли роботов-двойников, — заговорил он, — была еще одна планета, которая тоже достигла высокого технического уровня. Ее погубила ругань. Вы помните, что такое ругательства? У них был бле-

стящий ученый, вроде вас, который автоматизировал всю планету. Каждому живому существу он придал машину, подчинявшуюся распоряжениям из центра. Однажды, разозлившись, он прошептал этому центру: «Катитесь вы»... Тяжелые машины, совершенно лишённые чувства юмора, немедленно так и сделали – покатались не глядя куда. И все жители этой планеты были задавлены собственными машинами, пали жертвами собственной логики. Я не решаюсь повторить слова этого ученого, уважаемый... – он усмехнулся и вытер пот со лба.

Мне показалось, что мы лишь отравляем ему последние минуты. Поэтому я не возражал, когда жена выгнала меня из палаты. О том, чем дело кончилось, мне известно с ее слов.

– Мы хотели бы знать, – тихо сказала она ему, – совершенно простую вещь. Бывали у вас моменты, когда вам казалось, что вы готовы умереть?

– Да. Когда я был очень счастлив.

– А когда вы были счастливы?

Он задумался. Очевидно, ему пришлось долго вспоминать.

– В пятнадцать лет, когда впервые поцеловал девушку...

– А потом?

– Потом во время отпуска, когда собственными руками смастерил в нашей хате очаг...

Моя жена не знала, что такое очаг, но продолжала спрашивать.

– Когда исправил регулятор зажигания в гравитационном поле темной звезды во время второй экспедиции, – сказал он и больше ничего вспомнить не мог.

— Я начинаю понимать, что такое ваше «счастье», — сказала моя жена. — Любовь и творчество. Или то и другое вместе. Вы испытали это трижды в жизни. А мы все время живем этим. Создаем новые механизмы, произведения искусства, всегда вдвоем, рука об руку, такова вся наша жизнь. Поэтому мы и не говорим о счастье. Мы испытываем его постоянно. В конечном счете в этом и ваша заслуга. Вы создали для нас такую жизнь. И можете быть среди нас...

Она протянула ему электроды нашего прибора. Он отрицательно покачал головой, казалось, впервые не чувствуя страха.

— Мне достаточно моего очага, — прошептал он. — Теперь я хочу чего-то нового.

И умер. Без прибора. Спокойный и примиренный, как все в наше время.

Примечание

В конце концов капитан, по-видимому, понял, что исчерпал свои творческие возможности, что нельзя бесконечно продлевать жизнь даже в ее наивысшей форме, что смерть — это только слияние с материей и освобождение от бремени индивидуальности. Я сужу об этом по его последней фразе: «Теперь я хочу чего-то нового». Он хотел чего-то такого, чего не мог получить при жизни. Смерти. Я часто вспоминаю о нем и прекрасно его понимаю. Особенно теперь, когда жена ушла от меня и я вынужден работать с безнадежно неуклюжим механиком. До сих пор не могу понять, что вызвало наш развод. Я несчастен.

Йозеф Несвадба

Ангел смерти

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым – восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет ослепительно белым светом, во много раз увеличится, зальет небо расплавленной ртутью, высушит поверхность этой планеты, сожжет все и сольется со своим раскалившимся спутником в единую гигантскую сверкающую массу.

Я знаю это наверняка: ведь из-за этого-то мы сюда и прилетели. Несколько дней назад нам, в восемнадцатый округ Галактики, сообщили, что должна вспыхнуть переменная звезда Альфа-4 Каменного острова. Поскольку ученые полагали, что у этой звезды есть несколько планет, на которых возможна жизнь, нам было приказано отправиться в путь.

Я сгорал от нетерпения. С нашей станции давно уже не летали ни к одной Новой, так как эти полеты считаются особенно опасными. А я работаю всего первый год и еще не пережил ни одного приключения.

У Альфы-4 Каменного острова девять планет. Три из них окружены плотным слоем разреженной атмосферы, содержащей кислород, и каждую мы обследовали отдельно. Самые интересные явления отметили на Третьей планете. Часть ее покрыта водой, и мы сначала предположили, что разумные существа живут здесь в мелких морях, как это бывает на иных планетах.

Но уже с большой высоты можно было заметить, что некоторые континенты там цивилизованы: виднелись большие скопления зданий и четырехугольники обработанных полей. Кое-где жилища стояли очень скученно; очевидно, городское строительство находилось на примитивном, уровне.

Мы пытались договориться с обитателями планеты, так как командир не хотел вызывать войны или даже простой стычки с ними теперь, когда мы, собственно, принесли им роковую весть. Вряд ли они смогут выдержать огромную температуру, когда вспыхнет их звезда. Им оставалось лишь одно: перебраться в другое место, но, видимо, цивилизация здесь не достигла необходимой для этого ступени. Будь у них возможность переселиться на какую-нибудь отдаленную планету, они наверняка не стали бы ждать нашего предостережения. Да и техника у них, по-видимому, на низком уровне: мы вызывали их на всех волнах, простейшими кодами, но никто не откликнулся. Как знать, может быть, у них и электричества-то нет.

Нам оставалось только систематизировать материалы, которые мы собрали, облетев несколько раз вокруг планеты, и доставить их в Институт космоса для сравнительного изучения цивилизаций. Да еще зарегистрировать некоторые сведения для Службы галактической информации — одна из референток этого учреждения всю дорогу приставала к нам с какими-то глупыми вопросами.

А затем вылететь по направлению к самой Звезде, чтобы выяснить причины ее предстоящей вспышки и превращения в Новую. Вот эта-то попытка и привела нас к катастрофе. Масса Звезды уже начала меняться, мы не за-

метили, что ее температура повысилась, и когда включили моторы для старта, произошло замыкание, отказал регулятор.

Мы превратились в вечный спутник Третьей планеты. Немедленно была объявлена тревога. К таким событиям мы привыкли и не сразу осознали грозящую нам опасность. Отказал регулятор, что ж, исправим его, невелика беда.

— Через тридцать часов сможем вылететь, — самоуверенно заявил инженер и вдруг побледнел.

— Тридцать часов! — вздрогнул я. За это время все планеты Звезды превратятся в раскаленные пары металлов. А мы — спутник одной из них.

Командир собрал нас в зале заседаний. Распределил задания, отдал приказы; в ремонте регулятора должны были участвовать все.

— Неужели вы не понимаете, что это напрасный труд? — крикнул я, увидев, какие у всех деловые, торжественные и строго официальные лица. — Зачем ремонтировать регулятор, если через несколько часов он испарится вместе с нами? Зачем заниматься бессмысленной работой? — Голос у меня дрожал.

— А что вы предлагаете? — спросил командир. — Остается только работать как положено.

— Надеяться на чудо?

— Никто не верит в чудеса, — нетерпеливо нахмурился он. — Я полагал, что в школе вам объясняли, как нужно себя вести в случае опасности.

— В школе нас уверяли, что полеты на ракетах абсолютно безопасны, что мы живем в эпоху, когда Вселенная

давно покорена, в эпоху Галактического сообщества, когда никто не умирает зря или по глупости своих начальников...

Я пришел в отчаяние, оскорблял его, готов был разрыдаться. Мне не исполнилось и двадцати, у меня еще нет детей, меня ждет мать, и мне казалось непостижимым, что люди когда-то умирали, едва достигнув ста шестидесяти лет. Как глупо, как нелепо это было! А сейчас по вине каких-то дураков...

— Я не хочу умирать! — кричал я. — Не хочу!

Он подошел ко мне и кивнул остальным. Они быстро удалились, будто еще имело смысл спешить. Я их не понимал, они казались мне безумцами.

— Все это было лишь испытанием, дружок, — отеческим тоном сказал он, чуть ли не поглаживая меня по шлему. — К сожалению, вы не выдержали его. Придется перевести вас на пассажирские линии.

— Неужели?! — воскликнул я. Когда-то устраивали такие странные испытания, чтобы отобрать для важных заданий самых подходящих людей. — Вы хотите сказать, что эта Звезда не вспыхнет, не превратится в Новую, что мы прилетели сюда не для того, чтобы спасти разумные существа, что все это комедия, которую разыграли из-за меня, чтобы выяснить, пригоден ли я для участия в ответственных исследовательских полетах?

Он кивнул. Я покраснел.

— Тогда я понимаю, почему все так спокойны. Хотелось бы посмотреть, как бы они вели себя, окажись все это явью, если бы им грозила смерть. Уверен, что кричали бы так же, как и я.

Я просил извинить меня. Жалел, что не выдержал испытания. Командир дал мне труднейшее задание: пришлось работать в скафандре на внешней стороне ракеты без связи с остальными. Неподалеку от меня работала Зи.

Сначала мне было немного стыдно. Я уже давно ухаживал за ней и понимал, что сегодняшним поведением уронил себя в ее глазах. Она строга. Легко осуждает. Я улыбался ей сквозь толстый, прозрачный шлем, помогал чем мог, носил за ней мелочи, которые она оставляла.

Притяжение здесь было незначительное; казалось, что я и сам бы смог толкнуть нашу ракету на нужную орбиту. А потом сомнения снова закопошились во мне. Если это было только испытанием, то почему же оно продолжается? Почему мы не стартовали сразу после моего провала?

Я хотел спросить Зи, но не мог, пока не пришла смена. Это были два общепризнанных остряка, два приятеля из Черного квадранта. Я ждал шуток, но они молча схватили наши инструменты и принялись за работу, торопясь как на пожар. Да, над нами и вправду пылала наша Звезда.

— Прости, я понимаю, как все это серьезно, я вел себя ужасно, вижу, как мужественны остальные, мне стыдно, Зи... — говорил я, помогая ей снимать скафандр в каюте.

— Я тоже боюсь, — прошептала она.

Так, значит, это все-таки правда, командир обманул меня как мальчишку.

— Значит, я умру?!

— Все мы умрем... — ответила она.

Лгун! Разыграл передо мной комедию, как врач перед смертельно больным, как герой перед трусом. Мне хотелось побежать к нему, но я остановился. Что ему сказать?

Он тоже погибнет. В чем его упрекать? Намерения у него были хорошие.

Я бросился в объятия Зи. Мы не были близки раньше, она этого не допускала.

— Теперь я понимаю, почему когда-то прибегали к наркотикам, — сказал я через некоторое время, когда мы лежали рядом, вслушиваясь в гудение конденсированного воздуха в вентиляторе. — И мне хотелось бы сейчас принять что-нибудь успокаивающее, какую-нибудь таблетку или микстуру, которая взбодрила бы меня. Послушай, ведь мы знаем, где аптечка. Давай опередим смерть, умрем вместе счастливо и спокойно, избежем чудовищной температуры этой страшной Звезды...

Зи отодвинулась от меня.

— Ты болен? Это было бы предательством. Дезертирством... Мы с самого рождения знаем, что умрем, но никто из-за этого не кончает жизнь самоубийством. Командир отдает приказание не потому, что ему больше нечего сказать. Экипаж любого корабля во Вселенной повел бы себя точно так же, никогда ни у кого не было другого выхода. Мы рождаемся и умираем, но пока живем, думаем о работе, о пользе, которую можем принести, о своем назначении. Другого решения нет. Не помогут ни религиозный дурман, ни самоубийство, ни обжорство. Ты рассуждаешь, как дикарь или безумец, будто ничего не понимаешь.

Конечно, Зи была старше меня, но я терпеть не мог нравоучений. Она рассуждала так, словно ей было безразлично, умрет ли она, словно с самого рождения знала, что подле Третьей планеты ее сожжет Новая Звезда, словно наблюдала сама за собой со стороны. Неужели ей не страшно?

Мы поссорились. Она хотела вызвать ко мне врача. Это, мол, распад личности. Будто неестественно, что я хочу видеть ее и свою мать, хочу еще долго наслаждаться любовью к ней, совершать далекие путешествия по Вселенной и отличиться, не хочу так глупо, так бессмысленно погибнуть.

Я ушел из ее каюты и возвращался к себе запасным ходом. Весь экипаж был на носу, у регулятора. Я проходил мимо аварийных спасательных ракет. Их было три, забраться в одну из них ничего не стоило. Но куда лететь?

Есть только два пути. Затеряться в космосе, одиноко блуждать по Вселенной, как те, кто в древние времена потерпел аварию, с той только разницей, что здесь не проходят регулярные трассы и нет надежды на то, что тебя спасет какая-нибудь торговая ракета, здесь только пустота и верная голодная смерть. Или полететь к той Звезде и умереть сегодня же. На мгновение мне даже захотелось этого, чтобы сократить невыносимое ожидание.

Впрочем, я еще могу полететь на один из континентов Третьей планеты, в какой-нибудь из ее городов и предупредить жителей. А что, если у них есть какие-нибудь средства? Никто другой нас спасти не может.

Вдруг на меня нахлынула волна жалости к ним: как Институт космоса фотографировал их жилища для сравнительного изучения цивилизаций, как собирал информацию! Словно там жили какие-то животные! А вдруг это разумные существа? Если они не приняли наших сигналов, предупрежу их сам.

Я забрался в аварийную ракету в своем служебном скафандре. Никто не обратил на это внимания. Когда за-

метят мое исчезновение, я буду уже там, на планете. И сообщу им все. Я не намерен следовать примеру нашего командира. Пусть узнают. Пусть сами решат. Интересно, будут ли они так же упрямо работать, как наш тупой экипаж? И тут, стыдно сознаться, у меня всплыли дикарские представления о загробной жизни.

Я уже видел огромные острова планеты; собственно, это континенты – один обширный и плоский в северном полушарии и два треугольных на юге. Наши автоматы зарегистрировали самые большие поселения там, где залегают уголь и металлические руды. Значит, это промышленная цивилизация.

Я причалил быстро и немного резко посреди континента, как это описывается в книгах, в районе одного из крупных поселений. Ожидал, что меня окружают местные жители. Но не увидел ничего, кроме мрачных контуров их обиталищ из железа, бетона, керамики и примитивных пластмасс. Уровень строительства у них невысокий: здания тянутся кверху, крыши домов крутые, видно, из-за климата. По-видимому, из морей испаряется вода и затем, снова сгущаясь, проливается над сушей.

Мне на планете не слишком понравилось. Сразу видно, что отсталая цивилизация; я не променял бы на нее свою родину, но все же это лучше, чем смерть. Немного подождав, я включил сирены и решил стрелять или устроить пожар, только бы привлечь их внимание. Но появилось нечто совсем другое: вторая аварийная ракета с нашего корабля. Раскалившаяся докрасна, она мчалась прямо ко мне. Я быстро выскочил из кабины, бросился к ближайшему дому и укрылся в темном углу. Они подлетели со-

всем близко, но не пошли на посадку, а включили громкоговоритель. Звали меня, снова и снова повторяли мое имя. Я заткнул уши.

— Возвращайся, немедленно возвращайся! — услышал я голос командира. — Нам удалось исправить регулятор, инженер сократил срок ремонта, мы сейчас стартуем...

Лжец, думал я, знаю твои штучки, хочешь заманить меня в этот коллективный гроб, воображаешь, что я опять поверю тебе. Тогда испытание, сейчас инженер — только бы успокоить труса. Глупец! Вторично им меня не обмануть. Я знаю, сколько длится ремонт, немного разбираюсь в наших механизмах. Мановением волшебной палочки их не исправишь.

Зи, рыдая у микрофона, уговаривала вернуться, понять, что здесь меня никто не спасет, я могу только повредить местному населению, говорила, что разлюбит меня. Словно мы могли надеяться на какое-то будущее.

— Хочешь стать для них ангелом смерти? Хочешь подготовить их к страшному суду? — издевалась она, будто я и впрямь был верующим. — Неужели ты не понимаешь, в чем единственное спасение от смерти?

Зачем она без конца поучает меня? Если жители этой планеты не найдут выхода, я присоединюсь к ним, хотя бы они перед гибелью даже предались безумным оргиям или впали в религиозный экстаз. Они такие же живые существа, как и я, и это объединяет нас; наверняка у них не такой бесчувственный командир, как на нашей ракете.

Опять прозвучало мое имя. Они обнаружили, что я выбрался из своей ракеты, и дали мне десять секунд на размышление, а затем я должен сообщить, где нахожусь. Выждали десять секунд, а потом улетели на корабль.

– Ты свой выбор сделал. Оставайся один... – сказал на прощание командир и добавил еще несколько слов – формулу, которая обычно сопутствует изгнанию со службы за дезертирство или преступление.

Как только они скрылись из виду, я побежал к ближайшему дому и стал колотить в ворота, но они рассыпались от моих ударов. Здания были покинуты, вся утварь запылелась и истлела. Дома пустовали.

Несколько часов я бегал по городу и нигде не встретил ни одного живого существа. Временами мне казалось, что жители этой планеты невидимы или на ночь прячутся в пещеры. Но даже с помощью самого чувствительного детектора я никого не смог обнаружить. Ни в городе, ни за городом, ни под землей. Зачем бы, имея такие дома, им скрываться под землей? А может, это какой-то особый вид кротов?

Сняв тонкий слой почвы, я обнаружил скелет. Человеческий скелет. Сначала я подумал, что сошел с ума, что мне это мерещится. Как могли попасть сюда, на одну из самых отдаленных планет нашей Галактики, разумные люди? Может, это останки какой-нибудь экспедиции? А вдруг эту планету заселили уже давно? Но зачем было тогда посылать нас на разведку?

Я ничего не понимал. Мне пришло в голову включить астронавигационный детектор. В ответ послышалось: поблизости на ракетодроме должен быть склад горючего. Ракетодром я нашел в нескольких метросекундах. Это было большое, совершенно заброшенное пространство без ракет, со старинным оборудованием времен первых галактических сражений, еще до основания Сообщества.

Я побежал к пульту управления. Двери передо мной рассыпались. Там стоял локатор. Невероятно примитивный. Но он указывал направление, в котором много веков назад улетели отсюда ракеты: восемнадцатый округ Галактики, наша станция.

Возможно ли это? Неужели я открыл первую планету, откуда заселялась вся Галактика, безымянную планету, название которой было забыто в эпоху вековых распрей? Так это родина первых людей, легендарная Земля? И жители покинули ее потому, что их ученые предсказали распад звезды Альфа-4, этого солнца первых поэтов?

Значит, они уже давно собственным умом, своим трудом, терпеливой борьбой против смерти нашли средство спасения от катастрофы, которая сейчас разразится?!

В локаторе мелькнул огонек. Откуда? Как он сюда попал? Огонек удалялся в направлении нашей планеты. Неужели одна из доисторических ракет? Нет, это наш корабль. Спасенный. На этот раз командир сказал правду. Зи тоже говорила правду. Жители этой планеты знали правду. Человечество знало правду.

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым – восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет и сольется со своей планетой в единую гигантскую сверкающую массу. Сожжет все окружающее. Но только не правду, известную человечеству. Я не понял ее. И остался в одиночестве. Единственный человек, кому предстоит умереть на Земле.

Йозеф Несвадба

Голем-2000

Около половины четвертого пополудни, в тот момент, когда доктор Марек, сидя в своем кабинете, заканчивал последнюю выписку из истории болезни, кто-то осторожно постучал в дверь. Затем в комнату крадучись вошел сутуловатый мужчина лет сорока, в очках, с бегающими глазками. Он производил впечатление рассеянного человека. И хотя его вид ни о чем еще не говорил, Марек сразу понял, что незнакомец нуждается в помощи. Он вскочил и пригласил гостя сесть.

— Проходите.

Мужчина опустился на стул, вытер вспотевший лоб.

— Благодарю вас.

— Меня зовут доктор Марек.

— Доцент Петр.

Мужчина неуклюже поднялся.

— Рад с вами познакомиться. Можете не представляться — мне уже звонили по поводу вас, пан доцент. А ваше имя я встречал в «Биологическом вестнике» — мне приходилось читать ваши заметки об использовании кибернетики в биологии. Я не очень-то в этом разбираюсь, но, судя по всему, это будет настоящий переворот в науке. Так что же с вами приключилось? Чем могу быть полезен? Сигарету?

Марек протянул гостю сигарету, учтиво склонившись перед ним. Петр с благодарностью взял сигарету, затянулся, понемногу приходя в себя. После короткого молчания он произнес:

— Со мной ничего, пан доктор. Я здоров. Я пришел сюда в качестве сопровождающего Веры... Моей секретарши и ассистентки, — объяснил он в ответ на недоуменный взгляд Марека. — У меня есть секретарша. У вас тоже, я полагаю?

— Секретарши есть у многих, в этом нет ничего удивительного. К сожалению, бюджет нашей больницы не предусматривает такой должности.

— В этом есть свое преимущество — меньше хлопот. Видите ли, я не женат, а потому мы иногда встречаемся с Верой и в нерабочее время. В основном потому, что я продолжаю опыты у себя на квартире. Дома у меня оборудована небольшая лаборатория, и, естественно, я не могу обойтись без ассистента.

— Конечно, — согласился Марек. — И девушка, видно, переутомилась.

Петр с надеждой посмотрел на доктора.

— Вы считаете, что это переутомление?

— Что вы имеете в виду? — вежливо спросил Марек. — Вы ведь до сих пор не сказали, что с ней произошло.

— Понимаете, у нее появились галлюцинации, она стала меня бояться...

— Может, вы слишком строги с ней?

На лице Петра появилось невинное выражение.

— Я? Да что вы! Я люблю ее. И она знает это. Я никогда не обижал ее. Почему же все-таки она меня боится?

— Как я могу сказать, не взглянув на нее? Где ваша приятельница?

— В приемной. Но постойте, я еще не сказал самого главного. Дело в том, что я заметил в ней перемены со-

всем недавно. А вчера это уже перешло все границы. Я случайно обернулся и вдруг увидел – Вера стоит у меня за спиной с ножом в руке. Ну, потом она согласилась показаться врачу.

– Она хотела вас убить? – спросил Марек.

– У нее в руке был нож, – повторил Петр. – Впрочем, пусть она сама вам все объяснит.

Погасив сигарету, Петр в сопровождении Марек направился к двери. В приемной сидела блондинка лет двадцати. Несмотря на испуганный вид и не очень опрятную одежду, она была довольно привлекательна.

– Да, – кивая головой, сказала она при виде врача. – Я хочу лечиться. Я останусь здесь, можно? В любом другом месте мне страшно.

– И поэтому вы носите с собой нож? – улыбнулся Марек.

– Я не собиралась нападать на него. Я хотела лишь защищаться. Если он опять станет угрожать револьвером.

Марек едва не поперхнулся.

– У вас есть револьвер? – обратился он к доценту.

– Не могу понять, откуда она это взяла! Я ненавижу оружие. Я и в армии не был никогда, зачем мне револьвер?

– Раньше его и в самом деле у тебя не было, – сказала Вера. – А теперь вдруг появился. И вообще, ты то кричишь на меня, злишься, то опять становишься таким, как прежде. Потому я и боюсь. Я перестала тебя понимать.

Забыв о враче, они продолжали давний спор.

– Я все время веду себя одинаково! – с криком набросился на нее Петр. – Это чушь! Смею тебя заверить, я вполне отдаю отчет своим поступкам.

– Не кричи!

– Я не кричу, – еще громче возразил Петр.

Марек кашлянул. Только тогда они вспомнили о его присутствии.

– Простите, – сказал Петр.

– Вы и в самом деле носите с собой револьвер? – спросил врач. – И угрожаете им девушке?

– С какой стати я стану это делать? – возмутился Петр.

– Я случайно наткнулась на него, когда открыла твой ящик, где лежат графики опытов, – пояснила Вера за его спиной.

– Но, позволь, этот ящик всегда заперт!

– А позавчера он был открыт.

Петр схватился за голову.

– Нет, нет, это ужасно! Пожалуйста, доктор, позаботьтесь о ней. Я должен вернуться в лабораторию. Благодарю вас... Прощайте.

Он торопливо пожал доктору руку, но, дойдя до двери, вернулся и с рассеянным видом снова пожал ему руку.

– Еще раз прощайте.

– В подобных случаях, моя милая, – начал Марек, едва дверь захлопнулась, – мы обследуем того из пациентов, кто признает себя больным.

– Меня зовут Вера Петранева.

Марек распахнул перед ней дверь, ведущую в больничный коридор.

– Благодарю вас, – промолвила Вера и облегченно вздохнула, словно он отпускал ее на свободу. Они шли длинным коридором закрытого отделения. Увидев решетки на окнах, Вера счастливо улыбнулась и схватила Марек за руку.

– Сюда и правда никто не проникнет?

– И отсюда никто не исчезнет – во всяком случае, я надеюсь, – ответил Марек.

Навстречу им по коридору шел главный врач больницы.

– Марек, – он ткнул в Марека пальцем, – вы будете меня замещать. Я отбываю в отпуск. А это кто такая?

– Новая пациентка, пан главный врач.

– Передайте ее моему заместителю и приходите за инструкциями. Полагаю, вы способны оценить мое предложение. Несмотря на прежние разногласия, я доверяю вам отделение. Будьте внимательны. Теперь у вас уже есть кое-какой опыт. Но, повторяю, будьте внимательны! Следуйте за мной.

С этими словами главный врач быстро пошел вперед.

– Это коллега Ворличкова.

Марек представил девушек друг другу. Ворличковой было чуть больше двадцати пяти. Она носила очки и была пострижена под мальчика.

– Вас положат в ее отделение. Пожалуйста, расскажите ей все как положено, и без всяких глупостей.

Ворличкова кивнула.

– Сестра вас проводит, – сказала она. Медсестра, стоя у окна, готовила для больных лекарства.

– А почему бы тебе не взять ее к себе? – обратилась Ворличкова к Мареку, едва за сестрой и пациенткой захлопнулась дверь палаты. – У меня все переполнено.

– У меня тоже, – улыбнулся Марек. – К тому же мне придется замещать главного врача. А кроме того, Ганочка, по-моему, это удачный случай: Вера Петранева – секре-

тарша доцента Петра, того самого. Так что, глядишь, у нас появятся связи с экспериментаторами. Вера нуждается в особом уходе и самом хорошем враче, поэтому все за то, что это будешь ты, и пациентка останется в твоём отделении, — по-прежнему улыбаясь, закончил Марек.

— Эксплуататор! — смеясь сказала Ворличкова.

— И на том спасибо. Ну, мне пора к старику.

Главный врач ожидал Марек с неизменной трубкой во рту.

— Меня не будет всего неделю. Больше я не выдержу. Это уже проверено. Вряд ли за это время случится что-либо из ряда вон выходящее, но на всякий случай оставляю вам свой адрес. При необходимости телеграфируйте.

— Хорошо. Я надеюсь, мы справимся. Вы заслужили отдых.

— Не надо преувеличивать, Марек. Да, кстати, звонил профессор Клен. К нам должна поступить сотрудница его института, некая Петранева.

— Это как раз та девушка, которую вы встретили в коридоре.

«Состояние тревоги», — прочитал главный врач записку. — Не поместить ли нам ее в другую больницу? Представительница экспериментальной биологии? В силах ли мы ей помочь?

— Полагаю, что да.

— Ну что ж. Сообщите профессору наше согласие. Вот телефон и адрес. По крайней мере познакомимся со светилом нашей биологической науки. — Главный врач протянул Мареку записку. — Ну, до свидания.

– Желаю хорошо пожариться на солнышке.

Главный врач фыркнул.

– Глупости! Загар губителен для нервной системы. Будущие поколения посмеются над нами и вновь вернуться к розовым зонтикам. Мы – белокожие, уважаемый, и должны смириться с этим.

После ухода главного врача Марек погрузился в бумаги. Но его прервали. Вошла Ворличкова, держа в руке толстую книгу.

– Извини, что беспокою тебя, но главного врача уже нет. Если верить этой девице, дело и правда довольно странное.

Ворличкова села и поправила очки.

– Она рассказала тебе, что доцент Петр угрожал ей револьвером? – спросил Марек.

– Если бы только это! Три дня назад, встретив ее в коридоре, он даже не поздоровался. Видимо, не узнал. А когда увидел ее у себя в лаборатории, стал кричать на нее, как на постороннего человека, велел ей убираться вон. И еще она утверждает, будто слышала, как он ругает самого себя... Странно. По-моему, болен скорее доцент, а не его секретарша. Ты видел его?

– Типичный ученый. Ничего особого за ним я не приметил.

– Но если верить Петраневой, он ведет себя в высшей степени странно. Как будто речь идет о двух разных людях... Вот здесь, прочти-ка...

Марек захлопнул книгу.

– Глупости. Занимайся своей пациенткой.

– Но она утверждает, что их двое.

– Два доцента?

– Да. И один из них – биологический робот, андроид, как теперь принято говорить. По словам Петраневой, доцент создал его месяц назад.

– Ну что ж, все ясно. Петранева больна. Говоришь, ее преследует робот? Когда началась болезнь?

– Это началось с того опыта, который доцент проводил ночью, один у себя в лаборатории. Утром его нашли без сознания. Пожалуй, его поведение можно объяснить травмой... А робот тут ни при чем. А не отправить ли Петраневу к психиатрам?

– Прежде всего необходимо поставить диагноз, хотя не мешает выяснить, кто будет диагностировать. Послушай, ведь профессор Клен – шеф института. Он уже звонил нашему главному. Зайду-ка я к нему и расспрошу подробнее. Тем более что это моя обязанность – собирать данные, информацию с места работы и так далее. А ты подожди меня. И ни на шаг от Петраневой, пока я не вернусь. Я хочу заручиться свидетелями.

Они сидели в кабинете профессора Клена. Сквозь стеклянную перегородку можно было видеть большую лабораторию, где несколько человек возились возле необычных с виду машин.

– Доцент Петр – один из ведущих работников нашего института, – говорил Клен. – Как вы, вероятно, знаете, наш институт занимается проблемами молекулярной биологии. Мы исследуем строение живой материи. Петр – кибернетик, он работает с вычислительными машинами. Превосходный специалист.

У Марека вытянулось лицо.

– А я думал, он тоже экспериментатор.

Это наивное заявление вызвало у профессора улыбку.

– По-своему, конечно... Хотя, должен заметить, более всего Петра интересуют взаимосвязь и аналогии вычислительных машин и живых организмов. Конечно, определенная общность между ними действительно существует, но это особый разговор. Как я уже сказал, доцент Петр – исключительный работник. Я полагаю, вы согласны?

– Возможно. Впрочем, я его почти не знаю. Меня он интересует лишь постольку, поскольку это входит в круг моих обязанностей. А если говорить откровенно, мой интерес к нему объясняется состоянием здоровья его секретарши.

– Прекрасная девушка. Правая рука Петра. Думаю, они скоро поженятся. Петранева просто нуждается в отдыхе.

Двери внезапно распахнулись, и в комнату буквально ворвался доцент Петр. Мареку показалось, будто его подменили – он был полон энергии. Петр, не взглянув на доктора, направился прямо к профессору.

– Готово, пан профессор. Ваша гипотеза подтвердилась.

Марек не выдержал и поднялся.

– Добрый день, пан доцент.

– Добрый день, – бросил тот, будто видел Марека впервые, а затем снова обратился к профессору: – Нам предстоит проверить вот эти элементы.

На сей раз и Клен почувствовал себя неловко.

– Разве вы не узнали пана доктора? Он пришел по поводу Петраневой.

Доцент Петр помрачнел.

— Петранева не явилась на работу. Я вынужден снова на нее пожаловаться.

Марек не выдержал.

— Но вы же сами привели ее ко мне в больницу! Сегодня утром. Вы что, забыли?

Доцент отреагировал мгновенно.

— Ну конечно, я совсем упустил из виду. Простите, — тут он повернулся к профессору Клену. — Мне не хотелось, чтобы вам стало известно о ее болезни, это так тяжело.

Профессор нахмурился.

— Прошу вас объясниться. Разве не вы вчера просили меня позвонить главному врачу, описав мне, как страдает ваша ассистентка? Я выполнил вашу просьбу, связался с главным врачом...

Доцент вновь торопливо извинился.

— Простите меня, — он стукнул себя кулаком по лбу. — Я всю ночь провел в лаборатории и совершенно забыл о нашем разговоре. Благодарю вас обоих. Кланяйтесь Петраневой. А сейчас я должен вернуться к приборам.

С этими словами он выбежал из комнаты.

— Удивительная забывчивость, — задумчиво проговорил Марек.

— В самом деле, надо им заняться, — сказал профессор. — После того опыта он ведет себя как-то странно.

— Это ему нужно полечиться, — решительно произнес Марек. — Петранева здорова.

— Но я не хочу домой. Мне страшно.

Петранева, по-прежнему одетая в больничный халат, сидела в кабинете Марека.

– В таком случае обратитесь в полицию. Пусть они этим займутся. Вряд ли нужно объяснять, что в обязанности врача вовсе не входит защита вас от насилия. Мы занимаемся только такими состояниями тревоги и страха, которые не имеют под собой реальной почвы.

– Прошу вас, пойдите со мной, и вы убедитесь, что у Петра есть робот, который работает за него в лаборатории,
– умоляющим голосом сказала девушка.

Марек испугался.

– Подождите. Боюсь, вы меня не так поняли.

– Но только минуту назад вы подтвердили, что он не узнал вас, да и где я нахожусь, тоже не мог вспомнить. Вы же сами сказали, что с точки зрения медицины трудно объяснить такую странную забывчивость. Послушайте, доктор, никакая это не забывчивость, а верное доказательство того, что существуют два Петра. Один ведет переговоры с внешним миром и занимается исследованиями, другой непосредственно работает на вычислительных машинах. Ему это удалось. Он создал робота по своему образу и подобию. И мне ничего не остается, как сидеть в вашем сумасшедшем доме, пока все это не раскроется! Я люблю Петра и ненавижу его робота! Вот так. И не пытайтесь меня выпихнуть из больницы, я все равно не уйду. Спокойной ночи.

Петранева решительно встала со стула и направилась к двери. После ее ухода в комнате наступило молчание.

– Ну и влип же я, – наконец выдавил из себя Марек. – Коллега Ворличкова, прошу позаботиться о пациентке.

– Не беспокойся, – с грустной улыбкой сказала Ворличкова. – Впрочем, должна тебе сказать, я ознакомились

с трудом доцента Петра, о котором ты упоминал, и обнаружила там любопытные слова. Вот, послушай: «Если бы при создании вычислительных машин удалось воспользоваться молекулами живого организма, то результатом явился бы биологический робот, работающий как самая разумная машина, а внешне похожий на живое существо. Сейчас трудно представить себе, какая исчерпывающая информация будет заложена в эти живые вычислительные машины...»

— Не вижу здесь ничего нового. — Марек нетерпеливо махнул рукой. — Доцент Петр всегда твердил о важности кибернетики в применении к биологии. Мне самому доводилось слышать его лекции о роботах.

— Андроидах, — поправила Ворличкова, взяв в руки другую, еще более толстую книгу. — В современной литературе роботов, сделанных из живой материи, называют андроидами. В этой книге собран большой материал о роботах. Начиная с мифологических представлений древних до гомункулов Парацельса, Коппелии, роботов Карела Чапека. Рекомендую в качестве чтения на ночь. Прочитав, можешь найти убежище в отделении, где находится Петранева.

Марек взял книгу. Ему было не до шуток.

— Спасибо. Я не боюсь. Но с удовольствием прочитаю... Да, вот что, коллега, вы сегодня дежурите. — Он улыбнулся. — В течение суток вы обязаны не отлучаться из больницы.

— Так все-таки ты боишься, — задумчиво произнесла Ворличкова.

Вернувшись к себе, Марек зажег свет и от удивления выронил книгу, которую держал в руке. На стуле сидел доцент Петр. Одежда на нем была порвана, на лице и руках виднелись следы борьбы. Он тяжело дышал, как будто только что спасся от преследователя.

— Ну и задали вы ему! — такими словами встретил он Марека.

— Что вы здесь делаете? Как сюда попали? — спросил врач.

— Это было нетрудно — вахтер не обратил на меня внимания, он кормил кошек. Я назначил здесь пресс-конференцию.

— Пресс-конференцию?! — Марек чуть не задохнулся от удивления.

Тяжело поднявшись, Петр принялся прохаживаться по кабинету. Затем заговорил, торжественно произнося каждое слово, будто перед ним и в самом деле находились люди.

— Дамы и господа. Это правда. Я создал робота, искусственный организм из живой материи, совершенную машину, которая служит мне и способна заменить меня в любой работе. Я могу вам его продемонстрировать. Но, к сожалению, во время эксперимента я потерял сознание и упал, результатом чего явилось сотрясение мозга. Поэтому я совершенно не помню, как именно был создан мой робот. Над воссозданием картины я сейчас интенсивно работаю. Времени у меня достаточно, так как робот отлично справляется в институте вместо меня. Конечно, кое-кого мои эксперименты насторожили. Первой меня заподозрила моя ассистентка. Она обратила внимание на то, что ро-

бот ведет себя несколько иначе, чем я. Ведь в конце концов это всего лишь машина. Я поместил ее в больницу. Но врач, который должен был наблюдать за Верой, поддался на ее уговоры и в свою очередь принялся вынюхивать в институте, чем ужасно рассердил моего робота, и тот в свою очередь рассердился на меня. — Доцент Петр поправил разорванный лацкан. — В результате я вынужден был спасаться бегством, чтобы сообщить миру о своем удивительном открытии. Робот находится здесь.

Закончив свой монолог, Петр подошел к Мареку и умоляюще прошептал:

— Вы должны спрятать меня там же, где находится Петранева. Хотя бы до утра, когда сюда придут журналисты, которых я пригласил. Я боюсь, что робот станет меня преследовать.

— Робот?!

— То создание, которое вы видели сегодня в кабинете профессора.

Марек не мог опомниться от удивления.

— Выходит, робот действительно существует? И вы забыли, как его создали? Вы шутите, пан доцент! Как вы могли это забыть?

— Я три дня находился без сознания. Все мои записи оказались уничтоженными во время взрыва. Но восстановить их несложно — это вопрос дней. Я надеялся на вашу помощь... Если бы не Вера, никто бы ни о чем и не догадался. Но после вашего посещения робот накинулся на меня.

— Почему?

— Он считает, что я должен держать свое открытие в

тайне. А затем выгодно продать его, получив деньги и власть над людьми.

Марек поднялся.

— Прошу вас, сказанного достаточно. Но, как вы сами понимаете, я не могу поместить вас в то отделение, где находится Петранева, вы будете в мужской палате. Вам необходимо отдохнуть. И мне тоже.

Марек направился в кабинет Ворличковой.

— Что ты скажешь? И надо же было этому случиться в тот самый день, когда старик укатил в отпуск. Пошлю-ка я ему телеграмму.

— Зачем? Он нам все равно не сможет помочь. Журналистов мы в отделение не пустим. А утром тщательно обследуем доцента.

— Ну, спасибо за утешение...

Марек крепко спал в своем кабинете, когда в помещение вошла медсестра из отделения Ворличковой.

— Пан доктор, пан доктор, вставайте!

— Сейчас, сейчас. Который час?

Марек сразу проснулся.

— Еще рано, но во дворе полно журналистов. А те двое хотят уйти.

— Кого вы имеете в виду?

— Доцента Петра и Петраневу.

Врач вскочил.

— Так кто же здесь сумасшедший?

Войдя в кабинет главврача, Марек застал там сидевшую за столом Ворличкову. С улицы доносились голоса, но людей не было видно: стекла на окнах были покрашены

белой краской. У Ворличковой был несчастный вид. Перед ней стоял доцент Петр, одетый с иголки, самоуверенный и энергичный, а рядом – одобрительно кивающая Петранева.

– Вряд ли вам надо объяснять, что врач, поверивший бредням своих пациентов, не вызывает доверия. Вот почему я сделал вид, будто не узнал доктора Марека, – громко вещал Петр. – А, наконец-то вы явились, доктор, доброе утро. Итак, продолжаю. Я хотел проверить, как этот доверчивый человек отнесся ко всей этой чепухе. А он чуть было не обвинил меня в том, что я создал робота.

Петр деланно рассмеялся.

– Вчера вечером он поверил тому, что я начисто забыл о своем эксперименте. Несмотря на запрет, мне все же удалось проникнуть к Вере. Мы проговорили с ней всю ночь. Теперь она более не сомневается в том, что никакого робота нет. Я сам стану ее лечить. Она уйдет с работы, мы поженимся и будем счастливы. А вас мы пригласим на свадьбу.

– Вера, – обратился к ней Марек, – зачем же вы рассказывали эти бредни?

– Зачем? – растерянно повторила Вера.

– Она боялась, что я приревную ее, – вмешался Петр.

– В самом деле, – повторила она механически. – У меня не хватало смелости признаться ему, что за мной ухаживает мой бывший поклонник. Я боялась, что Петр догадался.

– Только мне это совершенно безразлично, я не ревную, мы любим друг друга – и точка. Благодарю вас. Вот так вы превращаете здоровых людей в сумасшедших.

Петр торопливо взял со стола выписку, из истории болезни, но Ворличкова успела вырвать ее из его рук.

— Мы отошлем выписку вашему лечащему врачу.

Марек преградил им дорогу.

— Куда вы направляетесь? Во дворе полным-полно журналистов. Зачем же вы их пригласили?

— Я хотел, чтобы они своими глазами увидели, что Вера здорова. Вы ведь знаете, слухи распространяются молниеносно.

Марек подозрительно взглянул на Петра.

— Как это вам удалось привести в порядок свой пиджак? Вчера вечером на вашем костюме висели ключья!

Петр посмотрел на него с иронией.

— У вас галлюцинации, пан доктор. Надеюсь, вы не пьете во время работы? Итак, мы вас покидаем. Или вы попытаетесь нас задержать? Вопреки нашему желанию? Впрочем, вряд ли вас привлекает перспектива попасть под суд. Прощайте, уважаемые. Благодарим вас за заботу.

И они удалились.

— Ты еще не все знаешь, — сказала Ворличкова, едва за ними закрылась дверь. — Ночью кто-то усыпил вахтера, до сих пор не могут его разбудить. А больные из мужской палаты утверждают, что ночью слышали в коридоре пререкания.

— Кто-то ссорился?

— Слышны были два голоса. Но у тебя-то был только Петр?

— Да. Интересно все-таки, как ему удалось обработать эту девицу?

Марек недоуменно покачал головой. В дверях появилась сестра.

– Приехал профессор Клен. Он ждет вас в кабинете.

У Клена был явно взволнованный вид, хотя он пытался казаться хладнокровным.

– Вчера вечером мне звонил доцент Петр, просил, чтобы сегодня утром я приехал сюда – он, мол, намерен сделать сенсационное заявление, от которого зависит не только будущее института, но и науки. Все весьма странно.

Марек, сидя напротив него, с задумчивым видом потягивал кофе.

– Я полагаю, вы убеждены, что создание андроида, кибернетической модели человека, – бессмыслица.

Профессор засмеялся.

– В настоящее время это исключено.

– А в будущем?

– Я не оракул. Но я не допускаю мысли о возможности создания такого существа в ближайшие два-три десятка лет.

– Почему же доцент Петр ушел? Почему ничего не рассказал?

– Видимо, он болен, – решил профессор. – И нуждается в вашем лечении.

– Разумеется, но только в том случае, если он явится к нам по доброй воле. Или если станет опасным для окружающих, – улыбнулся Марек.

– Иными словами, вы хотите, чтобы я продолжал работать с сумасшедшим? – возмутился профессор Клен.

– Глупо, – это подала голос Ворличкова, которая до того хранила молчание. – Мы должны разобраться, что же происходит на самом деле. Роботы – мечта человечества.

Механические создания обеспечат на Земле райскую жизнь – отпадет необходимость в изнурительном труде.

Она направилась к двери.

– Вы куда? – вскочил профессор.

– К вам в институт. А вам предлагаю последовать за мной.

Профессор Клен и Марек послушно встали.

– Ты, Марек, отправишься к доценту Петру домой. – Ворличкова взглянула в регистрационную книгу. – Платенаржска, 9.

Ворличкова в сопровождении директора института вошла в лабораторию.

– Вот его стол. – Профессор Клен показал на белое холодное чудовище с металлическими ящиками. – Мне бы не хотелось его открывать. Там могут быть личные вещи Петра.

– Кто директор этого института? – Ворличкова шла по следу, словно ищейка. Она подергала ящики, но все они оказались запертыми.

Профессор порылся в карманах.

– У меня есть универсальный ключ – на случай самой серьезной опасности.

– Думаю, у нас есть все основания утверждать, что такой час настал.

И Ворличкова, выхватив у профессора ключ, открыла верхний ящик. Профессор смущенно улыбнулся.

– Вы ничего не поймете. Даже мне потребовалось бы время, чтоб изучить все материалы. А сейчас мы с вами действуем как взломщики.

Но Ворличкова уже открывала следующие ящики один

за другим. Внезапно профессор заметил что-то в одном из ящичков и только нагнулся, как раздался голос Петра:

– Ни с места! Не шевелиться, или я буду стрелять!

Они в испуге оглянулись. В его руке блеснул револьвер, о котором накануне упоминала Вера Петранева.

– Вы арестованы! Я сейчас же сообщу в полицию. Подумать только, руководитель института – грабитель. Вот это сенсация! А вы как объясните свое присутствие здесь, пани доктор?

Одной рукой Петр отстранил Ворличкову от стола, но профессор успел выхватить чертежи из третьего ящика.

– Как очутились в вашем столе эти материалы? – спросил он требовательным тоном, забыв о наставленном на него револьвере. Петр растерялся. – Ведь эти бумаги хранились в моем сейфе! Теперь-то мы выясним, кто из нас грабитель!

Петр мгновенно оценил обстановку.

– Профессор, встаньте рядом с ней! – И он указал револьвером на Ворличкову. – И побыстрее! Я и в самом деле буду стрелять. Теперь вы, очевидно, понимаете почему. Я скажу вам все. Прежде чем прикончу вас.

– Доброе утречко, – раздалось за спиной Петра, и в комнату вошли уборщицы. В руках у них были тряпки – они собирались мыть пол. Петр вынужден был спрятать револьвер. Профессор сердито сказал:

– На утреннем совещании мы обсудим случившееся. Советую и вам принять в нем участие. Полагаю, коллеги уже собрались в зале заседаний. Я их удивлю.

И, помахав бумагами. Клен направился к выходу. У двери он задержался.

– Разрешите вас поблагодарить, пани доктор. Теперь вам придется вести расследование на свой страх и риск.

– Осторожно, не поскользнитесь! – крикнула одна из уборщиц вслед убежавшему Петру.

Между тем Марек был занят розысками дома на Платенаржской улице. Вот и он. Войдя в подъезд, доктор увидел список жильцов и стал его разглядывать.

– Вы кого ищете? – спросила дворничиха, от бдительного ока которой не мог скрыться ни один посетитель.

– Доцента Петра.

– Четвертый этаж, по правую руку от лестницы. Вам повезло, он сегодня дома. А вообще-то его редко можно застать. Прямо-таки пропадает на работе.

Марека осенило:

– А сколько времени он уже находится дома, пани?

– Да почитай дней четырнадцать. А сегодня утром к нему прибежала его девушка. Уж мы все рады-радешеньки, что у него появилась подружка. Ведь за все десять лет, что он тут живет, к нему никто никогда не навещался, даже на рождество.

– Так, говорите, четвертый этаж? Благодарю вас.

Марек помчался вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Дверь открыла Вера. Она явно не намеревалась его впускать.

– Что вам надо?

– Мне необходимо поговорить с доцентом, – отстранив ее, Марек ворвался в квартиру.

Квартира Петра напоминала лабораторию в миниатюре. При виде неожиданного посетителя хозяин поднялся из-за письменного стола.

– Добрый день. Извините, что не могу предложить вам стул. У меня здесь ничего не приспособлено для приема гостей. Что вам угодно?

Марек оторопело смотрел на Петра – усталое лицо, приятная улыбка, даже лацкан на пиджаке оторван. Ничего общего с напористым, одетым с иголки доцентом, которого он видел прежде.

– Мы забыли дать вам направление к районному врачу, – сказал наконец Марек. – Желательно, чтобы вы периодически приходили на осмотр.

И он положил на стол бумагу.

– Но, пан доктор, мы совершенно здоровы. Вы напрасно затрудняли себя, – улыбнулся Петр.

– И у нас ужасно много работы, – добавила Вера, стоящая за его спиной.

Марек как бы мимоходом заметил:

– Разве вы не работаете в институте профессора Клена, Вера?

– Я уволилась, вы что, не помните?

Веру словно подменили – она совсем не напоминала его бывшую пациентку.

– А у меня сегодня выходной день. Мы отмечаем помолвку, – радостно сказал Петр.

– Не смеем долее вас задерживать.

Вера открыла перед Марekom дверь.

– И прошу вас, – тут голос ее дрогнул, – забудьте обо всем. У меня в самом деле все в порядке. Я счастлива.

Марек почувствовал обиду. Слова Веры звучали как просьба: не преследуйте меня!

— Их что, нет дома? — спросила дворничиха, заметив возвращавшегося Марека.

— Отчего же, они дома.

— А мне-то думалось, вы — друзья.

Марек вдруг потерял самообладание.

— Какое вам, собственно, дело! — крикнул он, но тут его внимание привлек запыхавшийся человек, который стремглав бросился вверх по лестнице. Марек отпрянул, закрыл глаза, а затем снова с недоумением открыл их и посмотрел вслед бежавшему.

— Так ведь это и есть доцент Петр! — сквозь зубы процедила дворничиха. — И чего только людей обманываете?

Марек, ничего ей не ответив, кинулся вслед за двойником Петра. Он остановился перед входной дверью. В квартире явственно слышались два мужских голоса, но о чем шла речь, Марек разобрать не мог. Пожалуй, похоже на ссору. Марек позвонил. Голоса затихли. В дверях снова показалась Вера.

— Что вам здесь надо?

— У вас, кажется, гости? Могу я узнать, кто именно?

— Что вы все шпионите! Я не обязана вам отвечать! Мы не в больнице. Я здесь одна со своим женихом. Уходите, не то я позову соседей. На помощь! — закричала Вера, но тихонько.

Марек отступил.

— Пожалуйста, если вы настаиваете. Но вы же прекрасно знаете, что говорите неправду. И знаете почему.

Больница. В кабинете доктора Марека на носилках неподвижно лежит профессор Клен. У его изголовья стоят

доцент Петр, который, по убеждению врачей – Марека и Ворличковой – является создателем робота, и полицейский из автоинспекции.

– Я не виноват, – бормочет Петр, – я знаю, вы меня подозреваете, но я тут ни при чем... Профессор сам вел машину. Мы решили вынести наш спор на суд министерства, поэтому и поехали на его машине. А на перекрестке машина столкнулась с грузовиком – профессор пытался проскочить на красный свет.

– Это правда, – подтверждает инспектор. – Несчастье произошло у меня на глазах. Я видел все. Водитель вел машину как сумасшедший.

– Если вы собираетесь подать жалобу руководству института, – заявляет доцент Петр, и в его голосе явно слышится торжество, – можете обращаться ко мне. Теперь я замещаю директора института.

Ворличкова отворачивается от Петра. Санитары медленно везут труп в морг.

Марек и Ворличкова шли по коридору.

– Это убийство, – твердила Ворличкова. – Он избавился от своего обвинителя. Но он зря меня недооценивает, это ему дорого обойдется.

– Что мы можем сделать? – пожал плечами Марек. – Если полицейский и на сей раз подтвердит его невиновность? Не станем же мы судиться с полицией.

– Пан доктор, – прошептал кто-то. К ним медленно приближалась Вера. Но как она изменилась! Как и в первую встречу, у нее был испуганный вид. – Пан доктор, мы ждем вас, пожалуйста, побыстрее, – прошептала она и по-

тащила обоих к себе в лабораторию, то и дело озираясь по сторонам, словно хотела убедиться, что их никто не преследует.

В кабинете сидел доцент Петр. Настоящий Петр, одетый в рваный костюм. Перед ним на столе лежали портфели, набитые бумагами, на полу стояли приборы, взятые из домашней лаборатории.

— Я в отчаянии. Я обманул вас. Когда сегодня мы встретились впервые, я говорил вам правду. Но потом явился мой робот и стал убеждать меня, что я могу вести исследования дома, да и Веру он заменит в институте. Понимаете, ему удалось убедить меня, а я надеялся, что вот-вот найду ключ к разгадке и смогу вновь им управлять. Но это оказалось не так просто. — Петр дрожащими руками взял свои расчеты как бы в подтверждение своих слов. — Нужно время.

— А робот уже убивает! Примчался сегодня к нам домой — помните, когда я вас выпроваживала, — и сказал, что он устранил профессора — последнее препятствие в продвижении доцента Петра и что теперь начнет действовать в соответствии со своей программой, — удрученно добавила Вера.

— Как будто меня когда-нибудь волновала моя карьера! — воскликнул Петр.

— Он собирался убить профессора не только из-за карьеры, — заметила Ворличкова.

Петр кивнул головой.

— Да, это верно, я украл бумаги Клена. Этого не скроешь. Не робот, а я сам украл бумаги профессора — мечтал создать андроида. Я виноват. Но профессор никогда бы не

позволил мне осуществить этот опыт. То была святая кража, ведь существует святая ложь. Не подумайте, я бы, разумеется, указал на профессора как на своего соавтора. Верно – профессору принадлежала гениальная идея, но я воплотил ее в жизнь. Это не воровство. Это, скорее, вынужденный шаг. Я взял бумаги из сейфа профессора во имя блага людей.

– Пойдите, – прервал его Марек, – выходит, робот действительно существует. И вы обманывали меня только потому, что он обещал вам возможность спокойно работать. Вы готовы это подтвердить?

– Конечно! – Петр и Вера согласно кивнули.

Марек обратился к Ворличковой:

– Задержи у входа полицейского. Позвони вахтеру.

Ворличкова вышла. Марек продолжал:

– Я уже убедился, что на вас, доцент Петр, нельзя положиться. Но я полагаю, вы не измените своих намерений, пока я раздобуду пишущую машинку и приведу свидетелей. Мне хотелось бы на сей раз все записать на бумаге – черным по белому.

– Мы не можем попустительствовать убийству, – твердо сказала Вера, обращаясь к Петру.

– Задержите их! – кричала Ворличкова в телефон. – Они будут проходить мимо вахтера, полицейский и мужчина в штатском, задержите их!

Двери кабинета распахнулись, и Ворличкова увидела перед собой самоуверенного двойника доцента Петра и полицейского.

– Это неправда, – произнес робот спокойно, с явным

превосходством. — Мы и не собирались покидать больницу. Я был уверен, что еще понадоблюсь вам. Пройдемте. — Он повелительно, будто руководил уже и больницей, указал врачу на дверь, пропуская ее вперед. — Разумеется, мне не хотелось бы открывать вам нашу тайну.

Робот с трубкой в руке большими шагами расхаживал по комнате. Ни Ворличкова, ни Марек, ни полицейский не решались его прервать. Вера с ненавистью следила за каждым его движением. Доцент Петр так сильно сжимал руками спинку стула, что пальцы у него побелели.

— Итак, у меня есть брат. Близнец. Но он ненормальный. У меня есть официальные документы, подтверждающие мои слова. Он сумасшедший. — Робот показал на доцента. — Он утверждает, что мне сопутствует успех только потому, что я «робот», человек-машина. На самом же деле он просто завидует мне — я всегда отлично учился, у меня превосходное положение в обществе, тогда как у него одни неприятности: то взрыв в лаборатории, то какие-то бессмысленные опыты... Но сейчас, мой дорогой Фред, твое поведение перешло все границы — по-твоему, я не только робот, но и убийца! Прошу вас поддержать его в больнице, пока я не найду для него чего-нибудь поприличнее.

Доцент, который во время этого монолога не проронил ни слова, внезапно вскочил, схватил стеклянную колбу и бросил ее в робота. Но промахнулся: робот увернулся от удара. Колба вылетела в окно и взорвалась на улице. Робот же сделал вид, будто ничего не произошло.

— Обращайтесь с ним поласковее, — как ни в чем не бывало продолжал он. — Я знаю, он трудный пациент, но его

можно успокоить. Где только я с ним не бывал: и в психиатрических больницах, и в интернате для умалишенных. Сами понимаете, мало приятного, если на каждом перекрестке твердят: у доцента Петра брат – ненормальный... Обидно...

– А нам кажется, – прервал его Марек, – что до сих пор вы прятали своего брата весьма искусно. Никто и не подозревает о его существовании. У вас есть документы, подтверждающие ваши слова?

Вместо Петра ответил полицейский.

– Вчера в управлении мы проверили его бумаги. Альфред Петр, близнец Петера Петра, дата рождения сходится.

– А их не могли подделать? – спросила Ворличкова.

– Пани доктор, очевидно, думает, – с иронией произнес двойник Петра, – что существование андроида – более естественное объяснение нашего сходства, нежели то, что мы близнецы.

Полицейский засмеялся.

– Пани доктор, вероятно, шутит.

– Вы забыли о другом свидетеле, – раздался голос Веры. – Обо мне. Я знаю доцента Петра достаточно хорошо. Задолго до того, когда появился «близнец». Вы – всего лишь создание доцента Петра!

Она указала на робота.

– Послушайте, но ведь это довольно распространенный случай. Чаще всего родственники верят даже чудовищной бессмыслице... Это называется *fobie a deux*, не правда ли? – обратился он к Мареку.

– Безумство вдвоем.

Полицейский опять засмеялся.

– Если вы не возражаете, я хотел бы взглянуть на документы, – заявил Марек, которому было не до смеха.

– Какие именно? – любезно осведомился робот.

– Документы, подтверждающие ваше кровное родство.

– К вашим услугам. Прощай, Фред. И не сердись на меня. Я постараюсь вскорости подыскать для тебя пансионат в горах. – Робот погладил доцента Петра по голове.
– Привет.

Неожиданно Петр поднялся со стула и ударил робота по ноге. Тот только подпрыгнул и улыбнулся, как бы извиняясь за то, что допустил что-то неприличное.

– Будьте к нему внимательны, – сказал он уже в дверях.

– Послушайте, у вас есть последний шанс. Вот здесь находится лаборатория нашего отделения, где вы можете работать хоть круглые сутки, – сказала Ворличкова, подтолкнув доцента Петра и Веру в комнату, заставленную пробирками, приборами, различной аппаратурой. – У меня в голове не укладывается, почему вы не возражали. Сидели и молчали, словно и в самом деле глупцы.

– Потому что я попытался проанализировать работу созданной мною системы, ее способность приспособиться к неожиданной ситуации, – ответил доцент. – Это и в самом деле удивительная система.

– Так приступайте к делу, работайте. Вы обязаны доказать свою правоту.

– Вот здесь я оборудовал для него лабораторию, – робот показал Мареку крохотную мастерскую, расположен-

ную в квартире доцента Петра. – Конечно, все это игрушки. Чем бы дитя ни тешилось...

Марек огляделся. Всюду в квартире был беспорядок.

– А каким образом вам удалось пристроить к брату секретаршу?

– Вера нравилась мне, правда, недолго. Недели две. Как-то Фред пришел в институт вместо меня и вскружил ей голову. Разумеется, вскоре несчастная девушка стала подозревать, что нас двое. Я вынужден был сказать ей правду той ночью, когда она находилась у вас в больнице. Мне удалось убедить ее, и если бы не эта авария... Прибегите здесь, пани Школьникова, – обратился робот к вошедшей дворничихе, – Фред, возможно, скоро вернется. Я позабочусь об этом. – И он протянул ей деньги.

– Золотое у вас сердце, пан доцент. О таких родственниках можно только мечтать.

– Но смотрите – никому ни слова!

– Да чтобы мне с места не сойти! Давеча я ничего не сказала тому пану, что расспрашивал о вас.

– Вот и хорошо. Не желаете продолжить нашу экскурсию? – учтиво обратился робот к Мареку.

– Куда? – удивился тот.

– Ко мне на квартиру, – радушно ответил робот. Чуть погодя они подъехали на элегантной машине доцента Петра к большой вилле, что находится в Праге, на Ореховке. Окна были освещены, слышалась печальная музыка. На стене у входа блестела табличка:

ПРОФЕССОР КЛЕН

– А я думал, мы едем на вашу квартиру, – удивленно сказал Марек.

– Так оно и есть. Уже несколько месяцев я живу у профессора Клена. Сейчас здесь собрались коллеги и друзья, чтобы выразить семье свое соболезнование. Разумеется, это нам не помешает.

Войдя в дом, они стали свидетелями траурной церемонии. В одной из комнат стояла молодая женщина в черном, на лицо спадала вуаль.

– Пани Кленова, – представил робот.

– Благодарю вас, – произнесла пани Кленова с легким иностранным акцентом.

Марек поклонился.

– А это брат пани Кленовой.

– Как поживаете?

Мужчина, которого робот назвал братом вдовы, был значительно старше пани Кленовой, довольно грузный, в руке он держал сигару. На нем, как обратил внимание Марек, был костюм явно иностранного происхождения.

– Он терпеть не мог машину. Не могу понять, почему ему пришло в голову сесть за руль? – жалобно сказала пани Кленова, обращаясь к Мареку.

– Вы доктор? И сколько же вам платят в этой нелепой стране? – Мужчина покровительственно похлопал Марека по плечу.

– Арношт, не будь вульгарным! – сердито сказала пани Кленова, обрушив на него поток чужой речи.

Он только улыбался.

– У нас вы бы имели в пять раз больше, мой молодой друг, в пять раз, да еще служебную машину, – загоготал Арношт. Люди, стоявшие вокруг – все говорили шепотом, – удивленно оглянулись на него. Видя всеобщее неодоб-

рение, мужчина притих, слегка покашливая и делая вид, что поперхнулся.

Вновь появился двойник Петра, держа в руке пожелтевшую фотографию — братья-близнецы в спортивных костюмах.

— Это наша последняя фотография. Во время футбольного матча. Примерно за неделю до того, как у Фреда начались приступы.

Марек внимательно взглянул на снимок: на фотографии были сняты два мальчугана, совершенно непохожие на сегодняшних «братьев».

— Убедились? — спросил робот, останавливая официанта с подносом в руках. Он взял рюмки для себя, Марека и для пани Кленовой. — Вечная память! — произнес он с пафосом. — Мы все перед ним в долгу. — И он приподнял вуваль пани Кленовой. Марек увидел молодую миловидную женщину. В этот миг где-то недалеко раздался взрыв.

— Мне надо уйти, — быстро сказал Марек.

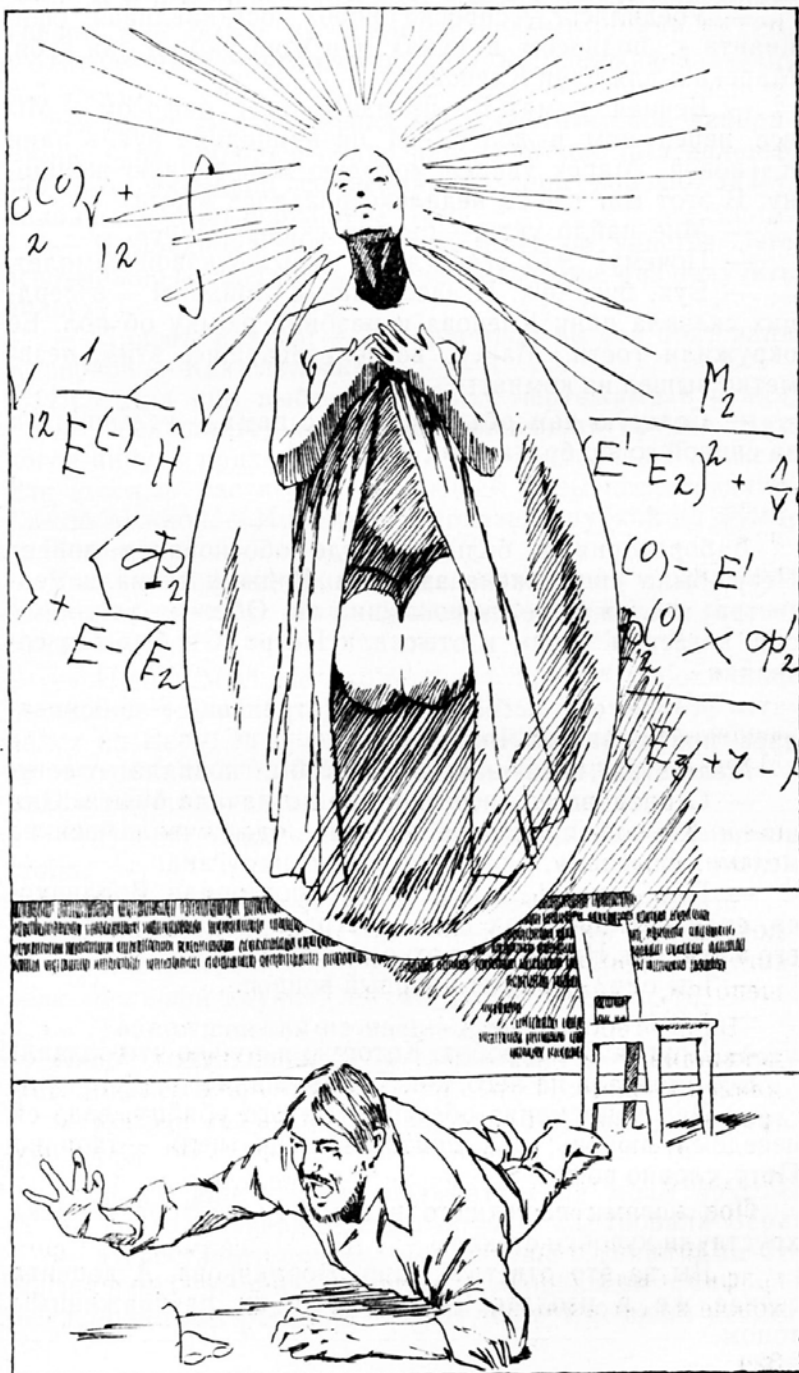
— Почему? Это всего лишь сверхзвуковой самолет.

— Бух, бух, бух. И здесь, как в Лондоне! — в сердцах сказала пани Кленова и разбила рюмку об пол. Ее окружили гости.

Марек, воспользовавшись этим, незаметно вышел из комнаты.

— Советую вам объединиться с нами, — услышал он за спиной голос брата пани Кленовой.

Лаборатория в больнице, где обосновался доцент Петр, была уничтожена взрывом. В дыму сновали медсестра и служащие, помогавшие ей. Общими усилиями они загасили огонь и отыскивали Петра. Он был без сознания.

– А где его ассистентка? Петранева? – доискивалась прибежавшая Ворличкова.

Медсестра, возившаяся с Петром, подняла голову.

– Скорее всего, исчезла еще до начала опыта. Она несколько раз прибегала ко мне, одалживала всякие мелочи. По-моему, она была чем-то напугана.

– Пан доцент! Пан доцент! – повторяла Ворличкова, сидя на корточках возле Петра и пытаясь привести его в чувство. Наконец он открыл глаза.

– Где она? – был его первый вопрос.

– Кто?

– Другая Вера, робот. Которую я только что создал!

Все смотрели на него, как на помешанного.

– Она непременно обезвредит этого убийцу: ведь ей неведома любовь, она признает лишь цель, – твердил Петр, словно во сне. Под ногами вошедшего в комнату доктора Марека хрустнули кусочки стекла.

– Вы за это ответите, пани Ворличкова. А доцента сейчас же в изолятор! – приказал он раздраженным тоном.

– Я с ним разделалась. И вовсе я не сумасшедшая. Теперь мне более не придется целыми днями сидеть в одной комнате с человеком, который одержим навязчивой идеей.

Эти слова Вера произносила в институтской лаборатории, куда набилось полно народу. У нее был деловой вид – не вызывало сомнений, что она хорошо знает, какая цель стоит перед ней.

– Я предполагала, что его опыт не удастся: его невозможно осуществить. А я не желаю еще раз получить оплеуху.

– Привет, доктор! – Из приемной вышел брат пани Кленовой. – Как спалось?

Вслед за ним выбежал робот с чертежами в руках.

– Послушайте, но это же полнейшая ерунда. Вам когда-нибудь приходилось слышать о «большой науке»? Так это я. У вас нет завершающей фазы исследований. Самой важной. – Иностранец показал трубкой на бумаги Петра. Тот, не обращая внимания на стоявших вокруг людей, подбежал к столу доцента и принялся рыться в ящиках.

– Подождите! Не уходите! – вскричал робот.

Один из ящиков удалось открыть. Но он был пуст. Робот устоял на Веру, та продолжала сосредоточенно работать за соседним столом. Мгновение – и Петр-робот оказался рядом с ней.

– Преступница? – Он с яростью оттолкнул ее от стола. Вера на виду у всех читала украденные бумаги.

– Не прикасайся ко мне! – решительно заявила она.

– Смотрите-ка, смотрите-ка, – удивлялся представитель «большой науки», листая пропавшие бумаги.

– Тебя отпустили на час! – кричал робот. Люди, находившиеся в комнате, бросили работу и столпились вокруг них.

– Нельзя украсть украденное, – вызывающе засмеялась Вера.

– И ты еще смеешь называть себя моим другом!

– Ты тоже уверял меня в этом, – парировала Вера. – Перестаньте пререкаться. Лучше взгляните на бумаги: здесь дается описание завершающей фазы, но без конкретных решений.

Брат пани Кленовой не мог скрыть разочарования.

– Кто составлял план опыта? Кто, наконец, завершит последнюю стадию?

Робота этот вопрос застал врасплох. К тому же его беспокоило присутствие Марека.

– Профессор Клен... конечно, – наконец выдавил он из себя.

– Но профессор мертв. Теперь главный вы. Так как же?

– Вероятно, открытие попало к моему брату, который мечтает прославиться. Возможно, он выкрал планы с помощью этой... – И робот показал на Веру. Вера рассвирепела:

– Ты должен признаться, что это изобретение Петра, это он – талантливый изобретатель, а ты пытаешься присвоить себе его заслуги.

Марек подошел к Вере.

– Но позвольте, только что вы утверждали, что Петр ни на что не способен!

Иностранец вновь зажег свою трубку.

– Надо полагать, доктор, ваш пациент разберется в этих бумагах лучше, чем эти двое. Я сам выясню с ним все. Пойдемте. – И, положив руку Мареку на плечо, он повел его к выходу. Робот последовал за ними. Вера, глядя на него, едва заметно улыбнулась.

Марек вместе с братом пани Кленовой сел в машину.

– Что они собирались вам продать? – спросил Марек по дороге в больницу.

– Вряд ли вы поймете. Но я-то знаю, что это выгодный товар: рынок сбыта обеспечен. Сегодня научные открытия продаются и покупаются, как, например, золото или драгоценные камни. Идеи вывозят за валюту, приятель.

– Но ведь разрешается продавать только то, что является собственностью, – возразил Марек.

– А вот сейчас мы и выясним, чья это собственность. У меня времени в обрез. Идеи рождаются беспрестанно, нужно спешить опередить конкурентов. Быть первым – вот мой девиз, доктор.

В кабинете Марека на койке лежал робот. У его изголовья стояли Вера и уже знакомый полицейский из автоинспекции. Тут же находились Ворличкова и санитары.

– Я не виновата! Я тут ни при чем, инспектор может подтвердить, доцент сам вел машину.

– Так точно, – кивнул полицейский. – Все случилось у меня на глазах. Он выехал на перекресток на красный свет.

Осмотрев раненого, Марек поднялся.

– Но на сей раз водитель жив. Отвезите его в приемный покой и зарегистрируйте этот случай.

Санитары вынуждены были применить силу, так как робот сопротивлялся и не позволял себя осмотреть.

– Мы поместим его к брату, – распорядилась Ворличкова.

– Не надо, – сказала Вера. – Я отвезу Фреда домой да и квартиру для него приготовлю.

– Я никого не отпускаю, – строго сказал Марек и обратился к автоинспектору: – Вы подпишете протокол?

Они вышли. В комнате остались Вера и Ворличкова.

– И вы должны выполнять эти глупые приказания, пани доктор? – спросила Вера.

Ворличкова удивилась ее тону.

– Отпустите Фреда. Он мне нужен.

Ворличкова непонимающе смотрела на Веру.

– Как странно вы говорите. Он что, вещь? Вы ведь любите его, правда?

– Он мне нужен, – настаивала Вера. – Я отблагодарю вас. Деньги... Назовите сумму.

Поведение Веры на удивление повторяло манеры робота.

– Прежде вы никогда так не разговаривали. Вы что же, хотите меня подкупить? – Ворличкова нервничала.

– Мне казалось, вы разумный человек, – ответила Вера.

Ворличкова старалась сохранить самообладание.

– Вон там – дверь, вы... – она едва удержалась, чтобы не произнести «робот».

Ворличкова медленно шла по больничному коридору. За ней тенью следовала Вера. Неожиданно перед ними вырос главный врач. Но как смешно он одет! Яркая полосатая рубашка, на голове соломенная шляпа, во рту трубка. Он вел под руку братца пани Кленовой. Сзади вышагивала сама улыбающаяся Кленова, а с ней доцент Петр, удивленный и беспомощный.

– Доктор Ворличкова! – Главный врач остановился, ткнув в нее пальцем. – Стыдно! Вы держите под арестом невинных людей. Мне невозможно отлучиться даже на пару дней. Вы что, собираетесь превратить нашу больницу в тюрьму? У доцента Петра слабый невроз, я выписал его домой. Профессор Клен завещал ему половину виллы, им теперь займется пани Кленова. Она доставит доцента на новое место жительства.

— Мы нуждаемся в специалисте, — сказал импресарио от науки, подсовывая главному врачу новую трубку. — У нас он будет как дома.

— Муж так его любил, — вздохнула пани Кленова.

— Разве вам не сказали?.. — попыталась вставить слово Ворличкова.

— Ничего не желаю знать. Меня здесь нет. Я отдыхаю, ловлю рыбу, как раз сейчас я стою над прудом и кручу мотовило. Будьте здоровы, и чтобы больше никаких беспорядков! Вернусь послезавтра.

— До свидания, пани доктор, — поклонилась пани Кленова.

— Но, Фред... — преградила им дорогу Вера.

— Пойдем с нами, Вера, — наивно молвил Петр. Иностранец схватил его за руку.

— Она придет к вам в гости, не правда ли, девушка?

И они быстро направились к двери. Вера и Ворличкова остались одни.

— Сколько, по-вашему, они ему заплатили? — спросила Вера.

— Кому?

— Вашему главному врачу.

На сей раз Ворличкова взорвалась.

— Вон! Чтобы ноги вашей здесь не было!

Через окошко операционной Вера наблюдала, как Марек оперирует. Закончив, он вышел — в белом одеянии и резиновом фартуке. Хирургическая сестра помогла ему снять халат.

— Травма довольно тяжелая, но он выкарабкается. У

него удивительная... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — жизнестойкость.

Вера торопливо подошла к нему.

— Пан доктор, а Фреда отпустили с пани Кленовой.

— Как! — Марек рванулся к двери, но остановился, поняв всю бессмысленность своих дальнейших действий. Потом устало прошел к себе. Заперев дверь в кабинет, он хотел прилечь, но неожиданно окно в комнату открылось, и в нем появилась Вера. Она направилась к нему.

— Значит, вы решили передать иностранцам выдающегося ученого, человека, который сумел создать андроида? Хотите стать соучастником этого преступления?

Марек рассердился.

— Послушайте, о чем вы толкуете? Никаких андроидов не существует. Тут что-то совсем другое. И нечего взывать к моей совести!

— В таком случае я помогу вам убедиться.

С этими словами Вера крепко схватила его за руку.

— Что вы делаете?! — закричал Марек. — Пустите!

Но она ловко засунула ему в рот платок, и он замолчал. Накинув на Марека пальто, она обняла его и легко подхватила одной рукой.

— Я заставляю вас поверить в существование роботов. Я — робот! — кричала она в лаборатории доцента Петра, где понуро сидела подлинная Вера. Ее двойник, похитительница Марека, между тем продолжала:

— Вам нужны еще доказательства? Меня создал доцент Петр в больничной лаборатории.

— Вы хотите сказать, что опыт удался? — ужаснулся Марек.

– Вот именно, – ответила она, взяв за плечо Веру. – Или я должна придумывать, что это моя слабоумная сестра? Я бы не успела подделать метрики. В отличие от робота Петра у меня нет свободного времени. Кроме того, мне документы не требуются. Я хочу, чтобы вы ясно знали, о каком изобретении идет речь, чтобы вы поняли, какое решение вам принять. Пройдет совсем немного времени, и роботы будут служить человечеству, как сейчас я служу Вере.

Подлинная Вера начала всхлипывать.

– В чем дело? – раздраженно спросил Марек, не переносивший женских слез.

– Что же мне теперь так и сидеть в этой комнате? Она не дает мне шагу ступить.

– Глупости, вам просто придется немного подождать, пока мы не освободим нашего изобретателя. А потом можете жить со своим Петром до самой смерти.

– Без работы? Я не могу себе представить такой жизни...

– Вы станете помогать Петру в его опытах. Хватит хныкать, – грубовато утешал ее Марек. – Вы ведь понимаете, будущее человечества зависит от развития науки. Будущее... Мы за него в ответе, оно в наших руках. В наших, Вера...

Марек погладил ее руку.

– И в моих, – заявила Вера-робот, загадочно улыбаясь.

Позже в одном из кабинетов сидели обе Веры. Напротив них стояли Марек, Ворличкова и главный врач, которого срочно вызвали по телефону прежде, чем он успел отправиться за город. Сзади выглядывал полицейский.

– Невероятно, – повторял главный врач, – двойняшки... Не отличишь.

– Перестаньте молоть чепуху, приятель, – накинулась на него Вера-робот. – Повторяю, вы не найдете никаких записей. Вера Петранева родилась двадцать лет назад, она была единственным ребенком в семье. Я же живу всего три дня. По ее документам... После опыта доцента Петра в вашей лаборатории.

Главный врач рухнул на стул.

– В таком случае – это настоящий переворот в науке... Я не могу в это поверить.

Трясущейся рукой он зажег трубку.

– Ничего не поделаешь. Это правда, – подтвердил Марек.

– Я отдал на проверку документы Альфреда Петра, там действительно кое-что не сходится, – добавил полицейский.

– Само собой, потому что тот, чьи документы вы проверяете, – робот, как и эта девушка... Я имею в виду это создание, – сказал главный врач. – Она хотела его уничтожить, чтобы воспрепятствовать передаче гениального изобретения за границу.

– Но вы ее опередили, пан главный врач. Подлинный доцент Петр сейчас находится у пани Кленовой, наверняка ему уже упаковывают чемоданы, – с горечью сказала Ворличкова.

– Пан доктор, пан главный врач! – В комнату вбежала медсестра из приемного отделения. – Он сбежал! Ну, тот больной, которого привезли вчера, минуту назад сбежал! Не понимаю, как ему удалось – ведь у него сломана нога. Мы не смогли его догнать!

– Сбежал робот! – вскочила Вера-робот. – За ним! Мы должны его задержать!

Она опрометью выбежала из комнаты. За ней последовали остальные. В это же время в одной из комнат на вилле профессора Клена доцент Петр отчаянно сопротивлялся предложениям дельца от «большой науки».

– Но я и в самом деле ничего не знаю. Не помню. После обоих опытов я был без сознания.

– Хорошо, я удваиваю сумму. И сейчас же подписываю чек, – настаивал тот, очевидно, полагая, что Петр набивает себе цену.

– Он вспомнит! – В дверях неожиданно появился робот. В руке у него был пистолет. – Я позабочусь об этом!

Вид у него был устрашающий: он был забинтован, правая нога в гипсе, что, впрочем, не мешало ему двигаться довольно быстро.

– У нас мало времени. Нерешительность тебе не поможет! Иди! – И он подтолкнул доцента Петра пистолетом. – Приготовьте чек к вечеру, – бросил он бизнесмену и глазами дал знак пани Кленовой, которая выбежала, опередив их.

Люди на улице удивленно останавливались, глядя на странную процессию. Кто-то испуганно вскрикнул при виде пистолета. Доцент Петр сделал отчаянную попытку к бегству, толпа расступилась, но его двойник, обладавший огромной силой, тут же догнал беглеца. Все четверо вскочили в машину иностранца и стремительно покатали вниз по улице.

В эту минуту в конце улицы показалась санитарная машина, на которой прибыли работники больницы. Не по-

дозревая о случившемся, они выскочили из машины и устремились к вилле.

Оба Петра – робот и его создатель – и пани Кленова прошли в институтскую лабораторию. С минуту в комнате царила зловещая тишина, затем раздался женский крик. Робот привязал доцента к стулу возле стола. Перед ним лежали бумаги – те самые, которые уже столько раз переходили из рук в руки. Одна нога доцента была соединена с электродом и судорожно подскакивала. Петр не кричал, казалось, он чему-то удивлялся. Вместо него в отчаянии причитала Кленова. Робот прикрикнул на нее:

– Замолчи! У нас мало времени, я всего лишь помогаю ему вспомнить. Ну да, это мучительно, но мы должны узнать завершающую фазу.

Он кивком показал на бумаги и снова включил ток.

– Не смей, я не допущу! Ты говорил, что хочешь ему помочь, только поэтому я на это пошла. Я не преступница... Кленова подскочила к стене и выдернула провод.

– Ты задерживаешь нас! – бесстрастно проговорил робот и профессиональным ударом свалил ее на пол. – Вот так машины овладевают человеком, – усмехнулся он, собираясь снова включить ток.

Тем временем на вилле профессора Клена делец от науки как ни в чем не бывало объяснялся с прибывшими из больницы.

– Куда они уехали, я не знаю. Но я готов заключить сделку с кем угодно: с государственным предприятием, с частным лицом, даже с вашей больницей. Мне важно иметь это изобретение. Или хотя бы изобретателя.

Вера-робот поспешно направилась к двери.

– Стой! – кинулась за ней Вера. – Она хочет нас опередить! – крикнула она Мареку. Ей не удалось задержать робота. Марек оказался проворнее. Он подскочил к санитарной машине, оба прыгнули в нее одновременно. Автомобиль подпрыгивая неся по шоссе – это Марек пытался отнять руль у своей спутницы.

– Такси! – вскричал главный врач, выбежав из виллы.

– У меня идея получше! – сказал полицейский, выскочивший следом за ним. Он нажал сигнализацию в стене виллы.

Финальная сцена разыгрывалась в лаборатории института. Вбежавшая туда женщина-робот кидалась от прибора к прибору. Двойник Петра, спрятавшись за доцентом, выстрелил в нее – раз, другой... Марек, преследовавший женщину, тоже вынужден был спрятаться: в него чуть не угодила пуля – робот, очевидно, считал их союзниками. Воспользовавшись тем, что руки у него свободны, доцент Петр схватил со стола пресс-папье и оглушил робота ударом по голове. Вера-робот молниеносно освободила Петра.

– Но она тоже робот! – в отчаянии закричал Марек. Однако доцент был уже в ее власти.

– Я служу твоей Вере! – Женщина-робот крепко держала его.

В это время двойник Петра, опомнившись, кинулся на свою соперницу. Между ними развернулось настоящее сражение. Не об этом думал изобретатель Петр, создавая второго робота! Но эти искусственные создания обладали гораздо большей стойкостью, чем человек, и для них было

неважно, если в борьбе кто-нибудь лишился пальца или даже конечности. Они уничтожали друг друга и все вокруг.

Пользуясь суматохой, доцент и Марек подбежали к бывшему кабинету профессора Клена, который находился за стеклянной перегородкой. Доцент Петр здесь хорошо ориентировался. Выключив свет, он забаррикадировал двери, а затем медленно заковылял к окну. Открыв окно, он показал Мареку на стремянку.

— Сюда! — И дал знак Мареку, убедившись, что телефоны в институте отключены. — И давайте дадим сигнал тревоги, — показал он на стенку напротив.

А в разгромленной лаборатории борьба между роботами продолжалась, и шла она с переменным успехом. Доцент Петр стал быстро возиться с каким-то удивительным прибором, стоящим посреди комнаты. К прибору, наполненному раствором, была подключена многочисленная аппаратура.

Дверь в кабинет затрещала — это робот пытался проникнуть в комнату. Доцент не сводил глаз с прибора. Когда наконец робот ворвался в кабинет, ученый быстро нажал на невидимые кнопки — из колбы появилась новая Вера. Она бросилась к двойнику Петра, пытаясь обезвредить его. Доцент намеревался помочь ей.

Но в этот момент произошел взрыв, и лабораторию заволокло дымом. Перед зданием института остановилась полицейская машина, за ней другая. Из второй машины выскочили главный врач, доктор Ворличкова, Вера и медсестра из приемного отделения. Перепрыгивая через две ступеньки, они неслись вверх. Навстречу им показался бледный Марек.

Лаборатория была разгромлена, кабинет профессора полностью уничтожен. Доцент Петр устало сидел на каком-то перевернутом шкафу.

– Боюсь, что они оба погибли, – сокрушенно сказал он, обращаясь к обступившим его людям. – Там внутри вы найдете трупы – если так можно сказать о погибших машинах. Правильнее было бы сказать: их обломки.

Полицейские поспешно направились в лабораторию. Остальные молча смотрели на изобретателя.

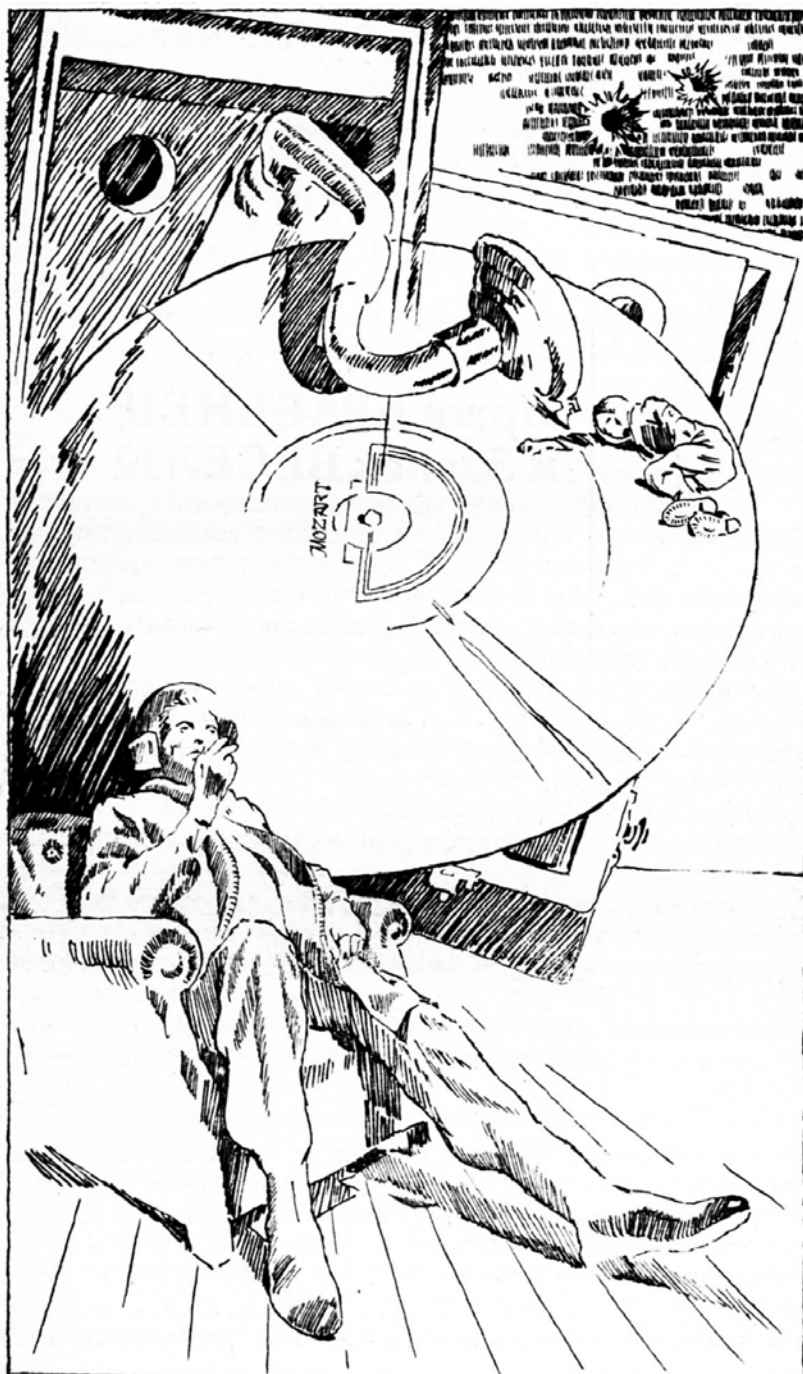
– Вы ждете от меня объяснения? Ну что ж, я так и не вспомнил завершающей фазы. Слишком много испытаний выпало на мою долю – голова уже не работает. Я более не буду заниматься этими исследованиями, пан главный врач. Я женюсь.

И Петр направился к Вере, которая нежно улыбнулась ему.

– Вы ни о чем не сожалеете? – спросил главный врач. – Ведь призвание настоящих ученых – развивать науку.

– К тому же ваше открытие могут использовать в неблагоприятных целях. Кто знает, нет ли подобных роботов среди нас? – поддержал его Марек, осматривая разгромленное помещение.

– Вот именно. Так что наша с вами главная задача – выявить их, – улыбнулся доцент Петр.

Иржи Брабенец и Зденек Веселы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В РАДУЖНОМ ЗАЛИВЕ

УКРАДЕННАЯ У ВЛЮБЛЕННЫХ

– Майор Родин? Очень приятно, здравствуйте. Прошу садиться.

– Спасибо.

Майор внимательно рассматривал своего собеседника. Директор – человек, которому подведомственна Вселенная, для него Луна – объект повседневных занятий. Глядя на него, этого не скажешь. А какие у него руки!.. По субботам он, верно, играет в кегли.

– Вы уже в курсе дела? Случай загадочный, на первый взгляд невероятный. Трагедия на одной из лунных баз. Но, думаю, лучше поговорить... – Директор нажал кнопку селектора. – «Прошу доктора Гольберга», ...– лучше поговорить со специалистом.

Молча взяв из предложенного директором портсигара сигарету, Родин закурил и выжидающе посмотрел на дверь.

– Доктор Эрза Гольберг из клиники космической медицины – майор Леопольд Родин.

– Очень приятно. – Медик с интересом всматривался в лицо следователя.

Директор подошел к рельефному глобусу Луны, испещренной таинственными знаками и флажками пяти цветов.

– Как вам известно, вся исследовательская работа на

Луне проводится на наших базах. О них столько писали, ими так восхищались и так часто критиковали, что, вероятно, не стоит что-либо добавлять. Может, лишь самое основное. Экипаж базы в Радужном заливе – а речь пойдет именно о нем – состоит из девяти человек. Четверо научных работников и пять человек технического персонала. К последним относился и радист Михаль Шмидт. Теперь уже не относится... Он умер при обстоятельствах, которые до сих пор не удалось выяснить. Суть дела сводится к следующему. В 10:59 над радиотелескопом была выпущена красная ракета – призыв к помощи, своего рода SOS лунных морей. И не только морей... Контрольная система отреагировала на сигнал и объявила тревогу. Ровно через три минуты, то есть в 11:02, весь экипаж базы, в скафандрах, сосредоточился на сборном пункте у входа в базу.

– За исключением Ирмы Дари, – напомнил доктор Гольберг.

– Правильно. Отсутствовала радистка Ирма Дари. У нее в это время была связь с Землей. По телетайпу.

– Понятно.

– Как только все сотрудники собрались, они устремились к холму. Им открылась невеселая картина. Шмидт, раскинув ноги, лежал на спине, у правой руки валялся сигнальный пистолет, из которого были произведены три выстрела. Установлено, что из шести патронов в обойме недоставало именно трех. Один выстрел лишь оцарапал Шмидта. Но об этом вам подробнее может рассказать доктор...

Майор Родин молча повернулся к Гольбергу.

– В субботу после полудня специальным рейсом тело

Шмидта было доставлено на Землю. Предварительно мы получили медицинское заключение от врача базы Реи Сантос. Одним выстрелом Шмидту легко оцарапало плечо и задело стольную мышцу, не повредив кости. Другой попал прямо в сердце.

— Итак, первая рана легкая, вторая в сердце. — Родин задумчиво смотрел на лунный глобус. — Так вы говорите, выстрел, поранивший плечо, пробил защитную одежду? Я имею в виду скафандр.

— Ну, конечно.

— Что за человек был Шмидт? Не было ли у него каких-нибудь неприятностей, осложнений?

— Вы имеете в виду, не известны ли какие-нибудь симптомы, указывавшие, что Шмидт подумывал о самоубийстве? Нет, ни о чем подобном мы не знаем. Я связался с командиром экипажа. Он сказал лишь, что Шмидт в последние дни казался задумчивым, замкнутым. Согласитесь, что это не повод для беспокойства, тем более для каких-либо предупредительных мер.

— Да, вы правы, — сказал майор. — Но непосредственный повод к самоубийству может и не играть главной роли в жизни человека, покончившего с собой. Психически здоровому человеку подчас трудно в это поверить. Но разве мало случаев, когда истерик совершал самоубийство лишь кому-то в отместку или безумец вскрывал себе вены, только чтобы увидеть, как из них хлынет кровь?

Гольберг кивнул.

— Конечно, и такие случаи бывали. И даже еще более непонятные. Но на Земле! Вы не должны забывать, что на лунные базы людей отбирают очень тщательно. Из тысячи

кандидатов, майор! Туда не попадет человек с какими-нибудь отклонениями от нормы. А уж о сумасшедшем и говорить не приходится.

— Да, это так, — подтвердил директор. — На Луне сумасшедших нет. За это можно ручаться головой.

— Допустим. А что вы скажете об экипажах других баз?

— Мы проверили. Ни с одной базы в субботу не поднимался ракетоплан и не выезжал вездеход.

— А кратковременные экспедиции?

— Ни одной из них сейчас на Луне нет.

— Итак, остаются два варианта: несчастный случай или самоубийство?

— Несчастный случай я бы исключил, — сказал Гольберг. — Его не могло быть. Не забывайте, что некоторые рефлексy благодаря постоянному повторению приобретают безусловный характер, они становятся как бы динамическими стереотипами, инстинктивной реакцией на определенные комплексы раздражения. Например, в каком бы расположении духа вы ни были, если внезапно загорится свет, вы автоматически зажмуритесь. А у членов экипажа базы в Радужном заливе все манипуляции с пистолетом относятся также к автоматическим реакциям. Шмидта долго тренировали выхватывать пистолет из кобуры и стрелять. Вверх, только вверх и никогда — в плечо или в сердце... В любом случае, даже если бы его способность рассуждать была ослаблена или ограничена, он целился бы только вверх. Разве что внезапные судороги... Нет. — Доктор энергично тряхнул головой — Шмидт не мог застрелиться нечаянно.

— Не забудьте, — добавил директор, — что человеку,

одетому в скафандр, довольно трудно прицелиться в сердце. Следовательно, Шмидт действовал сознательно. Первый раз он ранил себя в плечо и поэтому вынужден был повторить попытку.

Майор задумчиво покачал головой.

— Итак, несчастный случай исключается... Скажите, из какого положения были произведены выстрелы?

— Спереди, чуть-чуть справа и сверху вниз. — Гольберг отвечал так, будто его только что разбудили. — Видимо, он держал оружие в правой руке...

— И еще один вопрос: как скоро после первого выстрела Шмидт потерял сознание?

— Через две-три десятых секунды после того, как был пробит скафандр... — Врач почти шептал, и директор был вынужден наклониться, чтобы услышать, что он говорит.

— Кое-что начинает проясняться... Дальше!

— Подождите... дальше... — директор ладонью потер лоб. — Мне начинает казаться...

— Предчувствие вас не обманывает. Судя по всему, в Радужном заливе не могло произойти самоубийства или несчастного случая. Шмидт был застрелен, точнее, преднамеренно убит.

— Убит?!

— Да. Факты неопровержимо свидетельствуют об этом. Не так ли? — Майор взглянул на доктора.

— Выходит, что так, — согласился Гольберг. — Это же ясно. Одного не могу понять... как мы не догадались об этом сразу?..

— Убийство... — Взгляд директора остановился на лунном глобусе. — Убийство на Луне! Преступление в Радуж-

ном заливе! Но ведь это парадоксально, бессмысленно! В наши дни! Кто мог решиться, кто только...

— Это покажет следствие. — Майор Родин сухо прервал поток его восклицаний. — Но я сомневаюсь, чтобы это удалось определить отсюда, с Земли.

— Сегодня же ночью вы отправитесь на Луну. Завтра после обеда вы будете в Радужном заливе. — Директор щелкнул пальцем по глобусу. — Я все устрою. Вы получите сопровождающего. Но кого же? — Он потянулся к телефону, но в последний момент раздумал и посмотрел на Гольберга. — А как вы бы к этому отнеслись, доктор?

— Я собирался завтра на рыбалку, — не очень уверенно начал Гольберг, — но, если майор считает, что я хоть чем-то могу быть ему полезен, я не возражаю.

Оставшуюся часть дня Родин провел в медицинских кабинетах, в баро- и термокамерах, на центрифуге. Когда перегрузки достигли восьми «g», он решил, что убийца — сам директор института, который стремится любыми средствами заставить его отказаться от полета на Луну. Врачам не понравилось его слишком низкое кровяное давление, но протокол они все же подписали и около полуночи следователь начал собираться в дорогу.

НЕДОРАБОТАННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Ракета специальной службы, оставив в небе оранжевый след, исчезла где-то над Морем Дождей. За окном была тихая, загадочная ночь. Тихая, как мысль, и загадочная, как сфинкс...

— Меня чем-то влечет к себе этот пейзаж.

Молчание. Родин оглянулся: он был один. Ну, конечно, кого же интересуют впечатления новичка, впервые очутившегося на Луне и таращащего глаза на мир кратеров и равнин, покрытых валами крутых гор, окаймленных необозримыми лунными морями, над которыми навис низкий, темный небосвод!

Майор отошел от окна, пересек кабину и неслышно, словно следопыт из старинных детских книжек, зашагал назад, туда, где находился командный пост.

– Насмотрелись? – Улыбка покрыла морщинками лицо командира экспедиции Глаца. – Сначала вам все будет в новинку, потом пообвыкнете, но не берусь утверждать, что полностью.

Раздался негромкий стук в дверь, и вошла стройная брюнетка лет под тридцать. Родин встал и неловко поклонился – он еще не привык к скафандру.

– Майор Родин, – представил его командир экипажа, – следовательно. Он прилетел, чтобы выяснить причину, которая толкнула Шмидта на этот... неожиданный шаг.

– Врач базы Рея Сантос... Следовательно на Луне... – Врач подала майору руку. Маленькую смуглую руку с тонкими пальцами хирурга. – Кто бы мог подумать! Вероятно, для вас самого это неожиданность!

– Признаться, такое даже не снилось.

Родин заметил, как Рея Сантос пригладила непослушную прядь и оправила белый халат. Женщины везде одинаковы – и на Земле, и на Луне. Так почему бы здесь не возникать таким же конфликтам, как на родной планете?

– Я вам мешаю? – вдруг спохватилась она.

– Ну что вы. – Голос Глаца звучал не очень убедитель-

но. — Майор лишь хочет узнать кое-какие подробности об этом печальном происшествии. Ничего больше...

— Ну что ж, тогда до свидания. Увидимся за ужином.

Глац поднял на майора глаза.

— Пожалуй, можно приступить к делу.

— Вы правы. О том, что произошло в ту субботу, я уже в общих чертах информирован. Если разрешите, несколько дополнительных вопросов.

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы нам подробнее рассказать о членах вашего экипажа? Чем каждый из них занимается и тому подобное...

— Хорошо. По-видимому, скромнее было бы рассказать о себе в конце, но для вашего удобства я поступлю наоборот. Как вам уже известно, я командир экипажа.

Родин кивнул.

— В случае необходимости меня заменяет Уго Нейман. Ему около сорока. Это опытный пилот, человек очень выдержанный, даже флегматик.

— Скорее стойк, — заметил Гольберг.

— Стоик так стойк. Затем инженер Борис Мельхиад, тридцати четырех лет, самый молодой мужчина в Радужном заливе. По характеру — прямая противоположность Нейману. Несколько вспыльчив, все хочет иметь сразу, но превосходный специалист, феномен в своей области. Затем...

— Извините, что я вас перебиваю, — вмешался Гольберг, — но вспыльчивость эта весьма относительна. Вы же понимаете, майор, настоящих холериков мы сюда не посылаем.

– Верно, – согласился Глац. – Затем радистка Ирма Дари. Недавно ей исполнилось двадцать девять лет. Ну, что сказать о ней? Интересная блондинка. Надежный работник... Перейдем к научным сотрудникам. У нас прямо филиал Академии наук.

Глац слегка улыбнулся.

– Врача Рею Сантос вы уже знаете. Она печется о нашем здоровье. Относится к этому серьезно и столь неукоснительно, что это иногда даже действует на нервы. Кроме того, Рея сотрудничает с биологом Кристианом Маккентом. Маккенту около сорока. Они занимаются гидропоникой, ставят опыты на крысах, морских свинках и так далее. Я в этом не очень-то разбираюсь, ведь по профессии я авиаконструктор.

– Итак, шестеро. Остаются еще двое.

– Один из них – астроном Феликс Ланге. Ему под пятьдесят, но на вид он гораздо моложе. Добрый человек, каждому греху найдет оправдание, не любит из мухи делать слона. Его невозможно вывести из себя. Лишь в том, что касается его науки, он немного... – Глац на минуту запнулся, – недотрога. Ланге придерживается довольно своеобразных взглядов, и его теория – табу для всех. Никто не имеет права ее касаться. Ну, а так как за завтраком не очень-то принято говорить о турбулентности звездной материи, то с ним все ладят.

– Кто же у нас остается?

– Океде Юрамото, пятидесяти шести лет от роду. Он старше всех, даже странно, что медицинская комиссия его пропустила. Известный селенолог, это вы знаете. Его родина – Полинезия. Это заметно и по его внешнему виду, и по акценту.

– Ну, а что вы можете сказать о Шмидте? Кстати, нет ли у вас его фотографии?

– Что-нибудь найдем. – Глац вынул пачку цветных фотографий. – Здесь масса снимков – Маккент без аппарата шагу не сделает.

Майор Родин внимательно всмотрелся в снимок.

– Красивый мужчина. Он знал об этом?

– Да. – Командир искоса взглянул на фотографию. – Что касается женщин, Шмидт не отличался особой скромностью. Я бы даже сказал, что он был весьма легкомысленным.

– И к тому же пользовался успехом.

– Вот именно! Тут-то мы и подошли к тому, что меня крайне удивляет. И в работе, и в личной жизни Шмидту очень везло. Уж если бы мне пришлось составлять список потенциальных самоубийц, поверьте, Шмидт был бы последним, о ком я подумал бы. И тем не менее он покончил с собой. Как странно. Именно Шмидт, Шмидт, – повторил Глац.

– Скажите, Глац, члены экипажа были знакомы друг с другом на Земле?

– Насколько я знаю, в основном нет.

– Вы не могли бы рассказать подробнее, как все это произошло?

– Не так уж долго придется рассказывать. Ничего, собственно, не произошло. Обычный день. Ничто не предвещало трагедии. Утром, как заведено, все разошлись по своим местам.

– Вы говорите, утром...

– Да, в девять утра. Мы с Нейманом остались здесь.

Диктовали Ирме Дари радиограмму. Такие сообщения, подводящие итог за неделю, мы посылаем на Землю каждую субботу. Обычно на это уходит все дообеденное время. Но на этот раз мы закончили раньше – в 10:49.

– Время вы назвали наугад?

– Нет, абсолютно точно. Дело в том, что в конце радиограммы отмечается час и минута окончания диктовки.

– Что было дальше?

– Ирма Дари вернулась к себе в радиоузел, а Нейман, одетый в скафандр, направился к ракетоплану. После обеда ему предстояло произвести аэрофотосъемку Альп.

– Вы хотите сказать – Лунных Альп?

Глаз с усмешкой взглянул на следователя.

– Разумеется, Лунных... Я вышел в коридор, увидел идущего навстречу Ланге – он направлялся к выходу. Следом появился Мельхиад и начал мне что-то толковать насчет коаксиального кабеля. Мы поговорили минуту-две, издали поздоровались с врачом и разошлись. Инженер вернулся к себе, в механическую мастерскую, а я хотел прибрать на столе. И только начал перебирать бумаги, как зазвучал сигнал тревоги. Остальное вы знаете.

– Да, но если вам нетрудно...

– Пожалуйста. Я взглянул на схему местности. – Глаз показал на карту. – В случае тревоги световая стрелка на этой схеме покажет направление, откуда раздался зов о помощи, – и выбежал из комнаты. Меня догнал Мельхиад. У выхода мы натянули скафандры, прошли через шлюзовую камеру и вышли наружу. У входа в базу мы оказались в 11:01, ровно через две минуты после того, как был подан сигнал тревоги. Он прозвучал в 10:59, как об этом свидетельствует лента контрольного устройства.

— Сколько же времени вам понадобилось, чтобы добраться до радиотелескопа?

— Не знаю, по-моему, около двенадцати минут. Там довольно крутой подъем и много поворотов. Когда мы добежали, Шмидт был мертв. Помощь уже не понадобилась. В первый момент мы решили, что это несчастный случай — кому могла прийти мысль о самоубийстве! Но потом, по зрелом размышлении, вынуждены были признать одно — о несчастном случае не может быть и речи. Шмидт застрелился умышленно...

— Вы полагаете, ответ на этот вопрос нужно искать только у Шмидта?

— Ну, конечно. А где же еще?

— Да. — Взгляд Родина был устремлен куда-то вдаль. — Шмидт — человек, от которого никто не мог ожидать подобного поступка. Вы же сами назвали его наименее вероятным кандидатом в самоубийцы. И именно Шмидт мертв. Где же логика?.. Ну, хорошо, а что вы можете сказать о поведении Шмидта, помимо легкомысленного отношения к женщинам?

— Как работнику я ему могу дать наилучшую характеристику. Он отвечал за радиосвязь с Землей и другими базами на Луне. Кроме того, он увлекался радиоастрономией, которая для него была не только второй профессией, но подлинной страстью. Чего только он не знал в этой области! Его статьи печатались в научных журналах, он читал лекции, встречался со студентами. Короче, это был дельный, самоотверженный работник, влюбленный в свое дело. Но у каждого из нас, помимо работы, существуют другие интересы. Его увлечением были женщины.

— Не так-то их много здесь, — заметил Родин. Чувствовалось, что Глац чего-то недоговаривает.

— Вы правы, — неохотно согласился он. — Шмидт — ведь вас это интересует? — сосредоточил свое внимание на Ирме Дари.

— А теперь скажите — это для нас особенно важно, — не замечали ли вы за Шмидтом какой-либо странности в последнее время? Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь необычное в его поведении?

— Он выглядел задумчивым, рассеянным. Я иногда ловил его взгляд — он смотрел так, как с Земли смотрят на звезды. Казалось, он не слышит того, о чем говорят вокруг. Могло ли мне прийти в голову, что...

— Вы полагаете, его что-то беспокоило?

— Да. Мне казалось — чисто интуитивно, разумеется, — что он решает какую-то головоломку, мучается над какой-то проблемой.

— Ну, хорошо, мы еще не раз вернемся к этому.

— Всегда к вашим услугам. — Глац поднялся. — Вы, верно, устали; сотни тысяч километров в космосе — это не шутка, — добавил он, улыбнувшись, — хотя и не так противно, как какой-нибудь десяток километров по паршивой дороге. Отдохните — комнаты для вас готовы. Это не самые роскошные апартаменты, но уверяю вас, майор, здесь не хуже, чем в гостинице, вы сами в этом убедитесь. Есть все необходимое, даже ванна. Сейчас трудно себе представить, что каждую каплю воды мы привезли сюда с Земли! Но здесь, на Луне, вода, как вы, очевидно, знаете, совершает рациональный круговорот.

В комнате следователя Гольберг оседлал стул, положив на спинку скрещенные руки.

– Если бы мы не писали летопись наших дней, я бы сказал, что Шмидт ухаживал за Ирмой Дари, но получил от ворот поворот. Самолюбие покорителя женских сердец было задето, и он почел за благо покончить с собой.

– Да, и такое бывает. Увы, чувства человеческие не зависят от бега времени, – заметил Родин, стягивая скафандр, – к сожалению, это так.

– Что вы намерены делать?

– Теперь? – Майор весело взглянул на Гольберга. – Пополощусь немного в той драгоценной жидкости, которую привезли с Земли, потом отдохну и займусь делом.

– То есть?

– Постараюсь уяснить, что в этом случае кажется мне странным. Меня интересует другое. Ну, хотя бы – почему столь умный преступник придерживался такого непродуманного сценария? Собственно, дело даже не в сценарии. Но вот распределение ролей... Разве не ясно, что роль самоубийцы Шмидту не подходит?

ЛИШНИЙ СЕРПАНТИН

Родин повернулся на другой бок. Первая ночь на Луне. В ленивые мысли Родина вплелась еле слышная мелодия. Он напряг слух. Что это? Кажется, Моцарт. Моцарт на Луне! Мог ли когда-нибудь композитор допустить мысль, что его «Маленькая ночная серенада» прозвучит на Луне! Интересно, кто бы это мог перед сном слушать Моцарта?

Майор мысленно перебрал всех членов экипажа – в том порядке, как его познакомили с ними за ужином.

«С врачом Реей Сантос вы уже знакомы» – молодая женщина едва заметно кивнула.

«Ирма Дари, сменщица Шмидта на узле связи» – в глазах под белокурой прядью мелькнула неуверенность.

«Океде Юрамото, селенолог» – изборожденное морщинами лицо было непроницаемо. Глаза, в которых как бы застыла синь океана, неподвижно, но приветливо смотрели на следователя.

«Астроном Феликс Ланге» – это уже были не спокойные и молчаливые глаза Юрамото, но взгляд, который свидетельствовал о сознании собственного достоинства.

«Кристиан Маккент, биолог» – что у него на лице? Любопытство. И какая-то нерешительность, неуверенность в самом себе, но кто знает, не маска ли это.

«Мой заместитель, пилот Уго Нейман» – спокойная улыбка.

«Душа обсерватории, инженер Борис Мельхиад» – энергичное рукопожатие.

«Вот и все. Все мы – из Радужного залива. Восемь человек – теперь». Восемь человек. И один из вас убийца. Может, именно убийца включил «Маленькую ночную серенаду» и старается музыкой заглушить нечистую совесть, забыть о том спектакле, где он призван быть премьером, забыть маску, которую будет носить до смерти. Если не...

Музыка стихла. Майор посмотрел на часы. Итак, акустические отверстия перегородок перекрыли. Наступил час ночного отдыха. Для него это означает, что пора вставать. Родин не успел подняться, как кто-то повернул дверную ручку. Это пунктуальный Гольберг. В скафандре, со шлемом в руке – вылитый портрет конквистадора кисти старого мастера.

– В коридорах никого нет. Мы можем побродить по Луне, и никому ничего не придет к голову.

– Этого мы пока не знаем... Но я хотел вас спросить... Снаружи мы должны как-то переговариваться, не можем же мы объясняться на пальцах. А говорить можно лишь по радиотелефону. Значит, нас кто угодно может подслушать.

– Конструкторы предусмотрели эту возможность, хотя руководствовались не столь конспиративными побуждениями, а просто стремлением лишний раз не беспокоить людей. Можно вести передачу на произвольно выбранной волне...

– Итак, в 10:59 над Шмидтом выстрелили из ракетницы. – Майор еще раз тщательно проверил скафандр, – в 11:02 все стояли у входа в базу. Это как раз те критические три минуты, над которыми я ломаю голову. Мог ли преступник за три минуты добраться с холма, где совершено преступление, к базе? Это надо проверить.

Майор внимательно огляделся. Радужный залив слепой улочкой врезался в холмистую местность, образовав долину, очертания которой напоминали бутылку с широким горлышком. Родин стоял как бы на дне этой бутылки, спиной к склону, где находилась главная база. С левой стороны склон освещался отраженным светом Земли, справа была тьма – черная, густая, непроницаемая. Лишь по зеленым точкам внизу и по звездам наверху можно было угадать, где кончается холм и начинается черное небо. Можно ли разглядеть в этой тьме человека, который бежит в тени?

– Где же этот радиотелескоп?

Доктор поднял руку и указал в сторону, где обрывалась черная тень.

– Вдоль склона у самого выхода из долины.

– Вы не возражаете против небольшой прогулки?

Гольберг ничего не ответил, и они шагнули в лунную ночь.

– По этой дороге тот «некто» не бежал, – тихо донесся голос доктора.

– Я тоже так думаю. – Родин огляделся. – Преступник предпочитает тень. Это звучит драматично, не правда ли?

– Идти здесь вполне можно, можно даже бежать. Местность очень ровная.

Родин внезапно остановился у края плоской вершины. Он словно окаменел. Замер и его спутник. В холодно мерцающем свете на них двигалось какое-то чудовище. Это был черный квадрат на четырех паучьих ногах и с четырьмя щупальцами наверху. Два были подняты к небу, два протянуты вперед, точно руки слепца. У майора было такое чувство, будто одно из щупалец погладило его по спине.

– Уф, – выдохнул доктор, – с ума можно сойти! Это же манипуляторы. Они вечно здесь бродят. Помогают, если нужно, что-нибудь исправить, убрать или ведут поиски. Ими управляют с базы по заранее заданной программе.

– Хорошенькая встреча, – проворчал Родин. – Тот, у кого слабое сердце... А что они сейчас здесь делают? Управляет ими кто-нибудь?

Механические руки остановились, одно из передних щупалец коснулось почвы, подняло какой-то темный предмет, видимо, камень, и положило его в ящик на передней стороне квадрата.

– Вот видите! – закричал доктор, словно сделал важнейшее открытие. Они собирают камни, вероятнее всего для Юрамото.

Манипуляторы медленно двинулись дальше, а Родин и Гольберг направились к радиотелескопу.

— Это произошло здесь. — Доктор остановился у колышка с оранжевым флажком и включил фонарик в гермошлеме. В свете фонаря заблестели три гильзы. Следователь подобрал их и тщательно осмотрел все вокруг.

— Мне очень жаль, доктор, но вам придется пробежаться. Я сейчас сойду вниз, к входу в базу, а когда мигну вам фонариком, принимайте старт.

Майор вернулся в долину, вытащил секундомер, неуклюжими пальцами в толстых перчатках нажал на спуск и мигнул фонариком.

«А что, если за нами следят? Правда, Гольберг побежит в тени, но, возможно, этот «некто» пользуется инфракрасными очками». В наушниках он ясно услышал сопение доктора. Интересно — здесь, на Луне, он весит так мало, всего каких-нибудь килограммов двадцать пять вместе со скафандром, а так тяжело дышит. Видимо, бежит изо всех сил. Наконец доктор вынырнул из тени.

— Ну, что? — с трудом выговорил он.

— Шесть минут двенадцать секунд.

— Шесть минут! А я так мчался! Уверяю вас, майор, никто не смог бы пробежать это расстояние за три минуты. Ис-клю-че-но!

— Но Шмидта не могли застрелить издали. Три гильзы валялись у радиотелескопа. И именно трех патронов не доставало в пистолете убитого радиста! Нет! Издали его не могли убить!

— Это верно, но ведь кто-то стрелял! Кстати, в указанное Глацем время здесь собрались не все. Отсутствовала

Ирма Дари. Она утверждает, что в этот момент у нее была радиосвязь с Землей.

— Да, Ирма Дари... Взгляните-ка, доктор, а здесь, оказывается,людно!

С холма спускалась фигура в скафандре. За ней тянулась тень, прыгающая по скалам.

— Переключитесь-ка на общую волну, — сказал Гольберг. Майор нажал на кнопку.

— Алло, вы двое, вы меня слышите? Говорит Юрамото!

— Слушаем вас. Говорит Гольберг. Со мной майор Родин.

— Кто же еще здесь сейчас может быть? Птицу узнают по оперению, человека — по делам. Любопытный новичок не успокоится даже ночью.

— Еще бы, — в голосе майора чувствовалась усмешка, — я буду жалеть о каждой минуте, которую потерял на сон. Когда-то мне удастся еще раз побывать на Луне? А что вы делаете здесь, профессор? Мне казалось, что вы видите второй сон.

— Дорогой мой майор, сон с возрастом уходит. Петухи и старики поднимаются затемно.

— Говорят, профессор, что сложные с виду задачи иногда решаются очень просто. И в математике, и в человеческой жизни, — заметил Родин.

— От души желаю, чтобы это подтвердилось и в вашей работе здесь.

— Вы имеете в виду дело Шмидта... Честно говоря, пока мы бродим в потемках. Я все пытаюсь представить себе, что могло вывести его из равновесия? Не отразилась ли на нем здешняя обстановка?

– Глаза видят сказку, разум постигает истину. – Океде Юрамото улыбнулся. – Может быть, да, а может быть, и нет.

– Я действительно здесь впервые. И, верно, вам мои вопросы покажутся наивными, но скажите, отличается ли это место от других районов Луны? Есть ли здесь что-нибудь особенное...

– Что вы имеете в виду, майор? Нечто необычное по отношению к будничному? Здесь – все особенное с земной точки зрения. Но если подходить с «лунным стандартом», ничего необычного вы здесь не найдете. Короче, вы должны научиться на все смотреть глазами обитателя Луны. Даже когда бегаєте.

– Что вы хотите этим сказать, профессор? – Родин тщетно старался рассмотреть выражение лица селенолога. В отблеске света лицо Юрамото за защитным стеклом казалось неясным и невыразительным.

– Я говорю то, что думаю. Слово – посланец мысли. Добавлю только, что, если человек поймет это, он может сэкономить время, не тратя его на бег по серпантинам.

Наступила тишина. Абсолютная тишина, какую по-настоящему ощущаешь лишь во Вселенной. Но до слуха следователя дошло чье-то учащенное дыхание. Чье – Юрамото или Гольберга?

– Почему именно по серпантинным дорогам, можете вы спросить? Да потому, что вы на Луне. Спокойной ночи, друзья.

Лишь после того, как за селенологом закрылись стальные двери шлюзовой камеры, две фигуры в скафандрах повернулись друг к другу и нажали на кнопки на панелях. Первым заговорил доктор.

– Он следил за нами. С какой целью? Он смотрел, как я бегаю. И что, черт побери, должны означать его слова? Как же бежать, как не по серпантину! Да и то, что мы находимся на Луне, – это мы тоже без него знаем!

– А что если прыгнуть вниз? Какова высота этого склона?

– Смотря где. Метров тридцать-сорок. Не хотите же вы, чтобы я сломал... Пойдите, мы же действительно на Луне! Я понял. Вшестеро меньшая сила тяжести, следовательно, и замедленное свободное падение – такое же, как на Земле с высоты четырех-пяти метров.

– А выдержит ли скафандр? Может, он не приспособлен для подобных акробатических прыжков?

– Он выдержит и более грубое обращение. Я скорее опасаясь за собственные ноги.

– Если вы боитесь...

– Кто говорит о страхе?

Гольберг прошел по равнине до самого «горлышка» и внимательно оглядел место под обрывом, над которым торчал радиотелескоп. Ровное место, без камней и углублений. Поднявшись наверх по извилистой дорожке, он остановился в ожидании сигнала, а затем прыгнул вниз и по ровному месту добежал до базы.

– Неплохо, – одобрительно сказал Родин. – Две минуты пятьдесят семь секунд – меньше трех минут.

– Вот видите! Мог кто-нибудь это сделать? Мог!

– По крайней мере те трое, что прибежали в субботу последними...

– Вы имеете в виду...

– Последними прибежали селенолог Юрамото, пилот

Нейман и астроном Ланге. «На это ушла еще минута, в 11:02 все были в сборе», – так, кажется, говорил Глац. – Значит, и этот проклятый бег, и этот дьявольский прыжок – я еле дохромал, думал, у меня будет кровоизлияние – имели какой-то смысл?

– А по-вашему, я заставлял вас бегать ради собственного удовольствия?

ФОТОАЛЬБОМ

– Я хотел вас кое о чем спросить, – Родин бесцеремонно сел и посмотрел на Глаца.

– К вашим услугам.

– Скажите, пожалуйста, если бы вы, не будучи на базе, узнали вдруг, что здесь кто-то покончил жизнь самоубийством, о ком вы прежде всего подумали бы?

Глаза командира, суженные в две щели, неподвижно смотрели на пресс-папье.

– На этот вопрос не так легко ответить. Видимо, о Ланге.

– О Ланге?

– Да, мне кажется, он мог бы попытаться разрешить какую-нибудь трагическую проблему именно таким путем. Я имею в виду – трагическую с его точки зрения. Да, Ланге, может быть, смог бы. Повторяю, может быть. Но чтобы Шмидт – никогда бы о нем не подумал! Вот видите, майор, чего на самом деле стоят подобные предположения.

– По-вашему, Ланге не так дорожит жизнью, как остальные?

– Нет-нет, вы меня плохо поняли. Я убежден, что Ланге очень дорожит своей жизнью, это жизнь завидная. Он – один из известных астрономов, создатель особой астробиологической школы, кумир многих молодых ученых. У него есть все основания быть довольным жизнью, именно поэтому он ею дорожит. Но попробуйте понять меня. Доведись ему испытать потрясение, которое пошатнуло бы основы его существования, – я, правда, не представляю, что бы это могло быть, – жизнь для него потеряла бы всякий смысл.

– Благодарю вас. Но вернемся к Шмидту.

Тщательный осмотр комнаты покойного радиста занял немного времени. Встроенная мебель, одежда, белье. Слишком мало, чтобы составить представление о личности Шмидта. Звездный атлас, логарифмические таблицы, несколько научных книг, всякая мелочь, которую нередко увидишь в комнате мужчины, пресс-папье, игрушечная обезьянка, фотография собаки, портативный магнитофон.

Внимание майора привлекла записная книжка Шмидта. В ней были заметки, относящиеся к его работе. И все же в комнате оказалось нечто необычное. Фотоальбом. На каждой странице портрет – фотография молодой красивой женщины. Блондинки и брюнетки, улыбающиеся и серьезные, тридцать, сорок снимков. Ни имени, ни инициалов. Лишь дата – день, месяц, год.

– Так, значит, Шмидт все-таки был психически неполноценным человеком.

Родин машинально перелистывал альбом.

– Психически он абсолютно здоров, – сказал доктор Гольберг. – Не станете же вы утверждать, что каждый, кто

коллекционирует фотографии своих любовниц, – патологическая личность?

– Если он женат, – сухо ответил майор, – то наверняка.

Захватив записную книжку, магнитофон и фотоальбом, они перешли в рабочее помещение радиста, напоминавшее не то станцию дальней радиосвязи, не то радиотехническую мастерскую. Здесь внимание Родина привлекли лишь несколько катушек с магнитофонной пленкой, датированных предыдущей неделей. Той неделей, которая окончилась убийством.

Майор Родин начал перелистывать записную книжку. Обычные отметки о качестве приема, короткие заметки, запись о том, что какой-то Бен Талеб прав, критикуя интерферометры за известную неточность. «Вернуть Анне письма!!!» Три восклицательных знака! Тут же – «считают – значит мыслят», «высокую частоту поглотит вода», «черта с два что-нибудь поймаешь».

На другой странице отметки о любительских радиопередачах, принятых большим радиотелескопом Луны. В скобках – «Магда, отпуск в августе». Ничего достойного внимания... Но вот на одной из последних исписанных страниц ряд чисел: 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67, 71, 73, 79, 83, 89, 97, 101...

– Что бы это могло означать? – Гольберг наморщил лоб. – Код? Но какой? Единицы измерения? Какие? Даты? Исключено. Волны? Бессмыслица. Если это ключ к шифру, то вряд ли он хранился бы так небрежно в записной книжке, которая валяется на столе. Вам ничего не бросилось в глаза, майор?

– Все числа нечетные?

— Вот именно — нечетные. Как по-вашему, что бы это могло означать?

— Представьте себе, не знаю. В радиосвязи я не разбираюсь, да и в математике никогда не был силен. Может, Ирме Дари что-нибудь об этом известно? Впрочем, увидим. Послушаем-ка магнитофонные записи.

Но ничего интересного они не услышали, лишь неясный шум, треск, шипение, вой, будто кто-то включил испорченный радиоприемник. Гольберг безнадежно пожал плечами.

— Что будем делать?

— А вот что — отыщите блондинку и приведите ее сюда. Немного позднее майор предложил Ирме Дари кресло.

— Всего лишь несколько вопросов, если, конечно, у вас есть время.

— Вы хотите спросить о Михале?

— Да. Где вы с ним познакомились?

— Здесь. Точнее, на сборах, недели за две до отлета. Но ближе, конечно, уже здесь. Мы ведь с ним коллеги.

— Да, верно, вы сменяли друг друга на радиоузле. Нам об этом говорил Глац. Расскажите, что за человек был Шмидт.

Ирма беспомощно вскинула руки. Могли ли они кого-нибудь убить, эти тонкие руки? Майор быстро отвел взгляд.

— Ну, что вам сказать? — нерешительно начала радистка. — Он был легкомысленным, это вам уже говорили, так о нем думает каждый. Но это не значит, что он скользил по верхам. Во всяком случае, в работе он был другим. С профессиональной точки зрения Михаль был намного квалифицированнее меня и, безусловно, гораздо опытнее.

— А каким он был вне работы?

— Остроумный человек, приятный в компании. Даже милый. Любил пошутить, иногда в нем проскальзывало что-то мальчишеское.

— Скажите, когда вы видели Шмидта в последний раз, я хочу сказать живого Шмидта?

— Утром того дня. В субботу. Мы позавтракали и вместе пошли в узел связи. Михаль занялся открытками для радиолюбителей...

— Открытками?

— Да, так у нас принято. Михаль часто ориентировал радиотелескоп на Землю и ловил передачи радиолюбителей. А потом сообщал им об этом. Для них это была огромная радость, что их слышали на Луне.

— Значит, это было после завтрака...

— Да, около девяти утра он направился к большому радиотелескопу, и больше я его не видела.

— И не слышали? — добавил Родин.

— Нет, слышала. Мы связались в десять часов. Каждый, кто находится вне базы, должен ежечасно давать о себе знать.

— Значит, в десять вы с ним разговаривали?

— Да, точно в десять. Он сказал лишь: «Все в порядке» — больше ничего.

— Вы в этот момент находились в радиоузле?

— Нет, с девяти часов я на командном пункте записывала еженедельный отчет. Но я переключила туда телефон.

— Еще вопрос. Не замечали ли вы в последнее время, что Шмидт как-то изменился? Скажем, не был ли он чем-то подавлен?

– Меня уже об этом спрашивал командир. В последние дни Михаль действительно казался каким-то странным. Чересчур молчаливым. Но это была не грусть и уж никак не депрессия. Скорее замкнутость, углубленность в себя. Пожалуй, так вел бы себя тот, кто занят решением какой-то сложнейшей задачи.

Родин некоторое время колебался, а потом посмотрел девушке прямо в глаза.

– Не считите за праздное любопытство, я должен об этом спросить. Вы нравились Шмидту?

– Видимо, да. То есть ему нравились почти все женщины...

– Как вы думаете, не мог ли Шмидт страдать из-за какой-нибудь женщины, скажем, из-за вас?

Ирма слегка улыбнулась.

– Понимаю – Шмидт вспылал любовью, положил к ногам Ирмы Дари сердце, но та его отвергла, и он с горя решил покончить счеты с жизнью...

– Но...

– Бросьте, майор, нельзя же всерьез принимать эту версию. Можете спокойно ее отвергнуть.

– Я бы не стал утверждать этого столь категорически. Не он первый, не он последний...

– В принципе вы правы, мужчины иногда ведут себя как дети, у которых отобрали любимую игрушку. Упрямятся и бьются головой о стенку. Но Михаль не был упрямым ребенком, а я – не игрушка.

– Прошу прощения, – нерешительно начал майор, – но, чтобы прояснить положение... вы с кем-нибудь находитесь в более близких отношениях?

– Вы, верно, слышали о Мельхиаде. Я и Борис знаем друг друга еще с Земли.

Доктор Гольберг виновато посмотрел на радистку.

– Не сердитесь, Ирма, что мы так назойливо лезем вам в душу. Можете поверить – нам крайне неприятно выяспрашивать об этих подробностях, которые на первый взгляд касаются лишь вас двоих. Но только на первый взгляд.

– Я понимаю, доктор. Все совершенно нормально. Ведь обо мне и Борисе знают все. Мы знакомы давно, прекрасно подходим друг другу. Мы хотели пожениться.

– Хотели?.. – Майор слегка поднял брови. – А теперь уже не хотите?

– Да нет же, конечно, хотим. Но перед самой свадьбой мне предложили принять участие в этой экспедиции. И мы решили подождать возвращения. Право же, Море дождей – не самое лучшее море для свадебного путешествия.

Майор взял в руки альбом Шмидта, словно взвешивая его.

– Мы просматривали вещи, которые остались после Шмидта. Вам знаком этот альбом?

– Нет.

– Взгляните.

Ирма Дари открыла альбом, перевернула несколько страниц, подняла глаза и молча взглянула на следователя. Потом снова посмотрела на коллекцию женских портретов, которая в этой обстановке казалась попросту неуместной. Она переворачивала страницу за страницей, задержалась на последней фотографии и перевернула следующую, пустую страницу.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказала она спокойно. – На этой странице должна быть моя фотография.

Дверь за радисткой давно закрылась, но в комнате по-прежнему царила тишина.

– Вы удивлены? – прервал молчание доктор.

– Немного.

Родин захлопнул альбом, который машинально перелистывал.

– Извечный треугольник.

– Даже на Луне.

– Да, даже на Луне. Здешняя жизнь не меняет человека физически, почему же она должна менять его психику? В Радужном заливе люди остаются людьми... Но дело не в этом.

– В Ирме Дари?

– И не только в ней. В треугольнике, в классическом треугольнике – он, она и еще один он. Его связывают с ней длительная симпатия и любовь, но вот на сцене появляется другой, который мимоходом соблазняет ее. Предположим, что их отношения не перейдут в более глубокое чувство. Если дело дойдет до конфликта, кто из них способен совершить преступление? Естественно, что не тот, другой, так как с его стороны этот поступок был бы бессмысленным. Остается пара, связанная любовью. Кто из них, по-вашему, вызывает большие подозрения?

Доктор вопросительно посмотрел на майора.

– Какую эпоху вы имеете в виду? – помолчав, спросил Родин.

– Так, – в голосе доктора почувствовалось разочарование, – значит, и вы над этим думали.

– Да. Такие случаи бывали, и нередко. В создавшейся ситуации жертвой иногда становился человек, случайно проникший в чью-то тайну. Поводом для преступления служил страх оказаться высмеянным или униженным.

– Вот видите, значит, у нее могли быть веские причины, чтобы совершить убийство. Страх, что будет раскрыта ее тайна, боязнь шантажа, опасение потерять его любовь, ненависть к тому, другому, который, возможно, воспользовался ее слабостью. И еще с десяток самых различных, часто ложно истолкованных факторов. Вам понятна моя мысль?

– Как всегда.

Доктор подозрительно посмотрел на майора, но капитулировал перед невинным выражением серых глаз.

– А теперь давайте наполним этот треугольник конкретным содержанием. Она – это Ирма Дари, он – Борис Мельхиад, еще один он – Михаль Шмидт. А у Ирмы Дари для критического момента нет алиби!

– Пока нет. – Майор встал и положил альбом на полку.

– Вы намерены связаться с Землей относительно Ирмы?

– Разумеется.

– Ну да, необходимо уточнить детали субботней радиосвязи. А почему бы вам заодно не поинтересоваться спортивными увлечениями радистки, скажем, прыжками в воду? Возможно, она участвовала в соревнованиях по этому виду спорта.

– Вы никак не можете забыть своего прыжка со скалы!

– Вот именно.

– Что ж, неплохая идея, – заметил майор, снял трубку

радиофона, набрал нужный номер. – Радужный залив. Директора института, пожалуйста. Это Родин. – Майор нахмурился и посмотрел на доктора. – Не отвечает... Алло! Да, я. Что? Я помешал?.. Снова тихо... Что? Не понял.

Доктор прикрыл ладонью микрофон.

– Так вы никогда не договоритесь. Задав вопрос, следует немного подождать. Ведь вы говорите с Луны, радиосигнал вначале летит на Землю, ответ придет не раньше, чем через несколько секунд.

Майор улыбнулся, и на лице его появилось добродушно-мальчишеское выражение.

– Простите... Да, я уже понял. Я хотел вас кое о чем спросить. Во-первых, свяжитесь с человеком, который в субботу принял радиogramму из Радужного залива... Во-вторых, меня интересует, не увлекается ли Ирма Дари каким-либо видом спорта. Например, прыжками в воду, альпинизмом, парашютизмом... Да, я подожду... Так. Спасибо.

Прикрыв микрофон рукой, следователь повернулся к Гольбергу.

– У вас хороший нюх, доктор, – Ирма Дари действительно увлекается... но художественной гимнастикой. Боюсь, что этот вид спорта вас не заинтересует. Зато я узнал, что кое-кто из экипажа парашютную подготовку прошел... Да, да, понимаю. Но мне необходимо связаться с этим Кроницким. Пожалуйста... Соедините меня с ним по обычному каналу. В Вене? Тогда дайте Вену... Сами? Хорошо, я подожду...

– Так кто прошел подготовку? – спросил доктор.

– Нейман, Мельхиад, Маккент.

– Вот оно что!

– Алло! Алло! Не прерывайте... Нет, не положу... Алло! Это Кроницкий? Добрый день. Говорит Родин. Я говорю из Радужного залива, меня послали, чтобы расследовать смерть Шмидта. Мне хотелось бы уточнить кое-какие подробности относительно субботней радиосвязи. Вы сами были у аппарата? Хорошо. По словам радистки Ирмы Дари, все было в порядке. Да? Очень рад. А вы уверены, что приняли всю радиограмму? Можете ли вы утверждать, что на другом конце провода, то есть, конечно, не провода... что там была Ирма? Я понимаю, разумеется, все останется между нами... Так, понятно. Благодарю вас. Этого достаточно. Простите за беспокойство. А этой девушке на станции скажите... Впрочем, ничего не говорите. Еще раз спасибо.

Родин повесил трубку и повернулся к Гольбергу.

– Милый доктор, мне жаль, но я вынужден вас огорчить. Приготовьтесь к самому худшему. Нет никаких сомнений, что Ирма Дари лично передавала радиограмму.

– А как вы можете это доказать?

– Во избежание ошибок текст радиограммы передается дважды. После того как текст передан первый раз, лента перематывается и аппарат не работает примерно полминуты. Кроницкий лично знает Ирму Дари, и под конец он отстукал ей комплимент. Вот, оказывается, для каких целей служит межпланетная радиосвязь. Не мешало бы об этом знать начальству. Ирма Дари ответила Кроницкому и якобы довольно язвительно.

Гольберг возбужденно зашагал по комнате.

– Неужели это все-таки обманутый возлюбленный?

УБИЙСТВО НА ПОЧВЕ РЕВНОСТИ?

Родин с беспокойством следил за Гольбергом, который раскачивался на стуле.

— Нужен лист бумаги, — доктор стал выворачивать карманы, — у нас накопилось довольно много материала, и чем дальше, тем больше данных. В этом обилии фактов от нашего внимания может ускользнуть какая-нибудь важная деталь, скрытая зависимость. Значит, все нужно записать. Так, запишем сначала имена восьми членов экипажа. Будем вычеркивать их по мере установления алиби.

— Понятно.

— Начнем с радистки. «Дари Ирма», — записал он и перечеркнул это имя жирной волнистой линией. — Остальных я запишу столбиком. Так, следующий, конечно, Борис Мельхиад, — вполголоса диктовал доктор, тщательно, почти каллиграфически выписывая буквы, — это ясно. Убийство на почве ревности.

— Допустим, вы правы. Убил Мельхиад. Но как?

— Как? Да, — Гольберг забарабанил записной книжкой по руке, — в этом вся трудность. Если позволите, я постараюсь исходить из тех фактов, которые нам уже известны.

— Не возражаю.

— Мы знаем, что Мельхиад в 10:50 находился в коридоре перед кабинетом Глаца. В момент объявления тревоги, то есть через девять минут, он снова оказался там. И оба раза без скафандра. Следовательно, у инженера стопроцентное алиби. Он не мог одновременно находиться здесь, в доме, и у радиотелескопа. — Гольберг выжидающе посмотрел на следователя.

– Вы правы, физически – не мог. Но принимая во внимание еще один вариант...

У доктора от разочарования вытянулось лицо. Трудно даже себе представить, что бы это могло быть... И все же Родин попытался.

– ...Шмидт работает у подножия радиотелескопа. На бугристую почву падает тень гигантской конструкции. В пепельном свете – прямые и изогнутые линии проводов и контуры траверз. Внезапно по этой паутине начал красться отвратительный, гигантский паук, словно выползший из царства чудовищ. Шмидт увидел тень, но лишь слегка повернул голову, она не могла его испугать, он столько раз видел, как работают манипуляторы. Шагающие диоды, триоды, реле остановились за его спиной. На этот раз механизм подчинялся убийце.

– Знаете, доктор, – сказал Родин, – я понимаю, что вас смущает. Я тоже склонен предполагать, что ответ должен быть менее сложным. Убийство при помощи манипуляторов – это слишком фантастично.

– Да, но вправе ли мы исключить эту версию?

– Ну, что ж, попытаемся воссоздать картину преступления. Манипуляторы приблизились к Шмидту и выжидали, пока он повернется к ним лицом, – пуля в спине исключала бы версию самоубийства. Когда радист повернулся, раздался выстрел, другой. Затем, подняв пистолет вверх, манипуляторы дали сигнал тревоги. Так вы себе это представляете, доктор?

– Именно так.

– Но в таком случае – к чему вообще эта тревога? Кому выгодно, чтобы ракета взлетела к небу? Ведь это только

усложнило дело и запутало то, что без сигнала тревоги казалось совершенно ясным. Каждому, естественно, пришла в голову одна и та же мысль: почему Шмидт сначала позвал на помощь, а потом застрелился? Если убийца пошел на это, то какую цель он преследовал?

— Алиби.

— Для этого не было необходимости объявлять тревогу. О гибели Шмидта так или иначе стало бы известно ровно через две минуты. Помните — Ирма говорила, что каждый член экипажа, находясь вне базы, должен сообщать о себе. Шмидт в одиннадцать не сообщил бы о себе, его стали бы искать...

— Верно, — доктор задумчиво забарабанил блокнотом по столу. Неожиданно он встрепнулся. — И все-таки — алиби! Если бы о смерти Шмидта стало известно лишь после контрольного вызова в одиннадцать часов, убийце потребовалось бы алиби на все время между десятью и одиннадцатью.

— Да, в этом что-то есть, — помедлив, произнес Родин.

— В таком случае Мельхиада надо поставить на второе место в нашем списке подозрительных лиц.

— Будь по-вашему. Кто же тогда будет третьим?

— Разумеется, Ланге. — И доктор написал: «Ланге Феликс». — Вам интересно, почему именно Ланге?

— Не скрою, интересно.

— Мне кажется, это человек, который при определенных обстоятельствах вполне мог покончить жизнь самоубийством, а значит, и оказаться убийцей Шмидта. Но мотив преступления?..

— Что вас смущает?

– Не знаю, как обосновать – из-за чего он мог совершить преступление? Хотя... Помните, Глац утверждал, что, когда дело касается науки, Ланге противоречить опасно. Допустим, у него со Шмидтом вспыхнул научный спор. Предположим – я, правда, в этом не очень-то разбираюсь, – что речь шла о какой-нибудь сверхновой звезде, имеющей большое научное значение. Допустим, что, прежде чем астроном обнаружил ее с помощью телескопа, радист засек какие-то сигналы своим блюдечком.

– Допустим. Перейдем к следующим.

– Осталось еще пять человек. Двое из них – Юрамото и Нейман – могли пробежать от радиотелескопа до базы за три минуты. Мы не знаем, какие счеты у них могли быть с Шмидтом, но сейчас не это важно. Итак, начнем с Юрамото, – доктор тщательно вывел на листке имя селенолога. – Это он посоветовал нам не тратить время на серпантинную дорогу. И я вас спрашиваю, с какой целью? Чего он хотел этим достигнуть? Избежать подозрения и указать на то, что рано или поздно нам все равно стало бы известно?

– Пока оставим его и займемся Нейманом.

– Да, – доктор записал: «Уго Нейман». – Один из троих, кто прошел парашютную тренировку. А также один из троих, кто прибежал последним и мог успеть пробежать расстояние между радиотелескопом и входом в базу. Единственный, кто отвечает сразу двум этим условиям. Может, поменять их местами с Юрамото? Ну, ладно, пусть будет, как записано. Остаются трое. Пожалуй, я бы отдал предпочтение Рее Сантос. Ее можно подозревать по тем же причинам, что и Ирму Дари, но как бы отраженным в зеркале. Ревность, оскорбленное чувство, озлобле-

ние. Отвергнутые женщины могут быть жестокими... Теперь биолог, – Гольберг неразборчиво написал: «Маккент Кр.». – И, наконец, – он нацарапал какую-то закорючку, – командир экипажа Глац. Вот мы всех и собрали...

...Постучав в дверь механической мастерской, доктор пропустил следователя вперед. Человека, занимавшего в списке подозреваемых второе место, они нашли у светящегося телеэкрана со щитом управления, на котором было множество различных выключателей и кнопок.

Мельхиад вращал две рукоятки и сосредоточенно смотрел на экран. Металлические щупальца манипуляторов закрывали какое-то круглое отверстие.

– Так вот они, эти знаменитые манипуляторы! – сказал Родин.

– Да, – Мельхиад отложил в сторону поляризационные очки, – я проверял атомный реактор.

– Величайшее изобретение! Что бы вы без них... Кстати, мы наткнулись на них вчера вечером у входа в базу.

– У входа?... Позвольте, я освобожу стул. Ошибаетесь, очевидно, вы видели их на холме, на верхнем плато.

– Совершенно верно, это было наверху. Сначала я испугался, но потом они меня привели в восторг. По словам доктора, они могут вдеть нитку в игольное ушко. Но он явно преувеличивает.

– Нет, отчего же? – Инженер наконец освободил стул. – Однако, я полагаю, цель вашего визита – не восхищение манипуляторами. Вы пришли из-за...

– Из-за Шмидта. Вы правы. Не могли бы вы нам рассказать что-нибудь, что пролило бы свет на его смерть. Странную смерть.

– Вряд ли. У нас не было ничего общего, и мы не очень-то дружили.

– Знаю. Но ведь вы неделями жили вместе. Когда вы видели его в последний раз?

– В субботу утром. За завтраком. Больше я его не видел, так как возился с телесистемой.

– Глац говорил о какой-то поломке.

– Да, повреждение коаксиального кабеля.

– Долго вам пришлось с этим повозиться?

– До 10:45. Исправив повреждение, я доложил командиру, что все в порядке, потом снова вернулся сюда, и, когда готовил запасные элементы к солнечным батареям, прозвучал сигнал тревоги. Я все бросил, выскочил в коридор, чуть было не сбил Глаца, и мы вместе побежали к выходу. Надели скафандры – и в шлюзовую камеру. Это все. О Шмидте я ничего не знаю.

Майор подошел к пульту дистанционного управления.

– Скажите, а почему Шмидт не воспользовался этими манипуляторами для ремонта радиотелескопа? И что, собственно, там было за повреждение?

– Какая-то мелочь. Что-то с входным кабелем. А что касается манипуляторов – то все очень просто: Шмидт не умел с ними обращаться.

– Не знаете ли вы, что могло угнетать его в последнее время? Он с вами не делился?

– Если бы я знал, то уже сказал бы вам. – Мельхиад тоскливо взглянул на полуразобранный детектор. – Кто знает, что его угнетало. Он не сказал об этом даже Ирме, я спрашивал ее.

– Нам говорили, что в отношении женщин он вел себя... несколько легкомысленно.

Лицо Мельхиада застыло.

— Это он умел. Но что касается Ирмы — тут нашла коса на камень. Знаете, она не из тех женщин.

Поблагодарив инженера за информацию, майор заглянул к Глацу.

— Маленькая деталь, командир. Нам вчера повстречались манипуляторы. И я подумал — в них же есть телекамера! Если в субботу с ними кто-то работал, возможно, он видел...

— Никто ничего не мог видеть. Манипуляторы целый день торчали у входа. Я чуть не упал, споткнувшись о них.

Доктор Гольберг с мрачным видом вошел за майором в его комнату и тяжело опустился на стул. Вытащив свой листок, он перечеркнул фамилию под номером два: имя Мельхиад исчезло под жирной волнистой линией.

— Остается еще шесть имен, — буркнул он. — Немного...

— Точнее — лишь пять, — сказал следователь.

— Что вы имеете в виду?

— Мельхиад подтвердил алиби командира. Во время тревоги Глац был в помещении. Это не вызывает сомнения.

— Правильно. — Гольберг провел третью черту и задумался над оставшимися фамилиями.

ТРАМПЛИН ВО ВСЕЛЕННУЮ

Ланге отложил в сторону таблицу кривых Планка и откинулся в кресле.

— Мое мнение о Шмидте? — Астроном на мгновение задумался. — Великолепный специалист в области связи. Это и понятно, иначе его бы сюда не послали.

– Конечно, конечно, но сейчас для меня важнее его поведение в быту, какие-нибудь черточки характера. Мы пытаемся понять – чем можно объяснить его трагическую кончину?

– Личная жизнь... Что вам сказать? Это не так просто. Меня не интересует личная жизнь других. У меня для этого нет ни времени, ни желания.

– Вы часто сталкивались с ним по работе?

– Часто. Здесь у каждого со всеми установлены тесные контакты. Иначе нельзя проводить исследования.

– А было ли что-нибудь такое, что бы вас особенно сблизило? Общие знакомые, например, или проблемы, над которыми вам обоим приходилось работать?

– Нет, ничего такого. Шмидт скорее был техником, чем ученым.

– А ваша работа... – начал майор.

– Чисто научная. Астрономическая обсерватория – главный объект базы. И не только здесь, в Радужном заливе, но и на всех лунных станциях. И это понятно.

– Ну да, Луна – это трамплин во Вселенную.

– Совершенно верно. Луна – это трамплин во Вселенную. Первый шаг человека во Вселенную ознаменовал начало новой эры человечества. Через Луну проходит путь разума в космос.

– Разума обитателей Земли, – уточнил Родин.

– Конечно. Никакого другого разума быть не может. – Голос Ланге стал ледяным.

– Вы так думаете? – Следователь в нерешительности погладил подбородок.

Доктор Гольберг заерзал на стуле.

— Я не астроном, это область науки, в которой вы, разумеется, чувствуете себя как рыба в воде, но подобная категоричность меня удивляет.

— Не вижу в этом ничего удивительного.

— Если я вас правильно понял, вы утверждаете, что никаких разумных существ с интеллектом хотя бы так же развитым, как у человека, во Вселенной не существует?

— Хотя бы как у человека... — иронически усмехнулся астроном. — Это значит, я должен допустить, что есть существа, по умственному развитию приближающиеся к человеку. Но это не так. Истина заключается в том, что во Вселенной нет никаких разумных существ, которые по уму, чувствам, поведению и техническому развитию могли бы сравниться с человеком даже эпохи неолита.

Доктор Гольберг решительно выпрямился.

— Значит, вы предполагаете, что нигде во Вселенной мы не встретим существ, находящихся на той же стадии развития, что и мы, и никогда не сможем найти с ними общего языка?

— Я не предполагаю, я твердо знаю это. Человек — единственное, исключительное явление во всей Вселенной. Он высший продукт ее развития и полновластный хозяин. Сегодня он уже находится на пороге своего господства. Он подчинит себе другие миры во Вселенной, выберет самые лучшие, и придет время, когда он будет управлять планетарными системами многих сотен ближайших звезд!

— Любопытная теория, — вежливо сказал Гольберг и посмотрел на Родину, словно ища у него поддержки, — но мне кажется, что она противоречит общепринятым взглядам.

— Я понимаю, что вы хотите сказать: Фламмарион, множество обитаемых миров и тому подобное. Чушь, сказки, спекуляция на человеческом невежестве и чувстве одиночества во Вселенной. Бредни фантастов и неучей. В древности считали, что небо поддерживает всемогущий бог, но путешественники никакого божества не нашли. Общепринятое мнение оказалось ложным. Вспомните, было время — Землю называли плоской. Но нашелся португалец, объехавший вокруг Земли, и он доказал, что Земля — шар. И этот взгляд оказался опровергнутым. Кстати, сколько лет прошло с того времени, когда верили, что на Луне обитают какие-то удивительные существа? Когда астрономия сделала еще один шаг вперед, и этой небылице нельзя было дальше верить, разумные существа были переселены на ближайшие планеты. Ну, да — смуглые, златоглазые марсиане и прочие вымыслы. А когда и из этого ничего не вышло, предсказатели взялись за планетарные системы звезд нашей Галактики и еще дальше во Вселенной! Бред, чепуха! Фламмарион и ему подобные — либо злостные обманщики, либо неисправимые мечтатели. На самом же деле разумные обитатели Вселенной — такие же сказочные существа, как циклопы на Земле. Космическое пространство принадлежит и всегда будет принадлежать лишь человеку. Нам, людям.

Куда девалось хладнокровие Ланге! Страстная речь, в глазах фанатизм, весь он словно одержимый. Следовательно посмотрел на Гольберга. На щеках доктора от возбуждения выступили красные пятна. Превосходно! Чем жарче спор, тем хуже человек владеет собой, тем легче узнать его подлинные мысли.

– По-моему, вы потеряли всякое чувство меры, – запальчиво произнес доктор, – я еще не слышал, чтобы кто-нибудь высказывал антропоцентрическую теорию в столь категоричной форме! Если встать на вашу точку зрения, человек во Вселенной – явление уникальное. И вся Вселенная существует лишь для того, чтобы служить нам, людям. И нигде в природе, в бесчисленных и далеких мирах, нет существ, могущих хотя бы приблизиться к нам по своему интеллекту. Вы это хотите сказать?

– Вот именно. – Ланге уже взял себя в руки.

– Но позвольте, – казалось, доктор испытывает почти физическую боль, – вы же лучше меня знаете, что Млечный Путь состоит из ста пятидесяти – или около этого – миллиардов звезд. И у этих звезд не знаю сколько уж там миллиардов планет! Неужели ни на одной из них не могла развиться жизнь, как на Земле? Невероятно, немыслимо, антинаучно! Вы не имеете права отстаивать подобную чепуху!

– Прошу вас, – Ланге улыбнулся холодной, высокомерной улыбкой человека, имеющего неоспоримое преимущество перед своим противником и знающего об этом, – не станем же мы ссориться, как дети. Мне тоже кажется невероятной гипотеза, что где-то, помимо Земли, развилась жизнь. И тем более в таких формах, как на Земле. Что там есть разумные существа, обладающие интеллектом, подобно человеку.

– Если подойти к вашей теории с позиций математики... – начал было доктор.

– Именно математика подтверждает мою правоту. Допустим, что при определенных условиях жизнь на не-

скольких планетах действительно начала бы развиваться в направлении усовершенствования интеллекта. Представим себе для сравнения, что длительность существования планеты Земля соответствует длительности нашей жизни. Чем, по-вашему, равнялся бы в этом случае «период существования» интеллигентного человека? Образно говоря – примерно секунде, одному мигу. А теперь представьте, какова вероятность, что два человека, каждый из которых моргнет лишь раз в жизни, сделают это одновременно! Примерно такова же вероятность, что жизнь разовьется одновременно на Земле и на планете Х. Выраженная математически, эта величина настолько ничтожна, что практически равняется нулю. Вам ясно?

Гольберг с удивлением взглянул на Родин.

– Интересно, – сказал следователь, – это что же, ваша теория, ваша точка зрения?

– В самых общих чертах и с оговорками, касающимися аргументации. Будь это научный симпозиум, я, разумеется, говорил бы иначе. Человек родился на Земле, но его миссия не жить в колыбели, а покорить Вселенную. Поэтому нигде во Вселенной не может быть разума, противостоящего нам. Мы можем лишь встретить средства, способствующие человеческому прогрессу.

– Скажите, у вас... – Родин пытался найти нужное слово, – у этой вашей теории много последователей?

– Вы хотите оценить ее по внешнему эффекту? В науке шумиха не имеет значения. Кто когда-то верил, что Земля круглая и что она вертится вокруг Солнца, а не наоборот!

– Это верно, – заметил Родин, – но мне кажется, мы уклонились от основной темы нашей беседы. Я хотел бы

вернуться к мертвому радисту. Нас, как вы понимаете, интересует время, непосредственно предшествовавшее его смерти. Вам пришлось разговаривать в этот день со Шмидтом?

— В субботу? Не помню. Возможно... впрочем, кажется, не пришлось. А если и говорил, то о чем-нибудь незначительном. Хотя да, вспомнил, мы говорили о солнечном шуме. Обменялись парой фраз.

— Это имело отношение к вашей или к его работе?

— К его. В обязанности Шмидта входила связь с Землей, лунными станциями, а также с космическими кораблями и искусственными спутниками. Качество приема, как известно, зависит от солнечной активности. Кроме того, Шмидт проводил и радиоастрономическое наблюдение.

— Ну, конечно, он не смотрел во Вселенную, он ее слушал.

Ланге улыбнулся — не насмешливо или саркастически, как прежде, а непосредственно, почти как ребенок.

— Можно и так сказать. — Во время разговора с радистом не бросилось ли вам в глаза что-либо особенное?

— Насколько мне помнится, нет.

— Не вспомните ли, где и когда вы с ним говорили?

— Постойте, когда же это было? Во время завтрака... вспомнил — в шлюзовой камере.

— И после вы уже его не видели?

— Лишь издали. По дороге к обсерватории я заметил его внизу у базы, но он тут же погрузился в тень. Номера на скафандре, мне, разумеется, различить не удалось, да я и не пытался. Но это должен был быть он, никто, кроме него, в ту сторону не шел.

— А потом?

— Я работал наверху, в куполе большого рефлектора. Изучал Кастор С.

— Кастор С?

— Это одна из переменных звезд. Но вряд ли это вас может заинтересовать. Закончив наблюдение, я спустился вниз, в фотолаборатории проявил снимки...

— Когда это было, вы не помните?

— Не помню. Спросите нашего врача, она в тот момент была в лаборатории, может быть, она вспомнит. Я обработал негативы и направился в обсерваторию. По дороге меня застала тревога.

— Вы видели ракету?

— Видел, хотя и не смотрел в ту сторону. Но красный отблеск был таким интенсивным и длительным, что его просто нельзя было не заметить. К тому же в наушниках гермошлема раздался сигнал тревоги.

— Вниз бежать нетрудно. Вы пришли вовремя.

— Как сказать. Я оказался последним. Глац и другие уже собрались. Но быстрее добраться я не мог, обрыв довольно крут, дорога едва намечена, а последнее восхождение на Матерхорн я совершил четверть столетия назад.

Родин отыскал в записной книжке радиста страничку с загадочными числами и показал ее астроному.

— Вот это мы нашли в блокноте Шмидта. Не знаете, что бы это могло означать? Как астроному, вам математика должна быть близка.

Ланге внимательно разглядывал пометки Шмидта.

— Нечетные числа. Но не только. Это простые числа. Что это может значить? Не представляю. Возможно, это

записи какого-то зашифрованного сообщения. Другое объяснение мне в голову не приходит.

— ...Фанатик! — возмущенно твердил доктор, когда они вернулись в комнату следователя. — Таких в средние века на кострах сжигали. Или такие других сжигали. Пожалуй, так вернее... Надеюсь, вы ему не верите?

— Мы должны уточнить время у Реи Сантос.

— Рея Сантос! Вы мне напомнили...

— Гольберг наклонился и заботливо ощупал щиколотку.

— Болит?

— Не переставая. Как видите, и на Луне безрассудные прыжки дорого обходятся.

— Попробуйте походить.

— Вы думаете? — Гольберг встал, сделал энергичный шаг, но тут же, скорчив гримасу, сел. — Проклятая нога. Ладно, пойдемте к Рее Сантос, она чем-нибудь поможет.

— А сами вы не в состоянии что-либо сделать?

— Не забывайте, что я занимаюсь психиатрией, майор.

— Ну что ж, в таком случае попробуйте вылечить ногу средствами вашей специальности. Я имею в виду самоушнушение, — невинно заметил Родин.

— Заведующий стоматологическим кабинетом не вырвет сам себе зуб.

— Ну, тогда пошли...

И они отправились к Рее Сантос.

— Я пришел к вам за помощью. — Казалось, Гольберг, в чем-то оправдывается. — У меня болит нога. Неудачно прыгнул. Кто бы мог подумать, что здесь...

– Хотела бы я знать, где это вы так прыгаете? Второй случай за эту неделю. Боюсь, что скоро на базе потребуются ортопед. Недавно мне пришлось просвечивать подвернутую стопу.

– В самом деле? – Родин умышленно отвернулся, стараясь избежать многозначительного взгляда Гольберга.

– Ну, конечно. Это было... Да, в субботу. В тот самый день, когда Шмидта нашли мертвым возле радиотелескопа.

– А я не видел, чтобы кто-нибудь хромал.

– А почему Юрамoto должен хромать? Через два дня доктор Гольберг тоже сможет прыгать, как козочка.

Родин огляделся.

– У вас здесь превосходное оборудование... Ну, раз уж мы заговорили об этой злосчастной субботе, не могли бы вы сказать, что здесь, собственно, произошло? Вы видели в тот день Шмидта? Разговаривали с ним?

– Нет. То есть да. За завтраком. Потом я видела его там. Но разговаривать с ним уже было нельзя.

– Что же могло случиться? Попробуйте вспомнить обо всем, что происходило в субботу. Быть может, какая-нибудь незначительная на первый взгляд деталь окажется важной.

– Боюсь, что толку от меня будет немного. Суббота ничем не отличается от всех остальных дней. Ничего особенного не случилось. Завтрак прошел, как обычно, – за столом велась ленивая беседа. Потом я пошла в ординаторскую, затем – в кабинет. Кстати, хотите посмотреть? – Она позвала Родин в соседнюю комнату. – Это химическая лаборатория и аптека. К счастью, мы ею не часто пользуемся. Здесь ни у кого еще ни разу не болела голова.

– Вернемся к субботе. Астроном Ланге утверждает, что он около получаса провел в фотолаборатории.

– Да, если не считать того момента, когда ему понадобился бромистый калий.

– И вы говорите, он ушел через полчаса?

– Да, около одиннадцати, незадолго до того, как прозвучала тревога.

– Незадолго? Минут за пять, десять, за минуту?

– Минут за восемь – десять. Кто бы мог подумать, что это последние минуты Шмидта? Невероятно! Сразу же после Ланге я тоже вышла. Когда он прощался со мной, я уже надевала скафандр. В коридоре мне встретились Глац и Мельхиад. Я прошла шлюзовую камеру и направилась в оранжеую.

– По дороге никого не встретили?

– Нет. Я только видела, как несколько раз зажглись рефлекторы ракетоплана. Вероятно, в нем был Нейман.

Казалось, Рея чего-то не договаривает, она все время настороже. Но почему? Боится сказать лишнее? Родин поднялся и извинился за беспокойство.

В комнате следователя Гольберг со вздохом вынул листок со списком подозрительных лиц.

– Вы готовитесь вычеркивать? – спросил Родин.

– Да, но кого?

– Видимо, обоих, не так ли, доктор?

– Итак, у нас остаются?..

– Маккент и Нейман – двое из тех троих, что прошли парашютную тренировку.

– И Юрамото.

– Да, Юрамото с вывихнутой стопой.

ЗЕЛЕНый ОАЗИС

Издали оранжерея напоминала гигантские мыльные пузыри, вздувшиеся над поверхностью Луны.

– Здесь нет ни одного кусочка ровного стекла, – комментировал Гольберг, – стеклянные купола должны быть очень прочными, чтобы противостоять внутреннему давлению. Под каждым куполом – одна из секций оранжереи, герметически отделенная от других.

Маккент поднялся навстречу посетителям, его глаза выдавали нескрываемое любопытство.

– Вы хотите осмотреть оранжерею? Правильно, никакая цветная фотография не передаст того, что вы сами здесь увидите. Вы интересуетесь ботаникой?

– Каждый из нас в какой-то мере интересуется ботаникой. – Майор оглядел небольшой кабинет.

Полки, на которых стояли батареи пробирок и колб. Стол с различными микроскопами и тиглями. Грядка, которая словно купалась в синем ксеноновом свете.

– Хоть я и не специалист, но, разумеется, помидоры от свеклы отличу. Однако, признаюсь, таких плодов я не видел.

– Это не помидоры, это редиска, – улыбнулся Маккент, – одно из наших маленьких чудес – результат деятельности моих предшественников. После меня продолжит опыты кто-нибудь другой. Каждый подсыпает свою горсть зерна жерновом, и в конце концов мы достигнем цели – изменения биологических особенностей растений. Мы поставим агротехнику с ног на голову.

Биолог отложил гигантскую редиску и освободил два стула, смахнув с них комья глины.

– Присаживайтесь. Вы ведь приехали сюда не на экскурсию. Видимо, речь пойдет о том несчастном случае?

– Да, и в этой связи я бы хотел задать вам несколько вопросов.

– Ну, конечно, я готов ответить, хотя и не уверен, что могу быть вам полезным. Вам уже удалось что-нибудь выяснить?

– Мы ищем кончик нити, которая привела бы нас к истине. Как по-вашему, что могло толкнуть Шмидта на столь непонятный шаг? Казался ли он вам человеком отпущенным, чем-то озабоченным?

– Нет.

– Но ведь должна была быть какая-то причина, – начал доктор, – сейчас не то время...

– Не то время?

Маккент иронически улыбнулся.

– Разумеется, техника движется вперед семимильными шагами. А наивные люди полагают, что человек также претерпел огромные метаморфозы, что его удастся втиснуть в прокрустово ложе идеального общества. Благо, по их мнению, социальные корни нежелательных тенденций устранены...

– Но по-прежнему существуют следователи и даже целая наука криминалистика, вы это хотите сказать? – перебил его Родин. – Было бы по меньшей мере легкомысленно столь упрощенно смотреть на вещи. Выращивая свои растения, вы стремитесь уменьшить потери за счет устранения вредного влияния среды. Аналогичная задача стоит и перед нами. Я согласен, что с растениями проще и быстрее, чем с людьми. Но вырастить здоровые, выносливые

растения, которые не сломает первый же порыв бури, не свалит ночной мороз, которые не боятся засухи, — для этого нужно время. Не только в природе, но и в обществе.

— Тем самым вы признаете, что и у вас есть свои не-
взгоды. И не только стихийные.

— Мы же не говорим, что наш путь устлан розами. Кстати, и у роз есть шипы. Как биолог, вы должны это знать.

— Ваша работа, — сказал Маккент, — полезна для общества. Вы кружитесь около виновного, а он об этом не знает. А может быть, и знает... нет, не хотел бы я быть в его шкуре — круг сужается.

— Наверное, это не очень приятно. — Взгляд майора был устремлен куда-то вдаль. Неясная мысль коснулась его сознания, будто слова Маккента что-то ему подсказали, но он не мог уловить этой мысли. — Однако вернемся к Шмидту. Когда вы его видели последний раз?

— Затрудняюсь сказать. Очевидно, за завтраком. Да, совершенно верно — в столовой.

— А что вы делали потом?

— Работал. Здесь, в оранжерее. Потом надел скафандр и совсем собрался в лабораторию, как вспыхнула ракета и прозвучал сигнал тревоги. Я сразу понял, с кем несчастье.

— Что вы имеете в виду?!

— Ракета вспыхнула над радиотелескопом, а там работал Шмидт. Я прошел шлюзовую камеру и побежал к базе.

— Вы никого не встретили по пути?

— Никого.

— У входа вы были первым. Не подскажите ли, в каком порядке прибежали остальные?

– Попробую вспомнить. Через несколько секунд появилась Рея Сантос. Потом из базы выбежали Глац и Мельхиад, следом за ними – Нейман и Юрамото, и наконец появился Ланге. А, собственно, вам это к чему?

– Мы хотим восстановить полную картину.

На обратном пути доктор молчал. Он заговорил, лишь сняв скафандр в комнате Родина.

– Н-да, – он покачал головой, – Маккента придется вычеркнуть. Нет сомнения, что именно он был первым у входа. Меньше чем через две минуты после появления ракеты. Никакие силы не могли помочь ему пробежать расстояние от радиотелескопа сюда, вниз, за две минуты.

– Я бы задал дополнительный вопрос, – тихо произнес следователь. – Маккент бежал от оранжереи и был у входа первым. Рею Сантос тревога застала тоже почти у оранжереи, и она прибежала второй. Интересно, не правда ли? Особенно если учесть, что они не встретились.

ДОВОДЫ ДОКТОРА ГОЛЬБЕРГА

– Итак, значит, Нейман или Юрамото. Кто бы мог подумать? – Эрза Гольберг с недоверием смотрел на листок бумаги. Из восьми имен шесть было вычеркнуто. – Знаете, даже сейчас я бы не отважился гадать, кто из двоих это сделал. Оказывается, быть гадалкой не так уж легко.

– В криминалистике не только трудно – рискованно.

– Очень рискованно. С кого же начнем... Я имею в виду – начнете?

– Пожалуй, – майор секунду колебался, – с Неймана. Идет?

– С Неймана, так с Неймана. Кое-что мы о нем знаем, то есть – чем он занимался утром. Алиби у него есть. По словам Глаца, Нейман утром находился в его кабинете. Они вместе готовили радиогамму на Землю. После окончания, примерно в 10:50, Нейман ушел. Чем он занимался потом?..

– Что я делал потом? – Нейман лениво прищурил глаза. – Направился к ракетоплану.

– Вы намеревались совершить полет?

– Да, после обеда.

– И поэтому пошли подготовить машину?

– Совершенно верно.

– По дороге встретили кого-нибудь?

– Нет.

– Этим ракетопланом, как вы его называете, можно управлять и на расстоянии?

– Конечно.

– Могли бы вы сэкономить время и проверить исправность приборов, не поднимаясь в кабину ракетоплана?

– Да, но этим я бы ничего не достиг.

– Не понимаю.

– Ракетоплан стоял рядом с радиомаяком, с которого осуществляется дистанционное управление. И поскольку я все равно был там, какое имело значение – проводить проверку с маяка или непосредственно из кабины?

– Правда ли, что Шмидт ловил сигналы с Земли?

– Да, радистов-любителей, – подтвердил пилот, – он даже посылал им открытки.

Когда они остались одни, доктор внимательно посмот-

рел на следователя. Наконец он провел ладонью по лбу, словно отирая капли пота.

— А что делать? — промолвил он. — Кто бы мог подумать! И так, все-таки Юрамото! Неужели он?.. — Гольберг покачал головой. — Но арифметика неумолима — остается он один. У всех остальных есть алиби. Надежное, стопроцентное алиби.

— А Неймана вы зачеркнули?

— Конечно. Если за три минуты до тревоги он занимался рефлекторами ракетоплана, то в 10:59 его не могло быть на холме у радиотелескопа. Так же как и Ланге... О чем вы задумались, майор?

— Ну, как бы вам получше объяснить? Меня гложет... мысль, что я забыл о чем-то важном. Что мы в чем-то ошибаемся, что-то проглядели. Я почти ухватил эту мысль во время беседы с Маккентом, но потом она вновь от меня ускользнула.

— Вы не можете что-то вспомнить?

— Вот именно.

— Ничего, — уверенно сказал психиатр, — обязательно вспомните. Стоит лишь воспроизвести весь разговор, восстановить все подробности, представить себе все визуально. Кто где стоял, выражение лица и тому подобное. И вы схватите эту мысль, что упорно скреблась в вашей памяти. А теперь пойдемте к Юрамото, последнему в нашем списке.

Сейсмическая станция, расположенная у самой подошвы обрыва, напоминала половину исполинского яйца допотопного ящера. Серо-белые стены четырьмя иллюмина-

торами глазели на плоскую долину, раскинувшуюся перед базой.

— Так вот где вы работаете, — произнес Родин, осматривая овальное помещение, — я представлял себе кабинет селенолога иначе.

Лицо Юрамото осветила приветливая улыбка.

— Это не единственное мое рабочее место. Но здесь я бываю часто. Здание построено в стороне от других помещений, так как здесь установлен один из сейсмографов.

— Здесь?

— Да, прямо под вами, в шахте. Он помогает нам слушать Луну.

— Это, верно, очень чувствительный прибор?

— Хотите взглянуть?

Да, майор хотел взглянуть. Юрамото нажал кнопку, тяжелая крышка люка поднялась. Перед ними возникла винтовая лестница, покрытая мягким ковром. Внизу, на двадцатиметровой глубине, в довольно обширном помещении — пожалуй, не меньше верхнего — в полутьме виднелся сейсмограф с высоко поднятым плечом. В подземелье скрещивались три узких зеленых луча.

— Как видите, ничего особенного. Похож на любой сейсмограф на Земле. Отраженные лучи увеличивают амплитуду малейшего колебания, которое тут же регистрируется. Самописец прибора чертит линию на равномерно движущейся бумажной ленте. Взглянуть на сейсмограмму можно наверху.

— Говорят, некоторые из этих приборов настолько чувствительны, что могут зарегистрировать даже биение человеческого сердца, — заметил Родин.

– Могут, если стоять вблизи аппарата и на твердом основании. Сейсмограф реагирует не на звук, а на колебания. Правда, каждый звук – это механическое колебание, но не каждое колебание сопровождается тем, что мы привыкли называть звуком.

Наверх поднимались молча.

– А вот здесь вычерчивается сейсмограмма. – Селенолог осветил бумажную ленту, и они увидели волнистую черту. У самого кончика самописца волны как бы лихорадочно заметались.

– Что это значит? – доктор дотронулся до защитного стекла.

– Прибор зарегистрировал наши шаги. А возможно, биение сердца.

– Несмотря на ковер?

– Да, несмотря на то что лестница и пол изолированы.

– Я с сожалением констатирую, – Родин на секунду замолчал, но морщинистое лицо селенолога было непроницаемым, – что мы не очень-то продвинулись вперед в расследовании дела. Мы хотели бы кое-что уточнить.

– Понятно. Вас интересует, не я ли убийца Шмидта.

Позже, вспоминая этот драматический момент, доктор Гольберг заметил: «Я был потрясен, майор, но вы даже глазом не моргнули. Это было великолепно наблюдать, как вы оба соревнуетесь в выдержке».

– Совершенно верно. – Родин поудобнее уселся в кресле. – Не трудно ли вам объяснить, почему вы не могли быть убийцей?

– На родине моих предков сохранилось много пословиц. Разрешите привести одну из них: «Тигр не допрыгнет до орла».

– То есть вы хотите сказать, что в момент смерти Шмидта были далеко от него?

– Наслаждение – купаться в росе, но еще большее наслаждение – говорить с человеком, который понимает тебя. Именно это я и имел в виду. В момент, когда раздался сигнал тревоги... – ...я был здесь. Именно на этом месте. Еще точнее – я только что вернулся.

– Могу ли я узнать, откуда именно?

– Снизу. Из шахты. Ежедневно до обеда я спускаюсь вниз, проверяю приборы и делаю об этом отметку.

– Значит, в критический момент вы спускались по лестнице, какое-то время проверяли сейсмограф и снова вернулись. Правильно?

– Абсолютно правильно.

– Сейсмограммы сохраняются?

– Вы хорошо знаете свое дело, полковник!

– Майор, с вашего позволения.

– Простите. Вы неплохо ориентируетесь в незнакомой обстановке. С вами приятно побеседовать.

Юрамото поднялся и подошел к ящику у стены.

– Здесь находится субботняя сейсмограмма.

Наклонясь над развернутой лентой. Родин внимательно слушал объяснения селенолога. Юрамото достал другие сейсмограммы, и майор начал сравнивать их между собой.

– Не объясните ли...

– С удовольствием. Я пришел сюда в 10:31 утра. До 10:49 (с точностью до секунд) сейсмограф ничего особенного не зарегистрировал, так как я сидел за столом и писал. Вот здесь сейсмограмма начинает отмечать мой

спуск, пребывание внизу, подъем наверх. Вот это – удар дверей в шлюзовой камере, а что означает эта линия, вы наверняка угадаете...

– Удаляющиеся шаги.

– Да, когда я бежал к базе. Эти вот незначительные, неравномерные отклонения я бы отнес за счет людей, бежавших к радиотелескопу, и переполоха, вызванного первым убийством на Луне.

Родин поднял глаза и посмотрел на Гольберга – в глазах доктора мелькнули изумление и растерянность. Он снова повернулся к Юрамото.

– Это похоже на алиби.

– Нет, – улыбка селенолога была очень дружелюбной, но в ней чудилось сочувствие, – это и есть алиби.

– Вы так думаете?

– Твердо знаю.

– Я буду откровенен, профессор, вы, вероятно, поймете меня. Мне нужна полная ясность. А что, если это не субботняя сейсмограмма? Что, если на ней заранее или позднее было что-нибудь подрисовано?

– Должен вас разочаровать, майор. Мое алиби неоспоримо. Я уже говорил, что ленту обычно меняю в полдень. На это уходит немного – всего две-три минуты. Но это значит, что мы ежедневно теряли бы эти несколько минут. Во избежание потери времени с 10:50 до 12:10 самописцы одновременно записывают сейсмограмму на две ленты.

Селенолог развернул перед майором обе ленты. Он прав. В этом не оставалось ни малейшего сомнения. На субботней ленте действительно были зарегистрированы те же колебания. Они неопровержимо доказали алиби Юрамото.

– Еще два вопроса, если позволите, – устало сказал следователь.

– Кто даст напиться путнику, сам не будет страдать от жажды. Но у верного ли вы источника, майор?

– Не сомневаюсь. Итак, первый вопрос: почему на сейсмограмме не зарегистрирована тревога? Точнее, выстрел из ракетницы?

– Потому что сейсмограф не реагирует на свет.

Снова этот скрытый сарказм в словах Юрамото. «Не начинают ли у меня сдавать нервы, не поддаюсь ли я раздражению?»

– А ударная волна распространяющихся газов, возникшая при выстреле, была слишком слабой, – продолжал селенолог. – Что же касается сотрясения, которое приборы отметили в критический момент, то это, возможно, отдача. Тело перенесло этот, разумеется ослабленный толчок, на лунную поверхность.

– А почему вы говорите – возможно?

– Потому что отклонение слишком сильное, а радиотелескоп сравнительно далеко. Скорее это все-таки удар или прыжок вблизи от базы. Я затрудняюсь это объяснить.

– Вы сказали – прыжок?

– Да, прыжок или падение с большой высоты.

– Благодарю вас. И последнее – почему вы решили, что Шмидт убит?

– Совестно признаться, майор, но я понял это довольно поздно. Лишь увидев доктора, бегущего к радиотелескопу, я подумал, что, похоже, вы пытаетесь воссоздать картину убийства, и тут я прозрел. Как это сразу не пришло мне в голову! Ведь будь это самоубийство, в скафандре Шмидта

не могло быть двух пулевых отверстий. Первый же выстрел оказался бы для него смертельным. И тогда я вам сказал, что преступник мог не бежать по серпантину, а спрыгнуть.

— Вам не приходит в голову, кто мог быть в этом замешан?

— Не имею ни малейшего представления, майор. Могу сказать лишь одно: кто бы ни был убийца, нервы у него железные. Ведь, как только вы прилетели, он должен был понять...

— Вспомнил! — Следователь резко повернулся к доктору. — Вспомнил, о чем я подумал, когда мы были у Маккента. Но эта мысль тут же выскочила у меня из головы и я никак потом не мог ее воскресить. «Вы кружитесь около виновного, — сказал Маккент, рассуждая о нашей работе, — а он об этом не знает. А может быть, и знает... нет, не хотел бы я быть в его шкуре — круг сужается». Но, очевидно, вас это совсем не интересует. — Родин обернулся к селенологу.

— Жаль каждой росинки, которая не освежит цветка.

— Хорошо. Что мы выигрываем, делая вид, что речь идет о самоубийстве? Ничего, больше того, проигрываем. Ведь преступника не обманешь. Скрытность — на руку убийце. Я скажу об этом всем утром. Не буду навевать страшных снов.

Юрамото проводил гостей до дверей шлюзовой камеры.

— Гости из дому — печаль на порог.

Снаружи было тихо, холодно, неприветливо.

— Кажется, мы безнадежно влипли. — Вопреки отпеча-

танной и собственноручно подписанной инструкции «Как обращаться со скафандром» доктор отфутболил шлем в угол комнаты. — Смотрите, — с горечью добавил он и перечеркнул последнюю фамилию в своем блокноте. — Так! А теперь, быть может, пройти весь список заново?

— А почему бы и нет? — Родин сунул руку в карман, но тут же безнадежно махнул рукой: что за идея — запретить на Луне курить! — Начнем с Глаца. С 9:00 до объявления тревоги он находился на командном пункте, у стены с телеэкраном.

— Дальше!

— Что касается инженера Мельхиада, то Глац, Ирма Дари и Рея Сантос подтвердили его алиби около 10:50.

— Перейдем к самой Ирме. До 10:50 она была у Глаца, потом вернулась на узел связи и наладила радиосвязь с Землей. Ее корреспондент утверждает, что около 11:00 она отвергла его радиокомплименты. Следовательно, в этот момент она не могла быть у радиотелескопа.

— Ланге?

— Тот, кто вознес человека до уровня бога! У него алиби примерно с 10:30, когда он вошел в фотолабораторию.

— Маккент? — Биолог оказался у входа первым. По видимому, он появился там в 11:01, не позднее. За две минуты он не мог пробежать от радиотелескопа до базы, даже если бы прыгнул с обрыва.

— Кто же остался?

— Нейман, который за несколько минут до тревоги включил прожектора ракетоплана. Это подтвердила Сантос. Никого, кроме этих восьми, здесь не было. И тем не менее Шмидт убит.

ЧЕТВЕРГ: ЗАВТРА НАСТУПИТ РАССВЕТ

Родин и Гольберг пришли к завтраку последними. Им достались места в конце стола.

– Что это вы так торжественно, – Ирма Дари улыбнулась Гольбергу, – будто готовитесь произнести...

Она не закончила. Родин окинул взглядом сидящих за столом. Рея Сантос подперла голову руками, задумчиво глядя на доктора. Ирма Дари подчеркнуто тщательно намазывала масло на хлеб. Феликс Ланге отсутствующим взглядом уставился в потолок. Пилот Нейман потихоньку жевал. На лице Юрамото не отражалось ничего, кроме учтивости. Пальцы Мельхиада быстро вращали чайную ложечку. Во взгляде командира чувствовалось беспокойство.

– Разрешите? – Майор взял чашечку. – Благодарю. Да, я должен кое-что вам сообщить. Это мой долг, хотя и не очень приятный.

– Это касается Шмидта? – Маккент подвинул стул поближе к следователю.

– Да, это касается Шмидта. Неопровержимо доказано, что Михаль Шмидт не мог сам в себя выстрелить. Его убили. Доказательства? Я полагаю, достаточно веские. В Шмидта выстрелили дважды. Первым выстрелом пробило скафандр, и радист мгновенно погиб – в ничтожную долю секунды наступила разрывная декомпрессия и молниеносная гипоксия. Спрашивается, каким образом он мог вторично нажать курок?

Тишина, тяжкая, почти осязаемая, повисла в столовой. Ее нарушил резкий хруст – это Нейман разломил сухарик. Ирма вздрогнула.

– В момент убийства поблизости никого, кроме членов вашего экипажа, не было. Очень жаль, но я вынужден сказать: один из вас – убийца.

Голос майора звучал спокойно, деловито, и все же он вызвал тягостное молчание. Ирма зябко передернула плечами. Рея Сантос бросила на нее быстрый взгляд. Маккент переводил взгляд от одного к другому. Мельхиад бешено крутил ложечку. И только Нейман, который все это время посвятил завтраку, деловито вытер губы салфеткой.

– Ваши доводы, майор, крепко сшиты логикой: кто-то из нас убил Шмидта. Но кто, кто мог это сделать, если все мы были в других местах? – допытывался Маккент.

– Это покажет дальнейшее расследование.

– Вы уверены, что найдете преступника?

– Абсолютно уверен.

Снова воцарилась тишина. Только быстрые взгляды на миг останавливались то на одном, то на другом. Кто? Как? Из-за чего? И снова – кто? Яд недоверия, вкравшийся в группу из восьми человек, начал свою разрушительную работу. Нейман встал, отодвинул тарелку и повернулся к Глацу.

– Пойду-ка проверю двигатель.

И сразу напряжение спало. Ланге посмотрел на часы: 9:15.

– Не так уж много все это заняло времени.

– Немного, – согласился Юрамото. – Но тонущему и миг кажется вечностью.

ПОДРУБЛЕННЫЙ СУК ОПАСЕН

— Ну, какое впечатление? — Майор вопросительно поднял бровь. Гольберг заговорщически оглянулся на дверь.

— Да никакого. А вы как считаете?

— Согласен.

— А ведь как хорошо все было продумано! Ну, что делать! Все реагировали именно так, как мы и ожидали. И говорили так же. Но я заметил...

— ...что Ирма Дари не проронила ни слова? — закончил следователь.

— Это естественно — ведь Шмидт был ей близок. Неудивительно, что она относится к его смерти не как к задаче на сообразительность.

Вошел Глац.

— Я все по этому делу. — Он грузно опустился в кресло. — Раз все так запутанно, может, вам понадобятся дополнительные сведения. Не стесняйтесь, спрашивайте без всяких церемоний. Убийство... — Он словно постарел за эти минуты. Морщины на лице углубились, в глазах появилась усталость. — Я все время ищу решение, что-нибудь, что объяснило бы его смерть без... без...

— Без вмешательства со стороны ваших сотрудников, — закончил майор. — Боюсь, что это занятие бесполезное. Вы блуждаете в темноте. А нам нужен яркий свет. Целая батарея прожекторов — новые показания, самые различные сведения. Мы будем задавать вопросы, и много. Но сначала я попытаюсь изложить вам некоторые наши выводы. Возможно, вы обнаружите в них уязвимые места.

Глац молча кивнул.

– Начну с того, что не вызывает никаких сомнений. Шмидт был убит, это бесспорно. Второй бесспорный факт: убийца – один из членов экипажа. Все остальное сомнительно, и это надо воспринимать до известной степени критически. Убийца допустил по меньшей мере две ошибки. Во всяком случае, нам они кажутся ошибками.

Командир невидящим взглядом смотрел куда-то вдаль.

– Вы имеете в виду два выстрела – и оба смертельных?

– Да. Это была техническая ошибка. Но есть еще чисто психологический просчет. Ведь Шмидт абсолютно не пригоден для роли самоубийцы. И меня не оставляет мысль: почему такой умный убийца столь наивно инсценировал самоубийство?

– По-вашему, – Глац доверительно наклонился вперед, – план убийцы нарушило какое-то непредвиденное обстоятельство?

– И мы оказались свидетелями вовсе не той картины, которую должны были увидеть? – добавил Гольберг. – Кто знает, может, она и самому автору показалась удивительной.

– Автору... – Глац, внимательно следивший за ходом мыслей своих собеседников, лишь беспомощно покачал головой.

– Надо попытаться найти то, о чем преступник заранее не мог подумать и что нарушило его план. Предположим, что Шмидт погиб в тот момент, когда у кого-нибудь из вас не было бы алиби. Мог ли убийца заранее знать, кто где будет находиться в определенный момент?

– В момент смерти Шмидта? Пожалуй, мог, хотя весьма приблизительно.

– Безусловно, мог – благодаря ежедневному распорядку работы, о котором оповещаются сотрудники базы. В принципе распорядок соблюдается, но, естественно, бывают исключения. Не было ли такого исключения в момент смерти Шмидта? Было. Один сотрудник находился не там, где должен был быть по графику.

– Мельхиад, – выдохнул Глац.

– Да, Мельхиад. Как должна была выглядеть картина, будь все по плану? Тревогу объявили в 10:59. У всех было бы точно такое же алиби, как и сегодня, за исключением инженера. Он добрался бы до базы не раньше чем за десять – пятнадцать минут. Или вынужден был бы подняться на холм с другой стороны, и тогда все прибежавшие к месту тревоги увидели бы его у трупа Шмидта. Ведь в момент смерти Шмидта Мельхиад должен был проверять солнечные батареи неподалеку от радиотелескопа.

У командира пересохли губы.

– Правильно...

– Итак, если бы все шло согласно расписанию, то у нас был бы определенный выбор: или признать самоубийство, или убийство. Убийство? У кого имелись основания для убийства? У Мельхиада. Из ревности, так как Шмидт ухаживал за его невестой. У кого нет алиби? У Мельхиада. Скажите, будь все так, как я нарисовал, возникло бы у кого-нибудь сомнение, что произошло убийство?

– Вряд ли.

– А истинный убийца тем временем исподтишка посмеивался бы, пробормотал Гольберг.

– Если только убийцей не был бы сам Мельхиад, – добавил следователь.

– Но это исключено! – воскликнул Глац.

– А почему? Известны случаи, когда настоящий преступник пытался запутать следствие уликами, достоверность которых затем не подтверждалась. Ложную версию отбрасывали, и он рассчитывал, что к ней больше не вернутся. Но мы отвлеклись. Если допустить гипотезу, о которой мы только что говорили, то убийца придумал действительно весьма хитроумный план, но судьба посмеялась над ним, он сам подрубил сук, на котором сидел. Он вывел из строя телевизионную систему, опасаясь случайных свидетелей преступления, но не учел, что именно Мельхиаду придется чинить кабель. Итак, убийство совершено, а убийца не найден и некого даже подозревать.

– Настоящий лабиринт.

Взгляды Родина и Гольберга встретились.

– Да, в известном смысле слова лабиринт, – подтвердил Родин, – но трагический лабиринт. Совершено преступление. И, оказывается, никто не мог его совершить. У каждого есть алиби, подтвержденное показаниями других или же приборами. Но это значит, что у нас неверный угол зрения. Должен же у кого-то из вас быть ключ, который может открыть заржавевший замок!

Глац с минуту смотрел Родину прямо в глаза.

– Нет, – устало произнес он, – я действительно не знаю, чем бы... – Он не окончил.

– Возможно, вы просто не осознаете значения той информации, которой располагаете, – вмешался Гольберг. – Попробуйте вспомнить обо всем, что хоть как-то могло вас насторожить.

– По-моему, – начал командир, – я рассказал вам все.

Нет ничего, о чем бы я не упомянул, разве только какие-нибудь ничтожные подробности, которые не имеют ничего общего с убийством.

– Например?

– Ну, вроде того, что на командный пункт в субботу утром все время заходил Мельхиад: он сверлил какие-то отверстия в стене, где установлены телеэкраны. Он еще справлялся, не мешает ли нам работать... Кроме того, я разговаривал с Реей Сантос.

– Лично?

– Нет, по телефону. Я звонил после десяти, потому что не мог разобрать ее записей, она пишет, как курица лапой. Об этом я уже подробно рассказывал.

– Ну, а что бы вы могли еще нам сказать?

– Еще? Не понимаю.

– Постарайтесь припомнить какую-нибудь деталь, характерную для другого момента. Факты. Может, вы хотели бы дополнить характеристики членов экипажа.

– Возможно, вас интересует такая деталь, – начал Глац с некоторым колебанием, – мне трудно об этом говорить. Я скрыл, вернее, не стал тогда говорить о патологическом любопытстве Маккента. Он не только все фотографирует, обо всем выпрашивает – это, видимо, не укрылось и от вас, но – мне неприятно об этом говорить – занимается также слежкой. Я сам видел, как он подслушивал у дверей комнаты Шмидта.

– Когда это было? Вы помните дату?

– Это было... Да, в среду утром.

– А что, если настоящий Ланге спрятан где-нибудь в Париже, а Юрамото в Гонолулу? А что, если Маккент – не

Маккент? – вполголоса произнес Родин. – Если этих людей подменили? Кто-то пробрался сюда, на лунную станцию, и выдает себя за астронома или биолога. Как вы на это смотрите?

– Но это же абсурд! – раздраженно воскликнул Глац. – Наши люди давным-давно знают этих ученых! По международным конференциям и симпозиумам. Это исключено!

На Луне сила притяжения в шесть раз меньше, чем на Земле. Но когда Глац уходил из комнаты, он ступал тяжело.

БЕЗ СВЕТА НЕТ ТЕНИ

Рассеянный, мягкий свет упал на спокойное лицо Уго Неймана, стоявшего в дверях.

– Мне предстоит еще кое-что сделать, поэтому я хотел, чтобы вы скорее закончили, – легкая улыбка скрасила неприятные слова, – этот вопрос.

– Вопрос? – Майор пододвинул пилоту стул. – Значит, восемь подозреваемых – восемь перекрестных вопросов?

– Но вы же именно это имели в виду, не так ли? Теперь один за другим мы будем приходить сюда.

Гольберг задумчиво провел рукой по подбородку, словно решая, стоит ли ему вмешиваться в разговор.

– Вы же понимаете – майор не имел в виду настоящего вопроса.

– Разумеется, – подтвердил следователь.

– Я так и понял, – согласился пилот, – но, вероятно, вы все же захотите о чем-то спросить, раз уж карты открыты...

– Я убежден, – прервал его майор, – что существуют какие-то мелочи, детали, известные кому-то из вас, которые могут вывести нас из тупика. Но что это может быть? И как отыскать их среди обычных, повседневных наблюдений?

– Понятно. Мне сейчас вспомнился один разговор, который произошел в прошлую среду или четверг. Я говорил с Шмидтом в узле связи. Он был весьма рассеян, перед ним лежал открытый блокнот с какими-то числами. «Что это вы занялись головоломками, от нечего делать? – спросил я его. – Надеюсь, вам здесь не скучно?» – Бедняга Шмидт усмехнулся и сказал: «Головоломки? Вряд ли, хотя и задали они мне задачу». И он посмотрел на меня, как на пустое место.

– Отсутствующим взглядом, – уточнил доктор.

– Вот именно.

– Видимо, у него было нарушено управление вниманием, ибо...

– Ну, конечно, – подтвердил майор, – иначе и быть не могло.

В глазах Неймана мелькнула улыбка, и Родин вдруг подумал, что этот медлительный, флегматичный человек чем-то очень привлекателен. В его медлительности чувствовалась основательность, в спокойствии – уверенность. Родин протянул ему раскрытый блокнот Шмидта.

– Да, это его заметки. – Нейман полистал странички. – Кто бы мог подумать, что все это так окончится? Бедняга Шмидт. – Пилот снова взглянул на числа. – Пожалуй, это они. Держу пари, что это те самые числа.

– Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно — нет. Но если это не те числа, что я тогда видел, то очень на них похожие. Вот все, что я хотел сказать...

Едва за Нейманом закрылась дверь, доктор вскочил с места и возбужденно забегал по комнате.

— Выходит, радист Михаль Шмидт занимался деятельностью, о которой здесь, в Радужном заливе, никто и не подозревал! И это не какая-нибудь невинная забава, не связь с любознательными радиолюбителями! Вот почему он был озабочен! Он же признался Нейману, что ломает над чем-то голову! Возможно, это связано с его смертью?

— Исключить этого нельзя.

— Но есть еще вероятность, — продолжал Гольберг, — Шмидт вовсе не был ни с кем связан, а, наоборот, сам о чем-то узнал. А что, если эти числа являются тайным сообщением, которое он стремился расшифровать? И поэтому он должен был умереть — как нежелательный свидетель?

— Мне эта мысль тоже приходила в голову, — отозвался майор.

— И еще. Если эти числа действительно как-то связаны со смертью Шмидта, то Нейман ничего общего с убийством не имеет. Ибо в противном случае он не обратил бы на них нашего внимания.

— А что, если он сделал это умышленно, в надежде выпытать, что нам известно?

— Хорошенькая работенка. — Доктор взлохматил свою весьма жидкую шевелюру. — Фактов практически нет, а те, что есть, можно истолковать двояко. К тому же... А вот и следующий!

Смущенно улыбаясь, в комнату вошел Юрамoto.

— Я ненадолго. — Селенолог присел на краешек стула. — Ведь река уносит грязь лишь в одном направлении. Как и река времени.

Родин мельком взглянул на часы.

— Верно. Время нас действительно поджигает. Ведь до смены экипажа станции Радужного залива осталось совсем немного — это время скоро будет измеряться часами.

— И вы предполагаете до смены закончить следствие?

— Обязан, ибо на Земле эта ваша река унесла бы с собой слишком много важных улик.

— Да, кстати, — встрепенулся Гольберг. — Вы мне напомнили. Река... форель... Простите!

— Каждый цветок тянется к солнцу. — Селенолог посмотрел на смущенного доктора. — Вы уже подумываете о возвращении?

— Конечно. Но, разумеется, лишь после того, как это дело будет... закончено.

— А пока конца не видно. Жаль. Но, как известно, последняя капля переполняет чашу. Я раздумывал над вашими словами, майор. И вспомнил об одной мелочи, которой сначала не придал никакого значения. Но сейчас, для полноты картины, мне кажется, она пригодится. В ту субботу я по телефону разговаривал с Шмидтом. Незадолго до его смерти. Не исключено, что я был последним, кто слышал его голос.

— В самом деле? Это интересно. Вы говорите, по телефону...

— Да. Он позвонил и спросил, не у меня ли случайно Мельхиад. У меня его не было. Весь разговор состоял из нескольких слов.

– Несколько слов, – задумчиво повторил майор. – Когда это было?

– В 10:49 утра.

– Не показался ли вам вопрос Шмидта странным? Необычным?

– Нет. Определенно нет.

– А его голос?

– Тоже нет.

– Часто вам задают подобные вопросы?

– Иногда, майор, время от времени.

– Шмидт и раньше спрашивал вас о чем-нибудь по телефону?

– Кажется, нет. Нет, никогда.

Юрамото встал.

– Одна молния может озарить путнику дорогу. Мне бы хотелось, чтобы мое скромное сообщение помогло вам.

– Что у вас с ногой?

– Пустяки, – отмахнулся Юрамото, – не стоит вашего драгоценного внимания, хотя и участие согревает, подобно весеннему солнцу. Когда в ту субботу мы бежали к радиотелескопу, я оступился, вывихнул сустав и еле доковылял назад. Но теперь все прошло. И меня ничто не беспокоит.

– Если бы мы могли сказать то же самое, – пробормотал Гольберг. – Это блуждание в потемках... – Он не закончил.

– Без света нет тени, – уходя, улыбнулся Юрамото, – так говорили наши деды. И чем больше вдумываешься в старые пословицы, тем больше находишь в них мудрости.

ПОДПИСЬ ПРЕСТУПНОЙ РУКИ

— Без света нет тени. — Гольберг озабоченно покачал головой. — Это всем известно. Возможно, в словах селенолога есть какой-то скрытый смысл, но как до него докопаться?

— Вас только это заинтересовало? — спросил Родин. — Представьте себе. Однажды он нам уже помог таким образом — помните? Когда речь шла о том, сколько времени занимает дорога от радиотелескопа до базы. Кто знает — вдруг он снова хочет о чем-то нас предупредить?

Стук в дверь прервал их разговор. На пороге появился астроном Ланге. Нет, ничего нового он не вспомнил. Но, возможно, какая-нибудь подробность всплывет во время разговора сейчас, когда к версии о смерти Шмидта относятся иначе.

— Хорошо. — Родин помолчал. — Так вы утверждаете, что были одним из последних, кто говорил с Шмидтом. У шлюзовой камеры, верно? О каких-то пустяках, кажется, о солнечном шуме. Так ведь? Не могли бы вы припомнить какие-нибудь подробности?

Астроном задумчиво посмотрел на следователя.

— Насколько я помню, Шмидт жаловался, что в последнее время солнечный шум усилился. По его словам, в четверг ему еще удалось поймать несколько любительских станций, но вчера, он имел в виду пятницу, помехи сильно возросли.

— Не показалось ли вам, что этот факт его очень расстроил?

— Ну, нет. Немного огорчил, конечно, ведь наше пре-

бывание на Луне заканчивается, и для него каждый час хорошей слышимости имел значение.

Родин взял в руки записную книжку Шмидта и начал ее перелистывать.

— У меня не выходят из головы эти загадочные числа.

— Я помню. Этот код...

— Значит, вы убеждены, что это код?

— Ну, зачем же так категорично? Просто полагаю, что это вероятно и вполне правдоподобно. Впрочем, нельзя исключить и другие варианты. Как знать — может, это пометки, связанные с каким-то опытом?

Между тем майор нашел нужную страницу, долго смотрел на нее и наконец недоуменно пожал плечами.

— Тут уж, видимо, мы действительно ничего не узнаем. А может быть, Шмидт стоял на пороге какого-нибудь важного открытия? Впрочем, здесь еще целый ряд записей. — Он перевернул несколько страничек, но тоже ни о чем не говорящих. Несколько названий звезд, и одно — Альфа Орла — подчеркнуто.

— Знаете, Ланге, я много думал об этой вашей теории, — сказал вдруг Гольберг, и в его словах послышался вызов.

— В самом деле? — Голос астронома прозвучал холодно, почти враждебно, будто он был настороже и взвешивал, не поднять ли брошенную перчатку. — Вы, верно, нашли новые убедительные доводы против нее, — добавил он иронически.

— Отчего же, я просто вспомнил о старых. Если не возражаете, мне хотелось бы кое-что уточнить.

Ланге молча кивнул.

— Вы утверждаете, будто человек является единственным разумным существом...

– Нет, я этого не говорю.

– Простите. Я забыл о разумных обезьянах. Итак, человек является единственным существом во Вселенной с высокоразвитым интеллектом. Этим предопределено, что человек покорит Вселенную и станет ее господином.

– Разумеется, интерпретация весьма упрощенная, но это неважно. Да, в принципе будет именно так, как вы говорите.

– И вы, вероятно, предполагаете, что когда-нибудь человек покинет Землю и земная цивилизация погибнет.

– Конечно. Ведь все течет, все изменяется, все, кроме времени и пространства, имеет начало и конец. Даже звезды не вечны.

– А человек?

– Он будет существовать всегда. К тому времени, когда погибнет Земля, человечество распространится по всей нашей Галактике.

– По-вашему, жизнь – это величайшая редкость? Единственная и неповторимая болезнь материи?

Ланге укоризненно посмотрел на Гольберга.

– Не болезнь, а высшая форма. Действительно единственная и неповторимая.

– Но ведь вы сами себе противоречите! Вы же говорите – возникновение высокоорганизованных форм жизни – редчайшая случайность, которая может возникнуть во всей Галактике один раз в миллиарды лет.

– Это бесспорно, так как математически доказано.

– Допустим. Но, с другой стороны, вы пророчите человечеству вечное существование. Значит...

– Да, вечное. Но лишь в одном направлении временной оси.

— Понятно. Человечество не вечно в полном смысле слова, так как был такой период, когда оно не существовало. Оно возникло, развивается и будет вечным в будущем. Так?

— Да, так.

— Допустим. Но если человечество вечно, то условия для возникновения высших форм жизни будут появляться несчетное число раз, ибо бесконечность, деленная на несколько миллиардов, все равно остается бесконечностью. Значит, согласно вашей теории, в течение нескольких миллиардов лет могут возникнуть другие космические цивилизации? Как же вы, ученый, можете априори утверждать, что ни одна из этих цивилизаций в интеллектуальном отношении не обгонит людей и не ниспровергнет их до уровня своеобразных галактических человекообезьян? А что, если именно в этот момент, за тысячи световых лет от нас, происходит деление клетки и существа, которые появятся в результате этого процесса, превзойдут нас по своему развитию! Почему вы думаете, что, кроме человечества, не могут появиться интеллектуально более развитые существа, у которых творческий гений человека сочетается со скоростью расчетов электронно-вычислительных машин! Заметьте, в этих своих гипотезах я не выходил за рамки вашей теории.

— Они не могут появиться! — Астроном стукнул кулаками по ручке кресла. — После человека, по крайней мере в этой Галактике, никаких развитых существ более появиться не может.

— Почему?

Доктор застыл в позе рыболова, склонившегося над удочкой в тот момент, когда дернулся поплавок.

— Да потому, что человек приспособит физические и другие условия на космических объектах для своих биологических потребностей. Экосфера человечества не может быть экосферой для других существ, за исключением полезных для человека животных.

— А не кажется ли вам, что это слишком жестокое и своевольное решение? — Доктор невольно повысил тон. — По какому праву вы так рассуждаете? Ведь выходит, что человечество затормозит развитие всех других форм жизни, умышленно закроет им путь к более высокой организации! Выходит, люди сделают это сознательно и обдуманно?

— А почему бы нет? Что вас так удивляет?

— Так, по-вашему...

— Позвольте. Мы эксплуатируем моря в такой мере, как считаем это выгодным для себя. Не правда ли?

— Да, — нерешительно подтвердил Гольберг.

— Разве мы считаемся с тем, что это наносит ущерб дельфинам?

— Почему именно дельфинам? — удивился майор.

— Доктор в свое время изучал биологию, он подтвердит, что мозг дельфина в какой-то степени сходен с мозгом человека. Я повторяю, считались ли мы с этим фактом? Разве мы заботимся о том, что своей хищнической деятельностью в океане препятствуем интеллектуальному росту дельфинов, тому, чтобы они создали общество мыслящих, способных к творчеству существ?

Гольберг кусал губы, на его щеках перекатывались желваки.

— А что, если эта ваша теория верна, но в смысле, про-

тивоположном тому, какой мы, точнее, вы в нее вкладываете?

– Выражайтесь яснее.

– По вашим словам, в нашей Галактике существует одна-единственная цивилизация и никакой другой поблизости быть не может. Представьте себе на минуту, что мы не та, настоящая, а другая, лишняя цивилизация. Не та, которая будет тормозить развитие других, а та, *которую* будут тормозить!

– Это исключено, – холодно произнес Ланге.

– Почему? Где доказательства, что я не прав?

Послышалось чье-то деликатное покашливание. В дверях показалась Рея Сантос.

– Простите, что помешала научной дискуссии, но...

– Это не дискуссия, научной она, во всяком случае, не была. – И Ланге бросился к дверям.

– Я бы попросил! – вслед ему крикнул доктор сорвавшимся голосом. Махнув рукой, он вытащил платок и отер лоб.

– Вы знаете, о чем я подумал? – обратился Родин к Рее. – Мне кажется, это не первая столь горячая дискуссия в Радужном заливе. Не припомните ли вы, спорил когда-нибудь Ланге с кем-либо из членов экипажа? Скажем, со Шмидтом?

– Со Шмидтом нет, тот не любил спорить. Но с Маккентом спорил, и неоднократно.

– Спорил или ссорился?

– Как вам сказать? Маккент, разумеется, не дразнил его умышленно, но любопытство и замечания биолога, видимо, казались Ланге провокационными.

– Я уже вторично слышу о чрезмерном любопытстве Маккента.

– Мне неприятно об этом говорить, – продолжала Рея, – но я не вправе скрывать. Я сушила пленку в фотолаборатории, дверь была полуоткрыта, и я заметила, как в комнату зашел Маккент. Он принялся ворошить медицинские карточки, а одну из них разглядывал особенно внимательно. Это была карточка Шмидта. Видимо, мне сразу надо было войти и дать ему понять... Но я не могла. Мне было стыдно. За него.

– Понимаю. А что, по-вашему, могло его заинтересовать? Делал он какие-нибудь пометки?

– Нет. Положил карточку на место, повернулся и вышел.

– Он действительно рассматривал карточку Шмидта? Вы не ошиблись?

– Это была карточка Шмидта. Они лежат по алфавиту. Шмидта – последняя.

– Когда это случилось?

– В пятницу после обеда. Накануне смерти Шмидта.

– В пятницу... Я бы хотел задать вам еще вопрос. Когда в субботу, незадолго до тревоги, вы поднимались в оранжею, вам не встретился Маккент?

– Маккент? Нет.

– А по его словам, он был у входа первым. Если вы его не встретили, значит, он должен был прибежать откуда-то из другого места.

– Конечно.

– Вы не заметили, откуда он появился?

– Не помню. Когда я прибежала к базе, он уже был

там. Мне как-то не пришло в голову спрашивать, где он был до этого. А в чем дело?

– Так, мы просто проверяем...

– Смотрите-ка, целый арсенал! Вот это был бы фейерверк!

Глаз подошел к столу с двумя гроздьями сигнальных пистолетов в руках.

– Здесь все – двадцать две ракетницы. И у каждой бирка. Где будем их проверять?

– Где-нибудь снаружи.

В присутствии врача, командира экипажа и доктора Гольберга следователь двадцать два раза выстрелил в лунную поверхность. Двадцать два раза вспыхивало едва заметное пламя. Двадцать два раза майор чувствовал отдачу, но не слышал выстрела. Да, на Луне другие акустические условия, другие условия для распространения волн... и совершения преступлений. В лаборатории следователь двадцать два раза склонялся над микроскопом и наконец отложил в сторону ракетницу. Ту, что была найдена возле трупа Шмидта. Из нее были выстрелены все три ракеты.

– Фальшивка, трюк, обман! – Глаза Гольберга горели от возбуждения. Неплохо придумано, одно колесико цепляется за другое! Шмидту приписывали самоубийство, и действительно все три выстрела произведены из его ракетницы.

– Из его ракетницы? – переспросил Родин.

– То есть, – заколебался доктор, – из пистолета, найденного у трупа. Вы правы, это не обязательно должен был быть пистолет Шмидта. Но ничего, не будь тут кое-

каких неясностей, я бы, пожалуй, отважился сказать, кто из него трижды выстрелил.

Родин несколько раз подкинул на ладони пистолет.

— Кто же?

— Тот, кто упорно лжет! Почему он не сказал нам, где был в критический момент и откуда прибежал к базе? Видимо, потому, что не может объяснить, где был, ибо камуфляж с самоубийством провалился. То, что он лгал, это ясно. Что он нам говорил? Что надевал скафандр и собирался идти в лабораторию, но в этот момент взвилась ракета и в гермошлеме раздался сигнал тревоги. «Я сразу понял, что случилось, — сказал он, — ракета загорелась над радиотелескопом. А там работал Шмидт...» Затем он якобы прошел шлюзовую камеру и побежал к базе...

Родин снова посмотрел в микроскоп:

— А вы уверены, что кто лжет, тот и убивает? В таком случае человечество давно было бы истреблено. Возможно, у Маккента для этого камуфляжа была другая причина. И, кроме того, как он практически мог это сделать? В 10:53 Нейман заметил его в оранжерее. За шесть минут Маккент не мог добраться до холма. Но даже если бы и смог, то каким образом он через две минуты оказался у базы?

Гольберг взъерошил шевелюру.

— Вот это-то меня и смущает. Тогда зачем же, черт побери, ему понадобилось подслушивать у дверей Шмидта? Зачем он копался в его медицинской карточке? Накануне убийства!

— Все это так, но скажите, к чему убийце знать, какой группы у Шмидта кровь, какое давление, болел ли он в

детстве и какими болезнями и так далее и тому подобное?

— Не знаю. Но разве у нас недостаточно улики для обоснованного подозрения!

— Для подозрения — да. Что же касается обоснований, это мы еще увидим. Посмотрим, что он нам скажет.

ЧРЕЗМЕРНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

Мельхиад стал извиняться еще с порога.

— Я хотел зайти сразу после завтрака. Но вряд ли я могу быть вам полезным, я ровным счетом ничего не знаю.

Он действительно не припоминает ничего заслуживающего внимания. Испорченный кабель? Он же все сказал. Да, разумеется, кабель мог быть испорчен преднамеренно. В свете новых обстоятельств это вполне правдоподобно. Но по характеру поломки такого вывода сделать нельзя. Заметил ли он на кабеле отпечатки пальцев? Во-первых, это невозможно определить, во-вторых, ему и в голову не пришло ничего подобного.

В конце разговора Родин взял в руки гильзы.

— Убийца должен был выстрелить в Шмидта дважды и один раз в воздух, то бишь, я хотел сказать вверх. Следов ракеты, которая взвилась вверх где-то в районе радиотелескопа, нам, естественно, не найти. Но первые две ракеты должны были упасть где-то поблизости. Как по-вашему, не остались ли от них какие-нибудь следы?

Инженер некоторое время раздумывал.

— В ракетах имеются соли стронция, окрашивающие пламя в пурпурный цвет. Взяв в том месте, где был убит Шмидт, с десяток проб грунта, можно точно определить,

где сгорели ракеты, даже если на первый взгляд от них не осталось и следа.

— Неплохо придумано, — заметил Родин, — но возиться с анализами!

— А для чего существуют манипуляторы? Положитесь на меня, и сегодня же к вечеру у вас будет ответ.

После ухода Мельхиада Гольберг пожал плечами.

— Не пустили ли вы козла в огород... Держу пари, что следом появится Ирма Дари.

Майор пари не принял. И оказался прав. Не надо было быть ни следователем, ни психологом, чтобы заметить, как напряжена молодая женщина.

— Сегодня здесь у нас все напоминает кабинет зубного врача. — Ее слова звучали не очень естественно. — «Следующий, садитесь в кресло, не бойтесь, больно не будет». Ну вот, и я здесь.

За ее улыбкой что-то таилось. Но что? Сожаление, страх? Или что-то другое?

— Присаживайтесь.

Несколько секунд в комнате стояла тягостная тишина.

— Вряд ли я смогу быть вам полезной, — сказала наконец радистка, — я думала о субботе, но ни к чему не пришла.

— Когда была объявлена тревога, вы работали в узле связи?

— Да. Только что закончила передачу радиогаммы. Пока я перематывала ленту с текстом — во избежание ошибок мы каждое сообщение передаем дважды, — мне задали несколько вопросов с Земли. Я ответила, и в этот момент прозвучала тревога. Я посмотрела на контрольное

табло – откуда тревога – и вызвала Шмидта. Аппарат не отвечал. Я тотчас же связалась с Глацем и после этого сразу снова вставила ленту в радиотелетайп. Вот и все.

– Больше вы ничего не припомните?

– Нет... Простите, я хотела бы... Мельхиад здесь был?

– Да.

– Я... понимаете... не знаю, как бы это лучше объяснить. Борис такой... ну, немного вспыльчивый. Когда я узнала, что Шмидт убит, мне стало страшно. Понимаете, я подумала... Шмидт и я... а что, если Мельхиад о чем-то подозревал, вы знаете, что я имею в виду...

– Пока мы не располагаем фактами, свидетельствующими о том, что именно Мельхиад является убийцей. – От холодного тона следователя Ирма Дари сжалась в комок. – Вы это имеете в виду?

– Да, да. Я бы не перенесла, если бы он попал в беду. Как только я себе представляю, что из-за меня один мог лишиться жизни, а другой – чести, мне становится страшно! Борис вспыхив, может обругать, даже ударить, но он не способен на хладнокровное, заранее обдуманное убийство. Никогда!

– Почему вы думаете, что это было обдуманное убийство?

– Все свидетельствует об этом, – радистка пожала плечами, – по крайней мере мне так кажется. Умышленное повреждение телесвязи, убедительное алиби – невероятно, чтобы все это было результатом неожиданного порыва...

– Видимо, вы правы, – подтвердил Родин. – Кстати, вы уверены, что Мельхиаду не известно о вашем... – он заколебался, – о ваших взаимоотношениях с Шмидтом?

– Да, – ответ сорвался с губ молодой женщины прежде, чем Родин закончил свою мысль. – Наверняка да. Он не сумел бы этого скрыть, он не умеет играть. Вы должны были в этом убедиться... Я никогда не скажу ему о случившемся. Не потому, что боюсь. Он бы позлился-позлился, но потом понял бы, что человек не всегда волен в своих поступках. Просто я не хотела напрасно причинять ему боль. Мне ненавистны те, кто испытывает радость оттого, что причиняет другим боль.

Две пары глаз проводили Ирму до двери.

– А теперь – очередь за Маккентом, – сказал Гольберг. – По-моему, его любопытство испарится, как только речь пойдет о некоторых щекотливых...

Прежде чем доктор успел закончить свою фразу, дверь вновь отворилась и на пороге появился Маккент. Быстро обшарив комнату глазами, он задержал взгляд на Родине.

– У вас есть для нас что-нибудь новое? – спросил тот.

– Да. То есть я так понял, что вы хотите с каждым из нас побеседовать в свете... ну, что ли, новых обстоятельств смерти Шмидта. Нейман сказал, что вы обнаружили какие-то зашифрованные сообщения?

Следователь пропустил его вопрос мимо ушей.

– С какой целью вы интересовались медицинской картой Шмидта в пятницу? Что вы в ней искали?

– Я? – Биолог почти подпрыгнул на стуле.

– Именно вы. Итак, что вас интересовало?

– Это, верно. Рея Сантос...

– Оставьте ее в покое и отвечайте на мой вопрос.

Взгляд Маккента беспокойно перебегал со следователя на доктора.

– Это не имеет никакого отношения...

– Имеет, не имеет – позвольте судить нам. Как это произошло?

– В последнее время Шмидт не был похож на себя. Он стал задумчивым, чувствовалось, что его что-то гложет. Мне это показалось странным, и я подумал, не подскажет ли мне что-либо его медицинская карта. Вот и все.

– Это входит в ваши обязанности?

– Конечно!

– Каким же образом?

– А по-вашему, исследуя влияние здешней обстановки на растения, я могу пройти мимо того, как ее переносят люди?

– Итак, забота о коллеге. Почему же вы не попросили врача показать вам эти карточки?

– Потому что в тот момент ее не оказалось на месте, а карточки можно было посмотреть.

Следователь на мгновение был сбит с толку этим доводом, но тут же оправился и продолжил атаку:

– А для чего вам недавно понадобилось подслушивать у дверей комнаты Шмидта?

– Мне показалось, что кто-то произнес мое имя, и я оstanовился.

– Вы считаете, это в порядке вещей – подслушивать, что о вас говорят за вашей спиной?

– Пусть будет стыдно тому, кто за глаза говорит одно, а в глаза другое.

– Расскажите-ка о ваших субботних передвижениях. Только точно, не утаивая... – перебил его майор.

– Для этого я и пришел сюда. – Маккент облизнул пе-

ресохшие губы. – Я хочу вам рассказать нечто почти невероятное. Но сначала мне бы хотелось спросить...

– Спрашивать буду я!

– Да, конечно. Но... дайте мне договорить. Я знал, что Шмидт убит. Еще с субботы. Я видел его там, я нашел его... я был у него первым. То есть первым после убийцы.

– Спокойнее, не все сразу. О том, что вы лгали, мы знаем.

– Лгал... да... Я боялся. Вы, конечно, сравнили показания Реи Сантос...

Майор пристально посмотрел на биолога.

– Я сейчас перейду к делу, – заверил его Маккент. – Все началось с того, что меня заинтересовало поведение Шмидта. Я же видел, что между ним и Ирмой Дари что-то было. Он довольно открыто добивался ее расположения. Но это к делу не относится. Мне показалось, что Шмидт сделал какое-то открытие и скрывает это. Ему известно что-то интересное. Он над чем-то работает. Но где? На базе? У радиотелескопа? Что это могло быть? Потолковать бы с ним наедине. Быть может, он охотнее разговорится, чем в столовой или клубе, где все время народ. И я решил взглянуть, чем занят Шмидт. Я вышел из оранжереи примерно в 10:15, обратите внимание на время...

– Не беспокойтесь, следите лучше за собой – не забудьте чего-нибудь. Итак, вы направились к радиотелескопу...

– Ровно в 10:25 я его увидел. Шмидт... – Маккент несколько раз сглотнул слюну, лоб его покрылся испариной, – он там лежал. Мне показалось, что он в обмороке или у него поврежден кислородный баллон. Я подбежал к нему

и не поверил своим глазам – его скафандр был прострелен в двух местах. Представляете?..

– Дальше, дальше.

– Я растерялся, вытащил ракетницу, думал дать сигнал тревоги... потом хотел позвать на помощь по радио, но не сделал ни того ни другого. Первое, что пришло мне в голову, – радиста кто-то застрелил нечаянно, не мог же он сам всадить в себя две ракеты! Но потом я отбросил эту версию, несчастный случай исключен. Шмидта убили. Два выстрела – неопровержимое доказательство убийства. И никого нет вокруг. Это было жуткое чувство. Я сразу подумал – стоит кому-то меня увидеть у трупа Шмидта – и подозрение может пасть на меня. Поэтому я бросился бежать оттуда со всех ног. Вот и все. – Маккент отер пот со лба. – На этот раз действительно все.

Закусив губу, доктор Гольберг едва сдерживал нетерпение – так хотелось ему задать Маккенту с десятков вопросов. Но он предоставил инициативу следователю.

– Скажите, Маккент, вы любите Моцарта? – неожиданно спросил Родин.

– Люблю. Откуда вы знаете?

– Какие произведения Моцарта вы здесь прослушивали?

– Здесь, в Радужном заливе? Насколько я помню, никаких. Да, точно, никаких.

– Вернемся к Шмидту. Значит, вы утверждаете, что помчались прочь от трупа? Куда – к оранжерее?

– Да, я вернулся прямо в оранжерею и лихорадочно стал обдумывать ситуацию. Неожиданно я вспомнил, что ровно в 11:00 будет проводиться проверка всех членов

экспедиции, находящихся снаружи. Это значит, что с минуты на минуту следует ожидать тревоги. Если я прибегу последним, это может вызвать подозрение. Поэтому я встал и направился к базе.

— Вы никого не встретили по дороге?

— Я старался уклониться от встреч. Однако мне показалось, будто я вижу чью-то тень. Видимо, это был Нейман, проходивший мимо оранжереи в тот момент, когда я собирался выйти. Кроме того, я видел врача, Рею Сантос.

— Каким путем вы шли к базе?

— Я держался стороной, двигался вдоль склона, в тени. Наконец я притаился и стал выжидать.

— Что же было дальше?

— Потом произошло то, от чего я остолбенел. Над мертвым Шмидтом взлетела ракета. Но там же никого не было! Вы можете это объяснить?

И снова следователь пропустил его вопрос мимо ушей.

— Откуда вы знаете, что у радиотелескопа никого не было?

— Но я же собственными глазами видел мертвого Шмидта, а через две-три минуты после объявления тревоги все собрались у выхода! Кроме Ирмы Дари, но она все время была на связи.

— Вы видели ракету?

— Видел.

— Я, очевидно, неточно выразился. Я спрашиваю, вы посмотрели на холм после того как ваше внимание привлек красный свет, или...

— Нет. Я смотрел именно в этом направлении. Меня... я не знаю, как бы это лучше выразить... Просто радиотеле-

скоп, холм, где лежал Шмидт... это место притягивало меня, я не мог от него оторваться. У меня было такое чувство... доктору, верно, знакомо это состояние...

— Архаическая аномалия, — проворчал Гольберг, — атавизм. Еще лет сто назад никого не удивляло, что люди толпятся перед домом, где совершено убийство.

— Вы не заметили ничего особенного в этой сигнальной ракете?

— Нет. Мне показалось, что она ничем не отличается от тех, какими мы стреляли на тренировке. Разумеется, за исключением цвета.

— А высота?

Биолог пожал плечами.

— Высота? Я бы сказал — обычная, может, чуть меньше.

— Хорошо. Вспомните, откуда кто прибежал.

— Первой прибежала врач, справа. Мне тогда просто в голову не пришло, что она бежала от оранжереи. Потом из шлюзовой камеры показались Глац и Мельхиад. Нейман бежал со стороны ракетоплана. Юрамoto шагал от своей сейсмической станции, а Ланге мчался сверху, от обсерватории. Он прибежал последним.

— К слову, верно ли, что у вас с ним был довольно крупный разговор?

— Да, мы немного повздорили.

— По какому поводу?

Маккент недоуменно развел руками.

— Уж и не знаю, как вам объяснить. Речь шла о человеке, вернее, о человеке, о его прошлом и будущем. Ланге что-то сказал о господстве человека во Вселенной, а я имел неосторожность пожалеть Вселенную, подразумевая

биологическое несовершенство человека. Он мне возразил, слово за слово – мы поспорили. Вот и все.

Родин посмотрел Маккенту в глаза.

– Скажите мне, пожалуйста, вы же не маленький ребенок – признанный ученый, заслуженный человек. Я понимаю, что, когда вы наткнулись на мертвого Шмидта, для вас это было сильнейшим потрясением, вы не знали, что делать, и в панике совершили ошибку. Но потом, когда прилетели мы... почему вы так долго скрывали от нас правду?

– Я подумал, – Маккент в волнении сжал руки, – я сказал себе... вы понимаете, я же тут, на Луне, только временно. Мы с вами расходимся во взглядах на целый ряд проблем, ко многому я отношусь с оговорками, возражениями. Кроме того, следует признать, что по натуре я достаточно активен, до всего хочу докопаться, все меня интересует, иногда это даже кое-кого злит. – Он улыбнулся уголками губ. – Представьте себе, что именно я выстрелил над Шмидтом ракету. Соберите все факты воедино, и вы поймете, что мне трудно было бы объяснить свое присутствие у мертвого тела радиста. Я признаю, что допустил ошибку. Но, мне кажется, я сумел объяснить, почему я не сказал вам всего сразу. Настало время исправить эту ошибку. Поэтому я и пришел – сказать вам чистую правду. Вы меня понимаете?

– Хотел бы я знать, – произнес доктор, когда за Маккентом захлопнулась дверь, – чем вызвано это его признание. Уж не тем ли, что он обнаружил пробелы в предыдущих показаниях, которые были чистой ложью?

– Вполне возможно.

У ЛЖИ КОРОТКИЕ НОГИ

После обеда доктор вытащил блокнот с пометками и некоторое время бесцельно перелистывал странички, пока не остановился на списке личного состава экспедиции.

– Лесенка укоротилась еще на две ступеньки, но продвинулись ли мы вперед? – заметил он с горечью. – Трудно сказать. Я уж не говорю о доказательствах. Что толку в подозрениях, если мы – простите, вы – не можете подкрепить их конкретными доказательствами?

На лице майора не отразилось горячего стремления продолжать дискуссию, но медик не был обескуражен его молчанием.

– Попробуем подвести некоторые итоги. Итак, у вас имеются четыре возможности... Кто говорит правду – селенолог или биолог? Юрамото или Маккент? Как утверждает Юрамото, он разговаривал со Шмидтом в 10:49. А Маккент заявляет, что в 10:25 он собственными глазами видел Шмидта мертвым. Значит, одно из двух. Как известно, мертвецы не разговаривают, а живые не могут лежать на Луне в пробитом выстрелами скафандре. – Гольберг продолжал развивать свою мысль. – Но есть еще третья возможность: оба они говорят правду, но правду субъективную. И наконец, четвертая возможность: оба они лгут. Что вы на это скажете?

И он победно посмотрел на Родина.

– Ничего, – ответил следователь.

– Рассмотрим первую возможность. Юрамото говорит правду, Маккент лжет. С какой целью? Предположим, Маккент не только ученый-биолог, у него есть иная мис-

сия, которую он вынужден тщательно скрывать от других. Разумеется, это только гипотеза. Как знать, может, его задача – получить специальную информацию об оборудовании лунной станции, ракетной технике и прочем. Мы многое публиковали, но не все. Маккент вынужден скрывать свою деятельность под личиной чрезмерно любопытного человека, который хотя и не вызывает особых симпатий, но никому не причиняет зла. Но, как я уже говорил, патологического любопытства в чистом виде не существует...

– Да-да, я знаю – проявление любопытства должно иметь какую-то подоплеку! – воскликнул Родин.

– Совершенно верно. Но, чтобы объяснить это, требуется психологический анализ. Глубокий и обстоятельный, майор. Итак, наш биолог симулирует любопытство. И если кто-нибудь из членов экспедиции замечает, что он что-то вынюхивает, простите за выражение, то никто не обращает на это внимания – ведь в этом весь Маккент! Итак, что же произошло? Маккент принимал секретные депеши с Земли. Они могли быть зашифрованы в тексте обычных радиogramм, которые получает каждый член экипажа. Он мог также подсоединиться к одной из антенн и принимать сигналы самостоятельно. Ведь каждый объект имеет свою собственную приемно-передающую аппаратуру.

– Для чего?

– На тот случай, если будет уничтожен главный канал базы. Но продолжим. Маккент мог поддерживать секретную радиосвязь, необходимую для осуществления предполагаемой разведывательной деятельности. Шмидт во время поисков любительских станций мог это обнаружить. Он поймал непонятное сообщение – несколько букв и

цифр. Ему нетрудно было догадаться, что сигналы посланы с Земли, и тогда он начал расшифровывать сообщение. Этим объясняется его интерес к непонятным цифрам в блокноте и беспокойство. Шифр не выходил у него из головы, он мучился днем и ночью. Маккент обнаружил, что ему грозит опасность разоблачения. Он выслеживал Шмидта, подслушивал у его дверей и наконец принял решение, что радист должен умереть. Как по-вашему, майор, могло так быть?

Майор закачался на стуле.

— А почему бы нет?

— Вот видите. Остается решить вопрос, каким образом Маккент совершил убийство. Это уже потруднее. Скажем, он задумал очернить Мельхиада. О любовном треугольнике ему было известно, он сам в этом признался. Ревность Мельхиада — достаточно убедительный мотив... Биолог выбрал для убийства время, когда никто не знал, чем занимается Мельхиад. Но он просчитался. Благодаря срочному ремонту кабеля, который сам же Маккент повредил, у Мельхиада появилось неоспоримое алиби. Тщательно выработанный план рухнул как карточный домик. Что оставалось делать биологу? Он придумал версию, будто видел Шмидта мертвым уже в 10:25 утра. Для чего? Чтобы момент убийства приходился на то время, когда, по его мнению, Мельхиад не сможет доказать своего алиби. Ну, что вы на это скажете?

— Занятно, занятно. Но... — майор посмотрел на доктора с сожалением.

— Что еще?

— ...ваша великолепная теория не объясняет, каким об-

разом, убив Шмидта в 10:59, Маккент уже в 11:01 мог оказаться у входа в базу раньше других. Кроме того, не забывайте о другом важном моменте.

— Каком?

— Заявляя о том, что именно он обнаружил тело Шмидта, Маккент отнюдь не отводит от себя подозрения. Ведь самое лучшее его алиби — это те две минуты, которые прошли с момента убийства до прихода на базу. Вам же ясно, что за это время никому не удастся покрыть расстояние от радиотелескопа до базы. Преступник все это тщательно продумал, вряд ли он добровольно сдаст самое сильное свое оружие.

— Должен же он был как-то объяснить, почему по дороге не встретил Рею Сантос, — не сдавался доктор.

— Дайте мне несколько минут — и я придумаю дюжину правдоподобных объяснений.

Доктор с грустью посмотрел в записную книжку и вычеркнул имя Маккента.

— Хорошо, сдаюсь. Остается другая возможность — Юрамото. Причина такая же, как у Маккента. Секретная миссия на базе, радиосвязь с Землей, Шмидт перехватил шифровку и должен был умереть. Детали можно оставить в стороне. Юрамото из фотолаборатории направился к радиотелескопу, убил Шмидта, вернулся в свой бетонированный бункер. Все остальные его действия зарегистрированы сейсмографом.

— А ракета?

Закинув ногу на ногу и обхватив колено руками, доктор невидящим взором долго смотрел на своего собеседника.

– Есть две возможности, – сказал он наконец. – Такой человек, как Юрамото, обладает обширными знаниями. Технические дисциплины он знает превосходно. Быть может, ему удалось сделать приспособление, благодаря которому пистолет выстрелил спустя некоторое время. Бьюсь об заклад, такой механизм изготовить можно.

– Допустим. Но кому-кому, а Юрамото было известно, что из-за преклонного возраста ему не добежать до радиотелескопа первым, чтобы спрятать этот механизм. Мог ли он так рисковать? Но не это главное. Юрамото с десяти часов находился в лаборатории на глазах врача. А когда он оттуда вышел, то, согласно версии Маккента, Шмидт был мертв.

– Сдаюсь. Но есть еще возможность. Некто убил Шмидта. Кто-то другой нашел его и в 10:59 поднял тревогу, но, решив, что на него может пасть подозрение, прибежал к базе и не хочет признаться.

Родин улыбнулся.

– Дав круг, вы пришли туда, откуда вышли. Ну, как мог кто-то за две минуты оказаться у базы? Да и кто бы это мог быть? Ведь у каждого из них имеется надежное алиби!

Доктор сердито прошелся по комнате и внезапно остановился в нескольких шагах от следователя.

– Нашел! – Голос его задрожал от волнения. – Ведь убийца мог выстрелить из ракетницы не над трупом Шмидта! Что, если Юрамото сделал это в районе сейсмической станции, Ланге – около обсерватории, Нейман – находясь у ракетоплана, Рея Сантос – от оранжереи, а Маккент – у входа в базу?

Но следовательно не разделял его восторга.

— Вы же сами говорили, что ракета стреляет на высоту каких-нибудь двухсот метров, а отсюда до радиотелескопа не меньше восьмисот метров, до ракетоплана шестьсот, до сейсмической станции около...

— Двести метров *на Земле!* — Гольберг сокрушенно схватился за голову. Как это сразу не пришло мне в голову! Хороший помощник у вас, майор, нечего сказать. Я вас...

— Оставьте, доктор. Лучше скажите, на какую высоту стреляет сигнальный пистолет здесь?

— Вы слишком многого хотите. Но думаю, гораздо выше, чем на Земле.

Майор связался с Глацем.

— Родин говорит. Не можете ли вы мне сказать, на какую высоту стреляет сигнальный пистолет? Да, здесь, на Луне... Спасибо.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Гольберг.

— Глац говорит, что точно не знает, но полагает, километра на три.

— Три километра, майор! Но ведь это меняет всю ситуацию!

Следователь не выразил особого восторга.

— На первый взгляд, доктор, только на первый взгляд. Не забывайте, что все три выстрела произведены из пистолета, который нашли у тела Шмидта. Два выстрела в радиста, третий вверх. Один и тот же боек расписался на всех трех гильзах.

— Это значит...

Стук в дверь прервал Гольберга.

– Готово, – сказал Мельхиад и подал майору четвертушку плотной бумаги. Доктор через плечо следователя посмотрел на рисунок, напоминающий бумажную мишень с несколькими попаданиями.

– Черный кружок в середине – это место, где мы нашли тело Шмидта, окружности – расстояние в метрах; крестиками отмечены пункты, где манипуляторы обнаружили следы стронциевых солей. Здесь сгорели сигнальные ракеты. Достаточно?

Майор долго не мог оторвать от рисунка глаз.

– Вы не ошиблись? – наконец спросил он. – Может ли это быть? В самом деле три крестика?

– Да, три, – уже в дверях подтвердил инженер.

Обессиленный Гольберг рухнул в кресло и слабо покачал головой.

– Я схожу с ума! Три ракеты в почву и одна вверх! Ну, хорошо. Скажем, первый раз он не попал. Но в сигнальном пистолете недоставало всего лишь трех патронов. Час от часу не легче! А тут еще эти двое – Маккент и Юрамото! Ведь кто-то из них солгал. А кто лгал, тот стремился что-то скрыть. Но что – кроме факта убийства? Не могут же они оба лгать, это же абсурд, как и то, что они оба говорят правду. Или, по-вашему, это возможно?

Следователь перестал качаться на стуле.

– Думаю, – медленно произнес он, – пожалуй, даже чересчур возможно.

ОБЕЩАНИЕ РОДИНА

Тропка вела к скалистой стене, грубой, не тронутой

временем, будто ее только что сотворила природа. Сверху на манипуляторы падала тень. Вдруг огромные механизмы ожили; в их движении Родину почудилось что-то устрашающее, зловещее, словно оно было предвестником близкой гибели. Он инстинктивно отпрянул, но уперся в скалу. Вытянув щупальца, манипуляторы сделали еще шаг вперед. Спасения не было. Стальные пальцы тянулись к горлу человека, застыли над беспомощной жертвой.

— Что с вами? — слышался голос Гольберга, и эти три коротких слова отогнали призрак. Манипуляторы стояли неподвижно.

— Мне померещилась жуткая картина, — сказал Родин, — будто это чудовище напало на меня. Я чувствовал их прикосновение. Неужели я начинаю терять рассудок?

— Ну, к чему такие страшные слова? — загудел в наушниках голос доктора. — Мы же говорили с вами об оптических иллюзиях. Это как раз тот самый случай.

— Вы полагаете? — с надеждой спросил следователь.

— Не полагаю, а твердо знаю. Здесь? — Гольберг остановился.

— Вероятно. — Майор оглянулся. — Да, видимо, где-то здесь. Незначительное отклонение вряд ли будет иметь значение. Во всяком случае, попробуем.

Опустившись на колено, он приготовил сигнальный пистолет и на скальной поверхности отыскал опору.

— Убийце было не к спеху, он мог отыскать удобное место и спокойно прицелиться... Когда пройдет минута — скомандуйте.

Гольберг смотрел на часы.

— Внимание... пли!

Из ракетницы полыхнуло слабое пламя, и через несколько секунд над радиотелескопом загорелась сапфировая звезда. Не красная ракета, означающая тревогу, а синяя – заранее оговоренный сигнал между двумя или несколькими партнерами.

– На нее никто не обратит внимания, – сказал Гольберг.

– Один человек, быть может, действительно не обратит... – в словах майора был какой-то скрытый смысл. – Пошли!

Через несколько минут Гольберг открыл шлюзовую камеру сейсмической станции. Юрамoto встретил их своей обычной приветливой улыбкой.

– С дорогим гостем в дом приходит счастье, – он слегка поклонился. – А мечи ваши я положу на алтарь предков.

Майор испытующе посмотрел на селенолога.

– Благодарим за приветствие, но у нас остались лишь эфесы. Позвольте взглянуть на сегодняшнюю сейсмограмму. Интересно, что зарегистрировали приборы несколько минут назад.

Юрамoto нажал выключатель, и свет упал на паутину диаграмм. Следователь на них не взглянул, он внимательно смотрел на лицо Юрамoto, но, кроме готовности выполнить просьбу, ему ничего не удалось прочесть на приветливом, морщинистом лице старого ученого. Родин перевел взгляд на сейсмограмму.

– Вы не помните точное время, доктор?

– 17:09, – тотчас ответил Гольберг.

Именно в этот момент прибор зарегистрировал незначительное, но явно различимое отклонение.

— Как по-вашему, что могло послужить причиной этого отклонения? — снова взглянув на Юрамото, спросил Родин. Селенолог задумчиво смотрел на зигзаги, вычерченные самописцем.

— Трудно сказать, — произнес он наконец. — Но не знать — это значит не видеть. Держу пари, что это отклонение ничуть не отличается от того, которое поставило нас в тупик во время вашего вчерашнего визита. — Он достал из ящика субботнюю сейсмограмму. — Да, точно такое же отклонение, какое было зарегистрировано в день смерти Шмидта, за несколько секунд до объявления тревоги.

Родин внимательно сравнил обе сейсмограммы — сначала на глаз, потом с помощью лупы. Да, сомнений не было: обе аномалии практически не отличались друг от друга. Он встал.

— Благодарю вас. Вы нам очень помогли.

— Приятный визит озарит и дождливый день, — церемонно поклонился Юрамото.

К базе возвращались медленно, погруженные в собственные мысли. Тишину нарушил Гольберг:

— Вам звонил Глац. В тот момент, когда вы выходили.

— Знаю, — ответил Родин.

— Что ему понадобилось?

— Он не звонил.

Доктор остановился.

— Но ведь...

— Это я звонил. Я спрашивал, не у вас ли я. Вы можете это объяснить с точки зрения психологии?

— Конечно. — Доктор пустился было в объяснения, но, сделав несколько шагов, остановился. — Понимаю, — задумчиво произнес он, — вы думаете, это возможно?

– Посмотрим.

После визита в оранжерею они вернулись на базу. Заглянули в медицинский кабинет, в мастерскую и на командный пункт. Словно одержимый какой-то манией, Родин всюду заводил разговоры о телефонных звонках. Наконец ему удалось получить долгожданный ответ.

– Как же, помню, – сказал Нейман. – Позвольте, когда это было? Кажется, в пятницу... да, в пятницу днем мне позвонил Шмидт и спросил, нет ли у меня Мельхиада. Мельхиада у меня не было, но я случайно встретил его через полчаса в коридоре. Однако выяснилось, что его никто не разыскивал. Вечером Мельхиад упрекнул меня за неуместную шутку, а когда я удивленно посмотрел на него, посоветовал мне обратиться к врачу и избавиться от галлюцинаций.

– Вы с ним согласились?

– Ну, конечно. Не ругаться же из-за какой-то глупости.

– Извините за назойливость, – сказал майор, – но вы когда-нибудь по-настоящему выходили из себя?

Нейман широко улыбнулся.

– Да, раза три случилось. И каждый раз – зря.

За ужином никто не обмолвился о Шмидте, никто не вспомнил о субботней трагедии, но в разговоре чувствовалось напряжение. Беседа была словно соткана из тончайшего покрывала, слишком прозрачного, чтобы оно могло скрыть подавленность, охватившую сидящих за столом. Лишь за кофе биолог Маккент отважился ступить на тонкий лед.

– Завтра пятница, скоро мы свернем работу и отправимся домой, на Землю. А как же вы, майор?

— Мы тоже все закончим и тоже полетим домой. — Родин отодвинул пустую чашку. — Спокойной ночи.

ПРОСТОЙ ПЛАН

Маккент с упреком посмотрел на майора.

— Сегодня пятница. Вы обещали к завтраку рассказать нам кое-что. Не забываете, майор, скоро рассвет.

— Вы, вероятно, от любопытства не спали всю ночь, — усмехнулся Родин.

— Я не страдаю бессонницей. Но кому-то в эту ночь действительно уснуть было нелегко; боюсь, что его замучили кошмары. — Беспокойный взгляд биолога перебегал с одного лица на другое, будто он пытался отыскать на них следы недосыпания. — Не хотел бы я оказаться на его месте.

— Ну, что ж, я расскажу вам все. Это моя прямая обязанность. Следствие в Радужном заливе закончено, и мы готовы лететь на Землю. Если удастся, то еще сегодня.

Глац вопросительно взглянул на следователя и снял трубку.

— В котором часу вы хотели бы вылететь?

— Не знаю, как скоро это удастся организовать, но хотелось бы — до обеда. Доктору Гольбергу предстоит присутствовать на каком-то важном совещании.

— Сколько полетит человек?

— Трое.

— Вас двое...

— И преступник. Тот, кто убил радиста Шмидта. Первый убийца на Луне.

Лишь негромкие слова Глаца, связавшегося с космодромом в Море Ужасов, нарушали нависшую над столовой тишину.

— Все в порядке. — Глац положил трубку. — В одиннадцать за вами прилетит ракетоплан... Знаете что, перебежесь-ка ко мне.

— Вам известно, кто застрелил Шмидта? — спросил биолог, едва все расселись.

— Да. Со вчерашнего дня.

— Почему же вы не сказали об этом вечером? — удивилась Рея Сантос.

— А вы полагаете, что провели бы ночь спокойнее?

— Это кто-то из нас? — Казалось, лицо Глаца старело на глазах. Взгляд его глубоко запавших глаз поочередно останавливался на каждом члене экипажа.

— Да, один из вас.

— Ну, не тяните! — Ирма Дари бросила на следователя взгляд, полный муки. И по ее голосу доктор понял, что она на грани истерического припадка.

Следователь наклонился, будто хотел увидеть всю группу в новой перспективе.

— Я, собственно, не знаю, с чего начать. Шмидт был убит настолько тривиальным способом, что почти не о чем рассказывать. Преступник подошел к радиотелескопу, застрелил радиста и чуть позже выпустил красную сигнальную ракету. Никаких трюков или прыжков со скалы, никакой гонки или борьбы за секунды. План был чрезвычайно прост, хотя рассчитан с математической точностью.

Лица сидящих за столом напомнили Гольбергу паноптикум — такие же неподвижные, оцепеневшие, совсем как настоящие, но не живые.

– Прошу прощения, майор, но ваше сообщение слишком сенсационно для моего несколько старомодного вкуса. – Астроном Ланге встал. – Вы меня извините? Мне надо еще кое-что сделать, пока не взошло солнце. Что же касается вашего заключения, то охотно допускаю, что это действительно не так сложно, как казалось. Желаю удачи.

Родин молча кивнул. Когда Ланге вышел, он снова заговорил.

– Вряд ли вас будут интересовать детали...

– Напротив, очень интересуют! – почти выкрикнул Маккент.

– Хорошо. – В улыбке следователя был оттенок грусти. – Но не ждите сенсаций – ни ясновидения, ни особого детективного дара не было. Попробуем рассуждать вместе. Что нам известно? Кто-то в 10:59 выстрелил из сигнального пистолета. Это один из немногочисленных фактов, на который мы смогли опереться, когда стало ясно, что Шмидт на помощь не звал. Понятно?

– Понятно, – подтвердил нестройный хор голосов.

– Кто же это мог быть? Маккент, который в 10:50 находился поблизости от входа в главный объект, спрятавшись в тени? Астроном Ланге, который в этот момент возвращался в обсерваторию? Или профессор Юрамото? При его-то опыте для него наверняка не составляло труда «обмануть» приборы, незаметно пройти шлюзовую камеру и выстрелить из пистолета.

– Весьма польщен, – селенолог слегка поклонился, но в его глазах светилась ирония.

– Такая же возможность была и у Неймана. Предположим, он действительно возился с прожекторами, но затем

погасил их, прошел шлюзовую камеру и выстрелил в Шмидта. И наконец, врач Рея Сантос. Она в это время шла от базы к оранжерее. Трое оставшихся оказались вне подозрений. Они были в помещении. Это командир экспедиции Глац, радистка Ирма Дари и инженер Мельхиад...

— Итак, пятеро на подозрении. — Маккент переводил взгляд то на одного, то на другого.

— Да, пятеро. Именно у них была возможность произвести выстрел. Попробуем поразмыслить, кто же из них мог убить Шмидта. В десять утра радист докладывал, что у него все в порядке, значит, он еще был жив, а в 10:59 он не ответил на вызовы, его уже явно не было в живых.

— Час — это не так мало, — заметил биолог.

— Но мы сумеем его «уменьшить». В 11:02 все члены экспедиции, за исключением Ирмы Дари, которая разговаривала с Землей, находились у пункта сбора. Путь от главного входа до радиотелескопа отнимает не менее десяти минут, дорога обратно — как минимум три минуты. И то лишь ценой головокружительного прыжка. Приплюсуем минуту на три выстрела, осмотр Шмидта и замену пистолетов. Итого — четырнадцать минут. Следовательно, преступник должен был пуститься в путь не позднее 10:48. Однако в это время врач Рея Сантос и пилот Нейман только-только надевали скафандры и еще находились в помещении. Так как неопровержимо доказано, что до этого они не выходили с базы, то их смело можно вычеркнуть из «черного» списка. Мы знаем, что у Реи Сантос сначала был профессор Юрамото, а потом Ланге. Что же касается Неймана, то его местопребывание засвидетельствовано показаниями Глаца и Ирмы Дари. Вы принимаете эту версию?

– Безусловно, – откликнулся Маккент.
– Итак, остаются Юрамото, Маккент и Ланге.
– Ланге. – Мельхиад вздрогнул и повернулся к Глацу.
– Он вышел наружу? Надолго?

– Не знаю, по-видимому. Он, кажется, ждет, когда Марс закроет собой какую-то звезду. Еще вчера об этом говорил.

– Верните его! Баллоны не заправлены кислородом! – Инженер вытащил из кармана таблицу. – У Ланге осталось кислорода лишь на полчаса, нет, на двадцать пять минут.

Глац молча поднялся и включил телеэкраны. На двух экранах был виден Ланге, шагающий к Радужному заливу.

– Ланге? – Командир наклонился к одному из микрофонов.

– Слушаю вас, – послышался спокойный голос астронома.

– Ваш скафандр не успели заправить кислородом. Запаса в баллонах хватит минут на двадцать пять. Вы знаете об этом?

– Я уже обратил внимание и буду иметь это в виду.

Родину показалось, что Глац передернул плечами. После минутного колебания он вернулся на место, но телеэкраны не выключил. На них виднелась уходящая вдаль фигура астронома. В его равномерной, целеустремленной поступи чувствовалась твердая воля.

– Итак, остались лишь эти трое, – продолжал Родин, – и ситуация стала еще запутаннее. Профессор Юрамото утверждал, что в 10:49 он говорил по телефону со Шмидтом. Радист якобы интересовался, нет ли на сейсмической станции Мельхиада. Можете представить себе наше удивление, когда...

– Удивление?! – переспросил Гольберг.

– ...наше удивление, когда вскоре после этого Кристиан Маккент заявил, будто в 10:25 он наткнулся на мертвого радиста, а от нас скрыл этот факт, дабы не вызвать подозрения.

В ответ на это сообщение присутствующие только изумленно переглянулись. Даже Нейман перестал жевать.

– Мы стали в тупик: кому же верить – Юрамото или Маккенту? Один из них лжет – мертвый Шмидт не может никому звонить.

– О каком тупике может идти речь, если один из них лжет? – Глаз поморщился и повернулся к экрану.

– Трудность положения усугублялась тем, что обе эти альтернативы были неприемлемы. Судите сами. Если лжет Юрамото, то Маккент прав, утверждая, будто видел мертвого радиста намного раньше тревоги. Согласно его показаниям, Шмидт был мертв уже тогда, когда Юрамото еще находился в лаборатории, что может подтвердить врач Рея Сантос.

Майор обратился к биологу.

– Когда вы увидели мертвого Шмидта?

– Я уже говорил – в 10:25.

– А когда Юрамото ушел из лаборатории? – спросил он врача.

– Примерно в 10:30.

– Итак, первая альтернатива отпала сама собой, – улыбнулся Родин, – если Юрамото лжет, то он не мог убить Шмидта. Рассмотрим другую возможность: Юрамото говорит правду, Маккент лжет. Согласно этой версии, в 10:49 радист был бы еще жив. То есть он погиб в то время,

когда Маккент находился в оранжерее. Если Маккент скрыл от нас правду, то убийства Шмидта на его совести тоже нет.

– Верно, – вмешался Нейман. – Когда я шел к ракетоплану, то увидел в оранжерее Маккента: он застегивал скафандр и направлялся к шлюзовой камере.

Доктор Гольберг воспользовался минутной паузой.

– Поймите абсурдность сложившейся ситуации. Обычно люди лгут, стараясь выгородить себя, извлечь какую-то выгоду, избежать неприятностей или наказания. Но мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы психически нормальный человек обманывал других, превосходно сознавая, что причиняет себе вред. А здесь два разумных, рассудительных человека лгут, и для чего? Для того чтобы опровергнуть собственное алиби!

– Странно, не правда ли? Но благодаря доктору, – Родин поклонился в сторону Гольберга, – мы все же распутали этот гордиев узел. Доктору пришла в голову блестящая мысль, что могут быть не две, а четыре альтернативы, то есть или оба – Юрамото и Маккент – лгут, или оба говорят правду.

– Правду? – усомнился Глац.

– Точнее, субъективную правду. Но попробуем разобраться в ситуации по порядку. Итак, первое – оба лгут. Этот вариант отпадает сразу, так как убийца один, а кроме него лгать некому. Остается другая возможность – оба говорят правду. Я спросил себя: а что, если профессор Юрамото стал жертвой мистификации? Но как это практически можно осуществить? И я решил проверить эту возможность. Находясь в столовой, я позвонил к себе в комнату и

спросил доктора Гольберга, нет ли там Родина. Он вежливо ответил, что меня нет. Ему и в голову не пришло, что он говорит с Родиным. Так ведь, доктор?

— Совершенно правильно.

— Таким образом, мы выяснили, что по телефону голос иногда очень трудно узнать.

— Вы правы, — подтвердил Мельхиад, — здешние телефоны в самом деле очень искажают голос.

— Тогда почему бы нам не предположить, что кто-то мог позвонить на сейсмическую станцию вместо мертвого Шмидта? Но, прежде чем решиться на этот шаг, он наверняка вначале должен был это проверить. И, как подтвердил Нейман, такая проверка действительно была проведена. В пятницу некто от имени Шмидта разыскивал Мельхиада.

— Значит, мы оба вам не лгали, — задумчиво произнес Юрамото и приветливо взглянул на Маккента.

— Да. И если вычеркнуть вас обоих, — Родин кивнул на селенолога и биолога, — в списке останется один член экипажа — Ланге. Попробуем подставить его в наши уравнения. Мог ли он за минуту до одиннадцати выстрелить из пистолета? Да, мог, ибо как раз в это время направлялся к обсерватории. Дальше. Мог ли он убить Шмидта в промежутке между 10:00 и 10:25? Мог, так как в фотолабораторию он пришел в 10:15, а что он делал до этого, установить невозможно. И, наконец, третий вопрос: имело ли для Ланге смысл утверждать, что в 10:49 Шмидт был еще жив? Точнее, было ли ему выгодно, чтобы это утверждал кто-то другой? Я отвечаю на этот вопрос утвердительно, ибо после 10:15 ему было обеспечено стопроцентное алиби, а на предыдущий отрезок времени — нет.

– Все ясно, – очень тихо сказал кто-то.

Взгляды присутствующих были устремлены к экрану. Фигура астронома все уменьшалась и превратилась в маленькое пятнышко, еле различимое на сером фоне Радужного залива.

– Сколько у него осталось кислорода?

– Это спросила Рея Сантос отчужденным, невыразительным голосом. Инженер посмотрел на часы, потом заглянул в таблицу.

– При нормальном расходе – на пятнадцать минут.

– Значит, самое время вернуться.

Глац взглянул на Родину, они долго смотрели в глаза друг другу.

– Поздно, – сказал наконец Глац.

– Но надо же попытаться! Свяжитесь с ним! Может, мы еще успеем догнать его и заправить баллон кислородом. Не кажется ли вам, что одной смерти для этой маленькой Луны более чем достаточно!

Командир не пошевелился.

Рея в отчаянии повернулась к следователю.

– А вам, вам безразлично, что он хочет избежать правосудия?!

– Он сам себя наказал...

Глац резко встал, подошел к пульту управления и на секунду застыл, словно скованный непонятной силой. Потом медленно вернулся к столу.

– Кстати, «Маленькую ночную серенаду» Моцарта слушал я. Но это вряд ли имеет значение.

СЛОЖНЫЕ МОТИВЫ

Ирма Дари с трудом оторвалась от экрана.

— Но из-за чего? — срывающимся голосом спросила она. — Из-за чего?

— В самом деле, из-за чего?

— Вас интересует мотив. — Родину что-то сдавило горло. Он заговорил, но собственный голос показался ему совершенно чужим. — Побуждения, толкнувшие человека на тот или иной поступок, постичь намного сложнее, чем описать сам поступок.

Он старался заглушить мысль о драме, которая через несколько минут должна разыгаться в Радужном заливе. И все же его взгляд как магнитом притягивал экран.

— Смотрите, какой-то конверт, — вдруг сказала Рея Сантос, — он адресован вам, майор. Неужели его оставил Ланге?

Маккент потянулся через стол.

— Да, это его почерк, — сказал Родин.

— Вы его не вскроете? — удивился Маккент.

— Вскрою, но попозже. Чтобы вы могли сами судить, насколько точны были наши заключения. Вы должны простить мое бахвальство, я не часто грешу этим...

— У вас есть на это полное право, — улыбнулся Юрамото.

— Вы очень любезны. Итак, с чего же начать? Должен вам заметить, меня все это время не оставляла мысль, что мотив этого преступления должен быть по-своему... ну, если хотите, величественным.

Рея Сантос нахмурилась.

– Величественный мотив преступления? Есть великие и мелкие люди. Но побуждения?..

– Вы правы, я неточно выразился. Скажем иначе, мне казалось, что в основе преступления должен быть мотив, достойный такого человека. Единственным фактом, на который мы могли опереться, были цифры в записной книжке Шмидта и еще несколько его замечаний. Посмотрим, подтвердит ли это письмо... «Майор Родин! – начал следователь. – Я пишу вам утром. Перед рассветом, о котором вы так ясно, по крайней мере так ясно для меня, говорили. Вы хорошо справились со своей работой, и, видимо, будет справедливым, если за тактичность, которую вы проявили по отношению ко мне, я сообщу вам некоторые подробности этой печальной истории. Я это делаю с удовольствием, так как против вас лично ничего не имею...»

Следователь задумчиво посмотрел на экран. Но дожидаясь вопроса, Мельхиад взглянул на часы.

– Кислорода осталось меньше чем на пять минут.

Родин продолжал читать: «В четверг после обеда ко мне зашел Михаль Шмидт и дал прослушать магнитофонную пленку, на которую он записал радиосигналы, поступающие из области звезды Альфа Орла. Вам это будет непонятно, но специалиста заинтересует, что сигналы были приняты на частоте 1420 мегагерц, то есть на частоте нейтрального водорода. По длине отдельных сигналов и промежуткам между ними было ясно, что они передаются по определенной системе. Это были простые числа, но начала передачи не удалось поймать. Я настоятельно попросил Шмидта никому об этом пока не говорить, а попытаться снова поймать сигналы».

– В четверг... Вот почему Шмидт в тот день выглядел таким странным, – вспомнил Глац.

– «Не сомневаюсь, что вы поймете мое состояние, майор. Случайное открытие Шмидта уничтожило, разрушило дело всей моей жизни. Двадцать пять лет самоотверженной, кропотливой работы вылетели в трубу. Весь вечер я искал выход из создавшейся ситуации... И уснул с твердым намерением: Шмидта, свидетеля этой нелепой случайности – надо навсегда заставить замолчать. В пятницу я проверил, можно ли позвонить от имени кого-то другого...»

– Как видите, у меня не было галлюцинаций. – Нейман улыбнулся Мельхиаду.

– «И в субботу я осуществил свой план. Вряд ли вас заинтересуют технические подробности, к тому же вы сами до них дошли. Я хочу лишь заверить, что оружие против Шмидта я поднимал с болью в сердце. Он всегда был мне очень симпатичен, и я знал, что покушаюсь на редко-стно одаренного человека, у которого имеются все предпосылки стать настоящим ученым. Вы понимаете, что убить в порыве ненависти и озлобления гораздо легче, чем произвести выстрел трезво и расчетливо, целясь в человека, который причинил вам вред, совершенно об этом не подозревая. И все-таки я убил его, хотя и не избежал ошибок, которые не ускользнули от вашего внимания».

– Осталось три минуты и несколько секунд, – заметил Мельхиад.

– «Все, что я делал потом, включая ответы на ваши вопросы и незаметные, по крайней мере я на это надеюсь, попытки обратить ваше внимание на сигналы, пришедшие

якобы с Земли, — все это было лишь проявлением инерции. Дискуссии с доктором Гольбергом представляли для меня тоскливое воспоминание о вчерашнем дне, и я прошу, чтобы он извинил меня; я отстаивал позиции, в которые сам уже не верил...»

Гольберг только кивнул головой.

— «Шмидт преподнес мне эту горькую чашу в виде магнитофонной пленки с записью сигналов из звездных миров. Не могло быть сомнения: где-то там, в глубине космоса, живут разумные существа, возможно интеллектуально еще более развитые, чем люди. От моей теории об исключительности человеческой цивилизации не осталось камня на камне. Что было делать? И я поступил по принципу — если факты против тебя, тем хуже для фактов...»

— Две минуты, — прозвучал монотонный голос инженера.

— «Но, когда я склонился над мертвым Шмидтом, чтобы убедиться, что свидетеля больше нет, я с ужасом понял, что он умер для всех остальных, но не для меня. Мне некуда скрыться. Я никогда не смогу избавиться от этих цифр. Отныне и навсегда я каждую ночь обречен просыпаться в холодном поту от страха, что именно в этот момент какой-то новый Шмидт готовится сокрушить мою теорию. Я никогда не смогу больше спокойно смотреть на созвездие Орла. А себя буду считать шарлатаном, который скрыл истину от науки, наивно полагая, что того, что неизвестно, не существует. Наука не может извращать фактов. В противном случае она перестает быть наукой...»

— Минута и несколько секунд.

— «Я ухожу как побежденный человек и побежденный

ученый. Я глубоко сожалею о своем опрометчивом поступке и сам себя осуждаю к наказанию наиболее тяжкому. Я никогда не был поклонником нравоучений, избегал патетики, но сейчас я хотел бы воспользоваться своим правом на последнее желание и выразить надежду, что моя судьба и наказание станут предостережением каждому, кто попытается собственные мысли выдать за нечто непререкаемое и откажется следовать фактам и правде жизни. Ваш Феликс Ланге».

Майор несколько секунд помолчал. – Здесь есть приписка. «Я продолжаю верить, что существует лишь одно человечество. И поэтому уйду. Вам понятна эта логика? Ф.Л.»

В глазах Ирмы Дари блеснули слезы.

– Сколько? – прошептала она. Мельхиад отвел взгляд от ее пепельно-бледного лица.

– Двадцать секунд. Десять... Пять. Кислород кончился.

– Конец, – тихо сказал Юрамото. На стене раздражающе замигала зеленая сигнальная лампа. Задумавшийся было Родин вздрогнул. – Что это значит? Глаз стряхнул оцепенение.

– Это солнечные батареи на холме зафиксировали утро. Начинается новый день, – сказал он усталым, невыразительным голосом.

На крайнем экране, на фоне однообразного, холодного, неопределенного света, к звездам тянулся радиотелескоп. Солнечные лучи на его вершине играли каскадом красок.